118

PERIODICAL ROOM
GENERAL LIBRARY
UNIV. OF MICH.

AUG 15 1938

КРАСНЫЙ АРХИВ

2 (87)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО АРХИВНОГО
УПРАВЛЕНИЯ СССР и РСФСР

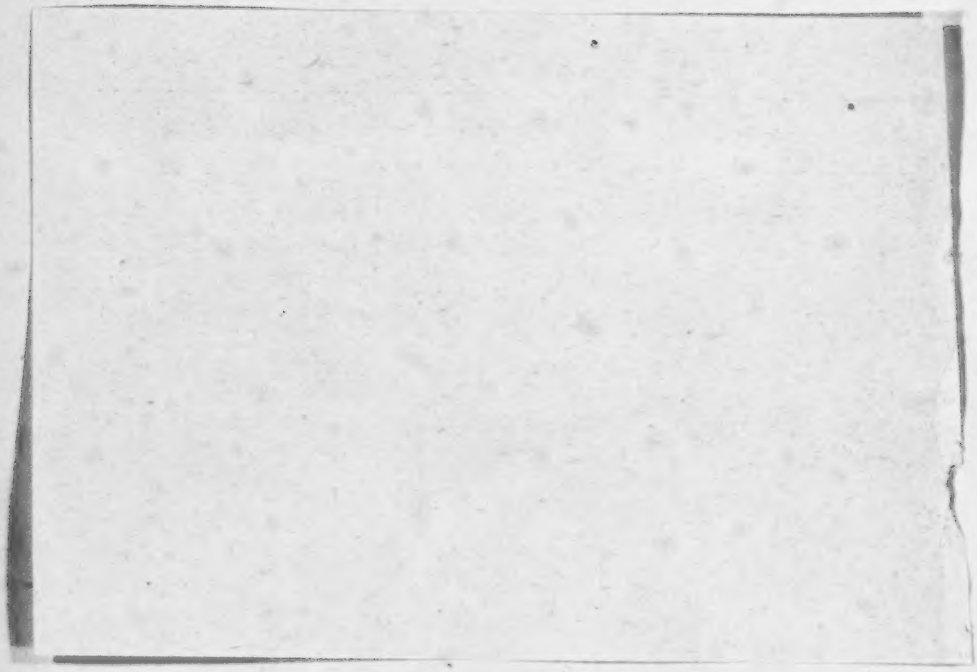
Содержание

К 25-летию празднования Международного женского дня.—Захват Германией Киао-Чао.—Агрессивные планы Италии в связи с переговорами о возобновлении тройственного союза.—Волнения Чувашского крестьянства в 1842 г.—Из истории Казахстана XVIII в.—К 50-летию смерти В. М. Гаршина.—Борьба царской цензуры с произведениями А. С. Серафимовича.—Байрон в Греции.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1938

ОПЕЧАТКИ

Стр.	строка	напечатано	должно быть
59	сноска 3	не видит удобства	не видит неудобств
137	сноска 2	экспедиции в 1739 году	экспедиции с 1739 года
150	6 сверху	пристали,	не пристали
153	20 »	обе стороны реки Яика	по обе стороны реки Яика
154	11 снизу	и потом того, кто обидел	н потом тот, кто обидел,
167	10 сверху	от 26 февраля 1752 года опробован,	от 26 февраля 1752 года опробовано,



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЦЕНТРАЛЬНОЕ АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ СССР и РСФСР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ВТОРОЙ
(ВОСЕМЬДЕСЯТ СЕДЬМОЙ)

1938

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1938

Содержание

Стр.

К истории празднования Международного женского дня. Вводная статья *Н. Крупской* 3

Захват Германией Киао-Чао. Вводная статья *Ф. Р.* 19

Агрессивные планы Италии в связи с переговорами о возобновлении тройственного союза. Вводная статья *Е. А.* 64

Волнения чувашского крестьянства в 1842 г. 89

Из истории Казахстана XVIII в. Вводная статья *А. Б.* 129

Из записной книжки архивиста

К 50-летию смерти В.М. Гаршина (Из материалов цензурного комитета). Вводная статья *И. Нович* 174

Борьба царской цензуры с произведениями А. С. Серафимовича. Вводная статья *Н. Бельчикова* 182

Байрон в Греции (к 150-летию со дня рождения). Вводная статья *А. Юрьева* 187

Редакционная коллегия

Сдано в производство 13/III 1938 г. Подписано к печати 25/IV 1938 г. Статформат Б. 176 × 250 12 печ. л. 61 880 зн. в печ. л. Соцэкгиз (п.) № 30. Заказ 346. Уполномоч. Главлита РСФСР № Б — 44012. Техред-выпуск. **А. Налимов.** Тираж 4030 экз.

18-я типография треста «Полиграфкнига». Москва, Шубинский пер., 10

К истории празднования Международного женского дня в России

Международный женский день — день международной солидарности работниц был установлен во время Копенгагенского съезда в 1910 г. по инициативе Клары Цеткин. У нас, в России, он праздновался впервые в 1913 г., когда после Ленских событий вновь стало быстро подниматься рабочее движение, приобретая острый политический характер. В архиве департамента полиции найден ряд документов, перехваченных писем, прокламаций, донесений и распоряжений полицейских чиновников, рисующих, как проходило в России празднование Международного женского дня в труднейших условиях 1913—1917 гг., в условиях войны, царского режима, назревавшей Октябрьской революции. Данные эти отрывочны, случайны, но в них есть очень много интересных моментов. Остановимся на них.

Как известно, в апреле 1912 г. в Петербурге возникла газета «Правда». «Правда» была рабочей газетой, детищем рабочих, содержалась на деньги рабочих, на рабочие сборы.

В. И. Ленин в 1912 г. перебрался в Краков, чтобы быть ближе к «Правде». Само собой, что полиция усиленно следила за сношениями «Правды» с заграницей.

1 февраля 1913 года она перехватила письмо из Вены в адрес «Правды», где сообщалось, что строго установленного дня празднования Международного женского дня еще нет и что американки считают очень важным установление такого общего дня для всех стран.

5 февраля 1913 г. в Москве отдается приказ по линии градоначальства организовать 10 февраля — в день предполагаемого празднования «женского дня» — надзор за публикой, не допуская никаких сборищ и выступлений.

Очень хороша перехваченная полицией в феврале 1913 г. рукопись о женском дне, посланная для «Правды» на имя тов. Бадаева.

В ней говорилось работницам, что «растущее с каждым днем рабочее движение не только дело их мужей, отцов, сыновей и братьев», что это их кровное дело и они «должны стать в общие ряды, борясь за неурезанные требования всего рабочего класса. Работницы составляют значительную часть всех трудящихся и постольку, поскольку они остаются в стороне от политической и экономической борьбы рабочих, они являются помехой и тормозом для успешного движения вперед, к лучшему будущему, от которого женщины только и могут ждать полного освобождения. Не надо бояться неудач и поражений. «Без упражнения нет мастера» — говорит Бебель. Только в борьбе крепнут силы, развивается сознание, растет сплоченность и единство. Свой первый «женский день» русские работницы ознаменуют проявлением полной солидарности с интернациональным борющимся пролетариатом».

Доклад начальника Петербургского охранного отделения директору департамента полиции 19 февраля 1914 г. так характеризует празднование междуна-

родного женского дня в 1913 г.: «Сорганизованный «женский день» 17 февраля прошлого года хотя и не был отмечен так широко, как хотели этого руководители местных социал-демократических организаций, но послужил толчком к пробуждению солидарности работниц и интереса к политической партийной работе. Наглядным примером служат факты последовавших затем выборов женщин в члены правлений разных культурно-просветительных обществ и профессиональных союзов».

В конце декабря 1913 г. было перехвачено письмо Н. Крупской к Конкордии Самойловой, посланное в контору газеты «За правду» («Правда» в это время была закрыта, вместо нее выходила газета «За правду»), в котором сообщался план издания журнала «Работница», в организации которого должны были принять активное участие большевички, жившие заграницей.

Как видно из вышеупомянутого доклада начальника Петербургского охранного отделения, полиция была прекрасно осведомлена о том, как и когда партия собирается проводить «женский день» в 1914 г. Охранное отделение знало, что женский день будет проводиться 23 февраля (старого стиля), что в этот день выйдет 1 номер «Работницы», что в социал-демократических газетах будут помещены статьи, посвященные этому дню, что Петербургский Комитет большевиков выпускает прокламацию с призывом женщин к объединению, устройству сходок, митингов и демонстраций. Охранное отделение знало также о выборе специальной комиссии для организации празднования женского дня, и 18 февраля арестовало почти всех членов этой комиссии. 19 февраля был арестован еще ряд лиц, о которых было сообщено, что они ведут подготовку «женского дня».

Вечером 23 февраля начальник Петербургского охранного отделения уже делает доклад директору департамента полиции, что благодаря своевременным арестам и бдительности полиции все обошлось благополучно, что на собрании членов булочного и кондитерского производства, при попытке призыва к празднованию женского дня, собрание было закрыто. В 7 час. вечера состоялось собрание, на котором читала доклад В. Р. Менжинская на тему «Развитие женского вопроса в 19 веке». Когда расходившиеся с собрания запели «Вставай, поднимайся, рабочий народ», полиция разогнала уходивших.

Письмо Крупской в «Путь Правды» от 26 февраля 1914 г., говорит о том, что русский центр работы по женскому движению был в это время перенесен в Париж. Об этом же говорит и корреспонденция из Парижа от 26 февраля, пересланная в редакцию «Путь Правды». Корреспонденция пересылала приветствие американских работниц социалисткам всех стран.

Несмотря на многочисленные аресты 1 номер «Работницы» вышел. «Работницу» приветствовали представители 10 профессиональных организаций г. Москвы за то, что она «встала на путь последовательного марксизма и призывает работниц к борьбе не за частные лозунги, а за коренные изменения».

Очень характерен привет «Работнице» от работниц завода «Новый Айваз». Этот привет написан самими работницами, не овладевшими еще литературным языком, но ставшими уже горячими убежденными марксистками.

Они не только приветствуют «Работницу», но собирают на нее деньги, как они делали это и для «Правды». 200 работниц и 120 рабочих «Нового Айваза» собрали на «Работницу» 60 руб.

Но если полиция хорошо была осведомлена о том, кто организовывал женское движение в Петербурге, для нее было полной неожиданностью то, что произошло в Кронштадте. А в Кронштадт из Питера, на имя неизвестного полиции водолаза, были посланы прокламации «преступного характера», которые он частью распространил среди матросов, а часть передал неизвестным женщинам-работницам.

Полиция насторожилась и в других городах. Начальник Киевского губ. жандармского управления доносил, что на заводах Киева женский день прошел спокойно, что всего было разбросано лишь 12 экз. прокламаций Киевского Ко-

митета и накануне были произведены обыски среди слушательниц высших женских курсов.

В записке директора департамента полиции отмечено, что в Самаре происходило разрешенное чтение лекции в Народном Доме на тему «участие женщин-работниц в кооперации», что в Ростове на Дону день 23 февраля «прошел с большим подъемом, как в пролетарской среде, так и в интеллигентских кружках, по своим политическим убеждениям примыкающих к течениям левее кадетского».

В апреле 1914 г. перехвачено было письмо в «Работницу» из Берлина от организационного бюро по устройству 3 международной женской конференции в Вене, в котором сообщалось, что 20 апреля будет предварительное совещание, к которому бюро просило «Работницу» прислать свои соображения.

В марте 1916 г. чиновник особых поручений при министре внутренних дел сообщает в своем докладе директору департамента полиции о созыве Бернской женской конференции 1915 года, об аресте в связи с конференцией Клары Цеткин и о призыве Клары Цеткин к русским женщинам праздновать Женский день. Одновременно в докладе сообщается, что участница женской конференции 1915 г. Елена Блонина, настоящая фамилия которой неизвестна, находится в Петрограде и работает на какой-то фабрике. Последнее сообщение ярко иллюстрирует неосведомленность царской охранки. Елена Блонина — Инесса Арманд, находилась в это время не в России, а заграницей и была активнейшей большевичкой, помощницей Владимира Ильича Ленина в его работе на международном фронте.

Как известно, империалистическая война помешала празднованию Международного женского дня в 1915 и 1916 г., а празднование Женского дня в 1917 г. положило начало Февральской революции.

Публикуемые документы департамента полиции чрезвычайно красноречиво говорят о том, как, в каких условиях росла и развивалась в России сознательность и активность трудящихся женщин, как она направлялась в русло борьбы за социализм, в русло борьбы за мир, за дружбу народов, за сплочение всех трудящихся против ига капитализма.

Н. Крупская

Донесение начальника Петербургского охранного отделения директору департамента полиции, 16 января 1913 г., № 959 [1]

По имеющимся сведениям, социал-демократами всех стран, а равно группами организованных женщин предположено посвятить день 10 наступающего февраля женщинам работницам, домогающимся получения равноправия, участия в политической жизни страны и улучшения условий их труда и ознаменовать этот «женский день» устройством митингов, лекций и уличных демонстраций.

Среди петербургских социал-демократических организаций также решено ознаменовать день 10 февраля, для чего предполагается во всех профессиональных союзах и культурно-просветительных обществах устроить литературное утро с чтением рефератов, посвященных женскому вопросу, и лекций, поместить в этот день в рабочей легальной прессе соответствующие статьи и организовать, если представится возможным, уличные демонстрации.

Полковник фон-Котен.

---

[1] ЦАР, ДП. о. о., 1913 г., д. № 5, ч. 57, л. 17.
Текст документов подготовила к печати Е. В. Горелкина.

Из перлюстрированного письма без подписи из Вены, по адресу, Петербург, в контору газеты «Правда», Ямская 2, 1 февраля 1913 г. [1]

К сведению редакции.

В Америке «женский день» празднуется в последнее воскресенье февраля. В Копенгагене не был установлен определенный день и каждой стране предоставлено право устраивать «женский день», когда это будет наиболее удобно по местным условиям [2]. В Германии в прошлом году праздновалось 12 мая. В этом году американки обратились к женщинам социалисткам других стран с воззванием, предлагая установить один определенный «женский день» для всех стран. Редакция «Gleichheit» [3] ответила, что, конечно, вообще говоря это желательно, но трудно исполнимо. В странах, где наиболее развито женское движение, в Германии и Австрии, оно подчинено общему социалистическому движению, и поэтому момент ими выбирается такой, какой наиболее удобен с точки зрения интересов социал-демократической партии страны. В Австрии в этом году «женский день» назначен на 9 марта.

Секретное прибавление к приказу по Московскому градоначальству и столичной полиции, 5 февраля 1913 г., № 29 [4]

В департаменте полиции получены сведения о том, что социал-демократами всех стран, а равно группами организованных женщин предположено посвятить день 10 наступающего февраля женщинам-работницам, домогающимся получения равноправия, участия в политической жизни страны и улучшения условий их труда, и ознаменовать этот «женский день» устройством митингов, лекций и уличных демонстраций.

Объявляя о сем по полиции, приказываю принять все меры к недопущению устройства 10 сего февраля означенных выступлений, для чего приставам, под наблюдением полициймейстеров усилить в названный день надзор за публикой на улицах и бульварах, а также в театрах и т. п. общественных местах города Москвы, вежливо, но твердо рассеивая всякие подозрительные сборища.

Московский градоначальник Адрианов.

Оригинал рукописи для «Правды», февраль 1913 г. [5]

К работницам.

В переживаемый нами период капиталистического развития — фабричный труд женщин стал таким же нормальным явлением, как и труд домашний.

---

[1] ЦАР, ДП, о.о., 1913 г., д. № 5, ч. 1, лит. Б., л. 15.

[2] 26 августа 1910 г. в Копенгагене состоялась международная социалистическая женская конференция, на которой присутствовали представительницы 17 стран, в том числе и представительница от русских женщин. Конференция обсуждала следующие вопросы: 1) обеспечение и охрана материнства, 2) охрана труда, 3) установление более тесных сношений между социалистическими женскими организациями всех стран.

Наиболее горячо обсуждался вопрос о борьбе за достижение женского избирательного права. Конференция приняла решение о ежегодном праздновании «женского дня» во всех странах.

[3] «Gleichheit» (Равенство) — социал-демократический журнал, посвященный женскому движению. Редактировался Кларой Цеткин.

[4] ЦАР, М. о. о., 1913 г., д. № 163, л. 2. Заголовок подлинника.

[5] ЦАР, ДП, о. о., 1913 г., д. № 1, л. 100. «Правда» — ежедневная легальная большевистская газета выходила в Петербурге с 5/22 мая 1912 г. по 21/8 июля 1914 г.,

«Чем менее ловкости и сил требует ручной труд, т. е. чем более развивается промышленность, тем более вытесняется мужской труд женским. Различие пола и возраста не имеет более никакого общественного значения по отношению к рабочему классу» [1].

В некоторых отраслях производства, например, в текстильной промышленности женщины уже теперь численно преобладают над мужчинами. Без женского труда промышленность больше существовать не может.

Видя, какую важную роль играет женский труд в современной экономической жизни, женщины-работницы должны понять, что дело освобождения рабочего класса от гнета капитализма и эксплоатации — это их собственное насущное дело.

Каждый предприниматель нуждается в труде женщин, он вынужден дорожить им, и, несмотря на это, всякий из них покупает за пол-цены женскую рабочую силу, издевается и третирует работниц, как своих послушных, терпеливых рабынь. Почему же это происходит? Потому что нет еще у женщин-работниц сознания, что они могут заставить капиталистов считаться со своими требованиями. Нет главного оружия в борьбе,— нет организованности. Много в этом отношении может дать работницам «женский день», если они используют в связи с ним все имеющиеся у них средства, чтобы развернуть широкую, всестороннюю агитацию.

Массы трудящихся женщин, изнемогающих от непосильной работы, плохой пищи, бессонных ночей и грубости администрации, задают себе мучительный вопрос — что же делать, где же искать выхода?

Мы обязаны показать всем женщинам, ждущим ответа на эти вопросы, что растущее с каждым днем рабочее движение не только дело их мужей, отцов, сыновей и братьев, что, стремясь избавиться от гнетущего бесправия и произвола, они сами должны стать в общие ряды, борясь за неурезанные требования всего рабочего класса.

Работницы составляют значительную часть всех трудящихся и постольку, поскольку они остаются в стороне от политической и экономической борьбы рабочих, они являются помехой и тормазом для успешного движения вперед, к лучшему будущему, от которого женщины только и могут ждать полного освобождения. Не надо бояться неудач и поражений! «Без упражнения — нет мастера», говорит Бебель. Только в борьбе крепнут силы, развивается сознание, растет сплоченность и единство.

Свой первый «женский день» русские работницы ознаменуют проявлением полной солидарности с интернациональным борющимся пролетариатом. И если их требования будут несколько отличаться от требований, выставленных в этот день женским пролетариатом западно-европейских стран, то только потому, что им еще приходится добиваться тех прав, которые уже давно стали достоянием рабочих Запада.

По пути ко всеобщему избирательному праву, например, которое является главным требованием женского пролетариата большинства других стран, у нас в России стоит весь «режим» в целом. Поэтому нашим основным требованием и в «женский день» будет полная демократизация этого «режима».

переменив 9 названий. 17 февраля 1913 года был выпущен номер «Правды», почти весь посвященный Международному женскому дню. Рукопись, предназначенная для этого номера, была послана в письме на имя члена государственной думы Бадаева. Цензура задержала письмо и рукопись, оригинал которой сохранился в делах департамента полиции.

[1] «Коммунистический манифест». (Примечание подлинника).

Из перлюстрированного письма Н. К. Крупской по адресу, Петербург, в контору газеты «За Правду», Конкордии (Самойловой), Ивановская 11, кв. 8, 12 декабря 1913 г.[1]

Дорогой друг, мы много толковали тут последнее время о необходимости начать издавать особый женский журнальчик, хотя бы сначала раз в месяц. Мы наметили, приблизительно, такой план журнальчика, который хорошо было бы озаглавить «Работница»[2]. 1) Передовица на обще-политическую тему. 2) Рабочее движение и участие работницы в различных сторонах его (политическая борьба, профессиональное движение, страховая кампания, кооперативы). 3) Условия женского труда на фабрике, в мастерской, за прилавком, в домашней промышленности. Положение прислуги. 4) Охрана женского труда. 5) Иностранный отдел. 6) Общий обзор текущих событий. 7) Хроника. 8) Семья и работница.— Конечно, это еще приблизительный набросок, да и не в плане дело, а, главным образом, в выполнении. Все-же, напишите свое мнение и вообще напишите о всех своих соображениях по поводу журнальчика. В редакции «Правды» несомненно есть разные корреспонденции, письма от работниц, разные данные об их положении и проч. Скажем большое спасибо, если вы все это пришлете нам. Дело спешное. Будем ждать от вас письма, крепко жмем вам руку.

Н. К.

Из перлюстрированного письма Н. К. Крупской по адресу, Петербург, в редакцию газеты «Путь Правды», Конкордии Николаевне (Самойловой), Загородный пр., 6, кв. 8, 26 февраля 1914 г.[3]

Дорогой друг, ужасно меня беспокоит первый номер «Работницы». Мы тут так распределили работу, что большую часть должны были сделать парижане[4]. Редакционную статью я посылала в Париж на просмотр, и они писали, что послали ее уже вам, и что послали еще о восьмичасовом рабочем дне. Послали-ли еще что — не знаю, никаких вестей оттуда. Никакого представления о номере в целом у меня нет, и очень как-то тревожно, не вышел бы первый блин комом. Ну, надеюсь на россиянок, хотя все вы и завалены работой, но и то сказать пишущей братии среди вас больше.

Из доклада начальника Петербургского охранного отделения директору департамента полиции, 19 февраля 1914 г., № 4919[5]

В прошлом 1913 году местная организация российской социал-демократической рабочей партии и группа организованных работниц решили впервые примкнуть к социалистическим организациям Европы в борьбе

---

[1] ЦАР, Дп, о. о., 1913 г., № 1, л. 12.

Самойлова Конкордия Николаевна (1876—1921 г.) — старый член большевистской партии, организатор пролетарского женского движения. Одна из активных участниц подготовки празднования Международного женского дня в России в 1914 году, член редакции журнала «Работница». Была арестована вместе с другими членами редакции перед выходом первого номера журнала.

[2] «Работница» — легальный большевистский журнал, издавался в Петербурге с 23 февраля 1914 г. по 26 июня 1914 г. Инициатива издания журнала принадлежала В. И. Ленину. В 1914 г. в состав редакции журнала входили А. И. Елизарова, К. Н. Самойлова, Л. Р. Менжинская и др. В 1917 г. издание журнала было возобновлено, причем он стал выходить как орган ЦК РСДРП.

[3] ЦАР, ДП, о. о., 1914 г., д. № 5, ч. 1, лит. Б., л. 46.

[4] Речь идет о Инессе Арманд и Людмиле Сталь, проживавших в это время в Париже и входивших в заграничную часть редакции журнала «Работница».

[5] ЦАР, ДП, о. о., 1914 г., д. № 5, ч. 57, лл. 39—41.

за равноправие женщин, как-то: участие их в политической жизни страны и улучшение условий женского труда.

Сорганизованный «женский день», 17 февраля прошлого года, хотя и не был отмечен так широко, как хотели этого руководители местных социал-демократических организаций, но послужил толчком к пробуждению солидарности в женщинах-работницах и интереса к политической партийной работе. Наглядным примером служат факты последовавших затем выборов женщин в члены правлений разных культурно-просветительных обществ и профессиональных союзов.

В текущем году празднование «женского дня» назначено на 23 сего февраля, причем ознаменовать этот день предположено устройством лекций, рефератов и докладов в союзах и обществах, а также в зале Калашниковской биржи, в народных домах графини Паниной и Нобеля и в «Нашем театре», помещающемся на Обводном канале.

Кроме того, в этот день предполагается выпуск первого номера легального журнала «Работница» [1], посвященного вопросу женского труда и равноправия женщин, а существующие в Петербурге рабочие партийные социал-демократические газеты «Путь Правды» и «Северная Рабочая Газета» поместят 23 февраля соответствующие статьи. Независимо сего, Петербургский комитет фракции большевиков-ленинцев предполагает к этому дню выпустить прокламации с призывом женщин к объединению и устройству сходок, митингов и демонстраций [2].

В виду того, что местные партийные организации не надеются получить разрешение на устройство лекций и докладов 23 февраля, ими решено сделать попытки провести таковые накануне вечером, т. е. 22 февраля.

Для организации празднования «женского дня» была выбрана комиссия.

Установленным за выслеженными лицами наружным наблюдением было замечено, что 18 сего февраля упомянутые выше [члены комиссии], а также несколько других женщин собрались в доме № 136, по Невскому проспекту, в виду чего туда был командирован наряд полиции, застигнувший сходку.

Застигнутые лица заключены под стражу, а в квартирах их произведены обыски. По обыску обнаружено, между прочим, значительное количество рукописей, относящихся как к предстоящему празднованию «женского дня», так равно и партийного характера.

Кроме того, в ночь на 19 сего февраля была произведена ликвидация остальных, известных отделению членов, указанной выше комиссии.

Об изложенном имею честь доложить вашему превосходительству, с представлением копии описи вещественных доказательств.

Вр. и. о. начальника отделения, подполковник Еленский.

---

[1] За несколько дней до празднования «женского дня» и выхода в этот день журнала «Работница» полиция произвела массовые аресты наиболее активных работниц. 18 февраля 1914 г. были арестованы члены редакции журнала «Работница». Несмотря на это, первый номер «Работницы» был выпущен 23 февраля 1914 г. и распространен на фабриках и заводах.

[2] Петербургским комитетом РСДРП была выпущена прокламация, начинающаяся словами: «Товарищи, работницы! Приближается «женский день» — великий день международного праздника работниц всего мира» — опубликована в сборнике «Памятники агитационной литературы РСДРП» вып. 1. Прокламации 1914 г., стр. 56.

Проект обращения к модисткам, февраль 1914 г.[1]

Приближается празднование Международного женского дня. Заграницей женщины-работницы энергично готовятся к этому празднику. В этот день они читают лекции, доклады о положении женщины в государстве, промышленности, семье. В этот день каждая сознательная работница считает своим долгом проникнуть во все уголки пролетарской семьи и будить тех женщин-работниц, которые еще не осознали своего угнетенного положения. В этот день они будут призывать пролетарок сомкнуться в стройные ряды вместе с пролетариями для защиты своих классовых интересов. И у нас в России женщины-работницы на фабриках и заводах и в мастерских готовятся к этому дню. Только мы, модистки, ничего не знаем и не хотим ничего знать. Но разве мы меньше чувствуем угнетение, чем женщины, работающие на фабриках и заводах. Наше положение также тяжело, да вдобавок приходится сносить капризы барынек и хозяек. Так смелей записывайтесь в свои профессиональные союзы, читайте свою рабочую газету.

Модистка.

Из донесения начальника Петербургского охранного отделения директору департамента полиции, 23 февраля 1914 г., № 5147[2]

23 сего февраля, день предназначенный для празднования «женского дня», прошел в столице в общем спокойно. Крупных демонстративных выступлений, как в закрытых помещениях, так и на улицах — не было, но в связи с означенным празднованием, по поступившим в отделение сведениям, имели место следующие происшествия: в народном доме графини Паниной (Тамбовская улица, д. № 61), перед окончанием состоявшегося с разрешения полиции собрания членов булочного и кондитерского производства, имевшего целью обсудить вопрос о закрытии общества, один из присутствовавших на собрании, оставшийся невыясненным, обратился к собранию около 11½ часов дня со словами: «сегодня день женского праздника, присоединимся и мы к ним». При этих словах, присутствовавший на собрании младший помощник пристава 4 участка Александро-Невской части, объявил собрание закрытым, после чего все присутствовавшие, около 200 человек, спокойно разошлись.

В 7 часов вечера, в зале Федоровой (Малая Гребецкая ул., д. № 3) также с разрешения канцелярии С. Петербургского градоначальника, в присутствии полиции состоялся публичный платный вечер по женскому вопросу. В программу вечера входили доклады: 1) «Развитие женского вопроса в 19 веке», 2) «Женщина-работник в торговле и промышленности», 3) «Охрана женского труда в России и на Западе», 4) «Работница и профессиональное движение» и 5) «Работницы табачной промышленности».

На вечере присутствовало около 450 человек, при чем состоялись доклады только [двух лекторш]. Остальные лекторши не прибыли, из них [две] арестованы отделением, в целях предупреждения возможности демонстративных выступлений, в связи с празднованием «женского дня». Отсутствовавших лекторш хотели заменить другими лицами, но пристав 2 участка Петербургской части замену не разрешил, ввиду чего вечер закончился рано (в 9 час. 15 мин. вечера). По окончании

---

[1] ЦАР, ДП, о. о., 1914 г., д. № 153, л. 35 об. Из ведомости о результате осмотра предметов, отобранных при арестах членов комиссии по организации празднования Международного женского дня.

[2] ЦАР, ДП, о. о., 1914 г., д. № 153, л. 65.

вечера, часть публики в числе до 150 чел., направилась по Малой Гребецкой улице к Большому проспекту Петербургской стороны и около Галерной улицы эта толпа начала петь «Вставай, подымайся, рабочий народ...» Пение было прекращено и толпа рассеяна нарядом полиции.

Вр. и. д. начальника отделения, подполковник Еленский.

Корреспонденция из Парижа в редакцию газеты «Путь Правды», 26 февраля 1914 г.[1]

Приветствие американских работниц.

Социалистки Соединенных Штатов Америки обращаются к социалисткам всех стран с товарищеским приветом. Они знают, что общие цели и общая борьба связывают братской солидарностью всех сознательных женщин-пролетарок, поэтому они верят, что их призыв к общему выступлению не будет оставлен без внимания.

Пять лет назад социалистки Соединенных Штатов решили устраивать ежегодно национальный Женский день. Цели его следующие: 1. пропаганда избирательных прав для женщин; 2. социалистическое освещение женского вопроса, социалистическая агитация среди женщин.

Это предложение нашло широкий отклик. Первый же Женский день имел огромный успех. С тех пор последнее воскресенье февраля посвящалось Женскому социалистическому дню в Северных Штатах Америки. По всему огромному пространству этой страны от Атлантического до Тихого океана, от Канады до Мексиканского залива, устраивались женские социалистические собрания. Их было так много, что не хватало ораторов и ораторш. Были распространены тысячи и тысячи экземпляров социалистических листков и проданы тысячи социалистических газет. Мы пожали богатую жатву и обращаемся поэтому к социалисткам всех стран с призывом последовать нашему примеру.

На социалистической интернациональной конференции в Копенгагене в 1910 г. Клара Цеткина внесла предложение об интернациональном праздновании Женского социалистического дня. Это предложение было принято. С тех пор Женский день празднуется в Германии, Австрии, Швейцарии, Голландии, Дании. Но беда в том, что он празднуется во всех этих странах не в один день, а в разное время. Благодаря этому теряется его интернациональный характер.

Социалистки Соединенных Штатов настаивают на том, чтобы Женский день праздновался товарищами всех стран одновременно. В один и тот же день социалисты всех стран должны выставить требование политического освобождения женщины, как равноправного товарища в борьбе за полное экономическое освобождение пролетариата. Мы уверены, что с течением времени интернациональный социалистический женский праздник будет иметь такое же значение, как 1 мая и что, может быть, впоследствии пролетарки всех стран будут вспоминать о нем, как о дне своего освобождения.

С этим воззванием обратились в прошлом году социалистки Америки к пролетаркам всех стран. С тех пор новые страны присоединились к этому движению. Мы праздновали в прошлом году впервые Женский день. Теперь французские работницы тоже готовятся к интернациональному социалистическому празднику.

---

[1] ЦАР, ДП, о. о., 1914 г., д. № 153, л. 75. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма без подписи, по адресу: Петербург, Загородный, д. 6, кв. 8, редакция «Путь Правды».

Приветствие журналу «Работница» от представителей десяти профессиональных организаций г. Москвы, февраль 1914 г.[1]

Просим поместить следующее приветствие «Работнице».

Мы, представители десяти профессиональных организаций г. Москвы, шлем горячий привет органу пролетарского женского движения «Работнице» и твердо верим, что став на путь последовательного марксизма он призовет работниц к борьбе не за частные лозунги, а за коренные изменения, без которых невозможно экономическое и политическое освобождение как женщины, так и всего рабочего класса.

Приветствие журналу «Работница» от работниц завода «Новый Айваз», февраль 1914 г.[2]

Мы, сознательные работницы-марксистки, горячо приветствуем журнал «Работница» марксистского направления, как выразителя наших женских рабочих нужд и защитника рабочих интересов вообще.

Для нас женщин-работниц журнал «Работница» является светочем к развитию самосознания и сплочения для той борьбы, которую ведут мужчины-рабочие за улучшение нашей рабочей жизни.

Создание женского органа даст возможность всем женщинам-пролетаркам, как следить за нашей женской угнетающей рабочей жизнью, так и на его страницах высказывать все попрание наших женских рабочих прав[3].

Отчет о пожертвовании в фонд журнала «Работница» 1914 г.[4]

От завода «Новый Айваз» — 60 р. В сборе принимало участие 200 работниц и 120 рабочих.

От группы членов Самсоньевского Общества Образования—16 р. 15. к.; от патронного завода — гильзовое отделение, 2 мастерская — 1 р. 60 к.; от патронного завода — гильзовое отделение, 3 мастерская — 3 р. 55 к.; от Л.— 25 р.; от №№ — 50 к.; от Л. Н. — 1 р.; от Е. В.— 1 р.; от М. С.— 1 р.; от Е. П. —33 к.; от А. П. —20 к.; от Н. А. —1 р.; от А. В. —1 р.; от Эльзы — 1 р.; от М.— 40 к.; от Р. Ф.— 25 р.; от N — 25 р. Итого 164 р. 08 к.

Записка департамента полиции, март 1914 г.[5]

В департаменте полиции получены были сведения о том, что С. Петербургская организация российской социал-демократической рабочей партии решила сорганизовать в текущем году «женский день» и назначила таковой на 23 минувшего февраля.

Вследствие сего, департамент полиции предложил губернаторам, градоначальникам и розыскным органам принять меры к недопущению устройства 23 февраля со стороны революционных элементов каких-либо демонстративных по сему поводу выступлений.

В настоящее время от местных властей получены нижеследующие сведения о прохождении дня 23 февраля:

---

[1] ЦАР, М., о. о., 1914 г., д. 18, лл. 43—44. Из перлюстрированного письма. Приветствие журналу «Работница» было принято на собрании представителей московских профорганизаций: печатников, текстилей, металлистов, деревообделочников, кондитеров, булочников, официантов, портных и водопроводчиков.

[2] ЦАР, № 505. Вещественные доказательства. Печатается с оригинала.

[3] В первом номере журнала «Работница» было также помещено приветствие журналу от рабочих и работниц «Новый Айваз», но в другой редакции.

[4] ЦАР, Вещественные доказательства № 383, печатается с оригинала.

[5] ЦАР, ДП, о. о., 1914 г., д. № 153, л. 123. В подлиннике не указано от какого числа записка.

Начальник Самарского губернского жандармского управления уведомил, что 23 февраля в день устройства «женского дня», никаких активных выступлений со стороны партийных лиц в городе Самаре проявлено не было. Этот день лишь ознаменовался помещением в журнале социал-демократического направления «Заря Поволжья»[1] статьи тенденциозного содержания под заглавием «Завтра женский день», прочтением с разрешения губернатора в Народном доме публичной лекции на тему «Женщина-работница и ее участие в кооперации», устроенной вторым потребительным обществом; сама лекция прошла спокойно, разрешенное же после лекции собеседование на ту же тему по выработанной программе, ввиду нарушения таковой некоторыми ораторами, после двухкратного предупреждения было прекращено чинами полиции.

Начальник Донского областного жандармского управления сообщил, что «женский день» 23 февраля прошел в Ростове на Дону с большим подъемом, как в пролетарской среде, так и в интеллигентных кружках, по своим политическим убеждениям примыкающим к течениям левее кадетского; на этот день были разрешены лекции:

1) в помещении Женского («рабочего») клуба, исключительно для членов этого клуба, на темы — «О женском движении последних лет на Западе и в России», «Профессиональное образование женщины, как средство материальной обеспеченности» и «Заключительное слово»,

2) В большом зале клуба приказчиков — на тему «Женщина», и

3) в Женском («рабочем») клубе — на тему «У новой черты».

Донесение начальника Киевского губернского жандармского управления в департамент полиции, 1 марта 1914 г., № 573[2]

Вследствие циркулярного предложения департамента полиции от 28 января сего года, за № 166380, доношу вашему превосходительству, что день «женского дня», 23 февраля, в г. Киеве прошел вполне спокойно при нормальном течении занятий в учебных заведениях и работ на фабриках и заводах.

Демонстративных выступлений со стороны революционных организаций не было.

Накануне, 23 февраля, ночью, в разных частях города была разбросана, всего лишь в количестве 12 экземпляров, прокламация с красной печатью комитета Киевской организации российской социал-демократической рабочей партии, один экземпляр коей при сем представляю[3].

К сему присовокупляю, что в предупреждение демонстративных выступлений в день «Женского дня», по моему распоряжению, в ночь на 23 февраля были подвергнуты обыску слушательницы Киевских женских курсов

Полковник Шредель.

Донесение начальника Кронштадтского жандармского управления в департамент полиции, 4 марта 1914 г., № 630[5]

Подведомственная мне агентура указывает, что 23 минувшего февраля, в городе Кронштадте имели место случаи распространения среди

[1] «Заря Поволжья» — еженедельный рабочий журнал выходил в Самаре в 1914 году, после объявления войны.

[2] ЦАР, ДП, о. о., 1914 г., д. 153, л. 132.

[3] Прокламация комитета Киевской организации РСДРП, начинающаяся словами «Товарищи, работницы, день 23 февраля 1914 г. международная пролетарская семья посвятила своей матери, жене и сестре — женщине-работнице». Опубликована в сборнике «Памятники агитационной литературы РСДРП», выпуск 1, Прокламации 1914 г., стр. 190.

[4] ЦАР, ДП, о. о., 1914 г., д. 153, л. 141.

женщин-работниц прокламаций преступного содержания Петербургского комитета социал-демократической рабочей партии к работницам о праздновании в этот день женского праздника.

В числе получателей и распространителей этой прокламации агентура указывает на одну кронштадскую мещанку и неизвестную женщину-работницу кронштадской морской артиллерийской лаборатории, по национальности польку, которые имели в своем распоряжении значительное количество этой прокламации.

Кроме этих лиц, по указанию агентуры, было выслано из Петербурга с Петербургской стороны также значительное количество этих листков в город Кронштадт, в водолазную школу, на учебном судне «Африка» на имя, неизвестного агентуре, водолаза, которым часть этой литературы была распространена среди матросов судна, а часть передана им-же неизвестным женщинам-работницам.

Донося о сем и представляя при сем копию экземпляра преступного содержания прокламации [1], докладываю Вашему превосходительству, что мною приняты меры к выяснению личности как неизвестных женщин, так и водолаза и в случае выяснения их, таковые будут подвергнуты обыску.

Независимо сего, мною вместе с сим доложено главному командиру Кронштадского порта и военному губернатору города Кронштадта, донесено командующему морскими силами Балтийского моря адмиралу фон-Эссену и, доверительно, сообщено начальнику водолазной школы и командиру учебного судна «Африка», капитану 1 ранга фон-Шульцу.

Копия с сего за № 631 препровождена начальнику С. Петербургского охранного отделения.

Полковник Трежецяк

Письмо организационного бюро по устройству третьей международной женской конференции в Вене, в редакцию журнала «Работница», 1 апреля 1914 г. [2]

Уважаемые товарищи, считаю долгом известить вас, что 20 апреля, здесь, в Берлине, состоится совещание организационного бюро по устройству третьей международной женской конференции в Вене, в августе с. г. [3] На совещании окончательно будет установлен порядок дня конференции, рассмотрены предложения и поправки, вносимые организациями работниц различных стран.

Не считаете-ли целесообразным отстаивать, чтобы русской делегации на международной женской конференции представлен был также доклад о всеобщем избирательном праве? Это дало-бы возможность коснуться общеполитических задач России. Может быть вы найдете это интересным именно для России.

Прокламация организации женщин-работниц Р. С. Д. Р. П., 1915 г. [4]

Товарищи работницы! Сегодня день нашей солидарности, день, когда женщина-работница, порвав свою вековую цепь покорности, рабства и

---

[1] Речь идет о прокламации Петербургского комитета РСДРП 1914 г. см. примечание на стр. 9.

[2] ЦАР, ДП, оо, 1914 г., д. № 5, ч. 57, лит. Б., л. 119. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма из Берлина по адресу: Петербург, в редакцию журнала «Работница».

[3] Предполагаемая в 1914 году третья международная женская конференция в Вене, не состоялась, вследствие объявления войны.

[4] ЦАР, инв. № 7910 — Прокламация была выпущена группой большевиков в Петрограде (см. книгу С. Благоевой «20 лет 8 марта», 1930 г. ГИЗ, стр. 19—20). Сведения о составе этой группы и авторе прокламации — отсутствуют.

унижения, гордо встала в ряды международного пролетариата для борьбы с общим врагом — капиталом. Долго мы не могли узнать нашего врага, но чувствовали его на каждом шагу. Нужно ли сходить на рынок, заболел-ли ребенок, рассчитали-ли мужа с завода, платить-ли за квартиру, поступать-ли на фабрику, в контору, за прилавок, прислугой — всегда и везде мы сталкивались со своим врагом — капиталом. Наконец мы узнали его и объявили ему борьбу. Но черный бич войны разрушил на время наши рабочие организации, гора репрессий придавила наши газеты, торжествующее правительство предательски расправилось с нашими депутатами, сознательными работницами и работниками, наши сыновья, мужья и братья, истекают кровью на чужих полях, ценою жизни добывая новые рынки, новые земли, рабов для торжествующего капитала. Ему мало было нашей силы, нашего здоровья, молодости, нет ему хотелось еще и человеческой крови... Но кроме того, он и всю тяжесть войны не забыл переложить на наши рабочие плечи. Сколько вы платите теперь за свои сырые углы, за дрова, мясо, платье, черный хлеб, спички и т. д.? Вдвое дороже. Почему-же того, кто запротестует против этого грабежа, правительство арестует, а газеты грозит закрыть. Потому, что правительство и капиталисты — одна шайка, правительство только за тем и смотрит, чтобы не расстроилось пищеварение в толстом брюхе капитала. Товарищи-работницы, неужели эти заботы не отражаются на нас, неужели мы будем молчать в этот страшный для нас час? Наших сыновей, мужей и братьев правительство насильно истребляет во славу толстого кармана капиталистов. Так неужели-же не раздастся наш голос протеста, голос сотен тысяч обездоленных матерей и сестер, неужели мы будем лить неслышные слезы, скорбеть затаенными вздохами, да болеть неизбывными муками,— не может быть этого, товарищи-работницы. Во всех странах рабочие поднимаются против угнетающего всех капитала, поднимем же и мы, работницы, свой голос, докажем, что и мы умеем защищать своих детей, мужей и братьев.

Женщины-работницы, наших сыновей правительство продало на распятие капиталу,— так стройте же свои организации, сплачивайтесь на фабриках и мастерских, в конторах и за прилавком и первый наш мощный крик бросим в лицо ненасытному капиталу. Довольно крови, долой войну, на всенародный суд преступное самодержавное правительство!

Да здравствует международный союз рабочих и работниц!

Организация женщин работниц Р. С. Д. Р. Партии.

Из прокламации Харьковского Комитета Р. С. Д. Р. П., 16 февраля 1916 г.[1]

В эти мрачные дни, когда кровавый бог войны владеет миром, когда воздух насыщен воплями невинных жертв военного разгула, когда стоны раненых братьев терзают наши сердца, не ваш ли долг, долг сознательных социалисток бросить в лицо капиталистическому миру крик осуждения и гнева, укора и угрозы. Не ваш-ли долг протянуть руку товаркам других стран и, не взирая на бряцанье смертоносного оружия,

---

1 ЦАР, ДП, о. о., 1916 г., д. № 153, л. 6.

Кроме прокламации Харьковского Комитета РСДРП в феврале 1916 года, ко дню празднования женского дня была выпущена прокламация Петербургского Комитета РСДРП, начинающаяся словами: «Товарищи-работницы, каждый год, 23 февраля, женщины-работницы всего мира справляют свой пролетарский праздник». Эта прокламация опубликована.

на грохот пулеметов и пушек, слить голоса миллионов женщин рабочего класса в единодушном призыве.

Довольно жертв во славу империалистической политики.

И если многие из наших товарищей поддались угару патриотизма, если часть наших братьев позволила одурачить себя заверениями правительства о «высоких задачах» войны, то мы не дадим ослепить себя блеском военных побед. Мы твердо помним, что для пролетариев человечество делится не по национальностям, а по классам, что существуют лишь два непримиримых врага: рабочий класс и его угнетатели — собственники. Мы еще помним, что на каком бы языке не говорил рабочий чужой страны — он ближе нам, чем помещик или поп, или генерал нашей родины... Напрасно старается буржуазия пробудить в женщинах пролетариата вражду к женщинам воюющей, враждебной страны.

Мы требуем буржуазный мир к ответу. Пусть наш призыв покажет нашим врагам, что если дрогнуло революционное знамя в руках части наших товарищей, то мы, сознательные работницы, готовы его подхватить.

Мы требуем прекращения бойни народов, мы требуем мира, продиктованного самим пролетариатом, мы призываем к борьбе против виновников войны, к борьбе за разоруженное интернациональное внеклассовое человечество.

Да здравствует международная солидарность рабочих!

Долой кровавые правительства!

Да здравствует демократическая республика!

февраль 1916 г.

Комитет Харьковской организац

Донесение начальника Харьковского губернского жандармского управления в департамент полиции, 27 февраля 1916 г.[1]

22 сего февраля, утром, подведомственным мне унтер-офицером Пешеходовым, при случайном проходе его по пути от Журавлевской улицы к заводам Гельферих-Саде и паровозостроительному, в районе 1 стана Харьковского уезда и по Искринской улице в г. Харькове, было подобрано 9 экземпляров отпечатанного типографским способом воззвания «23 февраля Международный Женский день», от имени Комитета Харьковской организации Р. С. Д. Р. Партии, с датой — февраль 1916 г.

Затем, установленным по моему указанию, усиленным наружным наблюдением со стороны чинов полиции, было подобрано в этот день на территории завода Гельферих-Саде еще 10 экземпляров этого воззвания; кроме того, один экземпляр воззвания был обнаружен в тепловом цехе паровозостроительного завода и один экземпляр был прислан в письме Харьковскому полицмейстеру, каковое письмо было доставлено ему посыльным, бляха № 37.

Полковник фон-Плато.

Телеграмма Харьковского губернатора министру внутренних дел, 29 февраля 1916 г., № 1507[2]

22 февраля получены были сведения о том, что в следующий день будут распространяться прокламации «Международный женский день — 23 февраля» с призывом к окончанию войны. Ночью произведены обыски без результата. 23 февраля наружной полицией некоторых

[1] ЦАР, ДП, о. о., 1916 г., д. 153, л. 3.
[2] Там же, л. 2.

заводов подобраны несколько экземпляров, имею сведения о том, что прокламации распространялись также на высших женских курсах. Жандармское расследование ведется; пока происхождение прокламаций не установлено.

Губернатор Оболенский.

Доклад чиновника особых поручений при министре внутренних дел Красильникова директору департамента полиции, 14 марта 1916 г., № 251 [1]

В дополнение к телеграмме за № 72 сего года, имею честь доложить вашему превосходительству, что по полученным от агентуры сведениям, интернациональный социал-демократический женский союз женщин-социалисток[2] призывает женские социалистические организации для всех стран к устройству в текущем году «Женского дня». Время для организации собраний женщин-социалисток назначено с 12 по 26 марта сего года по новому стилю.

После возникновения настоящей войны деятельность означенного «союза женщин» вследствие внешних условий, временно прекратилась. Лишь в марте 1915 года была организована в Берне интернациональная социалистическая конференция женщин воюющих и нейтральных стран[3]. За распространение манифеста, изданного означенной конференцией, в Берлине была арестована председательница союза Клара Цеткин. После этого деятельность союза вновь прекратилась. В настоящее время, после освобождения Цеткин из-под стражи, деятельность союза возобновляется.

В текущем году порядок «Женского дня» намечен следующий:

1. о мире;
2. о дороговизне;
3. женский труд и право гражданства для женщин;
4. о правах женщин в государстве.

Клара Цеткин обратилась также и к русским женщинам с предложением устроить в России «женский день».

Можно предположить, что по данному делу она в свою очередь обратится к одной из участниц женской конференции в Берне в 1915 году Елене Блониной[4], которая проживает в настоящее время в Петрограде и служит на какой-то фабрике. Является ли фамилия «Блонина» настоящей, неизвестно.

Статский советник Красильников.

Прокламация Московского Комитета Р. С. Д. Р. П., 23 февраля 1917 г.[5]

Товарищи-работницы.

Третий год продолжается невиданная еще по своей жестокости война. Ведется она за интересы капиталистов разных стран. Капиталисты борятся за господство над миром.

---

[1] ЦАР, ДП, о. о., 1916 г., д. № 153, л. 16.

[2] Речь идет о международном женском секретариате, который чиновник особых поручений ошибочно называет «интернациональным социал-демократическим женским союзом». Международный женский секретариат был образован в 1907 г. на первой международной женской конференции в Штутгарте, генеральным секретарем его была избрана Клара Цеткин.

[3] Международная женская социалистическая конференция, созванная по инициативе заграничных представительниц женских организаций, примыкавших к ЦК РСДРП (большевиков), состоялась в Берне 26 марта 1915 г. На конференции присутствовало 25 делегаток — представительницы Англии, Франции Германии, России, Голландии, Швейцарии и Польши.

[4] Елена Блонина — Инесса Арманд проживала в действительности в это время не в Петрограде, а заграницей.

[5] ЦАР, инв. № 23342.

В погоне за властью и наживой правительства, исполняя волю капиталистов, принуждают миллионы рабочих и крестьян итти в бой и закрепляют остальных по фабрикам и заводам. Раньше они выматывали из рабочих все силы, теперь они точат кровь рабочих.

Товарищи-работницы, ваши дети, мужья и братья гибнут на фронте, вы остались в тылу, но для вас и для семьи вашей нет ни хлеба, ни дров. С каждым часом все больше погибших, все сильнее страдания.

Всею тяжестью легла война на плечи рабочего класса. Но тяжелее всегда вам, работницы. Вы заместили на фабриках и заводах своих мужей и братьев, но за вашу работу вам дают в два, в три раза меньше. Вы не можете одеть и накормить детей ваших.

Когда же конец всем ужасам войны? Конец войне положит только сам народ. Когда всею своею массой поднимется рабочий класс, ниспровергнет царское правительство и народ возьмет власть в свои руки, тогда наступит мир, такой мир, какой нужен народу — без новых цепей, без новых налогов. Только такой мир принесет свободу народу.

Довольно молчать, нельзя больше терпеть!

Рабочие всех стран снова объединяются для борьбы за мир и свободу. Русские рабочие снова строят свою российскую социал-демократическую рабочую партию.

Товарищи-работницы, помогайте рабочему делу, примыкайте к общей борьбе, организуйтесь в рядах своей партии, несите всюду наш призыв.

23 февраля — ваш день, товарищи-работницы.

Так постановил три года назад съезд работниц всех стран. И каждый год, в этот день, к вам наше слово, работницы.

В первый же год войны сознательные работницы всех воюющих стран на международном совещании протянули друг другу руки для борьбы против войны. Сегодня мы повторяем их призыв. Сегодня во всех странах сознательные рабочие повторяют их призыв во имя международного братства рабочих. Уже близок час борьбы за мир и свободу. И когда наступит этот час, вы, товарищи-работницы, примите участие в борьбе под красным знаменем социализма.

Долой царское правительство!

Да здравствует демократическая республика!

Да здравствует международный союз рабочих!

Московский комитет Р. С. Д. Р. П.

Москва.

23 февраля 1917 г.

★ ★ ★

Захват Германией Киао-Чао в 1897 г.

Захват Киао-Чао (Цзяо-чжоу) Германией в 1897 году принадлежит к очень ярким страницам истории империализма вообще и германского империализма в частности. Этот эпизод, больше чем всякий другой, отражает специфические черты именно германского империализма до-военного времени — империализма молодого, голодного, жадно набрасывающегося на любые объекты, подвернувшиеся под руку, без учета географических и стратегических возможностей, без учета обще-политической обстановки и даже без учета внутренней, экономической ценности данных объектов.

За захватом Германией Киао-Чао потянулись захваты в Китае и со стороны других империалистических держав и, таким образом, началась полоса разделов и переделов Китая, продолжающаяся до наших дней. Поэтому значение публикуемых по этому вопросу документов из архивов царского министерства иностранных дел приобретает особый интерес. Необходимо указать, что захват Киао-Чао еще более широко и полно освещен на страницах германской публикации «Die Grosse Politik», тт. IX (гл. 67) и XIV (гл. 90). Русские документы составляют весьма ценное пополнение этой публикации.

Как известно, германскому капитализму по части колоний очень не повезло. В аппетите на этот счет недостатка не было: немецкие купцы, эмигранты и путешественники еще до основания империи приставали к прусскому правительству с проектами захвата тех или других пунктов чуть ли не по всему земному шару (в том числе и в Китае); после основания империи аналогичные предложения многократно делались Бисмарку, который однако долгое время отклонял их.

До 1870 года вопрос воссоединения Германии под прусской каской, а после этого года вопросы внутренней организации и внешне-политического закрепления империи, составляли предмет главных забот прусско-германских правящих кругов. Кроме того, отсутствие флота и крайне неблагоприятное географическое положение Германии делали за-океанские колониальные авантюры весьма затруднительными. Лишь в середине восьмидесятых гг. Бисмарк, желая дать удовлетворение не столько промышленным или банковским кругам, находившим достаточное поле для своей «плодотворной» деятельности в Европе, сколько ганзейским купцам, учившимся у англичан, дал свое согласие на приобретение нескольких разрозненных колоний в Африке и на Тихом океане. Результат, однако, оказался неудачным: приобретения оказались лишенными всякой ценности, германский капитал туда не шел, а предпочитал попрежнему свивать себе уютные гнездышки в английских владениях, в Южной Америке, в Китае, в России и других хорошо изученных странах. Кроме того, из-за колоний у Бисмарка создались пренеприятные отношения с Англией как раз в момент, когда его отношения с Россией стали портиться.

Неудивительно, что под конец своего правления Бисмарк готов был все приобретенные колонии отдать Англии за один Гельголанд и ее дружбу. Преемник Бисмарка Каприви фактически так и поступил, предпочтя заняться укреплением и расширением позиций германского капитализма на европейском континенте

при помощи торговых договоров. Таким образом в течение десяти лет после захватов 1884—1885 гг. Германия не приобрела никаких новых колоний, в то время как Англия, Франция и даже Италия делили между собой Африку, орудовали в Азии и занимали тихоокеанские острова.

В конце концов, при виде успехов других государств на колониальном поприще, старые аппетиты Германии проснулись вновь. Благодаря торговым договорам «мирного» Каприви — Германия сделала большие успехи в своем торгово-промышленном развитии и стала второй, после Англии, державой в Европе по мощности своего экономического развития; ее военная и политическая мощь тоже возросла. В лице молодого Вильгельма II Германия получила правителя очень честолюбивого, тщеславного, властолюбивого, мнившего себя универсальным гением, к тому же, в качестве полу-англичанина, склонного брать Англию за образец. Великодержавное вино сильно ударило в головы правящей верхушки Германии, и колониальные мечтания стали ее беспокоить. Каприви должен был уйти, а назначенный на его место старый князь Гогенлоэ, дядя кайзера, по существу больше заботился о своих литовских имениях и поэтому, расположенный к старой «континентальной» политике и, в частности, равнению по России, покорно заявил себя сторонником колониальных приобретений.

Но где их искать? Напрасно взор оглядывал земной шар: нигде, казалось, не было ничего подходящего. Думали, правда, о Фернандо-По, о Канарских островах, о Формозе, даже о Марокко, но все это казалось далеким, недоступным, экономически невыгодным, бесполезным, фантастическим.

В это время разразилась японо-китайская война из-за Кореи. Англия предложила вмешаться в это дело: Китай был весьма ценным для нее рынком, и она опасалась, как бы он не пострадал. Россия и даже Франция приняли ее предложение: они, соприкасаясь своими владениями с Китаем, также были заинтересованы в его целости и в том, чтобы в лице Японии не получить нового прихлебателя. Германия, однако, отклонила это предложение: никаких-де сопредельных с Китаем владений у нее нет, ее дело торговое, и война не только не мешает ей, но напротив, оказалась для нее очень прибыльной, давая ей возможность снабжать воюющих оружием. Об этом с откровенной любезностью говорил высокий чиновник германского министерства иностранных дел русскому поверенному в делах Чарыкову [1], об этом доверительно докладывал кайзеру сын Гогенлоэ [2]. Мимоходом можно отметить, что разросшаяся к тому времени военная промышленность Германии — заводы Круппа, Людвига Лёве и другие, — всячески поощряемая правительством в военных интересах, искала и находила у него поддержку в поисках сбыта и заграницей в целях обеспечения ее рентабельности, а попутно и дивидендов для знатных держателей ее акций, в том числе и самого кайзера и членов его семьи: оттого германская дипломатия неизменно считалась с нуждами военной промышленности и как в японо-китайской, так и в последующей англо-бурской войне поставляла оружие и военное снаряжение той или другой воюющей стороне, не взирая на официальный «нейтралитет» и общественные симпатии. В данном случае, однако, это прибыльное невмешательство продолжалось не очень долго.

В середине ноября 1894 года, через три с половиной месяца после начала войны, кайзеру послышалось откуда-то, что Англия намерена воспользоваться суматохой, чтобы захватить Шанхай и какие-то другие пункты на китайской территории. Сразу был найден ответ на вопрос: где искать колонии? Кайзер, находившийся вне Берлина, немедленно шлет телеграмму Гогенлоэ: за Англией непременно последуют Россия и Франция, и «мы ни при каких обстоятельствах не должны остаться в проигрыше или дать себя застигнуть врасплох: мы тоже нуждаемся в опорном пункте в Китае, где наш торговый оборот составляет 400 милл. марок в год». И кайзер предлагает немедленно захватить Формозу, чтобы предупредить французов, которые тоже имеют виды на этот

[1] См. доклад последнего в «Красном Архиве», т. I, стр. 59—61.
[2] См. «Die Grosse Politik», т. IX, № 2227.

остров. А для облегчения захвата он советует вступить в секретные переговоры с Японией!

Здесь берет начало цзяо-чжоуская разбойная эпопея. Впрочем, не совсем здесь. Из заключения, данного по существу кайзеровского плана тогдашним министром иностранных дел бароном Маршалем канцлеру Гогенлоэ, — заключения, отрицавшего наличие у англичан захватнических намерений и указывавшего на наличие у самих японцев намерений присвоить означенный остров в случае победоносного для них исхода войны, — видно, что в самом Аусамте [1] уже считались с возможностью захватов в Китае другими державами и сложилось убеждение, что «в таком случае Германия, в силу своих интересов в Китае, не должна остаться с пустыми руками». В виду этого Маршаль уже несколько недель тому назад имел беседу с японским посланником в Берлине на эту тему, «указывая дружественное отношение (Германии) к вопросу о вмешательстве» и «выражая ожидание, что (Германия) своевременно получит сведения о шагах, которые могут быть предприняты другими державами в этом направлении».

Таким образом, план кайзера об использовании трудностей Китая, в целях захвата какого-нибудь кусочка его территории, в согласии с Японией, уже был предвосхищен расторопным Аусамтом, хотя по конкретному вопросу о том, какой именно кусочек был бы подходящим, мнения разделились. Но уже через неделю та же мысль зародилась и у германского посланника в Пекине (Бейпине) барона Шенка, который, телеграфируя домой, выражает убеждение в необходимости и для Германии приобрести в Китае «опорный пункт», если другие державы вздумают это сделать, и намечает для этой цели в первую очередь Цзяо-чжоу, а во вторую Пескадорские острова. Имя Цзяо-чжоу впервые вписывается в акты Аусамта.

Однако оно в них не сразу закрепляется. По мнению Маршаля, опросившего своих специалистов, бухта Цзяо-чжоу ни к чему не пригодна: бесполезны и Пескадорские острова; а вот, Чжусань, остров у входа в ханджоускую бухту, южнее Усуня, как раз удобен и по расположению на торговых путях, и по своей доступности и пр. — только на него имеет какие-то секретные права Англия. С Англией, значит, надо договориться. Но Англия в ответ на зондаж отвечает уклончиво, выражает даже принципиальное неодобрение проекту каких-бы то ни было захватов. Чжусань таким образом отпадает, и в Аусамте и в морских кругах выплывают другие планы, другие объекты, которые бракуются, заменяются новыми, снова отвергаются по разным соображениям, так что в конце концов остается закрепленным только голое желание что-нибудь захватить.

Во всех этих комбинациях явно выступает одно: Германия не дерзает выступать инициативно, а ждет случая, когда повод дадут другие — Англия, Россия, или Франция, и соответственно этому она производит зондажи в различных направлениях, стараясь «примоститься» то к одной, то к другой державе. Но ни одна держава как будто не собиралась аннексировать китайскую территорию, кроме Японии, но произведенный у нее зондаж не вызвал никакой сочувственной реакции.

Из этого затруднительного положения Германию вывела Россия, когда война уже пришла к концу и Япония выступила со своими обширными требованиями территориальных уступок, включавших не только Формозу и Пескадорские острова, но и Ляодунский полуостров. Россия, для которой перспектива образования японского тампона на том самом месте, к которому она намеревалась продлить свою Восточно-китайскую дорогу, была крайне неприятна, решила не допускать такого водворения Японии на материке и возобновила план вмешательства держав в японо-китайский конфликт, выдвинутый первоначально Англией, а затем ею оставленный. Франция согласилась примкнуть к этому плану, Англия отказалась, а Германия, которую даже не запрашивали, в виду прежде занятой ею позиции, неожиданно сама напросилась: «скажите князю

[1] Германское министерство иностранных дел.

Лобанову (тогдашнему министру иностранных дел царского правительства),— писал в марте 1895 года Маршаль германскому поверенному в Петербурге,— что мы живо интересуемся развитием вещей в Восточной Азии, что... наши интересы там с русскими не сталкиваются и что мы поэтому готовы вступить с Россией в обмен мнений и эвентуально действовать совместно с ней».

Это был полный поворот в германской позиции от политической незаинтересованности и безучастности к действенному вмешательству во имя «живой заинтересованности», — поворот, которого, кстати говоря, Англия ей никогда не простила. Чем он был вызван? Несомненно, тут играли большую роль обще-политические соображения. В этот период с связи с армянскими и другими делами сильно обострился ближне-восточный вопрос. В Англии бушевали антитурецкие страсти и правительство проявляло явные поползновения мобилизовать европейский «концерт» для вмешательства и пересмотра всего Восточного вопроса. Россия, вечно неготовая и отвлеченная дальневосточными событиями, отклоняла эти поползновения, с ней солидаризировалась Германия, которая уже стала создавать себе в Турции экономический и политический капитал, но Австрия обнаруживала колебания, Италия готова была следовать за Англией, а во Франции радикально-социалистические круги требовали вмешательства в то время, как банковские воротилы стояли за статус кво.

Германия была заинтересована в том, чтобы Россия не отошла от своих позиций, а для этого лучшим средством было направить ее на Дальний Восток. Относящиеся к этому периоду письма кайзера к царю проникнуты этой идеей. «Для России,— пишет он,— великой задачей будущего является дело цивилизации азиатского материка и защиты Европы от вторжения желтой расы... Я сделаю все, что в моей власти, чтобы поддержать спокойствие в Европе и охранить тыл России, чтобы никто не мог помешать твоим действиям на Дальнем Востоке» [1]. Но был и другой, более близкий к нашей теме мотив, который выступает у генерал-советника по китайским делам, Брандта, бывшего посланника в Пекине, ныне директора Германо-Китайского банка, тогда находившегося в Берлине, который в записке, вызвавшей восхищение кайзера, отмечал: «в совместном нашем выступлении с Россией лежит, быть может, единственная для нас возможность получить от благодарного Китая уступку или аренду какого нибудь места для нашего флота или под угольную станцию». Сам кайзер пишет царю: «я с интересом буду следить за развитием нашего дела и надеюсь, что как я охотно помогу тебе уладить вопрос о возможных территориальных аннексиях для России, так и ты благосклонно отнесешься к тому, чтобы Германия приобрела порт где-нибудь, где это тебя не стеснит» [2].

Вот это, следовательно, лежало в основе неожиданного предложения германского сотрудничества, о котором мы выше упомянули: в предположении, что Россия непременно потребует и получит от Китая, вырученного от японских домогательств, соответствующую мзду в виде какой-нибудь территориальной «уступки», немцы решили к ней присоединиться и разделить с ней трапезу. Лобанов принял германское предложение с превеликой благодарностью. Франция, чтобы не дать обоим соседям остаться наедине, тоже присоединилась, и совместными усилиями все трое, как известно, заставили Японию отступиться от Ляодуна, который был возвращен Китаю.

Хотя царь и дал кайзеру свое согласие на «компенсацию» Германии в случае, если Россия что-нибудь заберет, Россия ничего не забрала, а удовольствовалась тем, что совместно с Францией устроила «благодарному» Китаю на парижской бирже заем для уплаты первой части военной контрибуции Японии, и из этой сделки, на которой парижские банкиры превосходно заработали [3], Германия была исключена.

Немцы очень рассердились: они стали саботировать дальнейшие совместные с Японией переговоры о финансовых расчетах с Китаем, поддерживая японцев

[1] «Переписка Вильгельма II с Николаем II», М. 1923, № 8, стр. 8.
[2] Там же.
[3] Об этом «заработке» упоминает Ленин в «Империализме». Соч., т. XIX, стр. 113.

и сопротивляясь русскому нажиму, но в конце концов вынуждены были сдаться, так как иначе они были бы совершенно отстранены от дела, а русские еще теснее сблизились бы с французами, и самый вопрос об эвентуальных «компенсациях» очутился бы под сомнением.

К этому моменту и относится первый печатаемый в настоящем подборе документ — телеграмма кайзера к своему дяде, канцлеру Гогенлоэ, тогда делавшему очередной визит в свои литовские имения Верки, а оттуда собиравшемуся в Петербург (возможно, впрочем, что Гогенлоэ был специально послан в Петербург, чтобы водворить мир между друзьями, а посещение Верков было лишь предлогом). В этом письме кайзер напоминает о данном царем условном согласии на захват китайской территории и указывает — очевидно, это был последний вариант, обсуждавшийся в Берлине — на желательность принять срочные меры к занятию Вей-Хай-вея, если русские займут порт в Корее. Но немцы и на этот раз просчитались. В разговоре с Гогенлоэ царь сам заговорил о данном им обещании, но «с некоторым раздражением, — докладывал Гогенлоэ, — заметил, что если кто-нибудь сделает хотя бы малейшее территориальное приобретение, то англичане тотчас же постараются сделать для себя приобретение еще большее». Намек был прозрачен как кристалл, и действительно, ни Россия не утвердилась в Корее, ни Германия не утвердилась в Вей-хай-вее.

Положение казалось безвыходным. В Берлине очень волновались по поводу того, что Россия, судя по слухам, торгует у Китая концессию на железную дорогу через Манчжурию, что Франция выторговала себе у Китая постройку железных дорог из своих индо-китайских владений в провинцию Юньянь, что Англия тоже получила некоторые концессии на какие-то угольные станции. Наконец, Германия решила заговорить с самим Китаем. Из прилагаемых документов, а также из документов в «Die Grosse Politik» видно, что эта щекотливая миссия была поручена вновь назначенному на место Шенка посланнику барону Гейкингу и что она окончилась неудачно: не только Китай отказал, но и Россия, устами своего посланника графа Кассини, осведомила Германию, что Цзяо-чжоу, на котором она напоследок остановилась, так сказать, уже заложено у нее самой: русской тихоокеанской эскадре еще ранее было разрешено пользоваться этой гаванью для зимней стоянки, и хотя это право было мало использовано, но, само собой разумеется, преимущественное право приобретения этой гавани, в случае если Китай вздумает с ней расстаться, принадлежит России.

Опять дело сорвалось. Теперь Германия обратила свои взоры в сторону Англии. Не сговориться ли с ней? Но и это не дало определенных результатов; однако из беседы с Ли-хун-чаном выяснилось, что Китай вовсе не признает прав России на бухту Цзяо-чжоу и, что выводы, которые Кассини делал из первоначального соглашения о заходе туда русских судов, Китаем не признаются.

Из немецких документов видно, что кайзер и его советники не находили себе места от миллиона осаждавших их терзаний, и не раз кайзером поднимался вопрос о том, не захватить ли Цзяо-чжоу или Амой или Чжусань явочным порядком, а там будь что будет. В конце концов, кайзер решил сделать последнюю попытку полюбовно сговориться с Россией и для этого самому съездить к царю.

Об этом неожиданном визите — т. н. Петергофском свидании — в августе 1897 года рассказано подробно в Воспоминаниях Витте и в мемуарах Бюлова: основные документы имеются и в «Die Grosse Politik». Кайзера сопровождали канцлер Гогенлоэ и новый министр иностранных дел Бюлов, которые вели переговоры с русским министром графом Муравьевым, сменившим скоропостижно скончавшегося Лобанова, о турецких и торговых делах; сам же кайзер, возвращаясь с царем с прогулки в коляске, завел с ним разговор о Цзяо-чжоу. Действительно ли Россия заинтересована в этой бухте или она ей нужна только для временного пользования? Когда царь ответил, что Россия заинтересована в ней только для захода и лишь до того времени, пока она не получит луч-

шего порта, а именно близ Порт-Артура, то кайзер условился с ним, что туда будут заходить, в случае нужды, и германские суда, всякий раз с разрешения местного русского морского командования [1].

Это было очень скромное соглашение, но, очевидно, кайзер не посмел итти дальше, удовлетворившись перспективой добровольного ухода русских, которую ему намечали царские слова. Надо полагать, что кайзеровские министры остались не особенно довольны этим слабым экскурсом своего монарха в область дипломатических переговоров; остались недовольны и царские министры преждевременным раскрытием их планов насчет порта «близ Порт-Артура». Но делать было нечего, и соглашение было зафиксировано путем обмена писем между обеими сторонами, причем Муравьев лишь предусмотрительно добавил, что он не может в данную минуту сказать в точности, когда русские уйдут из Цзяочжоу, хотя и уйдут оттуда наверное.

Со своей стороны и немцы, очутившись в Берлине и посоветовавшись с чиновниками Аусамта, тоже решили «исправить» если не текст, то дух соглашения, поручив Гейкингу заявить китайскому правительству, что они, немцы, по соглашению с русскими, «сохраняют за собой право» в течение ближайшей зимы, если понадобится, послать свои суда в Цзяо-чжоу и об этом сообщили в Петербург.

Это было довольно смелое толкование петергофского соглашения: оно привело к тому, что как китайское, так и русское правительства запротестовали, но китайцам было Гейкингом отвечено, что он считает свое поручение выполненным, а русским было сказано, что, предупредив их о своем намерении сделать данное заявление Пекину, немцы выполнили условие о предварительном согласовании захода германских судов в Цзяо-чжоу. Это был очень наглый трюк, который, вероятно, дорого бы обошелся их авторам, если бы Россия не была так заинтересована в то время в сохранении германской дружбы. Все же царское правительство позволило себе маленький реванш: вслед за визитом кайзера и его министров состоялся приезд французского президента Фора, и по этому случаю на банкете царь произнес знаменитые слова «о дружественной и союзной нации», которые впервые публично документировали существование франко-русского союза. Кайзер, как свидетельствуют германские документы, почувствовал себя очень плохо.

Как поступила бы Германия в наступавшую зиму, послала бы она, действительно, свои суда в Цзяо-чжоу, неизвестно, но 4 ноября того же, 1897, года произошло событие, которое довело дело до кризиса. В этот день в Шандуне были убиты два германских католических миссионера. Публикуемые документы дают достаточно подробное описание и толкование этого события, но не будет излишним привести слова современника, пережившего эти дни в Пекине, Ю. Я. Соловьева, бывшего тогда секретарем царской миссии в Китае: «Весь 1897 год прошел в Пекине под знаком ожидания выступления Германии. Немцы искали малейшего предлога, чтобы вызвать инцидент и использовать его в своих видах, иначе говоря, чтобы получить хотя бы призрак какого либо права перейти к политике захватов в показавшем свое бессилие Китае... Наконец, в октябре (ноябре) 1897 года, как цинично замечали пекинские коллеги Гейкинга, немцам повезло. В Шандунской провинции оказались убитыми два миссионера» («25 лет моей дипломатической службы», М., 1928, стр. 55—56). Действительно, «повезло»! Глава германской католической миссии в Шандуне, епископ Анцер, был как раз тогда в Берлине, барон Гейкинг почему-то вздумал уехать на юг Китая, адмирал Дидерихс со своей эскадрой тоже был где-то далеко, в Шанхае, министр иностранных дел Бюлов находился как раз в Риме, где вручал свои отзывные грамоты, а кайзера тоже не было в Берлине и он узнал об этой новости лишь из газет через два дня. Сплошное и полное alibi всех руководящих персон — точь в точь как в знаменитый день 1914 года

[1] Версия об этой беседе кайзера с царем, переданная Витте со слов вел. кн. Алексея Александровича, неточна; в нашем тексте мы следуем официальным документам.

вручения Австрией ультиматума Сербии! Какой перст направил руки убийц как раз в такой момент?

Германские документы подробно рисуют дальнейший ход событий. Кайзер немедленно предложил взять Цзяо-чжоу, чтобы отомстить убийцам и показать германской католической партии Центру, тогда весьма могущественной, что империя заботится об ее клиентах, сам Анцер дал совет воспользоваться этим случаем, чтобы, наконец, захватить Цзяо-чжоу, которому предстоит будущность не менее, если не более блестящая, чем выпала на долю Шанхая (о миссионерах, о христианской вере ни слова!). Летит телеграмма кайзера к царю и поступает уклончивый ответ последнего (и то, и другое в печатаемых документах). И кайзер передает Бюлову в Рим свою программу: «Наконец-то китайцы дали нам предлог и инцидент (точь в точь слова Соловьева), которых еще ваш предшественник Маршаль так жаждал, и я решил действовать, ибо теперь настал решающий момент утвердить германский престиж и создать перспективы для германской торговли... Тысячи германских христиан вздохнут облегченно, когда они будут знать, что по близости их стоят германские суда, сотни германских купцов возликуют, что германская империя обосновалась, наконец, твердой ногой в Китае, и сотни тысяч китайцев задрожат, когда они крепко почувствуют железный кулак Германской империи на своих затылках, и весь германский народ будет радоваться, что его правительство сделало мужественное дело».

Почему «сотни тысяч» китайцев должны почувствовать германский железный кулак за убийство двух миссионеров, объяснить нелегко, но эта помесь дикого неистовства с коммерцией была и осталась довольно характерной для германского империализма. Напрасно осторожный Гогенлоэ, опасаясь враждебной реакции со стороны России, советовал предварительно договориться с ней: кайзер уже заручился непротивлением царя, и торжествующе преподнес своему дяде документ.

Но на деле, как мы это видим из документов, ныне публикуемых, а также из «Die Grosse Politik», русские министры были ошарашены, и Муравьев довольно резко протестовал против нарушения петергофского соглашения, ссылаясь при этом на собственные, преимущественные права на эту бухту России.

Витте, который проектировал «мирное» проникновение на Ляодунский полуостров при посредстве железной дороги [1], был, если возможно, еще более возбужден: захват немцами Цзяо-чжоу давал оружие его противникам в министерстве, предпочитавшим захватить Ляодунский полуостров силой, что создаст, как он опасался, не только возможность дальнейших захватов со стороны других держав и расчленения всего Китая, т. е. полного крушения его планов относительно деятельности Русско-Китайского банка, но и прямого столкновения с Японией, у которой в свое время этот полуостров был отнят стараниями, главным образом, России же. Он телеграфировал даже непосредственно кайзеру, умоляя его не забирать Цзяо-чжоу, и долго спустя, в 1904 году, когда, пользуясь затруднениями России в войне с Японией, Германия навязывала ей тяжелые условия торгового договора, Витте говорил, что если бы не история с Цзяо-чжоу, то его положение как переговорщика было бы иное.

Протесты России оказали сильное впечатление, и «Die Grosse Politik» рисует интереснейшую картину растерянности и вместе с тем алчности германских деятелей, то умолявших, то угрожающих своим русским друзьям и страшно опасавшихся, как бы русская эскадра также не вошла в бухту.

Это, собственно, и было первоначальным намерением русской стороны, но дело до этого не дошло. В самый разгар препирательств, когда немцы считали свое предприятие почти потерянным, в планах русского правительства произошла крутая перемена: 23-го ноября (н. с.) Муравьев посылает царю докладную записку [2], в которой, изложив историю вожделений русского правительства

[1] О планах Витте см. Глинский, Проект русско-японской войны, стр. 44 и сл.
[2] См. «Красный Архив», т. 52, стр. 103—108 и прим.

относительно Цзяо-чжоу и появления на сцене немцев, он приходит к выводу, что теперь, когда немцы уже там находятся, командировать эскадру туда же было бы неудобно, и ссылается на отзыв морского министерства, которое ныне сделало открытие, что означенная бухта «для устройства в ней порта непригодна как по отдаленности от Владивостока, так и по совершенной отрезанности от России». Из печатаемых ниже документов видно, что Муравьев, которого Витте однажды охарактеризовал как «куртизана, думающего о том, чтобы говорить государю приятные вещи и соглашаться со всяким мнением, имеющим государево сочувствие» [1] уже за несколько дней до этого получил записку от управляющего морским министерством Тыртова, сообщавшего, что докладывал царю о «неудобстве» посылки сейчас судов в Цзяо-чжоу и что царь выразил на это свое согласие. Муравьев, значит, действительно, лишь подсказывал царю мнение, которое уже имело за собой его сочувствие.

Но Муравьев шел дальше и предложил вместе с Цзяо-чжоу захватить Даляньвань (Дальний) на Ляодунском полуострове, «рядом с Порт-Артуром».

Для обсуждения этих вопросов царь созвал совещание, на котором Витте высказался резко против захвата Даляньваня или Порт-Артура; царь с ним согласился, но через несколько дней раздумал, принял прямо обратное решение и вопрос о Цзяо-чжоу совершенно отпал [2]. Об этом было доведено до сведения немцев, и немцы возликовали: теперь не только Цзяо-чжоу был в их руках, но захват Порт-Артура и Даляньваня легализовал их собственный грабеж и облегчал их разговор с китайцами.

Дальнейшее нас уже не интересует. Разговор с китайцами был не из легких: пришлось также разоружить недовольство англичан. В конце концов, немцы добились своего, и 4 января 1898 года путем обмена нот, впоследствии утвержденного формальным договором, они получили столь желанную бухту в аренду на 99 лет вместе с железнодорожными и горными концессиями в самой провинции. Нелишне будет добавить, что Цзяо-чжоу отнюдь не стало Шанхаем, как мечтали Анцер и вдохновляемые им кайзер и его министры: оно до конца осталось «Drecknest», как его неучтиво прозвали в народе, поглощая огромные суммы по устройству, оборудованию и укреплению порта и не давая взамен ровно ничего кроме убытков,

В начале империалистической войны японцы преспокойно положили всю колонию со всеми постройками себе в карман, и ныне, мечтая о возвращении прежних колоний, немцы даже не упоминают Цзяо-чжоу. Но роковое значение его захвата вписано кровавыми буквами в историю китайского народа и, можно сказать, всей европейской истории: за Цзяо-чжоу последовал и захват Порт-Артура царскими и Вей-хай-вея английскими империалистами, за этим последовало боксерское восстание, захват Манчжурии Россией, русско-японская война, поворот России, после поражения, к ближнему Востоку и сближению с Англией, разрыв с Австрией — и весь тот dance diable, который привел к мировой империалистической войне.

Ф. Р.

Телеграмма Вильгельма II имперскому канцлеру Гогенлоэ [3], (19) 31 августа 1895 г. [4]

Твое письмо сегодня получил и с его содержанием вполне согласен. Прошу [5]... инструктировать и позаботиться о том, чтобы кампания в прессе против социалистов продолжалась с неослабевающей силой. Самый главный пункт, который нужно еще и еще раз подчер-

[1] См. «Красный Архив», т. 46 («Из дневника Половцева»), стр. 127.
[2] Глинский, Проект русско-японской войны, стр. 47.
[3] Имперский канцлер в 1895—1900 г.
[4] Перевод с немецкого. Публикуемые документы хранятся в Архиве внешней политики, подготовлены к печати М. Н. Гершевич.
[5] Пропуск в немецком тексте.

кнуть в появляющихся в печати статьях, должна быть личность императора Вильгельма Великого [1]. Хвалебное превознесение его памяти, его особы или его деятельности должно трактоваться, как имеющее историческое значение, и пресса посредством умной обработки должна быть направлена на защиту старого государя [2] и соответственно призывала к тому правительство.

Что касается вопроса о Ляодуне [3], то, по моему мнению, этот вопрос должен быть решен так: наш поверенный в делах в Париже сообщит взгляд русского правительства и обсудит его с министром и кроме того установит, какую позицию Ганото [4] займет по отношению к русским требованиям. Из разговора, который я имел с Суланжем [5] в [6]... я заключаю, что Франция до сих пор не согласна с Россией в вопросе об очищении полуострова. Суланж сказал мне буквально [7]: «Г. Ганото счастлив, что находится в полном согласии с правительством вашего величества относительно вопроса о Ляодуне. Он находит, что требования, которые Россия намерена предъявить Японии, преувеличены [8]. Пока не получится ответ из Парижа, я бы предпочел по отношению к русскому правительству вести дело уклончиво. Если Франция откажется от своих сомнений, то и Германия будет согласна, и мы должны будем повлиять на Японию в примирительном и успокоительном духе.

Затем как только Россия предпримет занятие корейской территории с целью приобретения морской гавани, то и для нас наступит момент для захвата Вей-хай-Вея, чтобы не оказаться, как в остальном, позади англичан или французов. Примеру всегда легче потом последовать. Это произведет по истине энтузиастическое впечатление на наш славолюбивый народ даже в случае опасности, которую оно с собой влечет. Ты ведь знаешь, что я уже заранее обеспечил себе от царя письменное соглашение на занятия китайской территории [9]. Поэтому необходимо также инструктировать наш дивизион угольщиков, чтобы в нужный момент он крейсировал вблизи Вей-хай-Вея или в море, соединившись необходимой связью по телеграфу, чтобы тотчас же по получении телеграфного приказа доставить туда флот. Для выполнения я рекомендую [10]... Конечно, все это должно остаться абсолютной тайной.

Вильгельм император и король.

---

[1] Прусский король из династии Гогенцоллернов, воссоединивший Германию и провозглашенный германским императором под именем Вильгельма I.

[2] Имеется в виду Вильгельм I.

[3] Россия поставила перед Германией и Францией вопрос о совместном предъявлении Японии требования об очищении ею Ляодунского полуострова, который был захвачен Японией в результате японо-китайской войны 1894—1895 гг. Предъявленное Японии требование было ею выполнено.

[4] Французский министр иностранных дел в 1896—1898 гг.

[5] Французский поверенный в делах в Берлине в 1895 г.

[6] Пропуск в немецком тексте.

[7] Отсюда перевод с французского.

[8] Далее перевод с немецкого.

[9] Имеется в виду ответ Николая II на телеграмму Вильгельма II о том, что германский генерал получил приказ сосредоточить свои суда в каком-либо порту Северного Китая и связаться с русским адмиралом. В своем ответе Николай сообщил, что он приказал своему адмиралу связаться с немецким, и выражал надежду, что «наша интервенция кончится миролюбиво».

[10] Пропуск в немецком тексте.

Депеша поверенного в делах в Берлине Чарыкова министру иностранных дел кн. Лобанову-Ростовскому [1], 25 августа 1895 г., № 66 [2]

М. г. князь Алексей Борисович.

За последнее время в некоторых, преимущественно торгово-промышленных, органах германской печати стали появляться указания на необходимость для Германии приобрести опорный пункт для своих промышленных интересов в китайских водах.

Означенный опорный пункт должен иметь, с одной стороны, характер военной гавани для стоянки и надлежащего снабжения германской эскадры, пребывание коей в западной части Тихого океана должно сделаться постоянным. С другой стороны, пункт этот должен явиться для Китая и Японии центральным складом германских товаров.

В виде образчика упомянутых выше статей имею честь приложить у сего вырезку из вчерашнего номера «National Zeitung» [3].

Правительственные сферы хранят по этому предмету молчание, но полуофициозная «Nord-Deutsche Allgemeine Zeitung» замечает: «Мы можем доверять нашему правительству в том, что оно и без понуждения внимательно следит за упомянутыми отношениями и фактами и что оно не упустит сделать в надлежащую минуту шаги, которые соответствовали бы подмеченной национальной потребности».

Относительно того, в каком именно пункте надлежало бы устроить проектируемый германский порт, печать прямо не высказывается. Лишь одна южно-германская газета указывает на китайский прибрежный город Амой (Amoy), расположенный против о. Формозы.

Примите и пр.

Н. Чарыков.

Из депеши посланника в Пекине Кассини [4] министру иностранных дел Лобанову-Ростовскому, 28 августа 1896 г., № 38 [5]

М. г. князь Алексей Борисович.

Вновь назначенный германский представитель, барон Гейкинг, на этих днях прибыл в Пекин.

Первый визит его по прибытии в Пекин был к русскому представителю. После длинного разговора по поводу грубых политических промахов, сделанных его предшественником в Китае и вызвавших, по его словам, внезапное отозвание последнего из Пекина, барон Гейкинг высказал мне, что, так как Германии предстоит играть в Китае по преимуществу коммерческую роль, то она должна, по его мнению, смотреть на Англию, как на своего естественного противника на Дальнем Востоке, и это соображение,— сказал он,— будет руководить его политикой. Не видя перед собой ни одного пункта, на котором интересы Германии могли бы сталкиваться с интересами России, он наме-

[1] Министр иностранных дел в 1894—1896 гг.

[2] На депеше царский знак рассмотрения.

[3] В номере от 24/VIII—5/IX 1895 г. «National Zeitung» приводила выдержку из «Allgemeine Marine und Handelskor.», в которой указывалось на то, что Англия намерена увеличить свои территориальные владения и торговое влияние в Китае, что Франция озабочена увеличением своей торговли в Китае, и что Россия принимает меры к обеспечению господствующего положения в Восточной Азии. Ввиду этого «общественное мнение» в Германии все настоятельнее требует, чтобы Германия добивалась заслуженного участия в восточно-азиатских делах. Вследствие этого Германия должна создать себе опорный пункт в восточной Азии.

[4] Посланник в Пекине в 1896—1898 гг.

[5] На депеше царский знак рассмотрения.

рен, по его словам, строго следовать в этом случае инструкциям своего правительства, поручившему ему советоваться с своим русским коллегой и действовать с ним согласно.

По этому поводу барон Гейкинг конфиденциально передал мне, что германское правительство поручило ему, между прочим, попытаться выговорить от китайского правительства постоянную угольную станцию для германской эскадры на Дальнем Востоке; он объяснил также, что Германия сперва имела виды на Амой, но что различные соображения заставили ее отказаться от этого порта и что вслед затем германское правительство обратило свое внимание на бухту Киао-Чао в Шандунской провинции, как на порт, во всех отношениях представляющий существенные преимущества. Действительно Киао-Чауский рейд за последнее время стал обращать на себя внимание многих из начальников иностранных эскадр в Тихом океане, считавших его наиболее подходящим для устройства морской станции.

Ваше сиятельство, без сомнения, изволите припомнить, что в конце лета минувшего года вице-адмирал Тыртов[1] обращался ко мне с просьбой склонить китайское правительство дать согласие на зимовки нашей эскадры в этой бухте, и что после некоторых затруднений цзунь-ли-ямынь[2] предоставил нам это право. Адмирал Тыртов не счел, правда, нужным воспользоваться тогда полученным от китайского правительства разрешением, но, тем не менее, несколько наших военных судов побывали в бухте и таким образом фактически установили за нами это право.

Если из данного китайским правительством разрешения пользоваться бухтой Киао-Чао для зимних стоянок наших эскадр и не вытекает еще, как необходимое следствие, право наше устроить там постоянную морскую станцию, тем не менее, сделанная Китаем в нашу пользу уступка дает нам известное право первенства перед прочими державами, что я, главным образом, и имел в виду во время моих переговоров по этому делу с цзунь-ли-ямынем. В этом именно смысле я и высказался барону Гейкингу в ответ на сделанное им мне конфиденциальное сообщение.

Примите и пр.

Кассини.

Депеша поверенного в делах в Пекине Павлова министру иностранных дел Муравьеву, (6) 18 марта 1897 г., № 8[3]

В депеше от 15 августа минувшего года за № 39, по поводу прибытия в Пекин нового германского посланника гофмейстер граф Кассини изволил довести до сведения императорского министерства о сделанном ему бароном Гейкингом заявлении касательно видов Германии на приобретение близ берегов Китая небольшого пункта, который мог бы служить постоянной угольной станцией для судов германской эскадры в Тихом океане.

Хотя с тех пор германский посланник неоднократно беседовал со мною относительно задач, преследуемых его правительством на Дальнем Востоке, он однако же ни разу не упоминал более о желании его обеспечить для себя собственный порт и до последнего времени, как мне известно, не делал никакого определенного шага, в этом смысле, у китайского правительства.

Между тем несколько дней тому назад мне стало известно, что барон Гейкинг, нарочно посетив для этого цзунь-ли-ямынь, выступил перед

[1] Управляющий морским министерством в 1896 и 1897 гг.
[2] Китайское министерство иностранных дел.
[3] На донесении царский знак рассмотрения.

китайскими министрами с положительным требованием об уступке Германии одной из принадлежащих Китаю бухт для устройства в ней германского военного порта. Почти одновременно с этим мне сообщили из Тянь-Цзиня, что китайским правительством посылается оттуда в бухту Цзяо-Чжоу [1] особая комиссия из китайских чиновников и одного иностранного инженера, по слухам, для составления проекта укрепления.

Усмотрев в факте посылки этой комиссии несомненную связь с заявлением, сделанным в цзунь-ли-ямыне германским посланником, и принимая во внимание важность для нас вопроса о Цзяо-чжоуской бухте, я решил безотлагательно навести точные справки, для уяснения себе истинного характера требований германского правительства, и прежде всего предполагал частным образом переговорить по этому поводу с канцлером Ли Хун-чаном [2].

Ранее однако, чем мне представился случай повидаться с последним, меня посетил барон Гейкинг и, предупредив о намерении обменяться мыслями по одному сильно интересующему германское правительство вопросу, сам завел речь относительно порта, причем подробно объяснил как мотивы, побуждающие Германию стремиться к приобретению такового на китайском побережье, так и основания, на которых германское правительство предполагало бы осуществить это намерение. По словам барона Гейкинга при отъезде его из Берлина в полученной им инструкции намечались следующие главные задачи для его деятельности в Пекине: 1) предоставление германским офицерам дела преобразования китайских вооруженных сил; 2) обеспечение за германскою промышленностью по меньшей мере одинаковой с другими государствами доли участия в железнодорожных предприятиях в Китае, и 3) приобретение, по соглашению с китайским правительством, в пользу Германии, одной из принадлежащих Китаю бухт или небольшого острова для устройства там постоянной угольной станции для всех портовых сооружений, необходимых для обеспечения удобной и безопасной стоянки для германской Тихоокеанской эскадры. На этот последний вопрос однако, как говорит барон Гейкинг, обращено было первоначально сравнительно меньше внимания, и возбуждение его предполагалось только в случае особо благоприятных к тому обстоятельств.

Но, потерпев полную неудачу в своих переговорах по первому вопросу и окончательно убедившись в крайней трудности добиться благоприятных для Германии и для ее влияния в Китае результатов в деле участия в железнодорожных предприятиях, по крайней мере до тех пор, пока все это дело фактически находится в руках нынешнего директора Шэна, барон Гейкинг, по его собственным словам, успел ныне наглядно доказать своему правительству, что причина неуспеха его политики в Китае всецело лежит в отсутствии до сих пор у Германии средств оказать, в случае надобности, на китайское правительство активное давление, как это могут сделать, например, Россия, Франция и Великобритания, коих владения непосредственно соприкасаются с китайскою империею; чтобы поставить себя в столь же выгодное по отношению к Китаю положение, Германии следовательно, необходимо обеспечить за собою хотя бы самый незначительный клочек территории в ближайшем соседстве с китайскими владениями, и потому, как объясняет барон Гейкинг, германское правительство решило теперь оставить в стороне все другие вопросы и сосредоточить все внимание на вопросе о приобретении порта.

---

[1] Т. е. Киао-Чао.

[2] Канцлер китайской империи в 1894—1903 гг.

Владение у берегов Китая благоустроенным военным и коммерческим портом, по мнению барона Гейкинга, даст Германии, с одной стороны, возможность значительно увеличить состав своей Тихоокеанской эскадры, а с другой стороны,— упрочить положение германской торговли в Китае, ибо такой порт может со временем сделаться важным складочным пунктом германских товаров, подобно тому как Гонконг служит ныне для английских. Этот же порт, как рассуждает германский посланник, мог бы затем послужить начальным пунктом будущей германской железной дороги, которая, направившись оттуда внутрь страны, явилась бы проводником для дальнейшего распространения и укрепления экономического и, особенно, политического влияния Германии в китайской империи.

Что касается затем до пункта, который германское правительство наметило в своих предположениях для устройства сказанного выше порта, то барон Гейкинг пояснил мне, что первоначально имелась для этого в виду бухта Цзяо-Чжоу в Шандунской провинции, но что после объяснения, которое было у него по сему предмету с графом Кассини, мысль о Цзяо-Чжоу окончательно оставлена, и германское правительство, признав во всех отношениях более выгодным и удобным приобрести порт в одной из южных провинций, остановило теперь свое внимание на острове Ку-э-мой, лежащем при входе в Амойскую гавань. Остров этот с находящейся на нем удобной бухтой, по словам барона Гейкинга, вполне отвечает всем условиям, требуемым для осуществления намеченной цели. В заключение германский посланник дал мне понять, что нынешний момент он считает особенно благоприятным для возбуждения перед китайским правительством настоящего вопроса, так как обнародование устава Восточно-Китайской дороги, открытие англичанами торговли по Сицзяну и требование в связи с этим Францией новых преимуществ служат для Германии прекрасным поводом, в свою очередь, потребовать какой-либо существенной уступки, тем более, что из держав, принимавших участие в деле возвращения Китаю Ляодунского полуострова, она одна не получила до сих пор никакого вознаграждения. В оправдание требования об уступке порта барон Гейкинг, по его словам, предполагает сослаться на обострившиеся будто бы вследствие вмешательства в Ляодунский вопрос отношения между Германией и Японией и возможность разрыва с последней, причем за неимением собственного порта в здешних водах положение Германии может оказаться крайне затруднительным, если Китай в то же время остается нейтральным. Кроме того, барон Гейкинг, судя по сделанным им довольно определенным намекам, уполномочен в случае надобности заявить от имени германского правительства согласие на повышение таможенных тарифов и, в крайности, даже предложить китайскому правительству в вознаграждение за уступку порта крупную денежную сумму.

Не подлежит, конечно, сомнению, что, объясняя мне с такою, почти наивною откровенностью планы и надежды своего правительства, германский посланник имел в виду узнать от меня, как могло бы отнестись к настоящему вопросу императорское правительство, и может ли он в этом случае рассчитывать на ваше сочувствие или, напротив, должен ожидать противодействия.

Не имея по этому предмету никаких указаний от императорского министерства, я, разумеется, не мог дать барону Гейкингу никакого намека в этом отношении и высказал лишь, что мне лично кажется весьма маловероятным, чтобы германскому правительству, путем одних дипломатических переговоров, могло удасться склонить Китай сделать подобную уступку, так как, помимо серьезных затруднений, которые такой шаг мог бы вызвать для него со стороны других заин-

тересованных держав, правительство богдыхана может вполне основательно возразить, что, если Германия, не имея своего порта, должна оказаться в затруднительном положении в случае враждебных действий между нею и Японией, то положение Китая будет тем более неудобным, если, позволив Германии утвердиться на своем побережье, он, с своей стороны, будет находиться в войне с Японией, а Германия примет сторону последней. Кроме того, я позволил себе заметить, что уступка Германии хотя бы незначительного клочка китайской территории на азиатском материке явилась бы, по моему мнению, до некоторой степени нарушением принципа, который, насколько мне известно, положен был в основание коллективного действия трех держав с целью побуждения Японии отказаться от приеоединения Ляодунского полуострова [1].

После приведенного выше разговора со мною барон Гейкинг в тот же день посетил французского посланника и беседовал с ним о том же вопросе. При этом, как передавал мне потом г. Жерар [2], германский посланник довольно ясно намекал, что германское правительство отчасти рассчитывает в настоящем деле на поддержку Франции на том основании, что приобретение Германией собственного военного и коммерческого порта вблизи Амоя будто бы должно отвечать интересам французского правительства, как противовес усилению английского влияния в южных провинциях Китая. По словам г. Жерара, он ответил барону Гейкингу в том же духе, как это было сделано мною, и пояснил ему, что подобные вопросы во всяком случае должны решаться не между представителями в Пекине, а в Европе, между посредственно заинтересованными кабинетами.

На другой день после этого я виделся с Ли-Хун-чаном и имел с ним весьма продолжительный разговор по поводу новой претензии германского правительства. Вполне подтверждая сущность сделанного бароном Гейкингом шага, Ли-Хун-чан однако положительно утверждает, что, заявляя в цзунь-ли-ямыне о желании Германии приобрести собственный порт на берегах Китая, Германский посланник вовсе не упоминал об острове Ку-э-мой или ином пункте в южной части империи, а исключительно указывал на бухту Цзяо-Чжоу, повидимому, рассчитывая вынудить у министров признание, что порт этот якобы уступлен уже России и, вероятно, надеясь на этом основании без особого труда выговорить для Германии тот пункт, на который она действительно имеет виды. Хотя, как говорит Ли-Хун-чан, министры подробно разъяснили барону Гейкингу истинный смысл переговоров, происходивших между графом Кассини и цзунь-ли-ямынем в 1895 году [3] относительно Цзяо-Чжоуской бухты, он, видимо, остался при убеждении, что по этому предмету существует какое-то тайное соглашение, вследствие чего, дабы положить конец дальнейшим разговорам об этом, китайское правительство решилось категорически объявить германскому посланнику, что бухта Цзяо-Чжоу необходима Китаю для

---

[1] В телеграмме от 26 марта 1895 г. послам в Лондоне, Париже и Берлине Лобанов-Ростовский высказывался против требования Японии уступки ей Китаем Ляодунского полуострова на том основании, что «приобретение Порт-Артура Японией сделалось бы препятствием для добрых отношений между Японией и Китаем на будущее время и стало бы постоянной угрозой для сохранения мира на Дальнем Востоке». Эти принципы и были положены в основу коллективного требования трех держав.

[2] Французский посланник в Пекине в 1893—1898 гг.

[3] В результате переговоров между Кассини и китайским правительством было установлено, что русская эскадра может перезимовать зиму 1895 г. в Киао-Чао (закрытый для иностранных судов порт Китая) но, чтобы не возбудить аналогичных требований со стороны других держав, эскадра должна была при первой возможности избрать себе другую стоянку.

устройства собственного военного порта, и теперь же посылает туда специальную комиссию для осмотра и составления проекта укреплений.

Я, с своей стороны, объяснил Ли-Хун-чану, что, с нашей точки зрения, по известным ему причинам, устройство в бухте Цзяо-Чжоу таких сооружений, которые сделали бы стоянку в ней военных судов более безопасной и удобной конечно может быть лишь желательно. Упомянув при этом о полезности иметь в составе предположенной к посылке в Цзяо-Чжоу комиссии людей, специально знакомых с военным и морским делом, я намекнул на возможность командирования туда лейтенанта Линдберга и находящегося ныне в Чифу, состоящего при императорской миссии, коллежского советника Дессино [1].

Предположение это было весьма сочувственно принято Ли-Хун-чаном, и он тотчас же сделал распоряжение в означенном смысле. но несколько дней спустя сам же Ли-Хун-чан дал мне знать, что из опасения превратных толков окончательно решено было не посылать при комиссии никого из иностранцев. Я должен впрочем сказать, что, насколько я мог заключить из слов Ли-Хун-чана, китайское правительство едва ли серьезно думает возводить в Цзяо-Чжоу значительные сооружения и, вероятно, все дело ограничится посылкой сказанной выше комиссии.

Что касается до сущности заявленной германским правительством претензии, то, по словам Ли-Хун-чана, она до такой степени несообразна и ничем не оправдываема, что князья и министры не нашли даже нужным входить в подробное ее обсуждение и уже ответили германскому посланнику самым категорическим образом.

Получив секретную телеграмму вашего сиятельства от 22 минувшего февраля [2], коею вы изволили указать мне на необходимость точно выяснить характер домогательства германского правительства, я счел своим долгом дополнительно переговорить по этому предмету с китайскими министрами более формально в цзунь-ли-ямыне. Министры буквально подтвердили все сказанное мне перед тем Ли-Хун-чаном и самым положительным образом заявили, что упомянутому домогательству Германии ни под каким видом не будет дано хода. Мне кажется, что к искренности этого заявления можно отнестись с полным доверием.

Примите и проч.

Письмо германского имперского канцлера Гогенлоэ министру иностранных дел Муравьеву, (29 июля) 10 августа 1897 г. [3]

Дорогой граф,

Позвольте мне при сем переслать вам копию сообщения, которое мне сделал г. Бюлов [4] по поводу разговора двух императоров [5], о чем я вам прочитал сегодня утром.

«На вопрос его величества императора германского, имеет ли Россия виды на бухту Киао-Чао, его величество российский император ответил, что действительно Россия заинтересована в том, чтобы обеспечить себе доступ в указанную бухту до того момента, пока она приобретет порт, более северный, и такой порт она уже имеет в виду. На вопрос герман-

[1] Состоял при русской миссии в Пекине в 1896—1900 гг.

[2] В телеграмме от 22 февраля 1897 г. Муравьев поручил Павлову выяснить, каким именно островом в Формозском проливе хочет завладеть Германия и не нарушается ли этим безопасность Формозского канала.

[3] Перевод с французского.

[4] Германский министр иностранных дел в 1897—1900 гг.

[5] Имеется в виду Петергофское свидание.

ского императора, усмотрит ли император Николай какое-либо неудобство, если германские корабли, в случае необходимости и согласия русских морских властей, бросят якорь в бухте Киао-Чао, его величество император российский ответил отрицательно» [1].

Примите и пр.....

Князь Гогенлоэ.

Записка германского посольства в Петербурге, (4) 16 сентября 1897 г. [2]

В соответствии с переговорами, которые имели место в Петергофе во время пребывания его величества императора и короля, императорское правительство намерено было потребовать от китайского правительства, чтобы германские суда имели право, в случае необходимости, войти временно, в течение ближайшей зимы, в порт Киао-Чао. Командирам германских судов будет предписано в необходимых случаях предварительно согласовать свои действия с русским главноначальствующим в этом порту.

Из письма товарища министра иностранных дел Ламздорфа [3] германскому поверенному в делах в Петербурге Чиршки, (2) 14 октября 1897 г. [4]

Моя память меня не обманула... Секретная записка, которую посол передал графу Муравьеву 4/16 сентября, относительно намерения императорско-королевского правительства заявить правительству китайскому о своем желании, чтобы германские военные корабли могли, в случае надобности, временно, в течение ближайшей зимы, входить в порт Киао-Чао, утверждает буквально: «Германские начальники должны быть инструктированы в случае необходимости войти предварительно в соглашение с русским главноначальствующим в этом порту».

В данное время у нас нет никакого начальника в этом порту вследствие соображений, о которых я счел своим долгом вам донести.

Примите и пр.

Ламздорф.

Депеша поверенного в делах в Пекине Павлова министру иностранных дел Муравьеву, (20 октября) 1 ноября 1897 г., № 31 [5].

Получив секретную телеграмму гофмейстера графа Ламздорфа от 13 сего октября [6] с подробными указаниями относительно словесного заявления, которое мне надлежит сделать министрам цзунь-ли-ямыня, по поводу полученных императорским правительством сведений о намерении некоторых иностранных эскадр зимовать в бухте Киао-Чао,

---

[1] В немецком сборнике дипломатических документов (Die Grosse Politik der europäischen Kabinette 1871—1914 гг.) в документе, приводимом под № 3679 (XIV т., ч. 1), после слов: «и такой порт она уже имеет в виду (во французском тексте: qu'elle avait déjà en vue») следует в скобках слово «Почили».

[2] Перевод с французского. На записке царский знак рассмотрения.

[3] Товарищ министра иностранных дел в 1897—1900 гг. и министр иностранных дел в 1900—1906 гг. Политика Ламздорфа была направлена на укрепление влияния России на Ближнем и Дальнем Востоке, путем соглашения с Турцией и Японией.

[4] Перевод с французского. На записке царский знак рассмотрения.

[5] На депеше царский знак рассмотрения.

[6] На телеграмме имеется дата: «Дармштадт 11 октября 1897 г.» В ней Ламздорф предлагал Павлову сделать китайскому правительству заявление, что в случае осуществления намерения некоторых иностранных эскадр использовать порт Киао-Чао для зимней стоянки, Россия осуществит свое право первенства, приобретенное ею в 1895 г. (имеется в виду разрешение на зимнюю стоянку русских судов, данное китайским правительством в 1895 г.) и тоже пошлет свои суда в этот порт.

я немедленно же обратился к министрам с просьбой назначить день для объяснения с ними по сему вопросу. Вследствие придворных церемоний, связанных с предстоящим на днях празднованием дня рождения вдовствующей императрицы, я мог быть принят в цзунь-ли-ямыне только 18 сего октября.

Напомнив министрам обстоятельства, при которых в 1895 г. нашей эскадре предоставлено было провести зиму в Киао-Чао и обратив их внимание на последующий образ действий нашего правительства, наглядно указывающий на заботу нашу о том, чтобы избавить китайское правительство от нежелательных для него объяснений с другими державами и не дать последним повода домогаться предоставления их эскадрам соответствующего преимущества, я затем передал китайским сановникам, что императорское правительство имеет положительные данные, заставляющие его заключить, что некоторые иностранные государства тем не менее намерены пользоваться названной бухтой для зимней стоянки своих эскадр.

Лишь только я высказал это, как министры перебили меня и заявили, что уже заранее знают, о какой именно державе идет речь, пояснив, что германский посланник, который, как известно, несколько раз и прежде возбуждал вопрос о предоставлении Германии собственной морской станции на берегах Китая, незадолго перед своим отъездом из Пекина для путешествия по южным портам снова обратился по этому предмету к цзунь-ли-ямыню и настойчиво домогался разрешения германской эскадре провести зиму в бухте Киао-Чао, утверждая будто между Россией и Германией состоялось относительно этого полное соглашение и будто русское правительство отнеслось к означенному желанию Германии с безусловным сочувствием. Китайские министры прибавили, что они были несколько удивлены сказанным заявлением германского посланника и сочли своим долгом указать последнему, что частное соглашение между Германией и Россией, если бы таковое действительно было, отнюдь не может обязывать к чему-либо китайское правительство.

По словам китайских министров, они затем самым категорическим образом заявили барону Гейкингу, что китайское правительство само имеет в виду приспособить порт Киао-Чао для нужд своего флота, что оно уже приступило к работам с этой целью и что поэтому ни под каким видом не может исполнить желание германского правительства, относительно предоставления названного порта в пользование германских судов.

После продолжительных и, по словам министров, весьма горячих пререканий барон Гейкинг, наконец, обратился с запросом, может ли он, по крайней мере, посетить бухту Киао-Чао во время предпринимаемого им путешествия «в виде прогулки» на военном судне, на что ему было отвечено, что против подобного посещения китайское правительство ничего не имеет, так как вообще никогда не препятствовало иностранным военным судам время от времени на самое короткое время заходить в неоткрытые порты, и что оно готово предупредить местные власти в Киао-Чао о том, чтобы германскому посланнику было оказано с их стороны любезное внимание.

Все эти переговоры, очевидно, происходили секретно в отсутствии секретарей, переводчиков и прислуги цзунь-ли-ямыня, ибо, как я имел честь упомянуть в моем донесении к вашему сиятельству по сему предмету от 7 октября, за № 29 [1], мне до сих пор не удавалось узнать о них

[1] В депеше от 7 октября 1897 г. № 29 Павлов сообщил, что судя по добытым им справкам, Гейкинг, отправляясь в путешествие по Китаю, перед своим отъездом из Пекина не вел переговоров с китайским министерством иностранных дел о порте в Китае и не предупреждал министерство о своем намерении посетить Киао-Чао.

из частных источников, несмотря на наводимые мною секретные справки.

После приведенных выше сообщений китайских министров я, согласно указанию, заключающемуся в телеграмме гофмейстера графа Ламздорфа от 13 сего октября[1] разъяснил цзунь-ли-ямыню, что пока китайское правительство будет твердо держаться высказанного министрами взгляда, то-есть безусловно отклонять все предъявляемые ему другими державами домогательства касательно стоянок их эскадр в бухте Киао-Чао, мы с своей стороны, также намерены держаться того образа действий, который был принят нами до сего времени, а именно: избегать всего такого, что могло бы создать Китаю затруднения с иностранными правительствами и дать им повод добиваться открытия Киао-Чао для иностранных флотов, но что если китайское правительство изменит свой взгляд на настоящий вопрос и решит открыть названный порт для иностранных военных или торговых флотов, то императорское правительство, с своей стороны, самым решительным образом настоит на безусловном признании за ним права первенства в отношении пользования бухтою Киао-Чао, специально как морскою станциею для русского флота, с предоставлением ему прежде других выбрать соответствующий участок земли для устройства угольных и других складов, пристаней и прочих необходимых сооружений.

В видах устранения всяких возможных недоразумений я предупредил равным образом китайских министров, что если только какая-либо из иностранных эскадр, и в частности германская, несмотря на сделанное министрами германскому посланнику заявление, все-таки пойдет в Киао-Чао и расположится там для стоянки, то начальник нашей эскадры в Тихом океане немедленно же получит приказание итти со стоящими под его командой судами в названный порт и воспользоваться всеми теми преимуществами, кои дает нам право первенства.

Министры цзунь-ли-ямыня еще раз подтвердили мне, что китайское правительство твердо решило отклонить всякие поползновения других держав добиться открытия Киао-Чао для их флотов и, с своей стороны, всецело признали, что право первенства в этом отношении во всяком случае должно принадлежать нам.

Все приведенные выше заявления китайских министров имели самый категорический характер и едва ли, мне кажется, есть основание сомневаться в их искренности. Я вынес, напротив, впечатление, что сановники были как бы успокоены сделанными мною, по поручению императорского министерства, заявлениями. Весьма возможно, что сделанная бароном Гейкингом инсинуация по поводу состоявшегося якобы между Россией и Германией полюбовного соглашения о Киао-Чаоской бухте зародила в китайском правительстве подозрения касательно характера нашего собственного отношения к настоящему вопросу, и очень вероятно, что именно это обстоятельство служило причиною, почему министры цзунь-ли-ямыня столь долго не решались первые завести речь о новых домогательствах германского посланника и о бывших с ним недавно по этому предмету объяснениях.

Примите и пр.

Павлов.

---

[1] Эта телеграмма в архиве не обнаружена.

Телеграмма Николая II министру иностранных дел гр. Муравьеву, (26 октября) 7 ноября 1898 г.

Я только-что получил от императора германского телеграмму следующего содержания [1]:

«Китайцы только-что внезапно напали на германскую католическую миссию в Шандуне, которая находится под моим личным покровительством, причем совершено было убийство и ограбление. Я должен наказать этих китайцев в согласие с нашей личной беседой в Петергофе. Я верю, что вы одобрите поход моей эскадры в Киао-Чао, чтоб из этого пункта действовать против мародеров. Это единственно пригодная гавань. Я должен выполнить свои обязательства по отношению к католической партии и показать ей, что я способен защитить ее. Наказание необходимо и будет иметь хорошие результаты для всех христиан» [2].

Николай.

Телеграмма Николая II Вильгельму II, (26 октября) 7 ноября 1897 г. [3]

Очень благодарен за то, что ты предупредил меня лично. Сожалею о нападении, произведенном китайцами на католических миссионеров, находящихся под твоим покровительством. Не могу ни одобрить, ни не одобрить посылку вами германской эскадры в Киао-Чао, так как в последний момент узнал, что эта гавань была, хотя только временно, в нашем распоряжении в 1895—1896 г. Боюсь, что строгие карательные меры могут вызвать беспорядки и недружелюбные отношения на Дальнем Востоке и, может быть, создадут еще более глубокую пропасть между христианами и китайцами [4].

Никки.

Докладная записка министра иностранных дел Муравьева Николаю II, (26 октября) 7 ноября 1897 г., № 2091

Имев счастье получить обе телеграммы вашего императорского величества [5], осмеливаюсь испрашивать разрешение сообщить управляющему морским министерством о намерении германского императора, дабы в случае вторжения германской эскадры и посылки вследствие сего на-

---

[1] Дальше перевод с английского.

[2] В «Die Grosse Politik» под № 3690 (т. XIV, ч. 1) эта телеграмма передана следующими словами: «Китайцы напали на германскую миссию в Шандуне, причинив потери жизнями и имуществом. Я надеюсь, что ты одобришь в соответствии с нашей беседой в Петергофе посылку германской эскадры в Киао-Чао, так как это единственный порт, приспособленный для операций против разбойников. Я обязан показать католической партии Германии, что их миссия в реальной безопасности под моим протекторатом».

[3] Перевод с английского.

[4] Эту телеграмму Николая Вильгельму «Die Grosse Politik» приводит под тем же № 3690 и передает ее в немецком переводе, причем слова: «одобрить или не одобрить» (approuve or desapprouve) передаются в этом переводе через «разрешить или помешать» (erlauben oder verhindern), а в фразе: «была хотя только временно в нашем распоряжении» (only had been temporaly ours) к слову «временно» прибавляет слово: «вообще» (überhaupt).

Последняя фраза телеграммы: «I am affraid that strong punishing measure may create disturbances and uneasy feelings in the Far East and perhaps may make the precipice between christians and chines still deeper than it was now» в «Die Grosse Politik» передана так: «Я питаю беспокойство, что, может быть, тяжелая кара на востоке Китая причинит некоторое возбуждение и неуверенность и расширит пропасть между китайцами и христианами («ich hege Besorgnis, dass vielleicht harte Strafen im Osten Chinas einige Aufregung und Unsicherheit verursachen werden und die Klaft zwischen Chinesen und Christen erweiteren»).

[5] Имеется в виду телеграмма Вильгельму и ответная телеграмма Николая.

ших судов в Киао-Чао, судам нашим было предписано отнюдь не принимать участия в насильственных действиях немцев, которые вызваны не обстоятельствами, служащими им предлогом, а, быть может, только желанием добиться известной цели.

Муравьев.

Записка товарища министра иностранных дел Ламздорфа министру иностранных дел Муравьеву, (26 октября) 7 ноября 1897 г.[1]

Ввиду крайней важности сделанного императором Вильгельмом сообщения было бы необходимым, по моему скромному мнению, представить сегодня вечером нашему августейшему государю проект инструкции Павлову, который я при сем включаю вместе с проектом «докладная записка»[2].

Посылая эти документы с ночным фельдегерем, я надеюсь иметь императорскую санкцию завтра к полудню.

Ламздорф.

Письмо министра иностранных дел Муравьева управляющему морским министерством Тыртову, (26 октября) 7 ноября 1897 г., № 238

М. г. Павел Петрович,

По полученным сведениям, германское правительство имеет намерение отправить свою эскадру в бухту Киао-Чао с целью наказания китайцев за неприязненные действия их против покровительствуемых Берлином в Китае католических миссионеров.

Вследствие сего и на случай, если бы действительное вторжение германской эскадры в означенный порт поставило и нас в необходимость командировать в Киао-Чао отряд из нескольких судов нашей Тихо-океанской эскадры, я считаю долгом покорнейше просить ваше превосходительство благоволить заблаговременно поставить на вид командующему нашим отрядом, что роль его в таком случае будет исключительно наблюдательной; и что, если б по обстоятельствам дела германцы вынуждены были открыть враждебные действия против китайцев, наши суда отнюдь не должны принимать в них участие.

Примите и пр...

Муравьев.

Телеграмма министра иностранных дел Муравьева поверенному в делах в Берлине Палену, (27 октября) 8 ноября 1897 г.[3]

Император Вильгельм сообщил нашему августейшему государю об убийстве китайцами германских католических миссионеров в провинции Шандунь, извещая, что вследствие этого, достойного сожаления, факта в Киао-Чао послана его эскадра. По приказанию его величества я телеграфировал нашему поверенному в делах в Пекине, предлагая ему поддержать германского представителя, который будет добиваться наказания китайцев, замешанных в убийстве. Вместе с тем нашему адмиралу в Тихом океане было предложено на случай, если бы германская эскадра вошла в Киао-Чао, послать часть нашей эскадры в этот порт,

[1] Перевод с французского. На записке царская помета, написанная по-французски: «Это великолепно. Благодарю от души. Н.»

[2] Слова в кавычках написаны в записке на русском языке. В докладной записке Ламздорф просил у царя разрешения отправить Павлову телеграмму, приводимую ниже.

[3] Перевод с французского. На телеграмме царская помета: «С[огласен]» и надпись рукой Ламздорфа: «Царское село, 27 октября 1897 г.».

где мы имели первенство в праве стоянки с 1895 г. Мы надеемся, впрочем, что германо-китайский инцидент будет мирно улажен и, благодаря вмешательству других держав, положение не осложнится [1].

Секретная телеграмма министра иностранных дел г. Муравьева поверенному в делах в Пекине Павлову, (27 октября) 8 ноября 1897 г. [2]

Мы осведомились, что германское правительство намерено отправить свою эскадру в Киао-Чао с целью наказать китайцев, виновных в избиении германских католических миссионеров в Шандуне. Мы, со своей стороны, не можем относиться безучастно к судьбе христиан в Китае, и посему настоятельно советуем правительству богдыхана немедля дать Германии надлежащее удовлетворение.

Тем не менее, мы находим неуместным прибегать сразу к понудительным мерам, которыми берлинский кабинет желает достигнуть удовлетворения.

Основываясь на сделанном уже вами китайцам от имени императорского правительства сообщении, мы, в случае действительного вторжения германской эскадры в Киао-Чао, можем быть поставлены в необходимость командировать в означенную бухту отряд из нескольких судов нашей Тихо-океанской эскадры. Само собой разумеется, что в таком случае суда наши не участвовали бы во враждебных действиях против Китая и ограничились бы наблюдением за всем происходящим в порту.

Надеемся впрочем, что китайцы оценят наши дружеские советы и не замедлят дать требуемое от них удовлетворение, чтобы предупредить дальнейшие замешательства.

Одновременно поручаем вам собрать самые точные справки о происшедшем в Шандуне и о том, были ли по этому поводу какие-либо объяснения между китайским и германским правительствами.

Муравьев.

Телеграмма министра иностранных дел Муравьева поверенному в делах в Берлине г. Палену, (28 октября) 9 ноября 1897 г. [3]

Дополнительно к моей вчерашней телеграмме [4].

Надеемся, что объяснения с китайским правительством предупредят и сделают ненужной посылку германской эскадры в Киао-Чао. Но вполне понятно, если представится случай, наша эскадра войдет в бухту не

[1] Эту телеграмму «Die Grosse Politik» приводит в документе № 3693 (т. XIV, ч. 1), причем слова: «достойного сожаления» («regretable») опущены, а слова: «и благодаря вмешательству других держав положение не осложнится» («sans que situation se complique pas par intervention d'autres Puissances») переданы: «и сделает тем самым бесполезным вмешательство других держав» (et rendre L'intervention d'autres Puissances par là même inutile»).

[2] На телеграмме царская пометка: «С[огласен]» и надпись рукою Ламздорфа: «Царское село, 27 октября 1897 г.».

[3] Перевод с французского. Приводим здесь текст подлинника: «Espérons que les explications avec le gouvernement chinois préviendront et rendront inutile l'envoi de l'escadre allemande en Kiau-Tchou. Mais, le cas échéant, il est entendu que nos bâtiments y entreraient non pas pour prendre part à une action hostile, mais uniquement pour affirmer priorité de mouillage, puisque bâtiments étrangers auraient pénétré dans ce port que la Chine consdère comme étant fermé. Il n'est que trop probable, d'ailleurs, que d'autres Puissances chercheraient à profiter de l'exemple donné par l'Allemagne.

«Die Grosse Politik» (№ 3693) передает телеграмму в следующем виде: «Nous croyons que les explications du gouvernement chinois seront à même de satisfaire l'Allemagne et rendront inutile l'envoi d'une escadre allemande à Kiau-Tchou. Mais si tel est le cas, il est bien entendu que nos bâtiments y entreraient non pas pour prendre part à une action hostile, mais uniquement dans le but d'affirmer priorité de mouillage. Des bâtiments étrangers penetrant dans un port que

для того, чтобы принять участие во враждебных действиях, а исключительно с целью подтвердить право первенства стоянки, поскольку иностранные державы проникли бы в этот порт, который китайское правительство считает закрытым. Очень возможно впрочем, что другие державы попытаются использовать пример, поданный Германией.

Муравьев.

Телеграмма посла в Берлине Остен-Сакена [1] министру иностранных дел Муравьеву, (31 октября) 12 ноября 1897 г. [2]

Вернувшийся вчера канцлер попросил меня притти к нему и прочел мне документ, в котором излагается впечатление императора при чтении наших двух последних телеграмм, касательно нашего права первенства стоянки в Киао-Чао. Его величество, основываясь на телеграммах нашего августейшего государя, отдал приказание своей эскадре в Тихом океане ввязаться в дело в уверенности, полученной уже в Петергофе, что Россия не заинтересована в бухте Киао-Чао, и подкрепленной телеграммой нашего августейшего государя, что мы обладали бухтой лишь временно в 1895 — 1896 г. Император германский не может, следовательно, уяснить себе смысла двух полученных здесь телеграмм по данному вопросу, когда дело уже начато, и обеспокоен осложнениями, вследствие одновременного пребывания в бухте нашей эскадры, осложнениями, ответственность за которые он заранее отклоняет. Канцлер просит предупредить вас об этом.

Остен-Сакен.

Телеграмма поверенного в делах в Пекине Павлова министру иностранных дел Муравьеву, (31 октября) 12 ноября 1897 г. [3]

Ответ на телеграмму 27 октября [4].

Имею сведения, что 18 октября в местности Шоу-Чжан к северо-западу от Янь-Чжоу-Фу ограблена церковь германских миссионеров; 29 октября близ Цзюй-Е к востоку от Цао-Чжоу-Фу убиты ночью в дороге два германских миссионера. Оба случая вовсе не имеют, видимо, религиозной или национальной подкладки, но являются простыми нападениями разбойничьих шаек с целью грабежа, каковые нередки в этой части Шандуня. Для проверки этих сведений и получения подробностей отправил на место происшествия доверенного китайца. Вчера сделал цзунь-ли-ямыню сообщение в смысле телеграммы 27 октября. Министры заявили, что сделают все, чтобы немедленно же дать Германии самое широкое удовлетворение, на одинаковых основаниях, как были удовлетворяемы в подобных случаях французы, англичане и американцы, а именно: казнь преступников, денежное вознаграждение потерпевшим и семействам убитых и строгое наказание местных

---

la Chine considere comme étant fermé, il n'est que trop probable que d'autres Puissances chercheraient à profiter de cet exemple». («Мы думаем, что объяснения китайского правительства таковы, что они удовлетворят Германию и сделают бесполезной посылку германской эскадры в Киао-Чао. Но, если факт таков, то вполне понятно, что наши суда войдут туда не для того, чтобы принять участие во враждебных действиях, но исключительно с целью подтвердить право первенства стоянки. В случае, если бы иностранные суда проникли в порт, который Китай считает закрытым, вполне возможно, что другие державы попытались бы использовать этот пример»).

[1] Посол в Берлине в 1895—1912 гг.

[2] Перевод с французского. На телеграмме царский знак рассмотрения и помета: «Не зная броду, не суйся в воду».

[3] На телеграммее царский знак рассмотрения.

[4] Эти слова переведены с французского.

властей, кои оказались бы виновными непринятием мер для предотвращения. Богдыханом уже издан указ в этом смысле.

Во время происшествия германский посланник находился в Ханькоу, а ныне прибыл в Шанхай. Секретарь германской миссии, по поручению посланника, заявил цзунь-ли-ямыню, что Германия не оставит этого дела без последствий и что посланник сам немедленно возвращается в Пекин для переговоров об удовлетворении. Требование Германии еще не формулировано. Китайцы опасаются, что Германия намерена воспользоваться этим предлогом для осуществления своих планов касательно порта. Министры сами убедительно просят, если германская эскадра войдет в Цяо-Чжоу, немедленно отправить туда и наши суда; обещают осведомлять меня о дальнейшем ходе и всецело руководствоваться нашими советами.

Павлов.

Телеграмма министра иностранных дел Муравьева послу в Берлине Остен-Сакену, (1 ноября) 13 ноября 1897 г.[1]

Вследствие деклараций, сделанных нам китайским правительством, мы должны считать Киао-Чао закрытым портом. Но с того момента, как иностранные эскадры проникли бы в этот порт, право стоянки, которое наши суда первыми приобрели в 1895 г., не могло бы быть у нас оспариваемо. Это положение было, впрочем, явно признано в письме, которое князь Гогенлоэ адресовал мне 10 августа[2] из Петергофа, и в секретной записке, которая была мне передана 4 истекшего сентября[3] князем Радолиным[4]. Эти два документа возможный вход германских кораблей в Киао-Чао подчиняют предварительному соглашению с русскими морскими властями[5].

Муравьев.

---

[1] Перевод с французского. На телеграмме царская помета «С[огласен]» и надпись рукой Ламздорфа: «Царское село, 1 ноября 1897 г.».

Подлинный французский текст телеграммы: A la suite des déclarations qui nous ont été faites par le gouvernement chinois nous devons considérer Kiau-Tchou comme étant fermé. Mais du moment ou les escadres étrangères penetreraient dans ce port, la faculté de mouillage dont en 1895 nos bâtiments ont obtenu les premiers la concession, ne saurait évidemment nous être contestée. Cette situation a été d'ailleurs clairement reconnue dans la lettre que le prince Hohenlohe m'a adressée en date de Péterhof le 10 août et dans la notice secrète qui m'a été remise le 4 septembre dr. par le prince Radolin. Les deux pièces subordonnent l'entrée éventuelle des navires de guerre allemands á Kiau-Tchou à une entente prealable avec les autorités navales russes».

[2] Новый стиль.

[3] Новый стиль.

[4] Германский посол в Петербурге в 1895—1901 гг.

[5] Под № 3609 (т. XIV, ч. 1) «Die Grosse Politik» передает эту телеграмму следующими словами: «Nous devons considérer la baie de Kiau-Tchou comme fermée aux termes des déclarations qui nous ont été faites par le gouvernement chinois. Mais il ne nous saurait évidemment être contesté le droit de faire entrer dans la baie du moment que des escadres étrangères pénétreraient dans ce port la priorité de mouillage ayant été obtenue en premier lieu pour nos batiments en 1895. Cette situation a été clairement reconnue dans la lettre que le prince Hohenlohe m'a adressée en date de Péterhof le 10 août et dans la notice secrète qui m'a été remise le 4 septembre par le prince Radolin. Les deux pièces subordonnent á une entente préalable avec les autorités navales russes l'entrée éventuelle de navires allemands dans la baie en question».

«Мы должны считать бухту Киао-Чао закрытой на основании слов деклараций, которые были нам сделаны китайским правительством. Но, очевидно, у нас не может быть оспариваемо право входа нашей эскадры в бухту в тот момент, когда иностранные эскадры проникнут в этот порт, ввиду того, что наши суда первые приобрели право стоянки в 1895 г. Это положение было ясно признано в письме, которое князь Гогенлоэ адресовал мне из Петергофа 10 августа и в секретной записке, которую мне передал 4 сентября князь Радолин. Оба документа подчиняют предварительному соглашению с русскими морскими властями возможное вступление германских военных кораблей в указанную бухту».

Донесение поверенного в делах в Пекине Павлова министру иностранных дел Муравьеву, (2 ноября) 14 ноября 1897 г., № 32

Секретной телеграммой от 31 минувшего октября я имел честь сообщить вашему сиятельству имеющиеся у меня в настоящее время сведения относительно недавнего инцидента с германскими католическими миссионерами в Шандуне, а равно и результат моих объяснений с министрами цзунь-ли-ямыня по предмету заключающегося в секретной телеграмме вашего сиятельства от 27 октября [1] известия о намерении германского правительства воспользоваться означенным предлогом, дабы произвести враждебную морскую демонстрацию в бухте Киао-Чао.

Первый слух о случившемся в Шандунской провинции избиении германских миссионеров получен был в Пекине 24 октября; в тот же самый день, встретившись с секретарем германской миссии г. фон Притвиц, я услышал от него подтверждение этого известия, причем г. фон Притвиц прибавил, что, судя по телеграмме, полученной им из Ханькоу от барона Гейкинга, дело представляется весьма серьезным и может повести к осложнениям между Германией и Китаем. На другой день, однако же, я снова имел случай увидеть г. фон Притвиц, и последний сообщил мне, что по вновь полученным им дополнительным известиям случай этот не имеет никакого отношения собственно к миссионерскому вопросу и является обычным разбойничьим нападением, сопровождавшимся убийством с целью грабежа. Буквально в том же виде мне представлено было это дело и министрами цзунь-ли-ямыня во время моего объяснения с ними 30 минувшего октября; наконец, тождественное же сведение было получено по телеграфу с места происшествия старшим членом католической духовной миссии в Пекине аббатом Фавье от провикария германской католической миссии в Шандуне в ответ на телеграмму, с которою аббат Фавье, вследствие моей просьбы, специально обратился к провикарию.

Все данные, полученные из сказанных выше источников, мною подробно изложены в секретной телеграмме к вашему сиятельству от 31 минувшего октября; но ввиду данного мне вашим сиятельством поручения доставить о происшедшем в Шандуне самые точные справки я счел своим долгом командировать туда известного мне китайца, нередко уже исполнявшего подобные поручения с тем, чтобы он, находясь на месте происшествия, доставлял мне самые подробные данные как о всех обстоятельствах недавнего инцидента, так и о мерах, которые будут приниматься китайскими властями для задержания и наказания преступников.

Я должен впрочем сказать, что те объяснения, которые я имел с китайскими сановниками 30 минувшего октября по этому предмету, не оставляют ни малейшего сомнения в том, что правительство богдыхана на этот раз вполне искренно решило сделать и безусловно сделает все зависящее от него, дабы немедленно же дать Германии надлежащее удовлетворение. Министры передали мне, что лишь только ими получено было первое известие о происшествии, китайскому посланнику в Берлине было предписано по телеграфу тотчас же отправиться к германскому министру иностранных дел, выразить ему от имени китайского правительства глубокое сожаление по поводу случившегося и заявить о полной готовности Китая дать самое широкое удовлетворение. Судя по ответной телеграмме сановника Шю Кин-чэна [2], германский министр иностранных дел принял его чрезвычайно сурово и без всяких объяснений заявил, что германское правительство, придавая настоящему происшествию особо важное значение, не может ограничиться получением

[1] См. стр. 39.
[2] Китайский посланник в Берлине в 1896—1898 гг.

обычного удовлетворения, что оно дало соответствующие инструкции своему посланнику в Китае, который немедленно должен возвратиться в Пекин и приступить к переговорам, и что, если переговоры эти не приведут к удовлетворительному результату, то настоящий инцидент будет иметь самые тяжелые для Китая последствия.

По словам министров, китайское правительство крайне удивлено и поражено этою ничем не вызванною угрозою, ибо случившееся в Шандуне происшествие даже вовсе не имело характера враждебного акта против германской национальности или миссионеров, но было не более как обыкновенное и вполне возможное в любом государстве преступление с корыстною целью, жертвою коего совершенно случайно оказались германские миссионеры.

Подобная угроза со стороны Германии является тем более неуместной, что китайское правительство даже не делало ни малейшей попытки уклониться от ответственности, но сразу изъявило готовность дать удовлетворение и уже приняло к тому меры. Богдыханом уже издан указ, повелевающий без всякого замедления произвести строжайшее следствие и подвергнуть беспощадному наказанию всех виновных; на место происшествия командированы главный прокурор и даотай Шандунской провинции и приняты все меры для наискорейшего задержания и предания казни виновников преступления; по заявлению цзунь-ли-ямыня, китайское правительство твердо решилось подвергнуть строжайшей ответственности не только действительных участников преступления, но и всех местных чиновников, не исключая и шандунского губернатора, если бы на следствии выяснилось, что преступление не было предотвращено по вине властей или вследствие их небрежности. Само собой разумеется также, что китайское правительство возьмет на себя все материальные убытки и выдаст широкое денежное вознаграждение семействам убитых. Все это, как заверяют министры, было уже высказано ими секретарю германской миссии еще 25 октября, когда последний посетил цзунь-ли-ямынь, но г. фон Притвиц воздержался от малейшего указания на характер удовлетворения, которое Германия имеет в виду потребовать, и ограничился тем же заявлением, которое было сделано китайскому посланнику в Берлине, т. е. что переговоры по этому предмету возложены на барона Гейкинга, имеющего на этих днях возвратиться в Пекин, и что условия, которые он предъявит, вероятно, будут весьма тяжелые для Китая.

Нельзя не признать, что китайское правительство, с своей стороны, действительно сделало решительно все от него зависящее, дабы отнять у Германии всякое основание прибегнуть к понудительным мерам. Поэтому, если германское правительство, несмотря на все, приведет ныне же в исполнение свое намерение касательно враждебной демонстрации в бухте Киао-Чао, то подобный образ действий никоим образом не может быть оправдан последним происшествием в Шандуне.

Случайное убиение двух германских миссионеров, очевидно, должно в таком случае служить лишь совершенно внешним предлогом, которым германское правительство решило, во что бы то ни стало, хотя бы с явною натяжкою, воспользоваться, дабы сделать заранее предрешенный решительный шаг, коим оно несомненно рассчитывает осуществить свои давнишние замыслы о приобретении собственного порта. Это предположение мне кажется тем более вероятным, что весь образ действий германского посланника в последнее время, и особенно в продолжении его нынешнего путешествия по портам Китая, невольно наводит на мысль, что барон Гейкинг, как будто сознательно, старался вызвать такой инцидент, который мог бы послужить Германии предлогом для энергических действий враждебного характера.

Так, 23 октября во время визита у генерал-губернатора Чжан Чжи-

дуна в Учане (против Ханькоу) барон Гейкинг без всякого повода вызвал крайне бурный и резкий разговор по делу о состоявшемся предоставлении бельгийцам концессии на Ханькоу-Пекинскую железную дорогу; в то же самое время офицеры и матросы германской военной шлюпки и крейсера «Корморан», ожидавшие барона Гейкинга на Учанской пристани, имели столкновение с китайской уличной толпой, повод к каковому, насколько можно судить по полученным мною сведениям, едва ли не был дан самими германскими матросами. Во время столкновения в находившихся на шлюпке офицеров и матросов было брошено несколько комков грязи. Барон Гейкинг потребовал, чтобы сам Чжан Чжи-дун немедленно же прибыл на «Корморан» лично принести извинение командиру этого судна. Требование это тотчас же было исполнено Чжан Чжи-дуном, очевидно, получившим строгое предписание из Пекина, и, сверх того, с Учанских фортов был произведен специальный салют германскому флагу.

Инцидент этот был сильно мусирован самими немецкими резидентами в Китае, и многие выражали предположение, что именно им германское правительство и воспользуется как предлогом, дабы произвести на Китай решительное давление в видах решения в желаемом для Германии смысле вопроса о порте. Я совершенно убежден, что не будь на следующий же день получено известие о печальном происшествии в Шандуне, германский посланник или командующий германской эскадрой так или иначе создали бы в самом ближайшем времени какой-нибудь новый инциденг, коим германское правительство могло бы тогда воспользоваться для своих целей. При таких условиях трудно, конечно, ожидать, чтобы какая бы ни была предупредительность и поспешность со стороны китайского правительства в деле удовлетворения за вред, причиненный германской католической миссии в Шандуне, могла остановить берлинское правительство от выполнения задуманного им плана.

Переданное мной вашему сиятельству во вчерашней моей секретной телеграмме известие о выходе германской эскадры из Шанхая с инструкциями в запечатанных конвертах и об отправлении из Гонконга на север с секретным назначением зафрахтованного германским адмиралом немецкого парохода «Зоонмон» с грузом угля и продовольствия, напротив того, заставляют предполагать, что германское правительство решило спешить привести в исполнение задуманную им враждебную демонстрацию с тем, чтобы предупредить возвращение в Пекин барона Гейкинга. Очевидно, германское правительство опасается, как бы вопрос об удовлетворении, вследствие большой уступчивости китайцев, не был решен слишком скоро и как бы Германия таким образом не лишилась представившегося ныне столь удобного предлога.

Китайские министры, повидимому, отдают себе ясный отчет в истинных намерениях Германии и заранее убедительно просили меня передать вашему сиятельству от имени китайского правительства просьбу помочь дружеским советом и оказать поддержку в случае, если германская эскадра, не взирая ни на какие протесты Китая, вторгнется в неоткрытый порт и грубою силою завладеет прилегающей территорией. Не подлежит сомнению, что при нынешнем угнетенном положении китайской империи и полнейшем неустройстве ее военных и морских вооруженных сил китайское правительство фактически не имеет никакой возможности собственными средствами предотвратить подобного рода самовольный захват и оказать сколько-нибудь чувствительное сопротивление даже столь небольшим сравнительно военно-морским силам, коими располагает в этих краях германское правительство. Поэтому вся надежда Китая естественно возлагается в настоящем случае на возможное заступничество других иностранных держав и главным образом России, как державы, непосредственно заинтересованной, по убеж-

дению китайцев, в территориальной неприкосновенности китайской империи и особенно северных ее областей.

Предвидя неизбежные осложнения с Германией и решительно не зная, каким образом выйти из создавшегося трудного положения, китайские министры искренно решились теперь руководствоваться в этом деле нашими советами и указаниями и обещали тотчас же извещать меня о всяком дальнейшем шаге германского представителя в Пекине и о всех движениях германской эскадры.

Павлов.

Телеграмма министра иностранных дел Муравьева послу в Берлине Остен-Сакену, 3 (15 ноября) 1897 г.[1]

Павлов нам сообщает, что вследствие сделанных им представлений китайскому правительству министры заявили, что сделают все, чтобы немедленно же дать Германии самое широкое удовлетворение на одинаковых основаниях, как были удовлетворяемы в подобных случаях французы, англичане и американцы, а именно: казнь преступников, денежное вознаграждение потерпевшим и семействам убитых и строгое наказание местных властей, кои оказались бы виновными непринятием мер для предотвращения. Богдыханом уже издан указ в этом смысле.

Муравьев

Телеграмма посла в Берлине Остен-Сакена министру иностранных дел Муравьеву, (3) 15 ноября 1897 г.[2]

Император возвратился сегодня утром. Тотчас же канцлер написал мне письмо: взвесив сообщение, которое вами поручено было мне сделать, и важный характер которого не ускользнул от меня, я, к своему искреннему сожалению, считаю для себя невозможным изменить нашу точку зрения, которая сводится к следующему: все высказывания, которые могли служить аргументом с той и с другой стороны в споре относительно бухты Киао-Чао, предшествовали телеграмме[3], в которой его величество император Николай заявил, что он совершенно не заинтересован в этом вопросе после недавних сведений. Предшествующие высказывания, каковы бы они ни были, должны считаться с полным правом недействительными вследствие этой императорской декларации[4].

Остен-Сакен.

Телеграмма министра иностранных дел Муравьева послу в Берлине Остен-Сакену, (4) 16 ноября 1897 г.[5]

Получил вашу вчерашнюю телеграмму. Император чрезвычайно удивлен толкованием, данным личной и нешифрованной телеграмме, которую его величество адресовал императору Вильгельму[6]. На взгляд

[1] На телеграмме царская помета «С[огласен]» и надпись рукою Ламздорфа: «Царское село, 3 ноября 1897 г.».

[2] Перевод с французского.

[3] Имеется в виду телеграмма Николая Вильгельму от 26 октября 1897 г.

[4] В этой телеграмме, передаваемой под № 3700 (т. XIV, ч. 1), «Die Grosse Politik» вносит следующие изменения: после слов: «которое вами поручено было мне сделать» («que vous avez été chargé de me faire») добавлено слово: «сегодня» и после слов: «нашу точку зрения» («notre manière de voir») добавлены слова: «которая вам известна».

[5] Перевод с французского. На телеграмме царская пометка: «С[огласен]» и надпись рукою Ламздорфа: «Царское село, 4 ноября 1897 г.».

[6] Имеется в виду телеграмма Николая Вильгельму от 26 октября 1897 г. См. стр. 37.

нашего августейшего государя эта телеграмма ни в чем не изменила положение, и его величество совершенно не думал заявлять о своей незаинтересованности в Киао-Чао, констатируя лишь факт, что на основании заявлений китайского правительства мы должны считать этот порт в настоящее время закрытым для иностранных эскадр.

Имея в виду право первенства стоянки, уступленное нам в 1895 г., мы не могли бы отказаться от Киао-Чао в тот момент, когда другие иностранные суда проникли бы туда, тем более, что, как мы это установили в Петергофе, Россия не располагает в данное время другим портом в этих краях.

Наш августейший государь поручает вам все вышесказанное довести до сведения императора Вильгельма.

Муравьев.

Телеграмма поверенного в делах в Пекине Павлова министру иностранных дел гр. Муравьеву, (4) 16 ноября 1897 г.[1]

Дополнение к моей вчерашней телеграмме[2].

Вчера поздно вечером Ли Хун-чан был у меня, передал следующую телеграмму, только что полученную цзунь-ли-ямынем от командующего китайскими войсками близ Киао-Чао; «2 ноября утром три германских судна с адмиралом вошли в бухту Киао-Чао, высадили десант в двести человек, которые немедленно разрушили телеграфную линию. Адмирал потребовал от начальника китайского гарнизона очистить порт и укрепления в 48 часов, иначе грозил открыть огонь. Китайский отряд отступил, оставив в руках немцев орудия, склады, аммуницию и припасы».

Вчера после полудня германский секретарь посетил цзунь-ли-ямынь, спрашивал о ходе следствия по делу об убийстве миссионеров; ему отвечено, что следствие ведется на месте энергично прокурором провинции и даотаем, что четверо участников убийства уже схвачены, будут немедленно казнены, что вообще китайское правительство даст самое широкое удовлетворение. Германский секретарь, с своей стороны, никаких требований не формулировал и уехал, не упомянув ни одним словом о Киао-Чао. Германский посланник вернется завтра. Китайцы крайне поражены, встревожены. Ли Хун-чан от имени китайского правительства убедительно просит помочь советом, поддержать, чтобы не допустить германцев силой завладеть портом.

Павлов.

Письмо управляющего морским министерством Тыртова министру иностранных дел Муравьеву, (5) 17 ноября 1897 г. № 302

М. г. граф Михаил Николаевич,

На представленном мною 5 сего ноября всеподданнейшем докладе[3] о неудобстве посылки теперь одного или двух судов из эскадры контр-адмирала Дубасова в бухту Киао-Чао, в виду занятия ее германцами, его императорскому величеству благоугодно было собственноручно на-

---

[1] На телеграмме царский знак рассмотрения.

[2] См. стр. 42.

[3] Этот доклад Тыртова находится в связи с докладом царю Муравьева от 23(11) ноября 1897 г. о том, что надо воспользоваться захватом Киао-Чао Германией, чтобы под предлогом оказания защиты Китаю и необходимости иметь для этого твердую опору для русской эскадры в Тихом океане занять Порт-Артур и Таляньвань. На особом совещании при царе 26(14) сентября 1897 г. это предложение встретило возражение и не было принято. Самая мысль однако о захвате Лаодунского полуострова, на котором расположены Порт-Артур и Таляньвань, не была оставлена и впоследствии, спустя короткое время, была осуществлена. («Красный Архив», т. № 52, стр. 103—108).

чертать: «Согласен с вашим мнением о неудобстве посылки наших судов теперь в Киао-Чао. Сообщите графу Муравьеву».

Уведомляя ваше сиятельство о таковом высочайшем повелении, прошу принять и пр.

П. Тыртов.

Телеграмма министра иностранных дел Муравьева поверенному в делах в Пекине Павлову, (6) 18 ноября 1897 г.[1]

Ввиду насильственных мер, принимаемых германской эскадрой в Киао-Чао, мы находим неудобным посылать теперь наши суда в эту бухту. Полагаем, что допущенное китайскими властями незаконное положение не продлится, и в бухте вскоре восстановлен будет нормальный порядок.

Изложенные обстоятельства однако ни в чем не изменяют нашего принципиального взгляда на вопрос о стоянке в Киао-Чао.

Муравьев.

Телеграмма поверенного в делах в Пекине Павлова министру иностранных дел Муравьеву, (8) 20 ноября 1897 г.[2]

Немцами занят остров Цин-Дао при самом входе в бухту Киао-Чао. Телеграфное сообщение с городом Цзяо на северном конце бухты в руках китайцев; телеграфной станции дано предписание принимать телеграммы, подаваемые командующим русскими судами и безотлагательно доставлять ему телеграммы, адресованные на его имя. Германский посланник прибыл вчера; сегодня имеет свидание с министрами в цзунь-ли-ямыне.

Павлов.

Декларация Вильгельма II, (8) 20 ноября 1897 г.[3]

Его величеству германскому императору желательно, чтобы следующие соображения были доведены до сведения его величества императора российского.

Бухта Киао-Чао, будучи, благодаря своему близкому положению к театру последних убийств, наперед указана, как объект наших репрессий, была между тем окончательно избрана в качестве таковой лишь после того, как германский император получил телеграмму, в которой император российский заявил, что он не в состоянии высказать какое-либо мнение, поскольку русская оккупация Киао-Чао в 1895 и 1896 гг. имела только временный характер.

Уже раньше германский император во время своего последнего путешествия в России и на основании сведений, полученных из официального источника[4], убедился, что Россия, считая бухту Киао-Чао слишком удаленной от своей операционной базы, не думает утвердиться там навсегда. Телеграмма, которую его величество император германский послал его величеству российскому императору 7 сего месяца[5], следовательно, имела единственной целью выяснить вопрос о том, что уже в данный момент Россия не заинтересована в Киао-Чао или же герман-

---

[1] На телеграмме царская помета: «С[огласен]» и надпись рукою Ламздорфа: «Царское село, 6 ноября 1897 г.».

[2] На телеграмме царский знак рассмотрения.

[3] Перевод с французского. Опубликовано в «Die grosse Politik», т. XIV, ч. 1, под № 3711.

[4] Во французском тексте: «de source autorisé».

[5] Нов. стиля.

ская акция могла бы сегодня еще затруднить в какой нибудь степени русскую политику.

Ответ его величества императора Николая, не формулируя точно и не давая возможности подразумевать какую бы то ни было оговорку, заставил замолчать последние сомнения, и его величество император германский приказал эскадре направиться в Киао-Чао.

Здесь следует вспомнить, что правительство императора германского демаршем, сделанным в Петербурге в марте 1895 г., предложило свое содействие и взяло на себя таким образом инициативу в совместной дипломатической акции, которая задержала продвижение японцев в Корее и на материке. Между последствиями объединения трех держав в группировку следует отметить, с одной стороны, что Россия смогла включить в зону своего исключительного влияния не только Корею, но весь Северный Китай, в том числе Пекин и внутреннюю часть Желтого моря; с другой стороны, Германия увидела, что ее положение на Дальнем Востоке находится в опасности, как это подтверждается рядом оскорблений и преступлений, направленных против немцев: миссионеров, моряков и прочих. Это явление, непонятное на первый взгляд, может быть объяснено враждебными влияниями, которые, ставя под сомнение добровольность германского содействия в 1895 г., истолковывают, как признак слабости, незаинтересованности, которые обнаружила Германия в то время.

Какова бы ни была причина, очевидно, что Германия в данный момент находится по отношению к Китаю в недостойном положении, которое император должен исправить раз навсегда и всеми средствами, которыми он располагает. Его величество полагает, что его величество император российский, политику которого германский император поддерживает в Европе и в Азии, и мнение которого в настоящем случае он хотел знать прежде, чем действовать, согласен с ним в том, что в данный момент всякое изменение, внесенное в план начатой уже акции, подкрепило бы правительство и народ китайский в поведении, несовместимом с интересами и достоинством Германии.

Едва ли необходимо добавлять, что присутствие немцев в бухте Киао-Чао не должно стеснять русские суда, которые хотели бы притти туда, поскольку Россия не намерена утвердиться навсегда во внутренней части Желтого моря.

Телеграмма поверенного в делах в Пекине Павлова министру иностранных дел Муравьеву, (9) 21 ноября 1897 г.

Продолжение телеграммы от 8 ноября[1].

Вчера германский посланник вручил князьям и сановникам меморандум, формулирующий требования Германии в 6 пунктах: 1. Полное отставление губернатора Шандуна от должности и службы. 2. Задержание и строгое наказание всех виновных и денежное вознаграждение за убитых и имущество. 3. Предоставление Германии исключительных преимуществ по сооружению железных дорог и разработке рудников в Шандуне. 4. Принятие Китаем действительных мер обеспечения германским миссионерам безопасности и покровительства властей. 5. Довершение на средства китайского правительства начатой постройки нового католического храма в городе Цзи-Нань. 6. Военное вознаграждение за издержки, причиненные оккупацией Киао-Чао.

Князь Гун выразил, что действия германского адмирала являются оскорблением китайской империи и не могут быть оправданы простым фактом нападения шайки разбойников на миссионеров, что уже 9 ви-

[1] См. стр. 47.

новных схвачены и большая часть ограбленного имущества найдена, китайское правительство готово немедленно же дать полное удовлетворение по 2 и 4 пунктам, но что обсуждение обоих пунктов может иметь место, лишь когда германские войска уйдут с китайской территории.

Германский посланник ответил, что передаст своему правительству и будет ожидать указаний, но сомневается, чтобы очищение Киао-Чао могло состояться, если Китай немедленно не примет все 6 пунктов без оговорок. Вслед затем барон Гейкинг был у меня, заверил, что оккупация Киао-Чао лишь временная.

Китайское правительство находит требования Германии чрезмерными, особенно 6 пункт, в коем усматривается прямой вызов. Из секретного источника мне известно, что сильная партия при дворе богдыхана требует решительных действий для побуждения Германии очистить Киао-Чао немедленно.

Павлов.

Письмо посла в Берлине Остен-Сакена министру иностранных дел Муравьеву, (10) 22 ноября 1897 г.[1]

Г. граф.

Чтобы дать точный отчет об инциденте в Киао-Чао, я обязательно должен восстановить ход событий со дня моего возвращения в Берлин, который совпал с днем возвращения канцлера, на другой день после передачи графом Паленом ваших двух объяснительных телеграмм, посланных спустя два дня после обмена телеграммами двух государей[2].

Император Вильгельм был еще на охоте у князя Плесс в Силезии. Несколько часов после моего прибытия я получил приглашение канцлера свидеться с ним. Он прочел мне документ, посланный ему императором с примечанием: «передать российскому послу для его правительства». Я не знаю автора этого документа.

В общем в нем выражается удивление или, пользуясь более точным выражением, ошеломление императора при чтении ваших объяснительных телеграмм, утвердительный смысл которых находится в полном несогласии с телеграммой нашего августейшего государя.

Эта последняя, неправильно понятая в самом расширительном истолковании, идущем так далеко, что в ней читается полная наша незаинтересованность в бухте Киао-Чао, послужила со дня ее получения основанием посланных по телеграфу инструкций командующему германской эскадрой в Тихом океане. По всей вероятности, предписанные действия в данный момент уже начаты.

Положение императора оказалось тем более затруднительным, что убийство германских миссионеров, рассматриваемое морским министерством, как достаточный предлог для реализации давно лелеемого Германией желания обеспечить себе морскую станцию в Китае, встретило решительное сопротивление со стороны министерства иностранных дел; во всяком случае, это министерство требовало предварительного разрешения императора вступить по этому предмету в переговоры с петербургским кабинетом.

Не будучи в Берлине, император два дня оставлял канцлера без ответа, по истечении коих он послал ему копию телеграммы нашего августейшего государя, истолковав ее на свой образец и прибавив, что на основании этой телеграммы послал приказания своей эскадре войти в бухту Киао-Чао.

---

[1] Перевод с французского. На письме царский знак рассмотрения.

[2] Телеграммы от 1 и 4 ноября. Остен-Сакен ошибочно пишет, что телеграммы посланы спустя два дня после обмена телеграммами двух императоров.

Начальник личного кабинета императора по морским делам контр-адмирал Зенден-Бибран, которого считают душой всего этого дела, торжествуя, принес министру иностранных дел приказание своего государя.

Как бы то ни было, ко времени получения ваших двух телеграмм дело уже было начато, и канцлер, следуя в этом отношении толкованию своего государя, подтвердил мне положение, изложенное в документе, который он мне прочитал и который гласит: содержание телеграфного ответа нашего государя предоставило Германии полную свободу действий.

Не зная ни содержания переговоров в Петергофе, ни обязательств, которыми вы письменно обменялись с канцлером, я считаю себя мало компетентным, чтобы поддерживать обсуждение. Тем не менее, я отказался получить данный документ, который нарочито подчеркивал протест против ваших оговорок, и, чтобы исполнить желание канцлера, ограничился простой передачей выдвинутых императором мотивов, чтобы объяснить поспешность своих решений.

Я не стану возвращаться к обмену телеграммами, вызванному инцидентом. Они в вашей памяти.

Последней по дате телеграммой была телеграмма в исправленном самим нашим августейшим государем виде и переданная через канцлера в расширенном изложении (in extenso) императору Вильгельму.

Ответ, резюме которого я позволил себе сегодня вам передать по телеграфу, прилагается в оригинале к моей сегодняшней почте.

Я считаю весьма твердым решение императора провести в жизнь свой план. Из секретного и вполне верного источника мне известно, что принц Генрих скоро отправится в китайские воды во главе небольшой эскадры из двух судов, имеющих назначение увеличить германские морские силы в Тихом океане. Это решение, инициатива которого принадлежит принцу Генриху и которое в первый момент было отброшено императором, в самый последний момент при отъезде императора из Лецлингена — было осуществлено после совещания между императором, принцем Генрихом и канцлером.

Примите и пр. Остен-Сакен.

Телеграмма поверенного в делах в Пекине Павлова министру иностранных дел Муравьеву, (11) 23 ноября 1897 г.

По последним известиям из Киао-Чао германский десант, в количестве 400 чел., перешел с острова Цин-дао на материк, наступает к городу Цзяо. Начальник местного китайского отряда ген. Чжан, отправившись с разрешения пекинского правительства к германскому адмиралу для объяснения, был схвачен вместе с сопровождающими офицерами, обезоружен, содержится под стражей в германском лагере. Возбуждение китайского правительства и населения против Германии весьма сильно. В Тяньцзинь отправлено секретное предписание войскам генералов Не Ши-чена и Юан Ши-кая готовиться итти в Киао-Чао. На секретном совещании у генерал-губернатора в Чин-Цзине решено снарядить отряд в 5 000, отправить каналом до Шандуна, далее сухим путем; возбужден вопрос о немедленном удалении из Китая всех германских инструкторов, но пекинское правительство, решив эту меру в принципе, полагает более осторожным отложить исполнение до разъяснения нынешнего осложнения. Большинство влиятельных китайских сановников стоит за то, чтобы всеми средствами избежать открытого разры-

ва; однако возможно, что партия, требующая военных мер, получит перевес, если вызывающие действия Германии продлятся.

[Павлов]

Депеша поверенного в делах в Пекине Павлова министру иностранных дел Муравьеву, (12) 24 ноября 1897 г., № 33[1].

В предшествующем донесении моем от 2 сего ноября, за № 32,[2] я имел честь подробно изложить вашему сиятельству весь ход последних событий, связанных с недавним инцидентом в Шандуне и указавших на явное намерение Германии воспользоваться этим случаем для осуществления своих замыслов, касательно приобретения собственного военного порта на берегах Китая. Происшедшие в течение последующих дней факты вполне оправдали высказанные мною в означенном донесении предположения. Германское правительство, очевидно, заранее решило произвести задуманную им военную демонстрацию в Киао-Чауской бухте во что бы то ни стало и спешило привести свой план в исполнение с возможною скоростью в том расчете, чтобы предупредить возвращение германского посланника в Пекин и не дать ему времени объясниться с китайским правительством.

3 ноября утром китайские министры, буквально исполняя данное ими обещание осведомлять меня о всем ходе дела, прислали мне сказать, что по полученным ими из Шандуна известиям, следствие на месте преступления уже привело к результатам и что задержано четверо главных виновников убийства; несколько часов спустя в цзунь-ли-ямыне был секретарь германской миссии, которому и было сообщено это известие; г. фон Притвиц попрежнему не вступал ни в какие переговоры с китайскими министрами, ни одним словом не упомянул о намерении германской эскадры итти в Киао-Чао и ограничился повторением китайцам, что переговоры об удовлетворении будет вести сам посланник, который должен прибыть в Пекин не позже 5 ноября.

В тот же день поздно вечером, как я имел честь уведомить ваше сиятельство секретной телеграммой от 4 сего ноября[3], ко мне приехал Ли-Хун-чан, видимо сильно озабоченный, и сообщил, что только что в цзунь-ли-ямыне получена от командующего китайским гарнизоном в Киао-Чао ген. Чжана телеграмма о том, что накануне утром три германских военных судна пришли в бухту, свезли на берег десант, который немедленно разрушил телеграфный провод. Затем германский адмирал послал требование начальнику китайского гарнизона немедленно очистить укрепления и отступить за окружающие бухту холмы, грозя в противном случае открыть огонь с судов эскадры. Устрашенный этой угрозой, ген. Чжан поспешил исполнить требование германского адмирала, после чего немцы в числе нескольких сот человек заняли лежащий при входе в бухту остров Цин-Дао и завладели находящимися на нем складами оружия и аммуниции.

Ли Хун-чан, от имени китайского правительства, просил меня немедленно телеграфировать императорскому правительству об этом необъяснимом акте насилия со стороны Германии и высказал надежду, что Россия, будучи, по убеждению китайского правительства, прямо заинтересована в том, чтобы ни Германия ни какая-либо другая держава не утвердилась в Шандуне, окажет в настоящем случае Китаю поддержку и что мы немедленно же отправим в Киао-Чао нашу эскадру, чтобы высказать тем протест против сделанного Германией самовольного захвата и побудить германского адмирала, очистив занятую

[1] На депеше царский знак рассмотрения.
[2] См. стр. 42.
[3] См. стр. 46.

им китайскую территорию, удалиться из Киао-Чауской бухты. Я, разумеется, обещал Ли Хун-чану точас же передать все сказанное им мне по телеграфу вашему сиятельству, прибавив, что взгляд императорского правительства на вопрос о Киао-Чауской бухте уже известен цзунь-ли-ямыню из сделанных мной недавно по поручению императорского министерства заявлений, что мы, и помимо просьбы китайского правительства, признаем необходимым командировать в Киао-Чао отряд из нескольких судов нашей Тихоокеанской эскадры, дабы следить за всем, что будет делаться в бухте.

В течение последующих дней Ли Хун-чан несколько раз присылал ко мне своего секретаря, чтобы узнать, не получено ли мною каких-либо сведений относительно нашей эскадры, видимо, с крайним нетерпением ожидая известия о приходе наших судов в Киао-Чао. Как я затем мог убедиться, Ли Хун-чан имел в виду воспользоваться настоящим случаем, чтобы вновь восстановить свой несколько пошатнувшийся за последнее время авторитет и наглядно доказать, насколько он был прав, настаивая на безусловном и самом тесном сближении с Россией, на которую китайское правительство единственно может положиться в трудную минуту. Сообщенное мной 6 сего ноября в цзунь-ли-ямыне, на основании телеграммы вашего сиятельства от 4 сего же ноября, известие о том, что отряду наших судов еще до получения в Петербурге известия о приходе в Киао-Чао германской эскадры было дано приказание итти в эту бухту, произвело на всех китайских сановников самое сильное впечатление, и я вполне убежден, что если бы в эту минуту положительным образом укрепить в них уверенность, что мы готовы оказать китайскому правительству деятельную поддержку и помочь ему выйти из создавшегося осложнения с Германией, то мы могли бы обеспечить себе весьма быстрое решение в желаемом для нас смысле некоторых других возбужденных нами с китайским правительством вопросов, как например, вопрос об инструкторах, о плавании и торговле по Сунгари, о железных дорогах к северу от Шанхайгуаня и пр.

Само собою разумеется однако, я не счел себя в праве слишком сильно поддерживать надежды китайских министров и для избежания недоразумения разъяснил им, что отправление наших судов в Киао-Чао ни в коем случае не имеет целью понудительные действия против германской эскадры, но лишь наблюдение за действиями последней, и что, если императорское правительство и признает нужным вмешаться в настоящее дело в видах понуждения Германии отказаться от посягательства на Киао-Чаускую бухту, то вопрос этот будет решаться не здесь, а в Европе путем дипломатических переговоров между с.-петербургским и берлинским кабинетами. Как бы то ни было, я должен сознаться, что переданное мною два дня спустя Ли Хун-чану известие об отмене посылки наших судов в Киао-Чао было как для самого Ли Хун-чана, так и для других сановников сильным разочарованием, тем более, что известие это было получено уже после объяснений с германским посланником, веденных ими очевидно под влиянием сильной надежды на активную помощь со стороны русского правительства.

Чтобы несколько смягчить неблагоприятное впечатление, произведенное на Ли Хун-чана такою переменою нашего решения, я объяснил ему, что судя по телеграмме, полученной мной от вашего сиятельства [1], императорское правительство имеет без сомнения положительные основания рассчитывать на то, что оккупация Киао-Чао германскими военными силами не продлится и что в этой бухте вскоре будет восстанов-

[1] Этой телеграммы в архиве не обнаружено.

лен нормальный порядок, ввиду чего посылка в настоящий момент туда нашей эскадры могла бы лишь вызвать новые осложнения и замедлить успешный результат переговоров.

Я не могу скрыть, что Ли Хун-чан казался мало убежденным приведенным выше объяснением и с своей стороны высказал предположение, что императорское правительство вводится в обман Германией, ложно заверяющей нас, что оккупация Киао-Чауской бухты лишь временная, тогда как весь образ действий германского правительства и особенно его представителя в Пекине и германской эскадры напротив того указывают, по мнению Ли Хун-чана, на несомненное намерение Германии окончательно овладеть и сохранить за собою названный порт. Действительно, нужно сказать, что в этот самый день были получены известия о высадке германского десанта с острова Цин-Дао на материк, о движении его по направлению к г. Цзяо с целью подыскания удобных зимних квартир и о предательском, по словам китайцев, арестовании немцами генерала Чжан-Гао-Юань, отправившегося по приказанию, полученному из Пекина, объясниться с германским адмиралом.

7 ноября германский посланник барон Гейкинг наконец прибыл в Пекин. При проезде его через Тяньцзинь тамошний генерал-губернатор, в ведении коего находится и Шандунская провинция, выразил желание повидаться с ним и переговорить по делу об убийстве миссионеров, но барон Гейкинг отклонил это свидание, сославшись на необходимость спешить в Пекин. На другой день после своего приезда германский посланник посетил цзунь-ли-ямынь, где был принят князьями Гуном и Цином и всеми министрами в полном составе. Результат этого свидания я имел честь подробно передать вашему сиятельству в моей секретной телеграмме от 9 ноября [1].

Нельзя не согласиться с тем, что из шести пунктов, предъявленных германским посланником в его меморандуме, касающемся требуемого Германией удовлетворения, два пункта, а именно: о предоставлении германской национальности предпочтения перед другими в деле сооружения железных дорог и разработки минеральных богатств в Шандунской провинции и последний пункт об уплате Китаем Германии «военных издержек» по временной оккупации Киао-Чао,— не имеют ничего общего с убиением миссионеров; особенно требование об уплате военных издержек за незаконное и не вызванное никакою необходимостью вторжение Германии на китайскую территорию поражает и глубоко возмущает китайское правительство. Что касается до остальных пунктов, то хотя министры пока и утверждают, что богдыхан ни под каким видом не согласится на разжалование и отрешение от службы шандунского губернатора, считая взводимое на него германским правительством обвинение в потворстве преступлениям против христианских миссионеров голословным, тем не менее я полагаю, что, в конце концов, китайское правительство принуждено будет уступить по этому пункту, ибо, если шандунский губернатор, может быть, и не был непосредственно причастен к последнему инциденту с германскими миссионерами, то он всегда был известен своею ненавистью ко всему иностранному и особенно к христианской пропаганде и не раз уже был обвиняем в этом даже самими китайцами. Впрочем, из последнего моего разговора с Ли Хун-чаном я вынес впечатление, что исключительно надежда на возможное заступничество и посредничество третьей державы побудило князя Гуна принять в своем ответе германскому посланнику такой решительный тон и поставить непременным условием даже для обсуждения заявленных Германией требований предварительное очищение китайской территории от германских войск.

---

[1] См. стр. 48.

Как Ли Хун-чан, так и другие сановники, отлично понимают, что без постороннего давления Германия не отзовет своего десанта и не выведет своих судов из Киао-Чао, по крайней мере, до тех пор, пока не добьется какого-либо осязательного результата, и что, хотя барон Гейкинг и обещал запросить по этому предмету инструкции из Берлина, но сделал это лишь, чтобы закончить неприятное для него объяснение с князем Гуном, наперед зная, что берлинский кабинет отнесется к требованию китайского правительства отрицательно. С другой стороны, если некоторые из влиятельных при дворе богдыхана сановников старого закала все еще обольщают богдыхана, а может быть, и самих себя иллюзиями о могуществе китайской империи и настойчиво требуют немедленных военных действий для «истребления» горсти иностранных варваров, самовольно вторгшихся в пределы Китая, то все сколько-нибудь просвещенные китайцы, сознающие полное бессилие и неподготовленность китайской империи для борьбы с европейскими государствами, понимают всю опасность нового вооруженного столкновения, могущего иметь еще более тяжелые для Китая последствия, чем недавняя война с Японией, без всякого сомнения, сделают все, что от них зависит, дабы предотвратить открытый разрыв с Германией и употребят все свое влияние, чтобы убедить богдыхана и вдовствующую императрицу согласиться в случае крайности на всякие уступки, хотя бы и унизительные для китайского самолюбия.

Барон Гейкинг был у меня тотчас же после своего визита в цзуньли-ямынь. После продолжительного, не представляющего никакого интереса разговора о различных инцидентах, сопровождавших его недавнее путешествие, и о вынесенных им из него впечатлениях, германский посланник затем перешел к главному интересующему предмету, очевидно, и составлявшему действительную цель его прихода ко мне, а именно: к недавнему занятию бухты Киао-Чао германской эскадрой. По его словам, эта мера явилась в настоящую минуту совершенно непредвиденной для германского правительства и была вызвана исключительно тем прискорбным инцидентом, который случился в Шандуне с германскими католическими миссионерами. Крайнее возбуждение общественного мнения в Германии по этому поводу и настойчивые требования в парламенте, особенно со стороны католической партии, о том, чтобы правительство немедленно приняло самый решительный образ действий, заставили, как говорит барон Гейкинг, императора Вильгельма решиться на эту меру гораздо ранее, чем это, может быть, было желательно. Упомянув затем о том разговоре, который он имел со мной два месяца тому назад перед отъездом из Пекина, по поводу состоявшихся будто бы между нашим и германским правительствами, во время пребывания в Петергофе германского императора, откровенных объяснений относительно наших обоюдных планов в Китае, барон Гейкинг сказал, что в то время он не имел еще возможности определенно высказаться, в чем именно заключались сказанные объяснения, но что в настоящее время, в виду совершившихся событий и во избежание недоразумений, он полагает возможным разъяснить, что, по сведениям, которые он имеет из Берлина, наше правительство будто бы дало понять германскому правительству, что мы, с своей стороны, не имеем никаких положительных видов на Киа-Чаоскую бухту и не будем препятствовать Германии завладеть со временем этим портом, но не ранее, чем, когда сами, в свою очередь, обеспечим себе обладание намеченным нами портом Пин-Ян на западном берегу Кореи. Ввиду этого, пояснил германский посланник, нынешняя оккупация Киао-Чао, неожиданная будто бы для самого германского правительства и вызванная непредвиденными заранее обстоятельствами, является «пока лишь временною» (en attendant, seulement provisoire).

Я ответил барону Гейкингу, что относительно бывшего, по его словам, между обоими нашими правительствами соглашения по вопросу о Киао-Чао и Пин-Яне мне решительно ничего неизвестно, но что на основании полученных мною еще недавно инструкций, я, напротив того, могу заключить, что наше правительство отнюдь не отказалось от своего права первенства по отношению к пользованию бухтой Киао-Чао, как морской станцией для нашего флота на тот случай, если китайское правительство вообще представит этот порт для стоянок иностранных военных судов.

На мой вопрос, сколько времени, по его предположению, может продлиться нынешняя оккупация Киао-Чао, и можно ли ожидать, что германская эскадра уйдет оттуда ранее окончания переговоров по вопросу об удовлетворении, барон Гейкинг ответил, что, не получив еще точных указаний из Берлина, не может сказать ничего определенного, но что в виду того возбуждения, которое вызвано нынешними событиями в Германии, он лично полагает, что германское правительство будет вынуждено продлить оккупацию на несколько более продолжительный срок, чем оно само находило бы это желательным. На этом разговор мой с германским посланником закончился и, хотя я после того уже два раза виделся с бароном Гейкингом, он более не возвращался к настоящему вопросу.

Что касается до влияния, которое нынешние события могут иметь на ход наших собственных дел в Китае и на отношения между императорской миссией и цзунь-ли-ямынем, то мне кажется, что до тех пор, пока в китайском правительстве будет поддерживаться хотя бы слабая надежда на то, что, в конце концов, мы явимся заступниками интересов Китая и поможем ему выйти из настоящего затруднительного положения, мы можем только выиграть от возникшего между Германией и Китаем замешательства; но я не могу не высказать опасения, что, если только китайское правительство усмотрит с нашей стороны полное равнодушие и желание уклониться от какого бы то ни было участия в улажении Киао-Чауского инцидента, а тем более, если оно заподозрит нас в том, что мы тайно сочувствуем планам Германии, то в отношениях к нам китайцев может наступить более или менее резкая реакция, которая, по крайней мере, временно неминуемо отразится неблагоприятно на переговорах миссии с цзунь-ли-ямынем по всем возбужденным нами вопросам и, весьма вероятно, замедлит их успешное решение.

Примите и пр....

[Павлов]

Депеша посла в Берлине Остен-Сакена министру иностранных дел гр. Муравьеву, (13) 25 ноября 1897 г., № 83 [1]

Появление германских крейсеров в бухте Киао-Чао и последовавшее за сим занятие китайского порта того же имени были приветствованы столичной печатью с нескрываемым удовольствием.

Тем не менее здешние газеты крайне осторожно относятся к этому вопросу и, как бы по указанию свыше, не вдаются в более подробную оценку событий, ограничиваясь по большей части простою передачею их хода.

Из этой сдержанности даже не могла вывести германскую печать усиленная полемика, возникшая по сему поводу в органах французской и особенно английской прессы.

Последняя разделилась на два лагеря. Представители консервативного направления, с одной стороны, как бы поощряют Германию, вы-

[1] На депеше царский знак рассмотрения.

ставляя полное равнодушие Англии к факту занятий этой части китайской территории; с другой стороны,— указывают на возможность вмешательства России, как бы подстрекая последнюю к энергичному протесту.

Совершенно иное, открыто враждебное положение заняла печать либерального оттенка. Стоит только указать на статью «Saturday Review» Germania delenda est [1], чтобы понять то озлобление, которое накопилось против Германии в известной среде английского общества. Автор статьи, перечислив успехи, сделанные Германией на поприще торгово-колониальном, видит в войне и в уничтожении германских портов и флота единственный исход для устранения грозящей Англии опасности.

До сих пор берлинская печать не возражала. Одна только «Post», орган консервативно-имперской партии (Reichspartei), передала ее в извлечении и не вдаваясь в оценку приведенных доводов исключительно для поддержания необходимости принятия рейхстагом домогательства правительства об увеличении морских сил империи.

Характерно, что почти одновременно с появлением статьи «Saturday Review» гамбургский орган князя Бисмарка счел своевременным опровергнуть распространяемую в последнее время в Германии мысль о возможности в будущем соглашения России с Англией.

Обстоятельная, по обыкновению, статья «Hamburger Nachrichten», которую позволяю себе представить в вырезке, разбирает все пункты, на которых сталкиваются русские и английские интересы, и выводит полную немыслимость какого бы то ни было соглашения ни теперь, ни в будущем. По мнению автора статьи, англо-русские отношения должны, наоборот, ухудшаться из года в год, в виду поступательного движения России в Азии по направлению к Индии и положения, принятого Англией на Балканском полуострове, постоянно идущего вразрез с политикой нашего отечества.

Примите и пр.

Из донесения военного агента в Берлине Енгалычева В. У. Соллогубу [2], переданное военным министром министру иностранных дел Муравьеву, (22 ноября) 4 декабря 1897 г., № 27 сек.

М. г. Василий Устинович,

За последнее время в германских портах ускоренно снаряжаются возможно большее число судов для отправки в китайские воды и в другие пункты, где признается необходимым поддержать германские колониальные интересы. Было известие, еще не подтвердившееся, о том, что все откомандированные и временно отпускные чиновники флота призваны в Киль и Вильгельмсгафен.

Части морской пехоты приводятся на военное положение и в скором времени будут отправлены на быстроходных судах германского Ллойда 4 роты морской пехоты (около 1 000 человек) и отделение морской артиллерии (около 200 человек), с которым посылается большое число полевых орудий.

Имеется в виду укрепить выбранные участки у бухты Киао-Чао и прочно занять их артиллерию.

Принц Генрих Прусский отправляется на Дальний Восток со второй крейсерской дивизией дней через десять (около 3/15 декабря).

Таким образом все мероприятия подтверждают предположение о том, что Германия имеет в виду прочно утвердиться на побере-

[1] Перевод с латинского: «Германия должна быть уничтожена».
[2] Управляющий делами военно-учебного комитета в 1896—1898 гг.

жье Китая, и нет оснований полагать, в особенности после назначения принца Генриха в состав эскадры, что германское правительство согласится добровольно покинуть бухту Киао-Чао, после получения от небесной империи удовлетворения за убийство миссионеров.

Как слышно, имеется ввиду потребовать от Китая (кроме земельной уступки и денежной уплаты): 1) чтобы в случае постройки железных дорог на полуострове Шандуне (то есть, вероятно, от Пекина к бухте Киао-Чао) были бы допущены лишь германские инженеры и работы сделаны из немецких материалов (рельсы, подвижной состав и пр.); 2) чтобы было допущено строить на полуострове Шандуне немецкие церкви.

Не подлежит сомнению, что крайне энергические мероприятия германского правительства, в связи с поддержкой в широких размерах частной предприимчивости, будут иметь последствием быстрый рост германской колонии на полуострове Шандуне.

Африканские владения Германии по климату своему оказались неподходящими для колонизации: сравнительная же густота населения Германии в связи с широкой коммерческой деятельностью вызывает необходимость ежегодного выселения.

Новое владение Германии на Желтом море признается как по климату, так и по близости к столице Китая крайне выгодным для будущей колонизации. Если Китай не сумеет отделаться теперь от непрошенных «Kulturträger», то с приходом второй дивизии судов, морской пехоты и артиллерии ему это вряд ли удастся, а полуостров Шандунь обратится, если не законно, то фактически в германское владение.

По последним известиям, английская большая эскадра адмирала Бутлера прибыла к о. Формозе; вместе с тем газеты сообщают о том, что Англия, с согласия Китая, заняла часть берега против острова Гонконг (Victoria). Повидимому, Англия очень рада, что Германия решила утвердиться в северной части Китая, а не в сфере английских владений и интересов.

Таким образом Англия и Германия наметили себе определенную часть береговой линии Китайской империи для торговой эксплоатации: Англия — в среднем Китае с городами Кантом, Шанхай и Нанкин, а Германия — в части северного Китая в сравнительной близости к Пекину.

Наружно в высших сферах Берлина вполне спокойно, но в действительности положение признается крайне натянутым, опасаясь, что возможны серьезные осложнения с Россией.

Морское ведомство[1] настроено прямо воинственным образом.

Высшие же военные круги покуда сдержаны; но мнение воинствующей партии, считающей, что Германия теперь более готова во всех отношениях, чем ее соседи, может найти некоторую почву при нынешних политических обстоятельствах...

Уверенность в полной готовности германской армии и всей страны на случай войны, придает имперскому правительству решительность в принятии таких рискованных мер, как, например, занятие бухты Киао-Чао, раз что это признается необходимым в интересах развития могущества Германии.

Примите и пр.

П. Енгалычев.

---

[1] Решение о занятии бухты Киао-Чао принято по настоянию морского ведомства. (Примечание в подлиннике).

Телеграмма поверенного в делах в Пекине Павлова министру иностранных дел Муравьеву, (27 ноября) 9 декабря 1897 г.[1]

Сейчас Ли-Хун-чан был у меня, дополнительно объяснил: китайское правительство, соглашаясь дать Германии удовлетворение по всем шести пунктам, поставило условием очищение Киао-Чао. Гейкинг ответил, что не может обещать, должен спросить указаний из Берлина. Английский адмирал с частью эскадры находится в Киао-Чао. Одно английское судно ходило в Порт-Артур, заявило начальнику гарнизона, что послано убедиться, не занят-ли Порт Артур русскими, затем вернулось в Чифу.

[П а в л о в].

Телеграмма министра иностранных дел Муравьева послам в Берлине, Париже, Лондоне и Токио, Остен-Сакену, Моренгейму, Стаалю и Розену, (29 ноября) 11 декабря 1897 г.[2]

Ввиду состоявшегося занятия Киао-Чао германской эскадрой, которая намерена, повидимому, остаться в бухте на неопределенное время, государь император признал необходимым повелеть, чтобы отряд нашей Тихо-океанской эскадры отправился для временной стоянки в Порт-Артур, на что уже последовало согласие со стороны китайского правительства.

В полной уверенности, что Россия и Германия[3] должны и могут итти рука об руку в делах Крайнего Востока, его императорское величество поручает вам предупредить об изложенном германского императора.

Секретная телеграмма посла в Берлине Остен-Сакена министру иностранных дел Муравьеву, (2) 14 декабря 1897 г.[4]

Получил телеграмму сегодня вечером в 9 часов.

Так как император с Бюловым отправился в 7 часов утра из Потсдама в Киль, я в тот же момент передал этому последнему содержание телеграммы[5]. Он казался от нее в восхищении, говоря, что император будет также восхищен и что его величество безусловно желает итти с нами руку об руку на Дальнем Востоке. Бюлов передаст телеграмму императору завтра в вагоне и расскажет мне о впечатлении императора в течение 48 часов, в четверг по возвращении из Киля.

Телеграмма посла в Берлине Остен-Сакена министру иностранных дел Муравьеву, (5) 17 декабря 1897 г.[6]

Возвратившийся сегодня ночью из Киля император оказал мне честь, посетив меня. Он покинул меня только сейчас после беседы, продолжавшейся три четверти часа. Его величество с живым удовлетворением принял последние сообщения, которые мне поручено было ему передать по приказу нашего августейшего государя. Он заверил меня, что в инструкциях, которыми снабжен принц Генрих, в качестве руководящего принципа выдвигается полная солидарность наших интере-

---

[1] На телеграмме царский знак рассмотрения.

[2] На телеграмме царская помета: «С[огласен]» и надпись рукою Ламздорфа: «Царское село, 20 ноября 1897 г.».

[3] В телеграммах, посланных в Париж, Лондон и Токио, в этом месте указано «Франция», «Англия», «Япония».

[4] Перевод с французского. На телеграмме царский знак рассмотрения.

[5] Телеграмма от 29 ноября 1897 г.

[6] Перевод с французского. На телеграмме царский знак рассмотрения.

сов на Дальнем Востоке, вплоть до приказа поставить суда его эскадры борт о борт с нашими, если осложнения с Японией вынудили бы нас к враждебным действиям. Император совершенно убежден, что вмешательство Германии в дальневосточные дела в будущем будет служить условием присоединения к нашим интересам, чтобы действовать сообща против всякой державы, которая пошла бы против нашей восточной политики. Подробности курьером, которого я высылаю в воскресенье [1].

Телеграмма поверенного в делах в Пекине Павлова министру иностранных дел Муравьеву, (11) 23 декабря 1897 г. [2]

Ответ на телеграмму от 18 декабря [3].

Сегодня китайское правительство приняло все сообщенные в моей телеграмме 12 декабря условия, предложенные Германией для решения вопроса о Киао-Чао; срок определен в 99 лет. Формальное соглашение должно быть подписано в самом непродолжительном времени, одновременно с соглашением об удовлетворении за убийство миссионеров.

Телеграмма поверенного в делах в Пекине Павлова министру иностранных дел Муравьеву, (12) 24 декабря 1897 г. [4]

Получена телеграмма от 9 декабря [5].

Предложение китайцев объявить Киао-Чао открытым портом решительно отвергнуто германским посланником, вопрос об этом оставлен. Сегодня германский посланник конфиденциально сообщил мне, что получил инструкции добиваться решения вопроса о Киао-Чао на следующих основаниях: «1) Китай предоставляет Германии в арендное пользование на определенный срок два небольших участка по обе стороны входа в бухту с правом устройства на них Германией доков, складов и укреплений. 2) Верховные права на арендуемую территорию будут оставаться за Китаем. 3) По истечении срока, укрепление и прочие сооружения поступят бесплатно в собственность китайского правительства. 4) Германия обязуется, в течение того же срока, защищать бухту, со всеми находящимися в ней за пределами арендуемых участков сооружениями китайскими от возможного нападения со стороны Японии и союзных с ней держав». Если с нашей стороны не будет поставлено препятствий и если Германия сделает небольшие уступки с формальной стороны, то соглашение на этих основаниях имеет шансы состояться.

[Павлов].

Секретная телеграмма поверенного в делах в Пекине Павлова министру иностранных дел Муравьеву, (23 декабря) 4 января 1898 г. [6]

Дополнение телеграммы 28-го декабря [7].

Ответной нотой германскому посланнику от 23 декабря китайские министры уведомили, что принимают предложенные Германией пункты

[1] Более подробное письмо Остен-Сакена Муравьеву от 7(19) декабря 1897 г. напечатано в «Красном Архиве», т. 58, стр. 150—151.

[2] На телеграмме царский знак рассмотрения.

[3] В телеграмме этой Муравьев сообщил Павлову, что правительство не видит удобства в условиях, предложенных по поводу улажения инцидента в Киао-Чао, и потому оно не находит препятствий к принятию этих условий Китаем.

[4] На телеграмме помета Николая II: «Оригинальна готовность Германии принять на себя защиту бухты Киао-Чао».

[5] В телеграмме от 9 декабря 1897 г. Муравьев предлагал разъяснить китайским министрам, что для Китая невыгодно объявление Киао-Чао открытым портом.

[6] На телеграмме царский знак рассмотрения.

[7] Эта телеграмма в архиве не разыскана.

в следующем виде: «1) Китай уступает Германии в арендное пользование часть береговой земли бухты Киао-Чао; на этом участке Германия возведет на свой счет укрепление и будет содержать войска. На пространстве шириною в 100 ли от черты высокого прилива вокруг сей бухты будет нейтральный пояс, на котором китайское правительство может иметь войска не иначе, как по соглашению с Германией, и где Германия, в свою очередь, может проводить свои войска. Вся территория как в арендном участке, так и в нейтральном поясе остается собственностью Китая. 2) Срок аренды определяется в 50 лет. 3) Граница уступаемого в аренду участка направляется от западной оконечности острова Талосана на север до берегового пункта против острова Чипосана; отсюда на север-восток до северной оконечности острова Тингосана; далее на юго-восток до середины Лаопанской гавани, откуда к восточной оконечности острова Чаляндао. Точная граница будет определена впоследствии на месте специальными комиссарами. 4) Все водное пространство в пределах этой черты будет находиться в ведении Германии. Германское правительство на свой счет поставит на нем маяки, буйки, вехи и другие знаки. Китайские военные и коммерческие суда будут иметь свободный вход в бухту без уплаты Германии каких-либо пошлин, кроме маячных и портовых сборов, наравне с судами прочих наций. 5) Если бы германское правительство пожелало возвратить Китаю означенный участок в бухте Киао-Чао до истечения срока аренды, то Китай обязуется предоставить Германии на тех же основаниях соответственный участок в другом пункте Китая, возместив германскому правительству все расходы по возведенным последним в Киао-Чао сооружениям и по оккупации». На эту ноту германский посланник ответил, что, так как при словесных переговорах срок аренды был условлен в 99 лет, он настаивает на письменном принятии означенного срока. Два дня спустя китайские министры письменно уведомили, что согласны установить срок 99 лет, и в то же время просили, чтобы Германия обязалась, что в течение этого срока бухта Киао-Чао не будет переуступлена никакой другой державе. Гейкинг ответил, что Германия согласна дать такое обязательство.

В настоящее время германский посланник возбудил вопрос о предоставлении германской компании концессии на сооружение железной дороги от Киао-Чао до того пункта внутри Шандунской провинции, который впоследствии будет выбран сказанной компанией. По словам Гейкинга, до удовлетворительного решения этого последнего вопроса подписание формального соглашения касательно Киао-Чао едва-ли состоится.

[Павлов].

Секретное письмо военного агента в Берлине, переданное министру иностранных дел Муравьеву, (25 декабря) 6 января 1898 года, № 35

Вчера получено официальное извещение о заключении между Китаем и Германией соглашения, по которому уступается Германии бухта Киао-Чао, на правах долгосрочной аренды с правом возводить постройки, укрепления и т. д. Уступленный участок в несколько квадратных миль заключает в себе внутренность бухты (до границы высшего уровня воды), обе косы, отделяющие бухту от моря, и острова внутри и впереди бухты. В определенной зоне кругом бухты Китай согласился не предпринимать никаких мер без согласия Германии. Выговорено право обмена в случае надобности Киао-Чауской бухты на другую с уплатой Германии за все постройки и работы, сделанные в Киао-Чао.

Такое блестящее окончание переговоров признается здесь как первый

значительный успех германской политики за последние годы. Этим открывается для Германии новая сфера широкой торговой деятельности.

Нельзя не признать той решительности, которая проявлена Германией в этом случае.

Убедившись, что Россия не заинтересована бухтой Киао-Чао, император Вильгельм, помимо большинства министров, помимо мнения мастистого короля Саксонского [1], считает своевременным осуществление давнишнего желания и дает приказ германским крейсерам войти в Киао-Чао и высадить десант, требуя удовлетворения за убийство миссионеров. Менее чем в два месяца это рискованное предприятие горстью моряков, основанное на надежде, что Россия не будет препятствовать, и на знании внутреннего состояния Китая, увенчано успехом, который отразится с большой выгодой на международном положении Германии и на внутреннем положении германского правительства.

Помимо усиления престижа на Дальнем Востоке, Германия сумеет извлечь большое экономическое преимущество из нового владения, базы для дальнейшего усиления политического и торгового влияния в Китае [2].

Только что заключенный договор с Китаем, узаконивший занятие Киао-Чао, будет лишь началом дальнейших переговоров о разных правах на постройку железных дорог, разработку огромных залежей каменного угля (до 600 миль) на полуострове Шандуне, усовершенствование заброшенного канала Киао-Чао-Лиат-Чао (на Печилийском заливе) и устройство складов и факторий внутри Китая, чтобы снабжать богатые и густо населенные провинции Китая: Шандун, Хонан, Шанси, Шензи и Гупель — германскими товарами.

Такая деятельность может вызвать пробуждение Китая и поэтому первенствующее значение для России имеет вопрос об инструкторской деятельности германских офицеров в Китае, составляющий теперь предмет дипломатических переговоров между нами и Германией.

Гордая своим прусским милитаризмом и военной организацией, Германия охотно помогает государствам с слабыми военными силами в усовершенствовании их, особенно если такое усиление полезно Германии в политическом отношении.

Прошедшее указывает на примеры организаторской деятельности германских офицеров в Турции и в Японии, конечно, в разрез с русскими интересами на Черном море и на Дальнем Востоке [3].

Некоторые данные указывают, что то же самое может повториться и в Китае, где уже (в провинциях Среднего Китая), по газетам, находятся германские инструкторы. Очевидно, что эта деятельность будет негласная, непризнанная официально германским правительством, которое вправе будет сказать, что офицеров в Китай не посылает.

При содействии военного министерства и дипломатических представителей германские офицеры, покинувшие службу, могут заключать личные сделки с тем правительством, которое желает иметь инструкторов.

---

[1] Альберта (был королем в 1873—1901 гг.).

[2] Общество германского Ллойда установило правильное ежемесячное пароходное сообщение из Гамбурга в Киао-Чао. (Прим. в подлиннике).

[3] Япония обязана своей военной организацией всецело Германии, значительное число японских офицеров постоянно прикомандировано к разным штабам и воинским частям германской армии; особенно старательно изучаются японцами мобилизационные и железнодорожные вопросы. В настоящее время все японские офицеры покинули Германию и отправились на родину. (Прим. в подлиннике.)

При настоящем политическом положении Германия, по всем вероятиям, не будет посылать официальных инструкторов в Северный Китай; частным же лицам германское правительство препятствовать не может, но, наверное, будет оказывать полное содействие.

Наиболее существенным было бы наблюдение в самом Китае за контрактами, заключаемыми вице-королями с германскими подданными, которые принимают на себя обязанности инструкторов.

Утвердившись в Китае, германское правительство обещается действовать там рука в руку с Россией против японских и английских интересов, но есть основания полагать, что при дальнейшем усилении Россия в Северном Китае, Германия желала бы придерживаться практического взгляда: «сколько вам, столько же и нам», забывая как бы давность наших исторических прав.

Подполковник гр. Муравьев-Амурский.

Депеша посла в Берлине Остен-Сакена министру иностранных дел Муравьеву, (23 января) 4 февраля 1898 г., № 5.

Имею честь препроводить к вашему сиятельству карту китайской территории, занятой Германией на полуострове Шандуне.[1]

Карта эта есть воспроизведение той, которая, по заключении соглашения с правительством Небесной империи, была представлена комиссии рейхстага.

Как вашему сиятельству благоугодно будет усмотреть, нейтральная полоса, обнимающая ныне полосу земли в 50 километров в радиусе, значительно расширена по сравнению с установленной первоначально адмиралом Дидрихсом.[2]

Таким образом эта нейтральная полоса превосходит по размерам ту, которая определена между Англией и Китаем в окрестностях Гонг-Конга; на всем ее протяжении водворение иностранцам вполне воспрещается, за Германией же признаются державные права.

Примите и пр.

[Остен-Сакен].

Секретная телеграмма поверенного в делах в Пекине Павлова министру иностранных дел Муравьеву, 3 февраля 1898 года.[3]

Дополнение к моей телеграмме от 22 января № 2[4].

Основания, на коих будет строиться железная дорога из Киао-Чао в Цзи-Нань и далее до соединения с будущей Пекин-Ханькоуской дорогой, определены следующие: образование немецко-китайской компании, коей и будет дана концессия; акции и облигации могут принадлежать как китайцам, так и иностранцам. Германское и китайское правительства назначают каждое своих чиновников для наблюдения за постройкой и эксплоатацией. Переговоры Гейкинга с министрами касательно дороги на И-Чжоу-Фу, повидимому, идут успешно.

[Павлов].

---

[1] Карта в делах не обнаружена.
[2] Адмирал, командовавший эскадрой, захватившей Киао-Чао.
[3] Ст. стиль.
[4] В телеграмме от 22 января за № 2 Павлов сообщал, что китайское правительство согласилось представить Германии концессию на постройку железной дороги от Киао-Чао до Цзи-Нань-Фу.

Секретная телеграмма поверенного в делах в Пекине министру иностранных дел Муравьеву, (25 февраля) 9 марта 1898 г.

Подписание формального соглашения с Германией касательно Киао-Чао состоялось 22 февраля; условия тождественны с сообщенными мною в телеграмме 4 января и с включением в соглашение пункта касательно сооружения обеих железнодорожных линий Киао-Чао — Цзи-Нань и Киао-Чао — Чжоу-Фу на основаниях, изложенных в моей телеграмме 3-го февраля.[1] Сегодня германские войска в Киао-Чао получили приказание очистить территории за пределами уступленных в аренду участков.

[Павлов]

---

[1] См. стр. 62.

Агрессивные планы Италии в связи с переговорами о возобновлении тройственного союза

Печатаемые ниже документы из царского архива внешней политики представляют большой интерес для характеристики установок, методов и традиций итальянской дипломатии.

В 1853 г., когда северная Италия еще стонала под австрийским игом, Сардинское королевство, выступавшее как объединитель Италии, присоединилось к англо-франко-турецкой коалиции против России для того, чтобы завоевать себе место среди «великих» держав и иметь затем возможность участвовать в европейской мирной конференции. Но не один этот политический расчет побуждал Кавура проливать в далеком Крыму, в интересах Англии и Франции, итальянскую кровь, которая так нужна была для борьбы с австрийским угнетателем: мы знаем из дневников лорда Малмсбери, английского министра иностранных дел накануне войны, что Кавур домогался и материальной платы за итальянское участие в коалиции и уступки ему под колонию не более и не менее как... Крымского полуострова!

В 1859 г. та же молодая Италия, боровшаяся за свое национальное воссоединение, заключила союз с Францией на предмет совместной войны против Австрии, но тут же согласилась отдать своей союзнице Ниццу, родину национального героя Гарибальди, и Савою, колыбель династии «освободительницы». В 1866 г. она договорилась с Пруссией насчет совместного нападения на Австрию, но до этого она вела переговоры с Австрией, которая готова была отдать Италии без боя Венецианскую область за ее нейтралитет, однако в последний момент Италия отказалась от этой, казалось, выгодной сделки потому, что, воюя на стороне Пруссии, она рассчитывала, что последняя поможет ей захватить также Рим, выгнав оттуда старых французских друзей, стоявших там гарнизоном. Хотя все приготовления к походу на Рим были сделаны, это ей не удалось, как не удалось захватить Крым; но в 1870 году, когда, пользуясь затруднениями Франции в войне с Пруссией, она заняла «вечный город», а не со времени только захвата Туниса французами, как обычно полагают, Италия, боясь французского реванша, стала льнуть к Германии. Несомненно, что потеря Туниса — итальянский флот стоял под парами в Гаэте, готовый броситься на Тунис, но французы его предупредили, зайдя в Бизерту — сыграла роль пресловутой капли, переполнившей чашу итальянского огорчения.

Публикуемые ниже документы относятся к двум совершенно отличным друг от друга моментам в последующей истории итальянской дипломатии, объединенным однако единством той же традиции и тех же методов беспринципности, нелойяльности и хищности; первый из них относится ко времени пребывания Италии в Тройственном союзе, когда она всеми силами старалась активизиро-

вать его против Франции — той самой, которая положила основание ее национальному освобождению, а второй — ко времени, когда Италия тайком изменяла Тройственному союзу и вернулась к французской дружбе. Оба момента требуют отдельного рассмотрения.

Отправной точкой зрения для определения роли Италии в Тройственном союзе для «хозяина» этого союза — Бисмарка — было решение поддержать германской вооруженной силой Австро-Венгрию в случае войны последней против России. «Не подлежит сомнению,— с редкой откровенностью писал Бисмарк германскому послу в Вене 27 декабря 1887 г.,— что наша война против Франции последует немедленно за объявлением войны против России. Если бы война с Францией не началась сама собою, то для нас более или менее обязательно без промедления вызвать ее. Мы не можем вести войну на Востоке с полной силой и далеко[1] от наших границ до тех пор, пока мы еще имеем у себя в тылу все французские силы неослабленными и готовыми к нападению. Мы не знаем, как дело будет обстоять тогда во Франции, но если мы в отношении ее будем не более обеспечены, чем теперь, то нам придется, вероятно, вслед за началом австро-русской войны объявить войну Франции для того, чтобы, обеспечивши нашу западную границу, обратить все наши силы против России»[2].

Союзный «оборонительный» договор между Германией, Австро-Венгрией и Италией был подписан 20 мая 1882 г. и уже в этом году, по свидетельству германского военного агента в Риме, генеральным штабом и военным министерством Италии «лихорадочно» разрабатывались операционные планы войны против Франции.

В Италии не было недостатка в желании принять участие в европейской бойне: слишком соблазнительна была обстановка, создавшаяся в результате одновременного участия Италии и в Тройственном союзе, и в соглашении между Австрией, Италией и Англией, заключенном одновременно с продлением договора Тройственного союза, обменом нот от 12 февраля — 24 марта 1887 г.

Криспи не замедлил командировать итальянских делегатов в Берлин: полковников Дабормида и Альбертоне, приступивших к переговорам с Мольтке 27 декабря 1887 г.

По заявлению этих офицеров,— писал Мольтке в министерство иностранных дел на следующий день,— итальянское правительство в случае войны с Францией намерено вторгнуться в южную Францию, но не столько прорывом через Альпы, сколько — при содействии Англии — движением по побережью. Но и в этом случае итало-французский театр войны не позволит развернуть с пользой более, чем 8 корпусов; остальные 5—6 корпусов и 2—3 кав. дивизии итальянское правительство желает присоединить к германским войскам на Рейне. «Это желание,— писал Мольтке,— может осуществиться только при условии, что Австрия предоставит воспользоваться своими железными дорогами с тем, что итальянские войска будут доставлены на Рейн через Инсбрук и Винер Нейштадт»[3].

С этим предложением Бисмарк обратился к австро-венгерскому правительству, подкрепивши его следующими соображениями:

«Весьма вероятно, что в случае франко-германской войны Россия нападет на Австрию. Но если бы Россия, сверх ожидания, на это не решилась бы, а вместе с тем усиливала бы свои вооружения и заняла угрожающую позицию, то Австрия, как можно предвидеть, должна была бы сама[4] по стратегическим соображениям объявить войну России, дабы не оставлять последней выгодного положения и свободы выбора момента [выступления]». Бисмарк объяснил австро-венгерскому послу, что Германия включила Италию в Тройствен-

[1] Подчеркнуто в подлиннике.
[2] «Die grosse Politik der Europäischen Kabinette», т. VI, стр. 68.
[3] Там же, стр. 240.
[4] Подчеркнуто Бисмарком.

ный союз не ради себя, а ради Австрии, для обеспечения ее тыла, что «для Германии одной союз с Италией не нужен», так как и без этого союза они воевали бы против Франции не порознь, а одновременно.

Австрийскую точку зрения изложил германскому послу Кальноки, министр иностранных дел Австро-Венгрии. Пользу союза с Италией для Австро-Венгрии он видел главным образом в том, что во время войны Германии и Австрии против Франции и России военные ресурсы Италии не останутся нетронутыми, так как они могли бы «при известных условиях» представить опасность для союзников Италии[1]. Кальноки считал, однако, соглашение об использовании австрийских железных дорог Италией «преждевременным»; «вероятность войны, к счастью,— сказал он,— отодвинулась дальше, чем это было в конце прошлого года. (Здесь Бисмарк поставил многозначительный вопросительный знак.) Но так как Германия в случае войны между Россией и Австрией намерена немедленно напасть на Францию, то война станет всеобщей», и, при таких условиях, Австрия, конечно, не откажет в пропуске итальянской помощи своим союзникам — немцам; впрочем Кальноки предпочел, чтобы итальянские вспомогательные войска и в этом случае избрали другой путь и другой театр войны, а именно — Румынию...

На этом заявлении Кальноки и на изъявлении Бисмарком своего неудовольствия и намерения на следующий же день «соответственно поговорить» с австро-венгерским послом — обрывается цепь опубликованных документов германского министерства иностранных дел. Донесение германского посла в Вене, излагающее заявление Кальноки, датировано 7 января 1888 г., следующий за ним документ — от 23 января 1888 г.— представляет готовый текст австро-германско-итальянской конвенции и сопроводительное к нему письмо Мольтке, свидетельствующее о наличности у австрийского представителя полномочия этот текст подписать. Какими аргументами Бисмарк заставил Кальноки согласиться на подписание (по австрийскому источнику — 28 января 1888 г.) военной конвенции, озаглавленной: «Меморандум, излагающий обмен мнений между военными делегатами трех центральных держав в Берлине в январе 1888 г.»,— это остается неизвестным....

Обратимся к австрийскому источнику — «The secret Treaties of Austria-Hungary 1879—1914», by A. Pribram, english edition by A. Coolidge, vol. II.

Отсюда мы узнаем, что в начале 1888 г. была заключена военная конвенция между Германией и Италией, текста которой Прибрам не нашел в венских архивах, и о которой хранят абсолютное молчание документы германского министерства ин. дел, опубликованные в «Die grosse Politik». «Меморандум» 28 января 1888 г. был по существу дополнением этой законспирированной итало-германской военной конвенции, необходимым постольку, поскольку требовался пропуск через австрийскую территорию итальянских войск на Рейн. «Меморандум» предоставлял для этой цели три линии австрийских железных дорог, определял количество поездов в день, начальные сроки перевозки, количество перевозимых войск (6 корпусов и 3 кав. дивизии).

Прибрам сообщает далее, что в промежуток времени между октябрем 1887 г. и апрелем 1888 г. происходили не увенчавшиеся успехом переговоры о сотрудничестве итальянских и австро-венгерских войск. Инициатива и здесь принадлежала воинственному Криспи. Кальноки не мог признать военную помощь Италии бесполезной, но не мог также не задуматься над тем, насколько можно верить Италии и что она запросит в качестве вознаграждения за эту помощь. «Я не имею оснований,— писал Кальноки австро-венгерскому послу в Риме

[1] «Ни одно из европейских государств в своих международно-политических отношениях не является столь ненадежным и внешне-политически и внутренне-политически, как Италия. Она всегда колеблется между средне-европейскими державами» (читай: Германией, Францией и Англией).
(Rohrbach, Deutschland unter den Weltvölkern, 1903, (стр. 136—137).

28 декабря 1887 г.,— сомневаться в союзнической добросовестности Италии, но у меня также нет уверенности, что она останется безоговорочно верной своим обязательствам при всех обстоятельствах...». «Скромность и самоотверженность,— писал далее Кальноки,— качества, в наличности которых никак нельзя упрекнуть Италию. Поэтому мы должны быть готовыми к тому, что цена, которую запросит Италия за свою помощь, может дать повод к очень неприятным спорам и даже к возможному разрыву переговоров». Мерой предосторожности Кальноки избрал затягивание переговоров до того, как опасность войны с Россией, по его мнению, миновала, после чего переговоры, по словам Прибрама [1], прекратились.

В довоенной литературе берлинская конференция военных уполномоченных, выработавшая конвенцию-меморандум 28 января 1888 г., была неизвестна, хотя указание на какие-то состоявшиеся военные соглашения проникли в печать. Тройственная берлинская конференция подменялась миссией анонимного офицера итальянского ген. штаба. Так, P. Matter излагал события следующим образом: «В октябре 1887 г. Криспи... отправился в Фридрихсруэ, где провел 3 дня в совещаниях с Бисмарком: они решили уточнить условия Тройственного союза в военных протоколах, которые фиксировали бы различные варианты вооруженного выступления и обязанности в этих случаях каждой из договаривающихся сторон. Некий офицер итальянского ген. штаба ездил зимой 1887—1888 г. между Римом, Берлином и Веной для выработки и подписания этих конвенций» [2].

Историки черпали сведения об этой фазе развития Тройственного союза из единственного источника: книги весьма известного «неофициального дипломата», широко популяризировавшего свое участие в подготовке франко-русского альянса, J. Hansen «Ambassade à Paris du baron de Morenheim (1884—1898)», изданной в Париже после смерти Моренгейма (1906 г.).

«Надо знать,— писал этот автор,— что в военных протоколах, дополнявших договор Тройственного союза, предусматривались все возможные случаи войны... и условия, в которых должна выступить каждая из них при наступлении casus foederis. Один старший офицер итальянского ген. штаба, во время премьерства Криспи, отправился в Вену и в Берлин вскоре после визита Криспи в Фридрихсруэ для переговоров о подробностях военных конвенций после того, как генеральные штабы трех стран уже договорились в общих чертах. Я имею сведения, не допускающие никаких сомнений, что этот офицер вынес из своего путешествия впечатление, что в Вене отношение к Тройственному союзу было совсем иное, чем в Берлине. В Берлине заняты были исключительно условиями, в которых германские интересы столкнутся с французскими, тогда как в Вене останавливались преимущественно на возможностях конфликта между австро-сербскими притязаниями и славянскими вожделениями на Востоке».

Итальянский офицер вернулся также в Италию с убеждением, что австрийское правительство стремилось придать соглашениям трех держав гораздо более мирный характер, чем в Берлине. Г. Кальноки сказал ему в беседе о возможности войны, в виду которой и обсуждались военные конвенции буквально следующее: «То, что делает в настоящее время войну невозможной, это то, что она была бы катастрофой и позором. Я не верю, что в Европе есть хоть один министр, способный без дрожи взять на себя ответственность за войну. Что до меня, то, за исключением случая, когда на Австрию было бы совершено прямое нападение, я предпочту уйти в отставку прежде, чем вызвать столкновение, в котором прольются реки крови». Эти слова были сообщены в высокие римские сферы, и, вероятно, поэтому отставка Кальноки не вызвала слишком большого сожаления в этой столице. Однако, несмотря на это отвращение к войне Кальноки, в военных протоколах, по словам Ганзена, были предусмотрены

[1] Pribram, The secret Treaties of Austria-Hungary 1879—1914, стр. 87.
[2] Matter, Bismark et son temps, vol. III (Paris 1908), стр. 535.

не только посылка итальянских войск на Рейн и на русскую границу через австрийскую территорию, но и соединенные действия итальянского и австрийского флотов против России в Дарданеллах и даже за Дарданеллами... «Более того: я могу поручиться,— утверждал Ганзен,— что в известном случае итальянские войска могли быть посланы в Константинополь, чтобы действовать оттуда на путях к русской границе. Эти сведения абсолютно точны...» [1].

В германских документах («Die grosse Politik») мы находим следующие сведения, относящиеся к миссии Гуарана.

2 февраля 1888 г. Мольтке известил Бисмарка, что итальянское правительство намерено заключить детальное соглашение с австрийским генеральным штабом «через комиссара, посланного в Вену». В феврале германский посол в Вене сообщил Бисмарку, что Крispи запросил в Вене, может ли он послать начальника военно-железнодорожного управления в Вену для обсуждения вопроса об использовании австрийских дорог в Тироле итальянскими войсками, и получил утвердительный ответ. 1 марта того же года германский посол в Вене получил экземпляр австро-итальянского «соглашения» на случай проезда итальянских войск через австро-венгерскую территорию, выработанного на основании берлинского меморандума, составленного военными уполномоченными трех союзных держав. «Итальянский уполномоченный, полковник Гуаран, начальник транспортного отдела ген. штаба, остается пока здесь,— писал военный атташе в сопроводительном письме,— он испросил в Риме разрешение отправиться потом в Берлин. чтобы договориться с нашим ген. штабом о подробностях проезда и высадки итальянских войск на германской территории».

31 марта германский военный атташе в Риме приглашен был к итальянскому военному министру, который сказал ему, между прочим:

«Добровольно сделанное нами предложение о посылке наших войск на германо-французскую границу мы безусловно осуществим; я глубоко убежден, что в интересах нашей молодой армии — сражаться рядом с германскими войсками. Я хотел бы только, чтобы там наши корпуса заняты были не тяжелыми осадными операциями (их будет достаточно в неблагодарной альпийской войне), а, по возможности, операциями маневренной войны». «В течение всего разговора военный министр,— писал его германский собеседник,— не мог освободиться от некоторого внутреннего возбуждения. Он то и дело повторял, что не может быть никакого сомнения в том, что итальянское правительство сдержит свое обещание».

10 апреля 1888 г. итальянский посол в Берлине письменно сообщил германскому министру иностранных дел, что «полковник Гуаран прибыл сегодня утром из Рима» и уже связался с Мольтке, Вальдерзее и Шлиффеном.

14 апреля была подписана Шлиффеном и Обергофером с германской стороны и Гуараном и Робиланом (итальянский военный атташе в Берлине) с итальянской — итало-германская военно-железнодорожная конвенция. Этим исчерпывается информация, касающаяся миссии Гуарана, попавшая на страницы «Die grosse Politik» [2].

В сборниках документов французского министерства иностранных дел, относящихся к 1888 и 1889 гг., заслуживают быть отмеченными два момента. Во-первых, французское правительство получило сведения — хотя и не совсем точные — об итало-германском соглашении о посылке итальянских корпусов на Рейн. Согласие Бисмарка принять итальянскую помощь французская дипломатия объяснила тем, что эта посылка итальянских войск лишала итальянское правительство права замедлить военные действия на альпийской границе и что итальянские корпуса в германских руках были бы своего рода заложниками на случай итальянской попытки сепаратного мира с Францией [3]. Во-вторых, весной 1889 г. вопрос о намерении итальянского короля посетить Страс-

---

[1] J. Hansen, Ambassade à Paris du baron de Morenheim, стр. 93—96.
[2] «Die grosse Politik», т. VI, стр. 250—261.
[3] Documents diplomatiques français 1871—1914, 1-re série, т VII, документ № 278.

бург и о присутствии его там на параде, вместе с германским императором приобрел острое политическое значение, весьма близкое к тому, которое придано ему в провокаторском проекте вызвать войну с Францией, изложенном в донесении Гуарана [1].

Публикуемые документы, относящиеся к гуарановской миссии, представляют в наши дни интерес не только для историков, но и для широких читательских кругов.

Первый из этих документов — инструкция Гуарану для ведения переговоров в Вене и в Берлине, далеко выходящих за пределы его официальной задачи, не покажется столь неожиданной, как можно было бы судить по первому взгляду, если сопоставить ее с итало-германскими переговорами, завершившимися возобновлением 20 февраля 1887 г. Тройственного союзного договора 1882 г.

В ноябре 1886 г. итальянское правительство предложило к тексту договора 1882 г. добавить статью о том, что в случае войны между Италией и Францией из-за Триполитании или Марокко, Германия и Австро-Венгрия окажут ей полностью военную союзную помощь. По договору 1882 г. Италия могла рассчитывать на союзную помощь лишь в случае н а п а д е н и я на нее Франции, да и то без прямого вызова войны со стороны Италии. Такое же обязательство Италия принимала на себя в отношении Германии; в случае если бы одна из сторон взялась за оружие для своей защиты, другие две обязывались статьей IV договора лишь к благожелательному нейтралитету, сохраняя за собою свободу решения об оказании военной помощи воюющему союзнику [2]. Австро-венгерское правительство (Кальноки) отклонило итальянское предложение, вследствие чего в день возобновления Тройственного договора 1882 г. был подписан отдельный итало-германский союзный договор, в который статьей 3-й внесен был пункт, предложенный Италией для новой редакции Тройственного договора.

В 1887 г., как мы видели, определилось, что Германия вовсе не намерена ждать нападения на нее Франции, чтобы разгромить последнюю в избранный Германией совместно с Австро-Венгрией момент для войны на два фронта. В виду этого Криспи и итальянская военщина поставили себе задачей, как мы знаем, обеспечить участие Италии в этом разгроме и с этой целью навязывали Германии итальянскую военную помощь на Рейне.

Во второй части инструкции Гуарану речь идет об итальянской военной помощи Австро-Венгрии в случае нападения на нее со стороны России. Из германских документов [3] видно, что вопрос о посылке в этом случае итальянских войск против России (до 100 000 человек) занимал видное место при переговорах о возобновлении Тройственного союза в 1886 и 1887 г.г.

То, что Гуаран услышал от Кальноки в ответ на изложение криспианской программы, вполне согласуется с известной из официальных германских и австрийских документальных источников позицией Кальноки в отношении Италии и Франции. Острые речи папского дипломата как нельзя лучше отвечают сознанию им превосходства ватиканской дипломатии над дипломатией Криспи.

В изложении беседы Гуарана с Мольтке обращает на себя внимание, что речь идет о посылке двух корпусов одинаково и в Австрию, и в Германию, что совпадает с информацией французского правительства, о которой мы упоминали, но расходится с окончательно установленным количеством итальянских войск, предназначавшихся для действий, сообща с германскими, на Рейне.

Наиболее характерным из всех «гуарановских» документов является изложение беседы Гуарана с Бисмарком, во время которой обсуждался разбойничий провокационный план нападения на Францию до 1889 г., т. е. до завершения последней реорганизации своей армии. Как указано выше, «страсбургская»

[1] Documents diplomaticues français 1871—1914 1-re série, т. VII, документы №№ 384—388.

[2] «Die grosse Politik», т. III , № 571 (текст договора 1882 г.).

[3] Там же, т. IV, глава XXIV.

часть этого плана действительно оказалась предметом беспокойства французского правительства в 1889 г., хотя в целом план этот остался неосуществившейся мечтой бандитской мегаломании криспианской клики.

Подводя итоги своим беседам, Гуаран приходит к признанию полной правоты папского нунция. «Надо быть очень осторожными с этими людьми,— иначе легко можно остаться в дураках!» — таков его вывод из переговоров с союзниками,— переговоров, не имевших, впрочем, иной цели, как оставить последних в дураках путем занятия Италией самого безопасного и самого выгодного положения в бандитском налете на Европу.

Криспианский авантюризм был внешнеполитическим продолжением внутренней политики той самой итальянской буржуазии, о которой Энгельс писал, что «неспособная предоставить стране относительные и временные выгоды капиталистического порядка, она взвалила на нее всю тяжесть, все трудности последнего; не довольствуясь этим, она запуталась в самых грязных финансовых аферах, потеряв навсегда последние остатки уважения и доверия» [1]. Авантюризм этот готов был взорвать европейский мир в 1888 г., потому что «ось Берлин — Рим» силою соглашений 1887 г. скрестилась с «осью Лондон — Рим». Как только направление этой второй оси начало меняться,— начала ломаться первая, и уже в 1891 г. германская дипломатия констатировала, что криспианский дух отлетел из Рима, и что в случае войны Италия едва ли выполнит даже в самом ограниченном масштабе свои союзные обязательства.

Это и подтвердилось — и тут мы переходим ко второй серии документов, относящихся к 1901—1902 гг. Идея реванша против Франции не осуществилась. Мало того, когда Италия вздумала себе искать «компенсации» в других местах — на Красном море, в Абиссинии, то она, при полном безучастии своих союзников, наткнулась там на противодействие французов и потерпела под Адуей полный крах.

Реваншистские иллюзии, требовавшие огромных расходов на армию, совершенно разорили Италию, народ стонал под тяжестью налогов и поборов, и революция стучалась в двери. Ссора с Францией отражалась и непосредственно на экономическом состоянии страны: сбыт итальянских продуктов — фруктов, вина и шелка-сырца — на французский рынок прекратился, а главное, парижская биржа была закрыта для итальянских займов, столь нужных промышленности северной Италии.

Понемногу Италия стала отворачиваться от бесплодного Тройственного союза к многообещающей Франции. В 1898 г., пользуясь уступчивостью Франции в момент ее затруднений с Англией из-за Фашоды, она добилась от нее прекращения экономической борьбы, заплатив за это отказом от притязаний на Тунис, а в 1900—1902 гг., после длительных переговоров, запечатленных в изданной в 1920 г. французской Желтой книге и ныне вновь и более полно опубликованных в французской публикации «Documents diplomatiques français», заключила с Францией тайное соглашение, содержавшее отказ Италии от каких бы то ни было враждебных выступлений против Франции, возлагавшихся на нее Тройственным союзом. Взамен она не только получила доступ к французскому денежному ящику, но и согласие Франции на эвентуальный захват Италией Триполитании, признав, в свою очередь «права» Франции на Марокко. Мимоходом отметим, что этим «признанием» французских планов в Марокко Италия предала свою старую покровительницу Англию, которая, не подпуская французов к Марокко, рассчитывала на итальянскую поддержку; но Англия тогда была очень ослаблена бурской войной, и благодарная Италия отважилась надуть ее, как она надула и своих ближайших австро-германских партнеров.

Собственно говоря, она даже Францию, своего нового друга, собиралась надуть: итальянский министр Принетти, который вел переговоры, многократно

[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 377.

заверял французского посла Баррера в отсутствии каких-либо упоминаний о Франции в тексте ее договоров с Австрией и Германией; он рассчитывал таким образом увернуться от требуемой от него декларации о ненападении и неучастии Италии во враждебных Франции группировках. Несомненно, что именно с целью сорвать эту попытку обмануть французского друга, Ламздорф переслал Нелидову инструкцию Гуарану и его доклады своему шефу. Из документов не видно, как Нелидов использовал эти уничтожающие документы, но нет сомнения, что он их показал Барреру, и что они помогли последнему отвести маневр Принетти и принудить его дать желаемую декларацию. Это и объясняет, каким образом документы 1887—1888 гг. оказались среди переписки 1901—1902 гг.

Дальнейшее известно. Италия, оставаясь в Тройственном союзе, не только отказалась выполнить свои союзные обязательства, когда в 1914 г. началась война Германии — Австрии с Россией и Францией, но она даже выступила против своих партнеров, несмотря на то, что последние готовы были щедро вознаградить ее, если она останется хотя бы нейтральной. Как в 1866 г. она надеялась участием в более сильной коалиции заработать больше, чем мирным соглашением: не без основания Бисмарк весьма невежливо отзывался о ней, как о вороне, летающей на падаль! Но как и в 1856 и в 1866 годах, она обманулась в расчетах и при дележе мира на Парижской конференции снова не получила достаточной доли в добыче. Разочарованная и обиженная, она отдалилась от своих недавних партнеров и стала выжидать, пока с приходом Гитлера к власти и восстановлением германской военной мощи в воздухе опять не запахло падалью. Путь вороньего полета был сразу намечен; Италия вернулась к первой своей любви — on revient toujours à ses premières amours — и создалась ось Берлин — Рим. На этом пока заканчивается история, но можно быть уверенным, что на этом она не закончится.

Подбор документов и примечаний сделан научным сотрудником архива внешней политики Е. Моравской.

Е. А.

Инструкция начальника итальянского генерального штаба ген. Козенца [1] итальянскому полковнику Гуарану [2], Рим, 21 марта 1888 г.[3]

Г. полковник,

Я виделся сегодня утром с его превосходительством председателем совета [министров] [4], который очень просил меня рекомендовать вам настаивать, чтобы в военные протоколы, переговоры о которых вам поручено вести, была включена статья, согласно которой Италия должна

---

[1] Козенц — генерал-лейтенант, начальник итальянского генштаба с 1884 по 1894 г.

[2] Полковник Гуаран, начальник военно-транспортного управления итальянского генерального штаба, был послан в марте 1888 г. в Вену и Берлин для секретных переговоров и заключения соглашения по вопросу о дислокации итальянских войск в случае войны держав Тройственного союза с Францией и Россией.

[3] В Государственном архиве внешней политики хранятся два экземпляра донесений полк. Гуарана и инструкции ему. Первый — 1900 г., второй — 1907 г. Обе версии в основном совершенно идентичны. Встречающиеся несовпадения текстов можно объяснить пропусками со стороны переписчика или во время перевода с итальянского языка на французский. Здесь печатается сводный текст, причем в примечаниях указываются случаи расхождения обоих текстов. Печатаемые документы хранятся в Архиве внешней политики. Документы на французском языке.

[4] Криспи — итальянский министр — президент с 1887 по 1891 г.

иметь право вмешательства во всякий конфликт между Францией и союзными империями, даже в том случае, если он вызван причиной, не имеющей явного отношения к нашей стране. Правильно, чтобы каждое из трех союзных государств оставило за собой право не вступать в войну, спровоцированную другими, и считало бы себя обязанным участвовать в ней лишь в том случае, если casus foederis будет безусловно установлен.

Например, если бы вспыхнула война между [1] Австрией и Россией при обстоятельствах, которые исключают casus foederis, мы желали бы держаться в стороне. Но если бы при аналогичных условиях, т. е. без возможности ссылки на casus foederis, война вспыхнула между Францией и Германией, то мы намерены были бы, несмотря на это, принять в ней участие, во-первых, потому что общие интересы нашей политики требуют выявления нашей военной мощи, и во-вторых, потому что, в том случае, о котором идет речь, чрезвычайно важно, чтобы Франция не оказалась победительницей. Величие Италии и ее положение на Средиземном море могут быть основаны только на ослаблении Франции; с другой стороны, если бы эта нация была вновь побеждена Германией, то для нас было бы важно принять участие в победе над ней не только потому, что таким образом был бы упрочен наш военный престиж, но также и в особенности потому, что в таком случае мы будем иметь право участвовать в выработке мирных условий и разделить преимущества, которые получат победители.

Это должно быть основным пунктом ваших переговоров, тем, на чем вы должны больше всего настаивать. Относительно двух армейских корпусов настаивайте также, чтобы мы могли мобилизовать их без артиллерии, как я вам это говорил; делайте вид, что это является основным нашим условием для того, чтобы иметь возможность в подходящий момент уступить в этом пункте и получить взамен преимущества в другом.

Донесение Гуарана начальнику генерального штаба Козенцу, Вена, 3 апреля 1888 г.

Г. генерал,

Я имел сегодня первое свидание с военным министром [2]. Я установил, что протокол в том виде, как мы его исправили, в принципе принят Австрией, за исключением пунктов, которые я буду иметь честь указать. Сначала министр мне сказал, что два армейских корпуса, которые мы будем обязаны при известных обстоятельствах послать в Австрию для ведения военных действий на русской границе, должны быть в полном составе. Наше предложение поставить пехоту и кавалерию без артиллерии не принято. Хотя ваше превосходительство сказали мне, что это предложение выдвинуто лишь с целью добиться преимуществ путем уступки в этом пункте, я настаивал на нем, указав министру в особенности на то, что в общем, даже без артиллерии, два армейских корпуса, в том виде, в каком мы предлагаем их послать, в случае войны между Австрией и Россией, представляют преимущество, равного которому Австрия не может нам предложить.

---

[1] Со слов: «Австрией и Россией» до слов: «Между Францией и Германией» в экземпляре 1907 г. имеется пропуск.

[2] Бауэр, барон — австрийский военный министр с 1888 по 1894 г.

Мы уверены в нашей западной границе; Альпы заперты герметически; мы можем охранять перевалы сравнительно слабым контингентом войск. Каждому специалисту известно, что Альпы не могут быть перейдены, если не верить в чудеса, ни итальянской армией, направляющейся во Францию, ни французской армией, идущей в Италию. Единственный случай, когда Австрия могла бы быть призвана оказать нам военную поддержку, это тот, который мы предвидели [1], но который, вероятно, никогда не осуществится,— если бы восстание внутри страны принудило монархию просить помощи у своих союзников. В действительности в настоящий момент монархия не только не подвергается подобной опасности, но и совершенно очевидно, что лишь в самом крайнем случае она прибегнет к помощи дружественных империй. С другой стороны, в случае войны Австрия может оказать Италии на море сравнительно очень слабую помощь, потому, что ее морские силы довольно незначительны, а, кроме того, она предпочитает употребить их самостоятельно против русского флота.

Министр возразил мне, что в известных случаях и в особенности в случае, если конфликт будет ограничен войной только между Францией и державами Тройственного Союза, австрийский флот обязательно должен соединиться с итальянским флотом, и в таком случае, хотя императорский флот и меньше королевского, но он составит дополнение, значение которого будет решающим.

Но,— возразил я в свою очередь,— в таком исключительном случае Италия считает, что может рассчитывать на помощь Англии, и это сделает помощь Австрии излишней, а кроме того, по всем предположениям, будет невозможно ограничить конфликт и помешать России вмешаться в него, что, согласно протоколов, даст Австрии право, которым она не преминет воспользоваться,— обратить свои морские силы против русского флота. Совершенно очевидно, что Италия в том, что касается военного содействия, обязуется оказать союзным империям помощь, отплатить за которую в равной мере им вряд ли представится случай.

Поэтому эвентуальная посылка армейских корпусов даже без артиллерии является крупнейшей жертвой. Я заметил министру, что для нас, добившихся с такими затруднениями от парламента средств, необходимых для поддержания вооруженных сил в размерах, считаемых оппозицией чрезмерными, экономия, которая получилась бы вследствие уменьшения численности артиллерии, была бы чрезвычайно важна. Союзные империи сами заинтересованы в том, чтобы не увеличивать финансовые затруднения, являющиеся следствием нашей военной организации.

Министр не пожелал дать мне окончательный ответ по этому вопросу. Он сказал мне, что Дабормида,[1] бывший до меня в Вене и Берлине, уже выражал ему это пожелание и что министр будет придерживаться по данному вопросу того же взгляда, какой выскажет германский генеральный штаб.

Примите и пр...

---

[1] Слова: «который мы предвидели», пропущены в экземпляре 1900 г.

[2] Дабормида, Виктор Эммануил — полковник итальянского генерального штаба, в январе 1888 был делегирован в Берлин для секретных переговоров о продвижении итальянских войск в случае войны между державами Тройственного союза, с одной стороны, и Францией и Россией — с другой. Им была вместе с представителями германского и австрийского генеральных штабов подписана «Памятная записка» (Mémoire), послужившая основой для переговоров Гуарана. Фамилия Дабормида пропущена в экземпляре 1907 г.

Донесение Гуарана начальнику генерального штаба Козенцу, Вена, 6 апреля 1888 г.

Г. генерал,

Я видел сегодня днем графа Кальноки[1], которому я вкратце изложил нашу точку зрения на пункты протокола, по поводу которых еще не достигнуто соглашения.

Сперва я направил разговор на вопрос о формировании двух армейских корпусов без артиллерии, чтобы сделать вид, что он нас больше всего интересует. Но канцлер[2] сказал, что он не компетентен в этом вопросе и обсуждение его принадлежит генеральному штабу. Но при этом он добавил, что, как он слышал, вряд ли наше предложение будет принято, так как войска без артиллерии теперь имеют мало значения. По всей вероятности, австрийский генеральный штаб примет нашу точку зрения лишь в том случае, если германский генеральный штаб с ней согласится.

Я хотел настаивать, приводя канцлеру те же замечания, которые я уже изложил военному министру, а именно, что помощь, которую мы предлагаем, во всяком случае значительно превосходит ту, что может дать нам Австрия, и что военные обязательства, которые вытекают для нас из условий Тройственного союза, чрезвычайно обременительны, поскольку предусмотрен даже случай, что Италия может быть призвана послать экспедиционный корпус в Константинополь, что поставит нас в авангард и при известных обстоятельствах под наиболее сильный удар русской армии.

Господин Кальноки ответил мне улыбаясь, что это обязательство не должно нам казаться тяжелым, так как мы сами просили, чтобы за нами была оставлена эта честь.

Я возразил, что действительно наш генеральный штаб домогался этой чести, потому что политические соображения обязывают нас укрепить за собой известные позиции в случае войны, чтобы при заключении мира получить возможность отстаивать наши права. По тем же причинам мы настаивали, чтобы, при известных обстоятельствах, итальянские войска могли занять Албанию и Крит.

«Что касается этих двух пунктов,— резко возразил канцлер,— мы не сможем на них согласиться ни на каких условиях. Албания слишком близка к Далмации, а для нас слишком важно, чтобы путь на Салоники оставался свободен, как и морской путь, который ведет из Салоник в Средиземное море. Мы не преследуем никаких завоевательных целей. Австрия объединяет уже слишком много разнородных элементов, между которыми трудно поддерживать гармонию и ассимиляция которых длительна и трудна. Единственная наша цель — консолидировать наше моральное и политическое влияние на государства, которые занимают территорию между Черным морем и Адриатикой, и помешать России приобрести там преобладающее влияние. Мы должны еще переварить Боснию и Герцеговину и не испытываем желания обременить свой желудок новым завоеванием. Наше единственное желание, которое мы вовсе не торопимся реализовать, но реализацию которого мы не можем отложить, если начнется война,— это водрузить наш флаг в Салониках.

---

[1] Кальноки, граф — австрийский министр иностранных дел с 1881 по 1895 г. Во время его руководства внешней политикой крайне обострилось соперничество России и Австрии на Балканах.

[2] Так в рукописи. Ошибка Гуарана — Кальноки не был канцлером. В документах того времени подобные ошибки были нередки, так, например, вместо «германский» часто писали по-старому «прусский» и т. д.

Если же вы будете в Албании и на Крите, вы будете стеснять нас; и не потому, что мы сомневаемся в искренности ваших намерений, но потому что ваше присутствие там вызвало бы иллюзии и произвело бы на умы местных народностей впечатление, которое препятствовало бы нашим планам».

Видя, что мнение канцлера столь твердо, я счел более осторожным перейти к другому предмету, не делая выводов и предполагая приложить в Берлине все усилия для того, чтобы этот пункт нашей программы был принят. Поэтому я заговорил о casus foederis и заявил, что мы принимаем его в том виде, как он определен в проекте протокола.

Я подчеркнул наше намерение не вмешиваться в конфликт, спровоцированный Австрией против России, в обстоятельствах, исключающих casus foederis, но я повторил то, что я уже высказал военному министру, а именно, что в случае войны между Францией и Германией, каким бы путем ни возникло столкновение, мы оставляем за собой право принять в ней участие.

Я изложил все военные и политические соображения, которые вынуждают нас настаивать на этом требовании.

«Я не понимаю,— сказал г. Кальноки с улыбкой, которая показалась мне иронической,— почему Италия так желает вмешаться в войну. Мы делаем все возможное, чтобы ограничить casus foederis, дать себе возможность не брать оружия в руки и не быть втянутыми в войну, тогда как вы горите желанием подвергнуться превратностям войны, даже не будучи обязываемыми к этому вашими союзниками. Я всегда страдаю при мысли, что в любой день могут произойти события, которые принудят нас взяться за оружие, и страх перед этим будущим мешает мне иногда спать. При современном состоянии вооружений в Европе, война будет чем то до того страшным, что нет, я думаю, ни одного министра, который не отступил бы перед ужасной ответственностью, произнося слово или провоцируя событие, могущее сделать столкновение неизбежным. Впрочем, если бы я считался только с одними нашими интересами, у нас не было бы, пожалуй, прямой причины советовать вам не настаивать на этом пункте. Но есть причина, касающаяся интереса всей Европы, которая должна заставить нас с беспокойством смотреть на гипотезу нового расчленения и уничтожения Франции. Этот интерес столь же прямо и непосредственно касается вас, как и нас.

Думаете ли вы, что Германия будет также ценить союз с нами и с вами, если Франция перестанет быть для нее опасным противником. Не кажется ли вам, напротив, что Германия может стать источником беспокойства для Италии не менее, чем для Австрии, в тот день, когда она будет избавлена от забот, которые заставляют ее не отводить глаз от Рейна».

«Я понимаю,— ответил я,— те соображения общего порядка, которые вы приводите, и мы готовы были бы считаться с ними не менее, чем вы. Но Франция поставила себя по отношению к нам в положение, которое заставляет нас относиться к ней, как к врагу. Она нарушила наши права в Тунисе [1], мы встречаем ее скрытую или открытую враждебность всюду, где замешаны наши интересы, она относится к нам с презрением, которое нас оскорбляет, она старается задушить нас в Средиземном море. Для нас является насущной необходимостью воспользоваться первым представившимся случаем, чтобы показать ей нашу силу, доказать, что ее презрение несправедливо, и установить в Средиземном море более соответствующее нашим законным притязаниям равновесие».

[1] В 1881 г. Франция захватила Тунис и установила над ним свой протекторат; в позднейшие годы между Францией и Италией происходили пререкания о правах итальянских подданных в Тунисе.

«Впрочем,— ответил г. Кальноки,— этот вопрос больше касается дипломатии, чем военных властей, и мы сможем принять соответствующие решения после того, как вы узнаете мнение г. Бисмарка».

Я должен сознаться, что г. Кальноки был безупречно любезен, но я заметил, что в случаях, когда он с нами не согласен, он следует той же линии поведения, как и военный министр и генеральный штаб. Чтобы выиграть время и в надежде, что в Берлине, благодаря мерам, которые он принимает, будут того же мнения, что и он, он делает вид, что должен узнать сперва мнение г. Бисмарка и германского генерального штаба.

Отсюда следует, по моему мнению, что надо действовать в Берлине.

Примите и пр...

Донесение Гуарана начальнику генерального штаба Козенцу, Вена, 7 апреля 1888 г.

Г. генерал,

Я встретил вчера вечером у председателя австрийского совета министров нунция его святейшества [1]. У меня не было ни малейшего желания начинать с ним разговор, но мне показалось, что он намеренно старается приблизиться ко мне и ищет случая, чтобы я был ему представлен. Знакомство состоялось, и тотчас же нунций искусным маневром добился того, что мы оказались с ним вдвоем. Тогда, с откровенностью, меня удивившей, он начал говорить о положении Италии и изложил мне мысли, диаметрально противоположные тем, которые ему приписывают.

Как вы знаете, считают, будто он начал здесь кампанию с целью побудить австрийского императора сыграть роль посредника между нами и Ватиканом и предложить примирение между папой и королем [2]. Однако вот, вкратце, то, что сказал мне нунций: «Когда я встречаю за границей итальянца, принадлежащего к итальянскому официальному миру, я особенно горько сожалею о том положении, благодаря которому мы вынуждены считать друг друга врагами.

Италия могла бы править миром не силой штыков, неустойчивой и изменчивой, но силой моральной, которая вечна, если бы только она не стала врагом папского престола.

Вы говорите, что это произошло помимо ее воли, что она рада была бы вернуть себе благоволение папы и что во всяком случае католическим государствам надлежит предложить свои услуги и употребить свое влияние на святой престол, чтобы прекратить положение вещей, которое выгодно только революции и еретикам. Я без труда верю вам, когда вы говорите, что Савойский дом [3], члены которого, католики, против воли вынуждены нести гнев святого отца. Но не по своей ли собственной воле он поставил себя в безвыходное положение. Я бы понял, если бы революционеры вошли в Рим и выгнали папу, но я не понимаю католической династии, которая отбирает права у главы ка-

---

[1] Нунций Луиджи Галимберти — папский дипломатический представитель в Вене с 1887 по 1894 г.

[2] Во время франко-прусской войны итальянское правительство аннексировало Рим с папской областью и объявило светскую власть папы уничтоженной. Из-за этого произошел разрыв между итальянским правительством и Ватиканом, длившийся до заключения «Латеранского соглашения» между папской курией и правительством Муссолини.

[3] Итальянский король Виктор Эммануил принадлежал к Савойской династии, древнейшей из всех европейских династий. Короли Савойской династии с 1720 г. стояли во главе Сардинского королевства. После объединения Италии Виктор Эммануил стал первым итальянским королем.

толичества и создает себе после этого иллюзию, что он может жить в дружбе рядом с этой династией.

Что она выиграла от этого? Эфемерную радость временного господства над всей Италией? Но за эту кратковременную радость она дорого заплатит в тот день, когда крайние партии в свою очередь ограбят ее, ибо это неизбежно.

Что касается католических держав, то во имя каких принципов могут они посоветовать папе отказаться от своих прав и преступить торжественную клятву, которую он произнес, возлагая на себя тиару? [1]. Если бы они так поступили, они перестали бы быть католическими».

Когда нунций произнес эти последние слова, я не смог удержаться и не сказать ему, что они опровергают все слухи, которые ходят по Италии и в других местах о его роли в Вене, и об его усилиях заставить императора Франца-Иосифа употребить все свое влияние, чтобы найти «modus vivendi» между папой и Италией.

«Те, кто распространяет этот слух,— сказал мой собеседник,— приписывают мне намерения, которых у меня нет, и не знают сущности миссии нунция. Моя миссия состоит единственно в защите интересов католичества в Австро-Венгрии и в содействии поддержанию добрых отношений между святым отцом и державой, при которой я аккредитован.

Возвращаясь к Италии, позвольте вам сказать, что все ее теперешние затруднения вытекают из ошибки, которую она сделала тогда, когда поставила свои интересы в оппозицию к интересам папства. Теснимая революционными партиями, покинутая католичеством, она чувствует, что ее власть покоится на непрочной основе, и вынуждена прикрывать обманчивым блеском своей внешней политики слабость внутреннего положения [2]. Она цепляется за две империи, дружба которых, настоящая или притворная,— скорее притворная, чем настоящая,— придает ее существованию обманчивую внешность. Но чтобы добиться этого кажущегося преимущества, сколько жертв она должна приносить, каким авантюрам она себя подвергает.

Вы думаете, что я не в курсе сложных и опасных комбинаций, в которые она позволила себя вовлечь? Вы думаете, что я не знаю, зачем вы сюда приехали?

В качестве нунция я — дипломат и поэтому по долгу обязан быть хорошо осведомленным. Вы позволяете опьянить себя тем значением, которое якобы придают вам, и вы не замечаете, как пользуются вашим нетерпением сыграть блистательную роль.

Вам внушают мысль, что когда наступит время, вы сможете стать арбитром судеб Европы и что ваш флаг будет развеваться во всех частях света; но из всех гипотез, которыми вас обольщают, только одна осуществится, это та, которая важнее всего для ваших союзников, и единственное обязательство, которое вы будете призваны выполнить, это то, которое заставит вас проливать кровь ваших солдат и тратить итальянские деньги для защиты интересов Австрии и Германии...»

Не скрою от вашего превосходительства, что эти столь откровенные и суровые слова со стороны нунция меня удивили.

Из них явствует, в частности, что нунциатура в курсе переговоров и что тайна моей миссии в ее руках, хотя, официально, цель моей миссии заключается только в изучении организации военно-инженерного дела в Австрии. Было бы, пожалуй, целесообразно расследовать, не

[1] Лев XIII, первый папа, выбранный после объединения Италии, тотчас по вступлении на папский престол издал энциклику с требованием восстановления светской власти папы.

[2] Слова: «Слабость внутреннего положения» пропущены в экземпляре 1900 г.

получает ли нунций касающуюся нас информацию непосредственно из Рима и не в среде ли приближенных вашего превосходительства находятся те, которые держат Ватикан в курсе дела.

Примите и пр...

Донесение Гуарана начальнику генерального штаба Козенцу, Берлин, 14 апреля 1888 г.

Г. генерал,

Разговор с маршалом Мольтке [1], о котором я писал вашему превосходительству, произошел сегодня вечером. Маршал, после обычных любезностей, говорил в очень благожелательном и любезном тоне о вашем превосходительстве и вспоминал с видимым удовольствием проявления дружбы с вашей стороны во время экскурсии, которую он совершил с вами в направлении нашей западной границы.

Он очень убежденно хвалил ваши военные таланты и обширную эрудицию, которую мы все признаем за вами и которой все восхищаемся.

Затем он хвалил наш генеральный штаб, известный ему во всех звеньях, деятельность которого он высоко ценит. Он одобряет нашу систему мобилизации.

Затем мы перешли к пунктам протокола, по которым еще не установлено согласия. Касательно вопроса об артиллерии, которую мы хотим исключить из состава двух армейских корпусов, имеющих быть посланными либо в Австрию, либо в Германию, он высказался очень энергично.

«Два армейских корпуса без артиллерии,— сказал он мне,— не имеют ни малейшей ценности в современной стратегии. Полки без артиллерии теперь на поле битвы подобны тому, чем были пятьдесят лет назад солдаты без ружей».

Чтобы поддержать наше предложение, я снова привел те аргументы, которые я уже излагал в Вене, но маршал настаивал на своей точке зрения. Тогда я очень неопределенно, чтобы иметь еще возможность отказаться, дал понять, что в крайнем случае мы сможем уступить по этому вопросу, при условии, чтобы нам уступили в другом, например по вопросу об оккупации некоторых пунктов на восточном побережьи Адриатики.

Г. Мольтке не пожелал говорить об этом вопросе; он сказал, что это не входит в рамки его военной компетенции, что в данном случае прежде всего политически заинтересована Австрия, а не Германия, и что нам надо по этому вопросу договариваться с Веной. Но во всяком случае, если бы ему надо было судить о нашей претензии с точки зрения чисто военной, он считал бы неудобным предоставить Италии право распылять свои силы в момент, когда интересы Тройственного союза требовали бы их сосредоточения. Положение Италии обязывает ее, в случае войны, обратить все силы, которыми она располагает, против Франции.

Я ответил, что мы предвидели эту необходимость и всесторонне изучаем этот вопрос. Я напомнил, что независимо от операций нашего флота и действий нашей армии и в Альпах, и на Рейне, мы подготовили в Тунисе систему действий, которая не лишена будет эффективности.

Мы имеем в Тунисе довольно многочисленную колонию, которая с самого начала кампании вызовет восстание туземных племен и будет

[1] Мольтке — генерал фельдмаршал, начальник германского генерального штаба с 1858 по 1888 г. Ярый противник Франции и России, считавший, что чем раньше произойдет столкновение с ними, тем шансы Германии в победе будут выше.

им помогать. Помимо того, эта колония поддержит дух восстания в Алжире[1] распространяемыми тайно прокламациями, так что при первом же пушечном выстреле вся французская Африка будет в огне.

Он одобрил все эти меры, но я ничего больше не смог от него добиться относительно Албании. Я должен добавить, что я встретил на этих днях фельдмаршала Блументаля[2], графа Вальдерзее[3], генерала от-кавалерии, генерала-от-инфантерии Каприви[4], генерал-лейтенанта Кальтенборн-Штахау, которые в частных разговорах говорили по этому вопросу то же, что и г. Мольтке, как будто был дан приказ, чтобы албанский вопрос обсуждался между нами и Австрией.

Донесение Гуарана начальнику генерального штаба Козенцу, Берлин, 17 апреля 1888 г.

Г. генерал,

Я дал отчет нашему послу[5] о моем свидании с г. Бисмарком, но я считаю нужным информировать доверительно ваше превосходительство об этом свидании.

Я изложил канцлеру, что финансовое положение Италии не позволяет ей выдерживать без затруднений военные расходы, связанные с Тройственным союзом, и что в конце концов в интересах всех трех государств ускорить развязку, чтобы притти к радикальному успеху, который сделал бы возможным частичное разоружение. Я особенно указал ему на то, что до 1889 г. наличный состав вооруженных сил Тройственного союза будет превышать таковой Франции и позволяет ему предпринять войну с большими шансами на успех, но начиная с этого времени, благодаря системе преобразований, проводимой Францией, наличный состав ее армии будет превышать наш, так что мы не сможем уже предпринять наступления без риска для себя.

Г. Бисмарк был очень поражен этими рассуждениями. «Это правда,— сказал он мне,— но как же вызвать враждебные действия. Французы уклоняются, пограничные инциденты не лишают их хладнокровия, полемика в прессе, вместо того, чтобы возбуждать их, заставляет их только настороживаться; и, повидимому, они боятся западни. Между тем надо было бы добиться войны таким способом, чтобы она казалась вызванной самой Францией. Сверх того есть еще Россия, которая ведет себя подозрительно, и Англия, которая, ради Египта, способна на любые глупости».

Я воспользовался удобным случаем, чтобы выдвинуть идею, подсказанную мне вашим превосходительством. Король поедет в Париж на выставку[6], потом неожиданно его пригласят поехать в Страсбург[7]

[1] Алжир — французская колония с 1830 г.

[2] Блументаль Леонард, граф — прусский генерал-фельдмаршал. Особенно «отличился» в подавлении революции в 1848 г. и во время франко-прусской войны 1870—1871 гг.

[3] Вальдерзее Альфред, граф. В 1888 г. начальник генерального штаба, представитель воинствующей партии при Берлинском дворе.

[4] Каприви Георг-Лео, граф — германский государственный деятель. До 1888 г. начальник прусского адмиралтейства. В 1888 г. подал в отставку из-за разногласий с Бисмарком. В 1890 г. после отставки Бисмарка — канцлер германской империи, председатель совета министров и министр иностранных дел. Проводил «новый курс» в политике Германии — отделение от России и ориентацию на Англию.

[5] Итальянским послом в Берлине в 1888 г. был де Лонней, граф.

[6] В 1889 г. в годовщину столетия французской революции 1789 г. в Париже была открыта всемирная выставка. Россия отказалась принять в ней участие. Чтобы не присутствовать на торжествах, русский посол в Париже Моренгейм выехал неофициально на это время из Парижа.

[7] Город в Эльзас-Лотарингии, области, отнятой Германией у Франции в результате франко-прусской войны 1870 г.

на парад. Председатель совета министров посоветует ему принять предложение: известие об этой поездке всколыхнет Париж в момент опьянения выставкой и бросит искру в порох. У нас есть весьма достоверные сведения, что ген. Буланже[1] желает войны. Нам остается только дать ему предлог ее начать, чтобы он взял на себя ответственность.

А если война вспыхнет в момент празднования столетия Французской революции, Россия будет менее склонна вмешаться в нее.

«Идея не плоха,— ответил г-н Бисмарк,— но над этим следует подумать».

Донесение Гуарана начальнику генерального штаба Козенцу, Берлин, 22 апреля 1888 г.

Г. генерал,

Я еще отдам более подробный отчет вашему превосходительству о результатах моей миссии, но перед тем, как покинуть Берлин, я считаю полезным резюмировать некоторые личные впечатления, которые ваше превосходительство оценит, и некоторые данные, которые мне кажутся существенно важными.

Я думаю, что нам придется отказаться от права оккупировать Албанию. Австрия нам не доверяет и хочет для себя свободы действий на восточном побережьи Адриатики. Она понимает, что, если нам удастся обосноваться в этой области, мы сможем, либо во время мирных переговоров, либо после разрыва союза, противодействовать ее политике. Нам также придется решиться на посылку двух армейских корпусов с артиллерией, но эта уступка ничего нам не будет стоить, поскольку мы заранее решили ее сделать. В обмен, я уверен, если мы будем настаивать, мы выиграем в вопросе о casus foederis, и за нами признают право принять участие в войне, поскольку это будет в наших интересах.

Это впрочем вопрос, который выходит из рамок нашей технической компетенции и который наша дипломатия сможет разрешить в нашу пользу. Я не мог довести это дело до конца, потому что как в Вене, так и в Берлине уклонялись от переговоров именно под предлогом некомпетентности.

Я заметил во всяком случае, что в Вене меньше желают войны, чем в Берлине. Резкость слов г. Кальноки по этому поводу меня сильно поразила, и мне показалось, что он почти насмехался над нами, когда я ему столь настойчиво говорил о нашем твердом желании принять участие в войне, даже в том случае, если мы не будем к этому обязаны.

Я также был поражен резкостью, с какой австро-венгерский канцлер категорически и окончательно воспротивился нашим пожеланиям возможной оккупации в Албании.

В общем я полагаю, что Австрия не доверяет нам, и я заметил, что в Берлине не доверяют Австрии не меньше чем России. Это зависит от того, что оба императорских двора рассматривают союз с различных точек зрения. Австрия считает его комбинацией, направленной против России, тогда как Германия рассматривает его как комбинацию, направленную против Франции. И именно в этом кроется причина, почему наши взгляды больше совпадают со взглядами Германии.

Эта разница в определении цели союза объясняет, почему в Вене

[1] Буланже — французский генерал. С 1886—1887 г. военный министр. Спекулировал на лозунге реванша, в целях установления во Франции военной реакционно-шовинистической диктатуры.

заметно чувство симпатии к Франции, тогда как в Берлине есть аналогичное чувство к России.

Впрочем мне кажется также, что я установил одну общую тенденцию у обоих дворов: а именно, твердое намерение вести войну только тогда, когда этого будут требовать интересы обоих империй, и избегать всего, что может к ней привести в интересах исключительно Италии. Мне кажется, что нам будет трудно вызвать войну специально в наших интересах.

К этому я должен добавить, что в Вене, особенно у графа Кальноки, кроме того, существует своего рода сантиментальная и филантропическая любовь к миру. Я видел, что в обеих столицах, когда я старался добиться принятия одного какого-либо из наших предложений, ссылались друг на друга, что сводилось к тому, что меня посылали от Ирода к Пилату.

С этими людьми надо вести очень осторожную игру, потому что иначе мы легко можем оказаться одураченными.

Согласно инструкциям вашего превосходительства я вернусь в Италию не заезжая в Вену.

Я проеду через Швейцарию и выполню по дороге в Нижних и Приморских Альпах дополнительную миссию, которую ваше превосходительство поручило мне.

Примите и пр...

Письмо посла в Риме Нелидова [1] министру иностранных дел гр. Ламздорфу [2], 4 июня (22 мая) 1901 г. [3]

М. г., граф Владимир Николаевич,

Вопрос о политических и торговых договорах между Италией, Германией и Австрией был в последнее время предметом подробных рассуждений в австрийских делегациях и стал с тех пор усиленно обсуждаться печатью.

Из предыдущих сообщений моих ваше сиятельство изволите знать, с каким напряженным вниманием следит за развитием этого вопроса французский посол и какую важность представляет для республики направление, которое примут сношения Италии с средне-европейскими империями по истечении или возобновлении связующих их теперь договоров.

Находя, что и для нас, независимо от участия, принимаемого нами во всем, что касается политики нашей союзницы [4], весьма важно знать, каковы будут политические сочетания великих держав в будущем, я счел уместным постараться уяснить себе по этому предмету мнение итальянского министра иностранных дел. Побуждением к тому послужило мне, кроме сего, сведение, полученное мною от лица, близко стоявшего к находившемуся лет двадцать тому назад во главе итальянской политики министру Манчини [5], будто в условиях Тройственного союза предусмотрен случай разрыва между Россией и Австрией, когда Италия обязана была бы послать в Галицию два армейских корпуса.

Мне неизвестно, имеет ли императорское министерство точные сведения об условиях Тройственного союза, и я очевидно не мог льстить

[1] Нелидов А. И.— посол в Риме с 1897 г. по 1903 г. и в Париже с 1903 по 1910 г.
[2] Ламздорф В. Н.— граф, министр иностранных дел с 1900 по 1906 г.
[3] В начале документа имеется царский знак рассмотрения.
[4] Франко-русский союз был заключен в 1891 г.
[5] Манчини — итальянский министр иностранных дел с 1881 по 1885 г.

себя надеждой получить их от г. Принетти [1]. Но мне важно было вызвать его по этому поводу на объяснения, и я считаю долгом представить сущность их на воззрение вашего сиятельства.

Прежде всего итальянский министр заявил мне, что он очень доволен объяснениями гр. Голуховского [2]. Как по политическим, так и по экономическим вопросам он высказал мнение, вполне согласное со взглядами итальянского правительства, о желательности заключения новых торговых сделок и о невозможности ни сохранить политическую дружбу при тарифной войне, ни ставить первую в исключительную зависимость от соглашений на почве экономической. На мое замечание, что Тройственный союз заключен был ввиду исключительных, действительных или воображаемых, политических опасений, которые нисколько не отвечают нынешнему международному положению вещей [3], и что, потому, он является в настоящую минуту только нарушающей всеобщее мирное настроение угрозой, часть коей направлена была возненавидевшим Россию министром Криспи и против ни в чем неповинного отечества нашего, г. Принетти ответил, что сколько ему помнится в трактатах нет речи о России. «Впрочем,— прибавил он,— я с ними ознакомился только при вступлении в министерство и с трудом мог бы передать их подробности. Мне представляется, что в них нет угроз ни против кого, и они совершенно свободно могут существовать рядом с самыми дружескими отношениями, которые мне удалось установить с Францией. От прежних недоразумений между нами, происшедших из-за Туниса, не осталось и следа».

«Кроме текста трактатов» — вставил я.

Мое замечание немного смутило министра, но он усиленно стал уверять меня, что ничего враждебного против кого бы то ни было в Тройственном союзе нет, что он был сочетанием исключительно оборонительным и мирным и не помешал Италии сблизиться с Францией, а Австрии притти к соглашению с Россией. Вообще же совместное существование в Европе двух больших групп великих держав кажется ему залогом сохранения мира, ибо при настоящих размерах военных приготовлений никто не решится взять на себя ответственность в возбуждении столь разорительной для народов борьбы.

Я не стану утомлять внимания вашего сиятельства изложением всех подробностей нашего разговора. Для меня важно было услышать из уст самого министра, как он смотрит на возобновление Тройственного союза. Объяснения его вполне подтвердили предположение, которое уже существовало у французского посла и у меня, что г. Принетти полагает возможным простое возобновление договоров с Австрией и Германией в настоящем их виде.

Не таково очевидно мнение по этому предмету французского посла и его правительства. В Париже находят, что продолжение и развитие дружеских сношений, недавно восстановленных с Италией, возможны только при условии полного отречения последней по отношению к своим союзникам от обязательств, которые могли бы в данную минуту, при известных обстоятельствах, поставить ее в ряды врагов

---

[1] Принетти — итальянский министр иностранных дел с 1901 по 1904 г. Проводил политику сближения Италии с Францией.

[2] Голуховский, граф — австро-венгерский министр иностранных дел и председатель совета министров с 1896 по 1907 г.

[3] В 1900 г. между Францией и Италией было установлено соглашение по вопросам Марокко и Триполитании: Италия обещала Франции благожелательный нейтралитет на случай захвата последней Марокко, за что Франция признала притязания Италии на Триполитанию. В 1897 г. Австрия и Россия договорились о разделе сфер влияния на Балканах.

Франции. Г. Баррер [1] делал об этом положительные заявления маркизу Висконти-Веноста [2], как я о том упомянул в одном из моих писем по этому предмету [3]. Он повторил это теперь маркизу ди Рудини [4] и некоторым другим влиятельным людям Италии, а г. Делькассэ [5] должен был на днях дать подробное предостережение итальянскому послу в Париже. В здешней палате будет в конце этой недели рассматриваться смета министерства иностранных дел, и г. Принетти предъявлены будут запросы относительно Тройственного союза. Французский посол прилагает все старания к тому, чтобы министр проникся взглядом правительства республики, который уже разделяют влиятельнейшие государственные люди Италии обеих партий. Остается неизвестным мнение короля, имеющего большое влияние на внешнюю политику, но средства воздействия на него чрезвычайно ограничены и можно было бы только надеяться на значение, которое могут иметь в его глазах суждения князя черногорского [6], несомненно противного по многим причинам возобновлению тесной связи Италии с Германией и особенно с Австрией.

Сколько ныне известно, Виктор-Эммануил далеко неблагоприятно расположен к Габсбургской монархии. Но он весьма сочувственно относится к Германии и желал бы вместе с тем сближения с Россией. Германия же, как сказал мне г. Принетти, поставила при заключении Тройственного союза условием своей дружбы с Италией устранение всех недоразумений между ней и Австрией.

Таким образом, для постановки внешних сношений Италии на прочные основания необходимо найти такие условия, которые могли бы оградить и безопасность, и выгоды королевства по отношению к его нынешним союзникам и вместе с тем сохранить ему всю пользу только что состоявшегося сближения с Францией.

Изучение этого вопроса и изыскание успешного его разрешения должно составить ныне заботу государственных людей Италии, и мне известно, что этим занимается г. ди Рудини, готовый даже сам отправиться с поручением своего правительства в Вену и Берлин, чтобы ознакомиться с намерениями тамошних кабинетов и решить, чего можно достигнуть.

Собственно дело Тройственного союза представляется по отношению к каждому из участников в следующем виде.

Относительно Австрии, как сказал мне г. Принетти, основанием для соглашения послужила с одной стороны опасность, угрожавшая спокойствию итальянских ее провинций от развития ирредентизма [7], с другой,— угроза поддержки со стороны венского кабинета попыток к восстановлению светской власти папы. В итальянских правитель-

---

[1] Баррер — французский посол в Риме с 1898 по 1916 г. Очень много сделал по сближению Италии с Францией и по исключению из условий Тройственного союза при возобновлении его в 1902 г. агрессивных статей против Франции.

[2] Висконти-Веноста, маркиз — итальянский министр иностранных дел с 1899 по 1902 г. Руководитель партии консерваторов, сторонник сближения Италии с Францией.

[3] Письма Нелидова в деле не обнаружено.

[4] Ди Рудини, маркиз — итальянский государственый деятель с 1891 по 1892 г. Был премьер-министром, сменив министерство Крисни. При нем резкая антифранцузская политика с ориентацией в сторону Тройственного союза сменилась попытками улучшить отношения с Францией. Позже неоднократно занимал министерские посты.

[5] Делькассэ — французский министр иностранных дел с 1898 по 1905 г.

[6] Черногорский князь Николай был отцом жены итальянского короля Виктора Эммануила и пользовался большим на него влиянием.

[7] Ирредентизм — стремление воссоединить с Италией территории, заселенные итальянцами, но оставшиеся после объединения Италии в 1870 г. под властью Австро-Венгрии.

ственных сферах и до сих пор еще не вполне исчезло опасение, что при известных обстоятельствах, Франция способна была бы предпринять что-нибудь в пользу возвращения папе Рима. Обеспечив Италии обладание ее нынешней столицей, венский кабинет взамен того обязал здешнее правительство не допускать в королевстве никаких проявлений ирредентизма и никаких враждебных замыслов против владений Габсбургского дома. Относительно Албании, способной тоже служить предметом раздора между обоими государствами, было условлено, что ни Австрия, ни Италия не будут там ничего предпринимать, а в случае, если бы Австрия расширила свои владения на Балканском полуострове, то она обязуется дать Италии территориальное вознаграждение. Наконец, как я упомянул выше, есть подозрения, что Италия, взамен полного обеспечения своей безопасности со стороны Австро-Венгрии, обещала, в случае войны последней с нами, послать ей на помощь войска.

Из всего этого особенно существенным для Италии является только обеспечение ее северной границы, которая ныне плохо укреплена и потребовала бы для приведения ее в безопасный вид значительных затрат и большого числа войск. Опасность же восстановления светской власти папы — чисто воображаемая, и венский кабинет не может этому ни способствовать делом, ни нравственно потворствовать в виду противоцерковного направления, господствующего как в Венгрии, так и в Австрии. Вопрос, следовательно, легко разрешался бы каким-нибудь постановлением, обеспечивающим между обоими государствами продолжение мирных добрососедских отношений.

Гораздо более сложным представляется установление на будущее время соглашения с Германией. Она, насколько известно, обещала Италии свое содействие на случай нападения со стороны Франции, но обязала за это королевство принять участие в войне, которая могла бы разгореться на Рейне. Это заставило итальянское правительство укрепить свою западную границу и содержать на ней значительные военные силы, налагая и на Францию обязанность иметь всегда наготове против Италии несколько боевых корпусов. Кроме того, всякая чужая попытка против Триполи[1] должна была быть признана поводом к союзным действиям в пользу Италии. Это последнее условие становится ныне излишним после состоявшегося недавно франко-итальянского соглашения относительно Триполи и Марокко. Но французскому правительству особенно важно исключить из условий Тройственного союза всякий повод к вооруженному столкновению с Италией и на этот-то предмет и направлены все старания г. Баррера. Расторжение взятого на себя Италией обязательства — приходить, при известных обстоятельствах, на помощь Германии — не только лишило бы последнюю этого не совсем бесценного содействия, но и позволило бы Франции отодвинуть от итальянской границы войска, которые ей могут быть гораздо более нужны на Рейне. Со своей стороны Италия имела бы возможность, не нуждаясь в столь сильном войске на французской границе, или сократить свою армию, и тем значительно облегчить государственный бюджет, или же перевести войска на австрийскую границу, если бы соглашение с венским кабинетом не было вполне удовлетворительным.

Над разрешением этой задачи: сохранения дружеских сношений с Германией без обязательства приходить ей на помощь, и должна работать итальянская дипломатия, если она хочет сохранить выгоды сближения с Францией. Правда, помощь эта выговорена только на

[1] Триполи (Триполитания) — до мирного договора 1912 г., окончившего итало-турецкую войну, турецкое владение на северном берегу Африки.

случай нападения со стороны французов. Но в Париже по опыту знают, как трудно бывает определить, кто нападающий зачинщик войны, и как легко нравственным оскорблением и вызовами поставить уважающее себя государство в неизбежную необходимость для защиты своей чести взяться за оружие.

Для склонения итальянских государственных деятелей в пользу своих видов, французский посол, кроме политических выгод, выставляет и огромную материальную пользу, которую королевство в состоянии будет тотчас извлечь из изменения своих договоров с среднеевропейскими империями. Италия нуждается в деньгах. Итог ее долговых обязательств достигает почти тринадцати миллиардов лир (к 1 января 1901 г.—12 863 467 436 лир), которые почти все заключены по 4%, 4½% и 5%. Всего процентов и погашения платится ежегодно 579 855 077 лир. Обращение этих долгов в 3½ и 3% могло бы дать государству ежегодно сбережение от 50 до 100 миллионов лир. Но операцию эту может взять на себя только парижская биржа, а на ней в настоящее время не принимаются итальянские бумаги. Договор с Францией по политическим вопросам имел бы немедленным последствием открытие для Италии парижского рынка и упорядочение финансового положения королевства.

Эту выгоду франко-итальянских хороших сношений вполне постигли гг. ди Рудини, Луццати [1]; ее внушают они и стоящим у власти министрам, гг. Цанарделли [2], Джиолитти [3] и др. На ней основывает главным образом свои надежды г. Баррер, посвящающий все свои силы всесторонней разработке и успешному разрешению столь важного для Франции вопроса.

Полагая, что и для нас значение его весьма велико, я счел долгом представить о нем в настоящем письме более подробный и цельный отчет.

Вопрос о продолжении или изменении Тройственного союза стоит на очереди [4]. Принетти высказал, что будущей зимой им нужно будет заняться серьезно, а между тем есть полное основание полагать, что он думает только о простом продлении ныне существующего соглашения. В его политическом направлении вообще видно отклонение от пути, по которому вел итальянские внешние сношения его предшественник маркиз Висконти-Веноста, старавшийся освободить Италию от всякого подчинения ее союзникам и дать ей более независимый ход. Г. Принетти, напротив, все более склонен согласовать свои действия с видами Германии,— он неоднократно мне это высказывал по поводу китайских дел, а потому все заботы французского посла сосредоточены на том, чтобы заставить министра изменить свое отношение к этому вопросу. Но решающее значение в этом деле все-таки имеет настроение короля, а воздействие на него весьма затруднительно и при замкнутом его образе жизни может быть произведено только семейным путем.

Примите и пр.

Нелидов.

---

[1] Луццати — лидер итальянской консервативной партии в палате, сторонник сближения Италии с Францией.

[2] Цанарделли — председатель итальянского совета министров с 1901 по 1904 г.

[3] Джиолитти — итальянский министр внутренних дел с 1901 по 1904 г. и премьер-министр с 1903 по 1914 г.

[4] В 1902 г. истекал срок Тройственного союза и шли переговоры об его возобновлении. Дипломатическая задача Франции и России состояла в том, чтобы или отвлечь Италию от Тройственного союза или, если это не удастся, исключить из него все, что могло бы угрожать Франции и России. Тройственный союз был возобновлен 28 июня 1902 г. и итальянский министр иностранных дел Принетти уверял, что в возобновлении союза нет ничего враждебного Франции.

Письмо военного министра Куропаткина[1] министру иностранных дел Ламздорфу, 22 февраля 1902 г., № 68

М. г. граф Владимир Николаевич,

По сведениям нашего военного агента в Риме, Италия условиями ныне действующего союзного договора с Германией и Австро-Венгрией обязывается, в случае разрыва между Германией и Францией, выставить 4 корпуса на Средний Рейн.

В настоящее время в виду установившихся более дружественных отношений между Францией и Италией, и, в особенности, в виду экономической и финансовой зависимости последней от своей могущественной соседки, можно предположить, что французское правительство приложит все усилия к тому, чтобы, в случае возобновления Тройственного союза, добиться отмены статьи, обязывающей Италию к высылке 4 корпусов к Среднему Рейну.

С другой стороны, печальный опыт последних 10—12 лет еще памятен итальянцам[2], а благоприятный поворот в финансовом положении и торговом балансе государства за ближайшие два года — эпохи постепенного политического сближения с Францией — может явиться достаточно побудительной причиной к тому, чтобы итальянское правительство окончательно отказалось от агрессивного характера отношений к Франции, которые до сих пор являлись для нее обязательными, в силу условий ныне действующего союзного договора с Германией и Австро-Венгрией.

В виду вышеизложенного, представляется вероятным, что, при возобновлении Тройственного союза, Германия и Австро-Венгрия, в случае отказа Италии от высылки корпусов на Рейн, приложат все усилия к тому, чтобы обязать ее выставить свободные корпуса на нашу западную границу, в случае большой европейской войны.

По докладе сих соображений государю императору, его императорское величество изволил приказать довести о сем до сведения вашего сиятельства на тот случай, если бы вы нашли возможным, во время предстоящих переговоров о возобновлении Тройственного союза, изыскать меры для противодействия принятию Италией каких-либо обязательств, могущих иметь агрессивный характер по отношению к России.

Прошу принять и пр.

А. Куропаткин.

Письмо министра иностранных дел гр. Ламздорфа послу в Риме Нелидову, 18 апреля 1902 г., № 291

М. г. Александр Иванович.

Считаю долгом препроводить у сего для сведения вашего превосходительства копию инструкции, коей снабжен был в 1888 г. итальянский полковник, командированный в Берлин и Вену для переговоров

---

[1] Куропаткин А. Н.— военный министр с 1898 по 1904 г.

[2] В 90-х годах политика Италии, руководимая Франческо Криспи, определялась возможно более тесным сотрудничеством с Тройственным союзом и обострением отношений с Францией. Ожесточенная таможенная война с Францией привела Италию к затяжному финансовому кризису, а попытка укрепиться в Восточной Африке путем установления протектората над Абиссинией закончилась катастрофическим поражением Италии в итало-абиссинской войне 1896 г., послужившей причиной падения министерства Криспи и отказа Италии на многие годы от захватнических планов.

о заключении Тройственного союза, а равно и копий донесений упомянутого лица. Ввиду настоящего политического положения документы эти могут представить для вашего превосходительства серьезное значение.

Покорнейшая просьба не отказать возвратить приложения по миновании надобности.

Прошу принять и пр.

Ламздорф.

Письмо посла в Риме Нелидова министру иностранных дел Ламздорфу, 6 мая (23 апреля) 1902 г.[1]

Г. министр,

Не нахожу слов для выражения вашему превосходительству моей благодарности за приложенные к вашему весьма секретному письму от 18 апреля сообщения относительно Тройственного союза. Я еще не успел достаточно их изучить и потому не могу возвратить с обратным курьером. Не премину вернуть их со следующей экспедицией.

Эти сообщения получил я как нельзя более кстати. Французский посол и я уже стали подозревать, вопреки моим первоначальным предположениям, что если даже в самом договоре держав Тройственного союза и не упоминается ни о России, ни о Франции, то приложенные к нему впоследствии трактаты и военные конвенции, в которых, как нам было известно, содержались определенные планы на случай возможной войны с Францией, должны были предусматривать также некоторые приготовления, касающиеся возможных действий против России, в которых Италия принуждена была бы принять участие.

Теперь нам это достоверно известно и так как в данное время стоит вопрос о средствах, с помощью которых Франция, в случае, все более и более вероятном, сохранения основных договоров, могла бы гарантировать себя от возобновления особых соглашений, направленных прямо против нее, то было бы и для нас крайне желательно по возможности принять меры предосторожности, чтобы не допустить существования прежних соглашений, обязывавших Италию послать в некоторых случаях для оказания помощи Австрии свои войска против нас; французский посол имеет возможность оказать давление на Италию и доводы для обсуждения этого вопроса, чем я совершенно не обладаю. Поэтому, не опуская ни одного могущего представиться случая, мне кажется, было бы прежде всего полезным побудить моего французского коллегу, чтобы он в своих беседах с итальянцами в тех случаях, когда речь коснется вопроса взаимных гарантий, дал бы им понять, что эти гарантии могут быть действительными в том случае, если они также будут относиться и к России, союзнице Франции, которую эта последняя не могла бы покинуть в случае войны ее с Италией.

Полученный им ответ поможет нам определить наши собственные дальнейшие действия.

Ввиду чрезвычайной деликатности этого вопроса, я не решился, г. министр, сделать его предметом официального донесения, но я считаю необходимым держать ваше превосходительство в курсе всех перипетий этого дела, а насколько оно важно для нас, мы узнали из тех документов, которые ваше превосходительство изволили прислать мне.

Примите и пр.

Нелидов.

[1] Перевод с французского. В начале документа имеется царская помета «†».

Письмо министра иностранных дел гр. Ламздорфа послу в Риме Нелидову, 15/2 мая 1902 г.[1]

Многоуважаемый Александр Иванович,

Чрезвычайно рад, что вам пригодился немного устаревший документ, касающийся держав Тройственного союза; он несомненно чрезвычайно интересен. Однако, я думаю, что характер и значение этого союза значительно изменились после 1882 г. Что касается роли Италии, то свидание двух государей[2] было бы несомненно наилучшим способом придать ей желаемое направление, но, когда я читал государю относящееся к этому вопросу место вашего личного письма, его величество сказал, что не может быть и речи о свидании в течение будущего лета и что во всяком случае инициативу в этом деле надо предоставить его величеству королю Италии. Итак, вам не следует делать ни малейшего намека по этому поводу, когда, во время пребывания персидского шаха в Риме, вы будете иметь случай увидать короля Виктора-Эммануила.

Ламздорф.

---

[1] Перевод с французского.

[2] Посол в Риме Нелидов считал, что свидание короля Виктора Эммануила с русским царем Александром III может сыграть большую роль в вопросе исключения из имеющего быть возобновленным в 1902 г. Тройственного союза условий, направленных против России. Об этом Нелидов писал Ламздорфу 6 мая (23 апреля) 1902 г.

Волнения чувашского крестьянства в 1842 г.

Публикуемые документы относятся к истории волнений государственных крестьян начала 40-х годов XIX в. Движение казенных крестьян этого времени непосредственно связано с реформами, проводимыми министром государственных имуществ П. Д. Киселевым. Эти реформы преследовали прежде всего цель ликвидировать растущие за государственными крестьянами недоимки, добиться бездоимочного получения в дальнейшем всех податей и повинностей, увеличить насколько возможно эти последние и, наконец, заставить государственных крестьян вырабатывать больше товарного хлеба на рынок.

В результате осуществления этой реформы, за 19 лет управления Киселева казна получила с своих имений доходов на 28% больше, чем за предшествовавшие 19 лет, а общая сумма недоимок за это время понизилась почти вдвое. Но этот результат был достигнут за счет значительного увеличения эксплоатации крестьян крепостническим государством. Реформа не только увеличила прямые государственные повинности, но не устранила даже и прежнюю систему поборов с крестьян со стороны местного начальства. Результаты реформы для крестьян отметил в своем «всеподданнейшем отчете» за 1842 год шеф жандармов Бенкендорф, который писал:

«Казалось, что этот важный переворот (реформа 1838 года) произведет благие последствия, но ожидания не сбылись, и вместо существенных и необходимых улучшений крестьянского быта в нем произведено то пагубное брожение, которое неоднократно проявлялось даже в мятежах и бунтах... Теперь остается решить: улучшилось ли их положение с учреждением над ними нового управления. Этот вопрос разрешили сами крестьяне. Беспокойства, возникшие в прошедшем году между ними... имели два главных повода: притеснение и поборы чиновников государственных имуществ и желание остаться по-старому под ведением земской полиции, которая если не более заботилась о благе крестьян, то, по крайней мере, не так дорого им стоила, ибо прежде целый уезд жертвовал для одного исправника и двух или трех заседателей, а ныне наживают десятки чиновников...» [1].

Действительно, крестьянские волнения охватили в это время почти всю Россию и были особенно сильны среди государственных крестьян.

Крестьяне боролись против введения новых органов суда и управления, обременявшего волостной бюджет, против повышения оброков, в связи с переложением их с души на землю, против увеличения хлебных сборов на пополнение хлебозапасных магазинов, против общественной запашки, принудительно вводившейся с той же целью, против насильственного переселения и пр. В 1840—1843 гг. движение охватило 25 уездов, 8 губерний и выливалось нередко в бурные формы: разгром сельских расправ и волостных правлений, захват и раздел казенных денег, захват хлеба, хранившегося в хлебозапасных магазинах, перевыборы крестьянами должностных лиц, вопреки воле началь-

[1] См. «Крестьянское движение 1827—1869 гг.» вып. I. Сборник документов, изд. Центрархива, подг. к печати Е. А. Мороховец. Москва, 1931, стр. 53.

ства, избиение старшин и сборщиков, состоявших из сельских богатеев, угнетавших своих односельчан не только в угоду казне, но и ради собственной наживы, чиновников управления государственных имуществ и земской полиции, освобождение силой арестованных, вооруженное сопротивление посланным для усмирения воинским командам.

Наибольшего подъема волнения крестьян достигли в 1842 г., и это было связано с тем, что к этому времени ко всем «благам» киселевской реформы присоединилось новое отягощение в виде организации так называемых «общественных запашек» в государственных имениях, на которых, главным образом, нужно было сажать картофель [1]. С введением общественных запашек, которые представляли подобие барщины, до того совершенно неизвестной государственным крестьянам, положение последних еще больше ухудшилось и сравнивалось с положением крестьян удельного ведомства.

По данным министерства внутренних дел, в Тотемском и Кадниковском уездах Вологодской губ. в 1840 г. в движении принимало участие до 20 тыс. крестьян, в Челябинском уезде Оренбургской губ. в 1843 г.— до 40 тыс. В 1842 г. в Пермскую и Вятскую губ., где движением было охвачено 8 уездов, была двинута артиллерия; в Челябинский уезд в 1843 г. было направлено 10 тыс. пехоты и конницы при 10 орудиях.

Печатаемые документы относятся к движению государственных крестьян (в основном — чуваш) Казанской губ. в 1842 г. В то время, как движение 40-х годов в Вятской, Пермской и Оренбургской губ. в большей или меньшей мере освещено опубликованными еще до Великой Социалистической Октябрьской революции документальными и мемуарными материалами [2], о движении в Казанской губ. имеются лишь краткие, суммарные сведения в сводках Варадинова и в отчетах министерства внутренних дел и III отделения. В отчете министерства внутренних дел за 1842 г. [3] движению казенных крестьян Казанской губ. посвящено всего 1½ страницы, причем не названо ни одно селение и ни одно из действовавших лиц, кроме военного губернатора Шипова; в работе Варадинова [4] дается лишь общая характеристика движения казенных крестьян в пяти губерниях, занимающая всего несколько строк, а в отчете III отделения [5] о казанских событиях 1842 г. только упоминается, без сообщения каких бы то ни было фактических сведений. Только в вышедшем в 1937 г. сборнике «История Татарии в материалах и документах» есть некоторые данные о движении 1842 г. в Казанской губ., но материалы эти занимают всего 3 страницы и весьма отрывочны. Таким образом, настоящая публикация впервые вводит в научный оборот конкретный материал о движении крестьян Казанской губ. в 1842 г.

[1] Сам по себе картофель был уже известен крестьянам и никаких протестов с их стороны не встречал. Наоборот, как отмечалось в статье «Этнографическое описание Казанской губернии» («Журнал министерства внутренних дел», 1841 г., ч. XXXIX), «ныне многие чуваши сеют картофель, который очень любят».

[2] О Вятской губ.: Крестьянские волнения, сб. «Столетие Вятской губернии», т. II. Вятка 1881 г. (по местным архивным материалам); А. А. Андриевский, Картофельный бунт в Вятской губ. в 1842 г. «Историч. вестник» 1881, № 7 (по местным архивным материалам). О Пермской губ.: П. Г. Гурин, Картофельный бунт в Пермской губ. 1842 г., «Русская старина», 1874 г., № 5 (воспоминания); М. С. Валевский, Волнения крестьян в зауральской части Пермского края в 1842—1843 гг., «Русская старина», 1879 г., № 11 и 12 (воспоминания); А. Н. Зырянов, Шадринский уезд в апреле 1842 г. «Пермский сборник», кн. II, Пермь, 1860 г. (воспоминания); А. Н. Зырянов, Крестьянское движение в Шадринском уезде Пермской губ. в 1843 г., «Деревня и новая Россия», 1879, № 11 (воспоминания); А. Н. Зырянов, Крестьянские волнения в Зауральском крае Пермской губ. в 1842—1843 гг., «Русская старина», 1883, № 9 (воспоминания); В. Кокосов, Картофельный бунт, «Историч. вестник», 1913 г., № 5 (воспоминания). Об Оренбургской губ.; Н. А. Середа, Позднейшие волнения в Оренбургском крае, «Вестник Европы», 1868, № 4 и 8 (по местным летописям).

[3] Материалы для истории крепостного права в России. Берлин, 1872, стр. 74—76.

[4] Н. Варадинов, История министерства внутренних дел. ч. III, кн. 2. СПБ. 1862, стр. 688—689.

[5] Крестьянское движение 1827—1869 гг., подгот. к печати Е. А. Мороховец, вып. I. Центрархив, 1931 г., стр. 49.

Печатаемые документы содержат детальные сведения о причинах движения, о ходе, руководителях его, методах усмирения и о последующей расправе. Следует отметить, что в движении принимало участие главным образом чувашское, отчасти марийское крестьянство; таким образом эти документы, помимо общего интереса, представляют также и специальный интерес, как материал для истории народов Среднего Поволжья.

В качестве введения к документам 1842 г. печатается донесение жандармского полковника Маслова, дающее исключительно яркую картину колониального угнетения чувашского крестьянства; хотя этот документ относится к более раннему времени (1831 г.), еще до киселевских реформ, но он показывает тот общий фон, на котором развертывалось крестьянское движение, и объясняет, почему в движении приняли участие в основной массе именно чуваши и другие угнетенные народы.

Документы хранятся в фондах III отделения собств. е. и. в. канцелярии и в фондах казанского военного губернатора, подготовлены к печати тов. П. В. Озеровым; им же составлены и примечания.

Из донесения Симбирского жандармского полковника Маслова шефу жандармов гр. А. Х. Бенкендорфу, 11 августа 1831 г., № 354 [1]

Замечание о состоянии инородцев, населяющих Казанскую губернию.

Причины, по которым народ сей более подвержен угнетению, нежели русские, суть следующие:

1. Опыты всех времен доказывают, что легче всего управлять народом невежественным, нежели получившим хотя малейшее просвещение истинное, и сколько нужно и должно поселянину; на основании сего правила начальствующие чувашами всеми силами способствуют дальнейшему распространению невежества: даже самый благонамеренный исправник есть бесполезный начальник над народом, если он занимается только одной расправой и следственными делами. Он не имеет время на то, чтобы дикаря приучить к общественной жизни, внушить ему, в чем состоят его обязанности к начальству и до какой степени простираются над ним права начальства, как то: волостного головы, писаря, исправника и судьи. Если сего не делает и честный чиновник, то чего должно ожидать от такого, который, определяясь на урочное время и, вероятно, не даром, начнет поступать с непросвещенными поселянами, как с опальным именем. Чуваши — они не токмо, чтобы иметь какое-либо понятие о законах русских, но даже и говорят немногие по-русски, так что бы можно было их понимать без собственного их же истолкования; с таким недостатком, что значит честный чувашин при следствии, перед судьей своекорыстным, все равно, что безгласная овца; его словам дают такой оборот, какой нужен следователю; руку за него прикладывает церковнослужитель, обязанный держать руку следователя потому, что и сам имеет с ним равное ремесло.

2. По селам и деревням выбраны начальники из чуваш и по большей части бедняки; чтож такое значат сии начальники? Они есть не иное что, как нарядчики для сбора денег на экстренные расходы; они выгоняют подводы не токмо под чиновников, но даже и под частных людей, даром пользующихся простотою народа, стоит только им приехать не в чувашской телеге и с колокольчиком на дуге. К скорому исполнению требований служит кнут, которым стегают начальника, понуждая

[1] ЦАР, ф. III отд., 1 эксп., д. № 529, лл. 21—40. На документе помета: «Собственной его величества рукой написано карандашом: «Сообщить М[инистру] Ф[инансов] и г.-а. Стрекалову на особое внимание».— «В Царском Селе, 25 августа 1831 г.» Ген.-ад. С. С. Стрекалов казанский военный губернатор до 1841 г.

его к поспешной поставке лошадей. Начальник деревни поставлен от мирского схода с приказания земского суда; по сему его и должна слушаться вся деревня и слушается; но начальника сего бьют судьи, рассыльные, солдаты и всякий проезжий. Рядовые поселяне, видя таковые примеры над своим начальником, принуждены быть безответными исполнителями воли судей.

3. Сенаторы Санти и Кушников[1] ревизовали губернии по доносу г. Киселева и по жалобам поселян; все почти чиновники отданы были под суд, не разбирая степени их вины; явное грабительство было поставлено на одну линейку с неосмотрительностью; но сего иначе и нельзя было сделать, руководствуясь общим коренным законом, наказывающим и явного злоупотребителя и нерадивого чиновника; один только суд должен был различить постепенность вины каждого и, по мере преступления, положить наказание, но и сего можно было ожидать только от верховной власти. Провинциальные же суды решили дело иначе. Посланные следователи по Казанской губернии почти все замараны, а отрешенные чиновники оправданы все до одного, как будто бы все они были свыше человеческой натуры. Остались виноваты одни поселяне. Едва ли теперь найдется из нескольких тысяч жаловавшихся хотя один на лице земли; большая часть из них бедственно погибли, пошли в Сибирь, жестоко наказанные под предлогами воровства, грабежа и других преступлений, а другие в конец разорены за то, что показали собой худой пример: жаловаться на то, чего не можно было им терпеть.

После ревизии г.г. сенаторов было несколько следствий о лихоимстве даже по высочайшему повелению; но все оканчивались тем, что обвиняемые оставались не только правы, чуть не святы. Обвинители были чуваши, следователи — чиновники, сами прежде служившие и ныне служащие; если они и хотели бы открыть истину, то мешало им сие сделать собственное свое корыстолюбие по другим местам, где они служили; если сие не мешало, то им приказывали сверху сделать следствие, так или иначе.

Ужасно вообразить, до чего может довести таковой порядок. Зло до безмерности увеличилось и если подчиненность русских крестьян земской полиции для соблюдения тишины, спокойствия и правосудия полезна, то для чувашского народа истинно вредна. Для него нужен чиновник постоянный, а не такой, который, определяется на три года и сверх того не даром?

4. Чувашский народ до сего времени погружен еще в крайнее невежество; но он от природы добр, бескорыстен, миролюбив; сделанная ему малая услуга обязывает его на целую жизнь благодарностью; трудолюбие его доказывается великим количеством вывозимого на пристани Волжского хлеба. С таковыми качествами народ сей должен бы благоденствовать, если бы не был отдаваем в управление таких начальников, которые не лучшее имеют к нему уважение, как к вьючному скоту. Русский крестьянин никогда бы не дал так себя притеснять; он лучше умел бы объясниться на своем языке о том, что ему нужно; чувашин же есть внутри России иностранец.

---

[1] Ревизия сенаторов гр. Санти и Кушникова происходила в 1819 и 1820 гг. Эта ревизия возникла вследствие того, что казанский губернский предводитель дворянства Киселев подал в сенат жалобу на губернатора гр. Толстого, обвиняя его и подведомственных ему чиновников в различных злоупотреблениях и т. д. Для разбора дел, обнаруженных ревизией, указом от 22 марта 1823 г. был учрежден в Казани специальный «временный департамент палаты уголовного суда», действовавший до 1827 г.
(ЦАР, ф. III отд., I экспед., 1831 г., д. № 529, лл. 47—48).

В «Казанском вестнике» 1829 г. в № 25, 26, 27 и 28 напечатано такое описание о чувашском народе, которое едва ли имеет подобный пример [1].

Презрение к человечеству руководствовало пером легкомысленного и злого сочинителя; это значит предупредить публику о народе притесняемом, но истинно достойном сожаления и отеческого попечения правительства.

Как поступают чиновники с чувашами в случае открывающихся дел, и какие употребляют способы к собиранию с них денег.

1. Случившееся в уезде убийство, скоропостижная смерть, или самоубийство чувашинина влечет за собой по общему порядку следствие уголовное.

На следствие приезжают чиновник земской полиции, стряпчий, лекарь, а с ними от 15 до 40 человек: кучеров, дворовых людей, рассыльных, канцелярских служителей и военной команды.

Корм лошадям и столовое содержание всей толпы производится на счет поселян той деревни, в которую приехали делать следствие, продолжающееся иногда более недели. Пьянство на счет народа, всякого рода своеволие, прихотливые требования приехавших есть первые их действия.

Начинается следствие об убитом, умершем, или удавившемся; здесь-то показывается в полном виде нравственность следователя, приехавшего на хлебное дело; осматривают умершего; забирают под караул соседей его, родственников и, в особенности, богатых поселян, перед глазами их приготовляют деревянные колодки для закования кто окажется виновным (то есть ослушников воли судей); а между тем агенты следователей, знающие чувашский язык и набранные по большей части из негодяев мещан цивильских, ядринских, чебоксарских и других, внушают всеми способами мирным поселянам, чтобы они во избежание грозящей беды умилостивили судей, собравши для них по рублю, а иногда по 2 и по 5 рублей с души.

Непонимающие последствий дела следственного, чуваши соглашаются, а если происходят споры, то разве в таком случае, когда видят невозможность в полной мере удовлетворить алчность своих притеснителей.

Между тем, когда делаются сборы денег с народа, родственники и соседи убитого или умершего подвергаются всякого рода истязаниям: их сажают в одну или несколько изб, допрашивают и при допросах внушают им неведомые и для самих русских законы: что они должны смотреть за поведением своего родственника или соседа, должны были предупредить случившиеся с ним последствия, должны были доносить о нем начальству, и, как поселяне всех сих обязанностей не исполнили, то, следовательно, они виноваты; их устрашают наказанием, ссылкой в Сибирь, конечным разорением, отправлением в город.

Что тут делать необразованному народу, незнающему до какой степени простирается над ними власть начальства?

Если не имеют денег на умилостивление судей, то продают свой хлеб, на который тут же готовы и покупщики; если хлеба недостает, то продают дворовую свою скотину, пепелища свои, или идут в кабальную работу к кому-нибудь на таком условии, чтобы работать до

---

[1] Здесь полк. Маслов имеет в виду статью «Известие о чувашах, живущих в Казанской, Симбирской, Оренбургской и других губерниях», помещенную в указанных номерах «Казанского вестника» без подписи автора. Автор статьи дает сугубо тенденциозную характеристику чувашскому народу, который якобы «не имея счастливой наружности, не имеет вместе и изящных душевных способностей», «говорит языком самым бедным», «имеет грубое и глупое лицо», и «самое тупое понятие», «рассудок весьма ограниченный» и т. д.

того времени, когда уплатится вся сумма, а уплата не так то легка тому, кто, обобран будучи, пошел в кабалу.

Наступит время платежа подушных и на земские повинности денег, тогда разоренный бедняк подвергается жестоким телесным наказаниям; присланные от земского суда рассыльные бьют их без милосердия. Приведенный в отчаяние чувашинин отдает себя и детей своих в кабалу из платежа только подушных денег.

2. Случится ли где в селении богатый чувашинин, к которому ни в чем нельзя привязаться, в таком случае или подпускают к нему чужую лошадь, или прикажут какому-нибудь изобличенному вору оговорить его. Наряжается следствие и чувашинин разоряется до конца.

3. Подрались ли между собой двое чуваш, и о сем узнает волостной писарь, тут оба ссорившиеся платят подать по мере своего состояния или сколько успеет взять писарь, не доведя до сведения чиновников земской полиции, которые, как только узнают о таковом маловажном происшествии и проведают о состоянии чувашина, спешат похитить добычу из рук писаря не для того, чтобы восстановить правосудие, но вдосталь разорить ссорящихся поселян, сделавши из их простой ссоры уголовное следственное дело.

4. Объявится ли рекрутский набор,— тут волостным писарям, как посредникам между народом и земской полицией, открывается удобный случай брать деньги с народа.

Сзывают мирской сход. На оном писаря объявляют чувашам своим манером требование правительства; начинать писать пятисотные участки; призывают к себе богатых поселян; угрожают отдачей в рекруты, если не заплатят за себя выкуп. Дорожа своей сельской свободой и не зная, под очередью ли он состоит или нет, чувашинин расплачивается и остается дома, хотя бы был и большесемейный; на место же его идет весьма нередко последний сын престарелого отца.

Где таковый бедняк может найти себе защиту? Судья есть его притеснитель, писарь истинный тиран; в рекрутском же присутствии, где участь каждого поселянина решается в четверть часа, поздно уже искать ему своего спасения.

С выбором рекрут начинается сбор рекрутских денег, которых количество всегда бывает вдвое более, чем по закону должно; отказаться от платежа излишних денег поселянам нельзя потому, что писарь и голова с полицией, собравши общий мирский сход, держат народ по неделе, а иногда и более, что и повторяют несколько раз до тех пор, пока получат желаемое.

Наконец, в довершение всех противозаконностей по рекрутской повинности, вместо десяти человек сбирают подставных, иногда до 100 человек таких, которые ни почему не подходят под очередь; вести таковую толпу нужны подводы, содержание, издержки путевые, проволочка времени; здесь опять начинается сбор денег с подставных и с народа в пользу судей праведных.

Для сбора таковых денег писаря употребляют из чуваш таковых сборщиков, которые, при всей своей необразованности, развращены будучи своими начальниками, также получают свой пай за труды при сборе денег для судей.

5. Случится ли пропажа лошади в каком-либо селении и понятые, шедши по следам оной, придут в другое селение, к которому хотя след и вел, но пропал. Лошадь не отыскана, но писарь, по введенному противозаконному обычаю, тотчас собирает от рубля, и иногда до пяти рублей с души за не отвод поселянами следа.

Если есть в писаре частичка совести, то дает четверть цены украденной лошади хозяину ее, и дело остается без всякого производства;

если же хозяин украденной лошади будет просить в земском суде, то начинается следствие.

Обобранная деревня, а иногда и та, из которой пропала лошадь, подвергаются денежному взысканию за то, что караула у околицы не имели; как будто бы вор непременно должен был вести оную мимо того места, где должен находиться караул.

6. Ужасное лихоимство поселилось и в самом духовенстве. Поступки большей части церковнослужителей с чувашами не лучше писарских и судейских. Для них смерть чувашина, особенно богатого, умершего без исповеди или причастия, есть хлебное дело. За похороны такового покойника берут от 10 и до 100 рублей, угрожая, в случае неплатежа, донести начальству, которое должно приехать с лекарем, дабы разрезывать мертвеца; и для образованного народа много значит таковое обстоятельство, но для суеверных чуваш, снабжающих и во гробе покойников своих всеми принадлежностями земной жизни, как-то: деньгами, посудой и одеждой,— анатомирование мертвеца есть ужасное в деревне происшествие.

И так чувашинин, при жизни бедствовавший, и по смерти оставляет горе своему семейству, заставляет его расплачиваться за безвременную свою кончину и непринятие святого причастия, за которым, хотя и посылал к священнику, но не дождавшись умер.

7. Свадьба у чуваш есть так же источник доходов судейских и священнических. Надобно сделать обыск или сведение, нет ли родства между сочетающимися; тут начинается проволочка, которая много значит для такого народа, который, держась еще прежних языческих обычаев своих, задолго до венца покупает себе невест и имеет уже с ними супружескую жизнь. Вместо искоренения сих соблазнов способами, верой предписываемыми, священники под рукой им сие дозволяют; но как скоро дойдет дело до венчания, тогда начинают поступать с ними, как с преступниками законов божеских и гражданских, грозят судом и берут деньги.

А как предварительная до венца супружеская жизнь чувашина редко остается без того, чтобы не иметь ему детей, и ему подлежит необходимость крещения, то и сие служит для священников предлогом ввести отца дитяти и целое семейство в хлопоты и напасть. Деньги, данные священнику, покрывают грехопадение чувашинина.

Возмущаемый в самых естественных побуждениях своих служителем алтаря, угнетаемый своими начальниками, чувашинин ожесточается сердцем, делается нечувствительным и хладнокровным ко всему его окружающему; он беспрекословно выполняет прихоти всякого подъячего, рассыльного, проезжего. Не уверен в своей собственности и личной безопасности. Какие он должен иметь мысли о господствующем народе и религии, недавно принятой, видя такие поступки светских и духовных судей своих?

Сие важное обстоятельство должно обратить внимание правительства на народ от природы добрый, нрава кроткого, но еще блуждающий в невежестве.

8. Поселянину необходимо нужны бревна на починку и постройку жилищ, дрова, мочалы и лыки; все сие он должен получать от лесничего.

Лесничий по закону обязан беспрекословно отпустить ему сии материалы за попенные деньги [1], а на дрова отвести лесосеку; но однакож сего никогда не делается.

Лесничий просто распоряжается государственным имуществом, как своей собственностью. Через матросов своих собирает по деревням с

[1] С каждого пня.

души весной по 80 коп. и по 1 рублю на лыки, мочалы и корье. А зимой по 70 и 80 коп. за бревна и дрова. Если бы чуваши захотели не дать требуемого налога, то в конец разорятся. Начнутся следственные дела при посредстве земской полиции и стряпчего. Чувашинина судят за дрова и лучины, как вора, потому, что он везет их из обывательского своего леса без билета, не принимая того во уважение, что законная лесосека ему не отведена; тут достается и всей непослушной деревне. Начнут обыскивать под избами дубовые плахи и отрубки, особенно у богатых чуваш, хотя бы оные положены были назад тому 50 лет; а как дуб есть корабельный лес, и ответственность за него большая, то хозяин нередко подвергается штрафу в пользу судей за своего прадеда [1].

Тут нечего делать поселянам, как собрать бездоимочно наложенный акциз. За то уже они и наверстывают свои убытки.

Деревня, из 200 душ состоящая, заплатя по 1 рублю с души, поставит в лес по меньшей мере 70 человек.

Попенных денег поступит в казну для порядку 50 рублей, а много 100 рублей, да лесничий возьмет 200 руб. за свое помещичье право; следовательно, по самой дешевой продажной цене народ воспользовался на 2060 р. и, если исключить издержки поселян за свою работу в половину, то у казны похищено 1030 рублей, кроме 200 р., взятых лесничим в свою пользу.

Заметить надобно, что цена сим материалам проставлена самая низшая, сумма выходит не так значительна, но если вообразить, что действия сии происходят в уезде, имеющем 40 тысяч жителей, и [удовлетворить] всех нуждающихся в лесных произведениях, то выйдет, что казна едва ли пользуется двадцатой частью своей собственности.

Из сего видно, что истребление лесов производится, по крайней мере, с пользой для поселян, но это еще самомалейшее злоупотребление в сравнении с следующим.

Вольные промышленники, торгующие мочалами, приходя из дальних мест, договариваются с лесничими заготовлять в казенных лесах мочалы. Они набирают работников от 500 и до 1000 человек, обязуются заплатить лесничему 25 или 30 рублей с каждого топора с тем, чтобы рубку производить целый месяц или более; при начале рубки платят половину, а другую по выбрании мочал из воды.

Время положено срочное, следовательно дело идет со всякой поспешностью. Каждый работник срубит в течение месяца по меньшей мере 750 дерев; 1000 человек, следовательно — 750 тысяч дерев; [такое количество] истребится в один месяц одним промышленником, который имеет дело с одним только лесничим.

Миллион выдранных мочал стоит 100 тысяч рублей по вышеозначенной цене; 25 тысяч взяты лесничим.

Расходы же на исходатайствование билета и на попенные деньги едва ли будут 5000 рублей; остальные 70 тысяч рублей остаются в пользу промышленника, который если бы и по 20 руб. в месяц нанял работников, то все же у него останется 50 тысяч рублей барыша.

Сверх того, надзиратели лесные еще от себя напустят с топорами такое же количество порубщиков с такой же или меньшей ценой.

От таковых действий лесничих Кошлоушинский дремучий лес по Ядринскому уезду и прилегающий к оному Алгашинский на расстоянии в длину 60 верст показывает одни только жалкие перелески.

9. Промышленники, торгующие поташом и шадриком [2], пособляют искоренять леса. Они берут, например, билет на вязовые и ильмовые

[1] Большая часть лесов Казанской губ. особо охранялась правительством, так как эти леса были предназначены для постройки морских судов.

[2] Шадрик — сырой поташ.

КОЗМОДЕМЬЯНСКИЙ И ПРИЛЕГАЮЩИЕ К НЕМУ УЕЗДЫ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ
(к статье „Волнения чувашского крестьянства в 1842 г")
Масштаб
10 0 10 км
КОЗМОДЕМЬЯНСК
ПОС. ТРОИЦКИЙ
ЧЕБОКСАРЫ
ПОС. МАРИИНСКИЙ
ВАСИЛЬСУРСК
ЯДРИН
КУРМЫШ
ЦИВИЛЬСК
Условные обозначения
Граница губернии
Граница уезда
Уездный город
Город и посад
Село или сельцо
Деревня или местечко
Шоссе
Грунтовая дорога
Завод
Пристань

дрова на 50 или иного 100 сажен; дают лесничему деньги по 10 рублей с топора; получивши дозволение, губят вяз, клен и илим и, склавши в огромные кучи, жгут золу, из которой тут же калят шадрик. Истребление сего драгоценного леса столь велико, что теперь с трудом ищут цевок на мельничные шестерни там, где прежде родились огромнейшие клены; иногда тысячи по две человек занимаются сим ремеслом, особенно в феврале и марте месяцах, в которые способно калить шадрик.

Безмерный выпуск мочал, лык, корья, шадрику при вышеописанных распоряжениях лесничих произвели два зла: первое то, что казенное имущество истребилось; второе, что на сии продукты упала цена от свободного их выпуска, хотя изданы на пресечение сего строгие законы, на основании которых впрочем и основываются своекорыстные расчеты лесничих; примером сему служит следующее:

Честный гражданин, желающий купить 100 бревен трехсаженной длины и четырехвершковой толщины, по закону должен заплатить попенных денег по 20 копеек — 20 рублей; если он не поладит с лесничим и не даст ему 50 рублей, то каждое бревно обойдется в лесу более рубля потому, что лесничий на основании законов принудит его вершины, сучья и даже щепы от изготовленного бревна вывезти из лесу на удобное место и покласть в кучу, без чего ему и вывозного билета не дадут,— кто ж после сего захочет поступать в лесу на законном основании? Лучше всего поладить с лесничим, который, взявши вдвое попенных денег, пустит промышленника в лес без ограничения количества вырубки.

Ежели поступило и записано в доход казенный 1000 рублей попенных, то решительно полагать можно, что в пользу лесничего и промышленников осталось в 50 раз более.

О лесосеках же и говорить нечего, чуваши о них не имеют никакого и понятия.

Истребление укоренившегося зла совершенно невозможно без приискания честных чиновников; но честный не пойдет служить, видя примеры г.г. А. Л.— г. А.[1] — захотел покровительствовать народу; через сие пресек источники доходов лесничего и стряпчего, а с сим вместе досадил и тем людям, от которых зависели они; нашли предлог г. А. удалить от должности, стряпчего К., несколько десятков раз судившегося и теперь судящегося, послали в другой уезд, испытать его деятельность. Г. Л. был примерным тираном народа чувашского; дела его были так громки, что о его лихоимстве по высочайшему повелению производилось следствие: однако он оправдан и вновь назначен к службе; вся беда его состояла в том, что он истратил на свое оправдание все, что было нажито в стране чувашской.

Таковой пример правосудия так подействовал на чуваш, что едва ли они и самому царю скажут правду, зная, что после сего и пепла жилищ своих не найдут, будучи подвержены всегдашнему влиянию земской полиции.

Полковник Маслов.

Донесение управляющего казанскою палатою государственных имуществ казанскому военному губернатору ген.-ад. Шипову, 21 марта 1842 г., № 4082[2]

Вследствие распоряжения министерства государственных имуществ, мерами простого убеждения о собственной пользе казенных крестьян

[1] Кто скрывается под этими инициалами — установить не удалось.

[2] ЦАУ Татарской АССР, ф. канц. казанского военного губ., св. 7, д. № 30, 1842 г., лл. 3—5.

учреждены между ими общественные запашки и посев картофеля без всякого со стороны их ропота.

При введении этих запашек не только не было жалоб на какие-либо стеснения, но напротив, при личных разъездах по губернии г. управляющего палатой статского советника Нефедьева, они изъявили ему даже готовность исполнять все, что может служить к улучшению их быта и сельского хозяйства.

Но в конце ноября месяца прошедшего года чуваши и черемисы Чебоксарского округа начали в просьбах жаловаться на то, что их заставляют сеять картофель, вводить общественную запашку, собирать в магазины хлеб, и при этом изъявили опасение быть обращенными в удел, ходатайствовали уже об оставлении их в первобытном состоянии. Г. управляющий палатою отправлялся на место и личным объяснением вразумлял поселян в благодетельности цели учреждения неприкосновенных запасов хлеба, посева картофеля и общественной запашки, столь необходимых для вернейшего обеспечения их же продовольствия; а равно внушая, что мысль об обращении их в удел не имеет никакого основания, г. управляющий палатою удостоверился, что в Чебоксарском округе есть люди, которые колеблют умами простодушных и, можно сказать, полудиких жителей.

Палата государственных имуществ и г. управляющий ее, от 23 декабря за № 19787, 4 января — № 20, 31 января — № 35 и последовавшими представлениями, доведя до сведения г. управляющего губерниею о подстрекающих лицах, просили распоряжения о поступлении с ними по законам[1].

Вскоре подобное колебание умов перелилось в округ Цивильский, а ныне уже начали являться в палату во множестве с просьбами об освобождении от общественных запашек и об оставлении в первобытном состоянии крестьяне Козьмодемьянского и Ядринского округов, которые, при делаемых в присутствии палаты вразумлениях, обнаруживают главным побуждением к подаче подобных просьб одно лишь опасение насчет мнимого поступления в удел, злонамеренными людьми им внушенного.

Между тем ядринский окружной начальник от 13 текущего марта, за № 1063-м[1], с рапортами, поступившими к нему от Асакасинского, Убеевского, Исакавского и Тинсаринского волостных правлений, доводя до сведения палаты о произведенных в разных местах обывателями самовольно денежных сборах по 15, 20 и 25 копеек с души на ходатайство об уничтожении общественной запашки, донес, что по Ядринскому округу произвели в поселянах колебание умов казенный крестьянин Цивильского округа Борис Кононов Торопов и чебоксарский мещанин Иван Сергеев Пономарев, проживающий на содержимой им мельнице при деревне Байгуловой, которые, разъезжая по деревням на обывательских подводах без платежа прогонов, возмущали жителей к избранию поверенных для ходатайства об уничтожении запашек. Торопов называл себя ревизором от высшего начальства и вместе с мещанином Пономаревым переписывали имена обывателей, получая за это по 5 коп. О произведении об этом строжайшего исследования окружной начальник сообщил уже в ядринский земский суд и командировал депутатом помощника своего Орлова. При этом окружный начальник присовокупил, что он сам лично и через помощников своих собранным крестьянам по всем волостям делал внушения о злонамеренности людей, вовлекших их в обман и излишние издержки и, хотя встретил в жителях преимущественно Исаковской и Тинсаринской волостей большую наклонность к доверчивости к нелепым внушениям

[1] Упомянутые «представления» в делах не обнаружены.

злонамеренных людей, но продолжительным увещанием посредством переводчиков крестьяне остались убежденными в обмане вредных подстрекателей.

Несмотря на это, озабочиваясь успокоением встревоженных умов простодушных крестьян и отвращением ложного их понятия о поступлении в удел, я вместе с сим предложил палате предписать всем по губернии окружным начальникам, чтобы они к прекращению этих беспорядков употребили деятельные меры и о последствиях своих распоряжений немедленно донесли палате.

За управляющего палатой [подпись]

Из донесения начальника 7 округа корпуса жандармов в Казани шефу жандармов Бенкендорфу, 7 мая 1842 г., № 108 [1]

Доходили до меня сведения о происходивших в некоторых уездах Казанской губернии между государственными крестьянами неудовольствиях и даже самом неповиновении при введении общественных запашек. Главнейшею сему причиною был предложенный отвод мест для запашек лучшей земли и вблизи самых селений, через что крестьянские участки подвергались переменам и затруднению в новом измерении.

Но благоразумным распоряжением казанского военного губернатора г. ген.-адъютанта Шипова это волнение государственных крестьян должно прекратиться. Его превосходительство предписал всем земским исправникам объявить крестьянам, что они обязаны непременно иметь общественную запашку, но назначение мест для оной зависит от собственного их выбора и усмотрения. О чем вашему сиятельству долгом поставляю почтительнейше донести.

Полковник Львов.

Рапорт ядринского уездного исправника Головкинского казанскому военному губернатору Шипову, 7 мая 1842 г., № 176 [1]

После сделанного мною от 4 сего мая за № 174 вашему превосходительству донесения и отправленного требования к ядринскому инвалидному командиру [3], мы все-таки с г. окружным начальником продолжали действовать на умы крестьян, внушая им чрез одного или трех из среды каждого общества избранных старшин и, приезжая к ним в самые околотки, успели убедить еще жителей Асакасинской волости в 28 околотках, заключающих в себе 2591 душ, прочие ж 18 околотков числом 2109 душ никаких убеждений и внушений о дурных от сего последствий не хотели слушать.

Посланные для побуждения явиться к нам обывателей, или при возможности, схватив, представить известных уже подстрекателей, казаки в деревне Карачуры обывателями с собравшимися из других соседних деревень, человек до 100, были избиты, у двоих изломали сабли и, захватя одного казака и старшину волостного правления, держали у себя за караулом близь суток; а казаки успели увести с собою шедшего впереди толпы народа отставного солдата Михайлу Евдокимова. Есаул Колпаков на сей же предмет ночью на 6 число посланный с 12 казаками и старшиною для указания жилищ подстрекателей, возвратясь, донес, что он был при деревне Кожарах, вокруг коей

[1] ЦАР, ф. III отд., IV эксп., д. № 155, 1842 г., л. 5.
[2] ЦАУ Татарской АССР, ф. канц. казанского военного губ., св. 7, д. № 30, 1842 г. лл. 51—53.
[3] Указанные документы в делах не обнаружены.

нашел раскладенные огни, обставленные толпами народа, как видно тоже из разных деревень, с дубинами, и в одном из сих кружков находился главный прежде пойманный и скрывшийся возмутитель отставной солдат, проживающий в деревне Кожарах, Сидор Степанов, коего они, хотя и намеревались взять, но в сем не успели, а захватили лишь из толпы вооруженных дубинами двух крещеных (кои с Карачуринским солдатом Евдокимовым отосланы в тюремный замок).

В эту же ночь на 6 число прибыл к нам из города Ядрина отряд из 20 рядовых под командою двух унтер-офицеров, к коим примкнули 15 казаков и 23 человека понятых, немедленно отправились в близ лежащую деревню Карачуры. Захваченные врасплох в ней жители, всего 22 человека, тотчас объявили, что они дают свои имена и соглашаются производить общественную запашку — разумеется, это согласие изъявлено потому только, что прежние в драках товарищи их притти не успели, толпы коих видны были за версту, шедшие на помощь. И увидя, что мы, оставя карачуринских, потянулись в околоток Поганкин, в 3 верстах отстоящий, повернули на перерез дороги нашей и, пришед туда прежде, остановились между усадебной городьбой на площади у самого въезда в деревню. Идя с окружным начальником и казацким офицером впереди, ведя за собой команду, мы молча намеревались пройти мимо народа, до 500 человек, кои, зашумев и заволнуясь, вдруг начали кричать, что не пустят в деревню; в это время у многих показались в руках палки, а другие, перескочив плетни, с обоих сторон передавали товарищам своим, более молодым людям, дубинки. Остановясь, мы объявили им, что идем не драться, а если они намерены нас бить, то пусть бьют; по совершении же злого намерения вместо нас будут присланы другие, доколе не усмирят их,— и потом все-таки пошли в деревню. Подле нас по обоим сторонам шли толпы, махая вверху палками, крича, что они не дадут ни квартир, ни подвод, ни пищи, не причиняя однакож никому побойства; мы говорили со многими, по давней здесь жизни мне знакомыми лицами, что они дурно делают, производя одни во всем уезде такой беспорядок. Между тем дошли до средины деревни, заняли квартиру и расположились в ней, потребовали сотского, мирского начальника, десятников или стариков. Нам решительно во всем отказали, говоря, что никого нет, тогда как многие той деревни жители из толпы народа приходили во двор занятой нами квартиры, где мы пробыли часа четыре. В это время многих знакомых призывали к себе и выходили к ним в толпы, истощили все зависящие от нас средства, склоняя к покорности. Напрасен был труд и домогательства наши, они одно твердили с криком: «не хотим запашки, хотим ссыпать хлеб в магазины с души по-прежнему, пусть делают с нами что хотят». Не надеясь на понятых, за два дня к повиновению склоненных, не имея при себе и пищи для команды, а более всего страшась, чтоб кто-либо из оной не завел с кем ссоры, могущей получить самый бедственный конец, мы решились тем же самым порядком выйти, уговаривая народ к покорности, потеряв надежду обратить сих крестьян к долгу повиновения. Я отправил команду в том самом виде и порядке в город Ядрин, в каком она была прислана.

Донеся сим вашему превосходительству, осмеливаюсь покорнейше просить о принятии скорейших мер к усмирению бунтующих, тем более, что убежденные нами и еще не утвердившиеся в мнениях о своих пользах от запашки — 41 тысяча душ их собратий — легко могут опять присоединиться к бунтующим, ибо причина, побуждавшая к неповиновению, есть одна и та же; из всех поступков их видно, что согласие к покорности не есть искреннее, а из страха объявленное.

Земский исправник Головкинский.

Из рапорта ядринского уездного исправника Головкинского казанскому военному губернатору Шипову, 9 мая 1842 г., № 181 [1]

Ядринское окружное управление от 8 сего мая, за № 1838, с донесения Асакасинского волостного правления известил земский суд; а сей последний меня уведомил, что убежденные мною к повиновению жители Асакасинской волости уклоняются от посева отрезанных уже некоторых из них под общественную запашку участков, а другими [волостями] и выдел таковых остановлен, отказываются от обрабатывания их под тем предлогом, что когда покорится вся волость, тогда и ими общественной запашки будет обработано столько, сколько в прошлом 1841 году, т. е. 39 в поле, а не 47 десятин, как ныне назначается. От поправки мостов и дорог, до окончания яровой пашни, хотя самые дурные места для проезда, совершенно отказались, говоря, что им теперь заняться нет и часу время [2]. Из приложенной с рапорта Асакасинского волостного правления копии между прочим видно, что околотка Поганкина крещеный Филипп Андреев с неизвестным по имени товарищем объявили волостному писарю о намерении их отправиться от всей Асакасинской волости в Санкт-Петербург для подачи прошения, угрожая при том лишением писаря жизни за оглашение подстрекателей начальству.

Не имея никакой уже надежды убедить словами неповинующихся обратиться к долгу своих обязанностей, а строгость без средств усилила бы только партии бунтующих, я долгом считаю доведя сим до сведения вашего превосходительства; осмеливаюсь присовокупить: в 25 верстах от города Ядрина, Нижегородской губернии в Васильсурском уезде расположены по квартирам пехотные войска, переход коих прямо в бунтующие деревни будет не далее 65 верст, то не более ли найдено будет удобным послать из сих войск, нежели из самой Казани... доходят слухи, что чуваши желают лишь иметь в виду лицо, которое бы ими руководило и под предлогом его (как и во времена Пугачева) можно было [бы] буйствовать... Смею беспокоить, ваше превосходительство, ускорить высылкою команды для усмирения волновавшейся толпы, примером наказания виновных немедленно положить конец всем беспорядкам, ибо имена многих зачинщиков и подстрекателей уже известны.

Земский исправник Головкинский.

Рапорт и. д. начальника 7 округа корпуса жандармов полк. Львова шефу жандармов Бенкендорфу, 14 мая 1842 г., № 115 [1]

За обязанность себе поставлю поспешить донести вашему сиятельству, что в некоторых уездах Казанской губернии государственные крестьяне оказывают совершенное неповиновение начальству, что и побудило г. военного губернатора генерал-адъютанта Шипова послать в сии места воинские команды, а именно: в Ядринский уезд командир-

[1] ЦАУ Татарской АССР, ф. канц. Казанского военного губ., св. 7, д. № 30, 1842 г., лл. 51—53.

[2] К маю 1842 года во многих местах Казанской губернии стали выявляться плохие виды на урожай озимых хлебов. В сводках о видах на урожай, помещенных в «Санктпетербургских Ведомостях», сообщалось, что весной этого года «озимый хлеб по причине бездождия и холодной погоды, не в удовлетворительном положении, и во многих местах крестьяне принуждены были озимые поля засеять яровым хлебом...» («Санктпетербургские Ведомости», № 162, за 1842 г. Сообщение «По Казанской губернии от 25 мая»). В этих условиях, когда собственные крестьянские работы удвоились, вполне понятно, что у крестьян совсем не было времени итти на общественные работы, которые возможно было отложить на некоторое время.

[3] ЦАР, ф. III отд. IV экспед., д. № 155, 1842 г., л. 21.

рован состоящий при его превосходительстве по особым поручениям капитан Крюденер унимать государственных крестьян, не соглашающихся на учреждение общественных запашек; в Чебоксарский уезд командирован казанский полицеймейстер полковник Поль для усмирения государственных крестьян, распорядившихся самовольно разломанием запасных магазинов, взятием запасного хлеба и отнятием от сборщиков всех денег, ими с крестьян собранных; в сей последний уезд отправились также председатель палаты Нефедьев и чиновник особых поручений барон Корф. Сколько известно по собранным сведениям, то причина, производящая все сии беспорядки, есть неблагоразумные распряжения чиновников, подведомственных палате государственных имуществ, и излишние денежные с крестьян сборы.

Сведений о последствиях распоряжений вышеописанных командированных чиновников еще не имеется; по получении каковых я не премину донести вашему сиятельству с первой отходящей почтой.

Полковник Львов.

Из рапорта козьмодемьянского земского исправника Мерлина казанскому военному губернатору Шипову, 15 мая 1842 г., № 181 [1]

В минуту отправления к вашему превосходительству донесения моего за № 180 об открывшемся в Тептяевском обществе неповиновении по введению общественных запашек, то-есть 14 числа мая пополудни в 7 часов, явясь ко мне, житель того общества отставной унтер-офицер Дементий Иванов объявил, что встреченное ныне по означенному обществу в учреждении общественных запашек [неповиновение]произошло по возмущению проживающего деревни Ювановой в околодке Орбашах отставного унтер-офицера Василия Григорьева, который вызвался поселянам быть ходатаем в Санкт-Петербург по уничтожении запашек вместе с сельскими обществами просить лично государя императора, полагая в сем случае надежду на служащего в одном из Санкт-Петербургских штабов писарем сына своего Ивана Григорьева, с которым ведется о сем предварительная переписка и для сего собственно собрано уже в удовлетворение унтер-офицера Григорьева по 50 коп. ассигнациями с души, но переданы деньги ему, или еще состоят в руках сборщиков, неизвестно.

Пользуясь сим извещением, я поручил находящемуся при мне приставу 1 стана при четырех уральских казаках, вместе с рассветом дня отправиться в околодок Орбаш, розыскать производимую у отца с сыном переписку и вместе с нею представить первого ко мне для расспросов.

Становой Аристов, отыскав занимаемый Григорьевым дом и забрав все его бумаги, располагался выехать из селения, но сбежавшиеся орбашские жители захватили тут пристава, бумаги отобрали, самого его избили, бывшее на нем платье изорвали, а потом, догнав следующих с Григорьевым казаков, причинили им нестерпимое побойство, бывшие при них нагайки, сабли, вместе с арестантом отняли и при произношении всех неистовств выгнали их из селения.

Получив о сем личное донесение Аристова и предоставя произведенный поселянами поступок будущему обсуждению, решился с находящимися при мне двумя приставами, помощником окружного начальника и шестью казаками, при их урядник, выехать из селения; но в продолжение требования лошадей взволновавшиеся жители начали яв-

[1] ЦАУ Татарской АССР, ф. канц. казанского военного губ., д. № 30, св. 7, 1842 г., лл. 21—24.

ляться к занимаемым нами квартирам многочисленными толпами, вооруженные палками и дубинками, держа в руках отнятые у казаков четыре обнаженные сабли и одно ружье. В самое короткое время толпа эта, составившись до 1 000 человек, приступила к моей комнате с вопросом, для чего становой пристав хотел увести унтер-офицера Василия Григорьева и принадлежащие ему бумаги.

Желая сколь возможно успокоить их волнение и скрыть настоящую цель моей посылки, я, вышедши на двор, вразумил поселян, что земская полиция, имея в производстве своем разнородные к жителям уезда касательства, во всякое время могла и может забирать людей, ей надобных, не давая частным лицам никакого отчету и что тот из среды их, кто осмелится настоятельно сего требовать, будет судим и наказан, как дерзкий ослушник закона.

Этот упрек мой по началу имел свой успех и водворил между ими приметную тишину; но некоторые из них, а потом и все, произвели ужасный крик, разнородные ругательства и поношения к учрежденному над ними начальству, называя действие всех .....[1] и впоследствии, пришед в неимоверное исступление и готовность на всякое неистовство, приказали десятским отнять приготовленных лошадей и не давать никому пищи, каковой от них и не требовалось.

Потом из среды их один поселянин бывшей Чернышевской волости волостной голова Николай Матвеев, постигнув мои убеждения, сказал поселянам, что они напрасно обижают свое начальство и, повидимому, располагался продолжать к ним речь свою далее; но волнующийся народ, причтя его к единомышленникам с нами, в одно мгновение схватив за волосы, утащили в круг свой и более четверти часа били его до истощения сил. Участь сего страдальца осталась в неизвестности потому, что я и становые пристава не имели возможности ни защитить его, ни преследовать виновных.

Находясь в очевидной и неизбежной опасности, я снова решился прибегнуть к мерам благоразумия и согласными их заблуждению увериениями склонил их только к тому, что они дали нам лошадей и выпустили из жительства своего с тем, чтоб по общественной запашке никогда к ним не приезжать.

Исправник Мерлин.

Из доклада казанского военного губернатора ген.-ад. Шипова Николаю I, 14 мая 1842 г., № 2892 [1]

Казанская палата государственных имуществ по согласию мирских обществ частью ввела во многих селениях общественную запашку еще в прошлом 1841 году, а частью предположила учредить таковую в настоящем 1842 году, с той целью, чтобы хлеб, собираемый с полей, обрабатываемых общими силами, взносим был на обеспечение народного продовольствия в запасные хлебные магазины. Но с ноября месяца прошедшего года явились в разных местах губернии неблагонамеренные люди, возбуждавшие поселян к отклонению от исполнения сей меры, о чем палата входила с представлениями к моему предместнику [3] в декабре и январе месяцах.

Вскоре после вступления моего в должность военного губернатора, узнав, что донесения палаты остались еще без должного действия, я сделал распоряжение об арестовании всех лиц, обвиняемых в возбуждении крестьян, и о исследовании их поступков, а для успокоения

[1] Слово неразборчиво.
[2] ЦАР, ф. III отд., IV экспед., д. № 155, 1842 г., лл. 28—31.
[3] Стрекалову.

умов крестьян и для проверки по сему действий окружных и волостных начальников счел нужным предложить палате командировать в округи доверенных чиновников, которые после некоторого времени успели отклонявшихся от общественной запашки поселян обратить к своему долгу во всех волостях, исключая Липовской волости Чебоксарского округа, поселяне которой на заведение общественной запашки не изъявили согласия, и Асакасинской волости Ядринского уезда, крестьяне которой отказались от запашки и произвели буйство и дерзкие поступки.

По получении о сем донесения 11 числа сего месяца я в тот же день командировал в Ядринский округ состоящего при мне для особых поручений гвардии капитана Крюденера, предписав ему, обще с земским исправником и окружным начальником, восстановить порядок и повиновение и изыскать действия преступные для наказания виновных по строгости закона. При сем я предоставил капитану Крюденеру употребить для поддержания его распоряжений и в случае надобности усмирения крестьян действие вооруженной силы и тамошней инвалидной команды.

12 числа сего месяца управляющий палатою государственных имуществ представил мне рапорт исправляющего должность Чебоксарского окружного начальника, коим он доносит, что крестьяне Липовской волости, не давшие согласия на введение общественной запашки, отказались и от посадки картофеля, от платежа общественных сборов, равно как и от приема платежных таблиц, и при том поселяне деревни Багильдиной расхитили хранившийся в запасном магазине ржаной хлеб, а крестьяне деревень Богоявленской, Яниковской и Преображенской отняли у плательщиков собранные на общественный сбор деньги.

Почитая необходимым принять немедленно решительные меры к прекращению беспорядков, в сем краю вверенной мне губернии возникших, и утвердить тишину и порядок на будущее время, я командировал в Чебоксарский округ казанского полицеймейстера полковника Поля и губернского стряпчего Никитина для приведения обще с окружным начальником и земским исправником к должному повиновению непокорных крестьян, точнейшего и скорейшего изыскания виновных в произведении дерзких поступков и основательного обследования их действий, дабы передать потом преступников по всей строгости действию закона. Вместе с тем я отправил из Казани в Чебоксарский уезд роту здешнего гарнизонного батальона, на случай, если бы встретилась надобность употребить воинскую команду. По важности сего дела отправились также на места происшедших беспорядков — управляющий палатой статский советник Нефедьев и находящийся в Казани по делам службы состоящий при министре государственных имуществ камер-юнкер барон Корф для оказания с их стороны по сему содействия.

Сейчас получил я рапорт от полковника Поля, коим он доносит, что к водворению порядка приняты им все нужные по местным обстоятельствам меры, вследствие которых поселяне многих деревень уже покорились и сами выдали зачинщиков и подстрекателей, над которыми начато им производство надлежащего следствия.

Всеподданнейше донося о сем вашему императорскому величеству, я осмеливаюсь присовокупить, что о дальнейшем ходе дела я буду иметь счастие донести вашему императорскому величеству с первою экстрапочтой.

Генерал адъютант Ш и п о в.

Рапорт и. д. начальника 7 округа корпуса жандармов полк. Львова шефу жандармов Бенкендорфу, 16 мая 1842 г., № 119 [1]

В дополнение донесения моего от 14 мая за № 115 [2] честь имею вашему сиятельству почтительнейше донести, что из рапорта к г. казанскому военному губернатору от полковника Поля и капитана Крюденера видно: от первого, что в Чебоксарском уезде водворяется спокойствие и порядок и что он полагает, что скоро во всех волостях таковой водворен будет.

Капитан же Крюденер доносит 1) что все его убеждения оказались тщетными и что крестьяне [3], собравшиеся в весьма большом количестве с вилами и рогатинами, объявили ему решительно, что они не хотят вновь введенного управления [4], не хотят иметь ни окружных начальников, ни волостных и пр., 2) что он г. Крюденер уже распорядился сбором из уездных городов инвалидных команд и казаков и 3-е) что он имеет сведение и сам удостоверился, что в соседнем Козьмодемьянском уезде крестьяне расположены к неповиновению.

По получении сих рапортов г. военный губернатор генерал-адъютант Шипов тот же час отправил отсюда 150 человек воинской команды к капитану Крюденеру, предписал полковнику Полю, по водворении спокойствия в Чебоксарском уезде, отправиться с частью ему вверенной команды в Ядринский уезд.

И его превосходительство изволит сам завтрашнего числа отправиться в сии уезды с тем, дабы, будучи на местах, во всяком случае давать скорее разрешения и самому увидеть состояние крестьян и узнать причину, производящую сии беспокойства и неудовольствия.

Полковник Львов.

Отношение управляющего казанской палатой государственных имуществ Нефедьева казанскому военному губернатору Шипову, 17 мая 1842 г., № 105 [5]

Посланный мною в Козмодемьянский округ помощник ядринского окружного начальника Орлов, возвратясь оттоле, привез неприятные известия. Жители там также, или еще более, нежели были здесь, расположены к упорному неповиновению. В Акрамовской волости, вероятно по предварительному ожиданию, немедленно собралась к Орлову огромная масса людей, даже из других волостей, с палками в руках и не хотели входить ни в какие объяснения; бывшим с ним 10 солдатам инвалидной команды, следовавшей в Чебоксары, не дали подвод и заставили возвратиться в Ядринский округ, а Орлову сказали, что поступили бы с ним худо, если бы он не был им знаком по прежней службе. Цель их действий и домогательств — то же самое, как и здесь: они не хотели не только продолжать запашки, прежде без возражений введенной, но также садить картофель и платить общественные сборы, ссылаясь на то, что ими отправлены в Петербург поверенные, они совершенно отказываются от повиновения. На слова, что к ним придет команда, они говорили, что будут сопротивляться.

---

[1] ЦАР, ф. III отд., IV экспед., д. № 155, 1842 г., лл. 22—23.

[2] Донесение полк. Львова от 14 мая 1842 г. за № 115, в основном совпадающее с данными, изложенными в докладе Шипова Николаю I (стр. 103), находится в том же деле, л. 21.

[3] Тут вставлено карандашом: «в Ядринском уезде».

[4] Указом 26 декабря 1837 г. было образовано особое министерство государственных имуществ, в ведение которого перешли государственные крестьяне; для управления ими по губерниям были образованы губернские палаты государственных имуществ.

[5] ЦАУ Татарской АССР, ф. канц. казанского воени. губ., св. 7, д. № 30, 1842 г., л. 15.

В числе этой бурной толпы были видны отставные или бессрочно отпускные солдаты, которые, как слышал находившийся при Орлове унтер-офицер, возбуждая чуваш к неповиновению, уверяли, что хотя и придет команда, но стрелять в них не будет, разве холостыми зарядами.

Далее Орлов узнал, что в той же Акрамовской волости чуваши прибили уже священника, а в Кожваш-Сигачинской — станового пристава.

Все сии происшествия отняли надежду донести к следующей экстрапочте о прекращении беспокойств, хотя таковые в Чебоксарском и Ядринском округе окончены.

Капитан Крюденер отправляется нарочно для личных подробных объяснений с вашим превосходительством и для принятия приказаний.

В настоящих обстоятельствах я полагал бы обратить внимание на водворение в здешнем краю порядка, не делая пока по рапортам спасского окружного начальника Малютина распоряжений.

Ядринского округа, деревня Муньял.

Управляющий палатой Нефедьев.

Рапорт и. д. начальника 7 округа корпуса жандармов полк. Львова шефу жандармов Бенкендорфу, 21 мая 1842 г., № 121 [1]

На другой день после донесения моего к вашему сиятельству от 16 мая, за № 119, его превосходительство г. казанский военный губернатор генерал-адъютант Шипов изволил отправиться в Чебоксарский уезд в сопровождении губернского штаб-офицера корпуса жандармов майора Лобановского, по прибытии куда нашел крестьян Чебоксарского уезда усмиренных, и по распоряжению полковника Поля более виновные арестованы, а прочие наказаны полицейским исправлением за взятие участия в ослушании. Тут же его превосходительство изволил получить сведения из уездов Козмодемьянского, Ядринского, Цивильского и Спасского, о возгорающихся в оных возмущениях и что полковник Поль уже отправился в Козмодемьянский уезд с командою, ему вверенною.

По получении каковых сведений генерал-адъютант Шипов командировал майора Лобановского в Спасский уезд, подчинив ему воинские команды, в уездных городах состоящие, и чиновников земской полиции, а сам же изволил отправиться в Цивильский уезд, где усмирив крестьян, прибыл в Козмодемьянский уезд, где также нашел крестьян приведенных полковником Полем в повиновение, так же как и в Ядринском уезде распоряжением капитана Крюденера. Водворя таким образом спокойствие в Чебоксарском, Цивильском, Ядринском и Козмодемьяновском уездах и назначив на сии места военно-судные комиссии для суждения преступников, изволил сего числа возвратиться в Казань.

При сех действиях полковник Поль в Козьмодемьянском уезде и капитан Крюденер в Ядринском уезде, видя совершенное несогласие к повиновению и в весьма большом количестве крестьян, вышедших с поля вооруженными кольями и вилами, вынуждены были действовать холодным оружием. После короткого сопротивления крестьяне обратились в бегство, и полковник Поль, преследуя их, захватил до 600 человек, а капитан Крюденер до 400 человек, и, связав их, посадил под строгий караул. При действиях сих убитых и сильно раненых не оказалось.

Из Спасского уезда майор Лобановский доносит мне сего дня, что по прибытии туда он не нашел крестьян в возмущении, и что по

[1] ЦАР, ф. III отд., IV эксп., 1842 г., д. № 155, лл. 21—27.

собранным сведениям, видно, что только в некоторых обществах противятся устраивать общественные запашки,—сопротивление, происшедшее от нераспорядительности окружного начальника — и что он полагает их вразумить, и не находит, чтобы могла случиться надобность в усиленной воинской команде.

При сем за обязанность себе поставлю присовокупить, что из всех сведений, мною собранных, видно, что главные причины сих беспорядков суть:

1-е. Неблагоразумная распорядительность[1] местных начальников министерства государственных имуществ.

2-е. Распри между сими чиновниками и чиновниками земской полиции[2], отчего само собою рождается неповиновение и непочитание крестьянами ни тех, ни других.

3-е. Весьма частые денежные сборы с крестьян на предметы, на которые таковых прежде чинимо не было.

4-е. Устройство общественных запашек без пояснения крестьянам основательной причины оных.

5-е. Неимоверно увеличенное число подводных повинностей, для всех членов сего управления, из коих многие такие же крестьяне и повинности сей не несут[3], и наконец,

6-е. Причина, не могущая быть скоро доказана, но неминуемо существующая, это — взятки, чинимые всеми лицами в уездах и деревнях, управление составляющими, которых по большому их количеству крестьяне не могут удовлетворять без совершенного разорения.

Подробное донесение г. генерал-адъютант Шипов с сею же почтой отправил к его императорскому величеству.

Полковник Львов.

Рапорт казанского полицеймейстера полковника Поля казанскому военному губернатору Шипову, 20 мая 1842 г., № 28[4]

По отъезде вашего превосходительства сего числа из села Акрамова, я, на основании предписания вашего от 19 мая за № 152[5], приступил к наказанию крестьян Козьмодемьянского округа, захваченных в буйстве 19 числа. В это время из передового казачьего пикета получил донесение, что многочисленная толпа крестьян, вооруженных разными орудиями, идет к селу Акрамову.

Я приказал тотчас воинской команде приготовиться к боевому порядку и, усмотрев приближающуюся в расстоянии версты толпу около 4 тысяч человек, послал есаула Уральской казачьей сотни Колпакова[6] с частью казаков удостовериться, точно ли бунтующие крестьяне вооружены и какими орудиями. Есаул Колпаков через несколько минут прислал урядника доложить, что крестьяне вооружены длинными заостренными кольями, дубинами, железными рогатинами, косами и частью ружьями, с неистовым криком и угрозами кричали, что они пришли выручить крестьян, взятых вчерашнего числа под караул, и что решились или сами умереть, или уничтожить воинскую команду.

---

[1] Так в подлиннике.

[2] Здесь имеются в виду «распри» между чиновниками нового управления и прежней земской полиции на почве обирания крестьян.

[3] Чины местной сельской и волостной администрации, выбираемые из своей среды самими крестьянами, были освобождены от всех видов общественных повинностей.

[4] ЦАУ Татарской АССР, ф. канц., воен. губ., д. № 13, 1842 г., лл. 3—5.

[5] Этого «предписания» в делах не сохранилось.

[6] Казачья команда, поступившая 19 мая в распоряжение полк. Поля в с. Акрамове, состояла из «2-х обер-офицеров, 2-х урядников и 51 казака уральского и 5 казаков оренбургского войск», которые находились под командованием есаула Колпакова и сотника Черторогова (ЦАУ Татарской АССР, ф. канц. казанского военн. губ., д. № 7, 1842 г., св. 1, л. 93).

Не допустив толпу на полверсту к селу Акрамову и имея ввиду вогнать ее при сильном натиске в речку при обратном переходе моста, через которую бунтовщики перешли, я приказал казакам Уральской сотни на рысях следовать к бунтовщикам, а сам со всею пешею командою ускоренным шагом шел за казаками. Толпа, не допустив к себе команды, обратилась в тыл и перебежав мост, часть коего на середине была ими разобрана, вытянулась по всему берегу стиснутыми рядами, крича и угрожая длинными кольями, рогатинами, вилами, косами и пр., объявляя, что они ни за что не сдадутся. Заметив, что в толпе много было пьяных людей, кои, подстрекая бунтовщиков, видимо ободряли их, но главное получив сведение, что подобные толпы мятежных крестьян собираются из разных участков чуваш и черемис Кожваш-Сигачинской волости также вооруженными и могущими соединиться с сею толпою, я решился укротить дерзость бунтовщиков и сделал распоряжение напасть на них, приказав команде защищаться до крайности тупыми концами пик и прикладами. По мелкости речки Моргоушки команда скоро перешла в брод и, когда казаки начали окружать толпу с двух сторон, а пешие солдаты сделали натиск в средину, то бунтовщики тотчас начали наносить сильные удары кольями, рогатинами и ножами, причем закололи двух лошадей. В таком положении казаки принуждены были защищаться пиками, а пехотные солдаты штыками с несколькими выстрелами.

Толпа бросилась бежать и, перейдя другой мост той же речки, старалась уходить двумя направлениями: слева к селу Оринину и вправо к лесу. Поручив адъютанту вашего превосходительства гвардии поручику Костливцеву с частью команды преследовать бегущих бунтовщиков в лесу, я с остальными солдатами следовал к селу Оринину, и в это время бунтовщики, несмотря на упорное сопротивление, на расстоянии трех верст были захватываемы. Признавая неудобным дальнейшее действие в преследовании бунтовщиков по сделанным ими направлениям и опасаясь при том нападения, как выше сказано, подобной толпы, я счел необходимым прекратить дальнейшее действие.

Собрав команду, немедленно возвратился в село Акрамово, сделав нужные распоряжения к предосторожности от подобного нападения бунтовщиков.

Последствия такого неожиданного происшествия оказались следующие:

Ранено и контужено воинских чинов:

Уральской сотни обер-офицеров (в том числе начальник команды есаул Колпаков, контуженный в трех местах)	2
Казаков с значительными ранами и ушибами	4
Заколото две казачьи лошади и одна ранена.	
Перешиблено древок у пик	4
Казанских гарнизонных батальонов с значительными легкими ранами и ушибами	9
Легкими	68
Перешиблено прикладов	13

Отнято у бунтовщиков командою:

Железных вил	4
Рогатин	3
Долот, насаженных на шесты	2
Кос	6
Топоров	8
Ножей	13

Со стороны мятежников:

Убито на месте при защищении	8
Тяжело раненых	39
Легко раненых	192
Схвачено, кроме раненых	186

Приказав находящемуся при мне цивильскому уездному лекарю перевязать раненых, я немедленно отправлю тяжело раненых для подания помощи в чебоксарскую лечебницу, для присмотра же за другими ранеными, в помощь цивильскому уездному врачу, послано требование к козьмодемьянскому лекарю, дабы он немедленно прибыл сюда с медикаментами.

Бунтовщиков для отобрания допросов передам здешнему земскому исправнику, ожидая для дальнейшего следствия, по важности дела, распоряжений вашего превосходительства.

Между тем при настоящих обстоятельствах, находя малочисленность состоящей в ведении моем воинской команды и имея сведение, что по водворенном спокойствии в Цивильском уезде, 2 казанского гарнизонного батальона майор Алексеев должен был возвратиться в Казань с командою своею, состоящею из 75-ти рядовых, я решился с нарочным послать к нему предписание, дабы он с получением [сего] со всею поспешностью прибыл на обывательских подводах ко мне.

Для перемены же изломанных ружей имею честь покорнейше просить ваше превосходительство: не оставить сделать распоряжение, дабы вышеозначенное число (ружей) и переломанных лож при укрощении буйства 19 мая в селе Акрамове: 108 всего 122 ружья или лож, как можно скорее было выслано сюда из казанских гарнизонных батальонов.

Почтительнейше донося вашему превосходительству о случае столь необыкновенной дерзости крестьян-черемис, продолжающих преступное упорство в неповиновении с явным ожесточением, я полагал бы не излишним, для отстранения могущих последовать в других волостях Козмодемьянского округа подобных происшествий, если возможно, прислать сюда, хотя на короткое время, некоторую часть войска, в особенности казаков.

Село Акрамово.

Полковник Поль.

Доклад казанского военного губернатора Шипова Николаю I, 21 мая 1842 г., № 3038 [1]

Рапортом моим от 14 сего мая за № 2892 я всеподданнейше донес вашему императорскому величеству, что по беспорядкам, возникшим в Ядринском и Чебоксарском уездах высочайше вверенной мне губернии, командировал я для водворения порядка и повиновения законным властям в Ядринский уезд гвардии капитана Крюденера, а в Чебоксарский — казанского полицеймейстера полковника Поля. После отправления сего всеподданнейшего моего рапорта получил я от капитана Крюденера донесение, что крестьяне Ассакасинской волости Ядринского округа, в числе более 2 тысяч душ мужского пола, вышли из повиновения, ходят из деревни в деревню толпами, вооруженные кольями с криком по-русски и чувашски: не хотим расправ [2], не хотим запашки и картофеля, хотим жить по-старому, и что капитан Крюде-

[1] ЦАР, ф. III отд., IV экспед., д. № 155, 1842 г., лл. 6—11.

[2] «Расправы» волостные и сельские — местные суды для разбора внутренних крестьянских нужд. Введены среди государственных крестьян с 1 января 1838 г.

нер для приведения их к порядку и повиновению ожидал соединения истребованных им людей от ближайших инвалидных команд. Вместе с сим получил я сведение, что в двух соседственных Ядринскому уездах Цивильском и Козьмодемьянском возникли также беспорядки и неповиновение.

По сим причинам я счел нужным командировать немедленно в те места из Казани еще команду в числе 150 человек нижних чинов гарнизонного батальона и отправиться туда самому, дабы сделать лично на месте нужные к восстановлению порядка распоряжения, удобнее вникнуть в существенные причины, кои произвели таковые беспорядки, и видеть самому состояние поселян.

Прибыв 17 мая в Липовскую волость Чебоксарского уезда, я нашел, что распоряжениями полковника Поля с содействия статского советника Нефедьева и камер-юнкера барона Корфа водворен уже там полный порядок и повиновение; виновные в оной поселяне в немалом числе, по данному полковнику Полю наставлению, после основательного о винах их, обще с земским исправником и окружным начальником дознания, строго наказаны, а виновнейшие и зачинщики оставлены до моего решения.

Там же получил я донесение капитана Крюденера, что по собрании им в Ассакасинской волости Ядринского уезда инвалидной команды до 72 человек и 34 казаков, он тщетно старался увещаниями и убеждениями, собравшуюся с заостренными кольями толпу поселян, в числе более 600 человек, обратить к повиновению и порядку и потому, наконец, принужден был приказать солдатам сделать на них нападение, строго подтвердив нижним чинам не бить крестьян иначе, как прикладами. После некоторого сопротивления возмутившиеся крестьяне были покорены, и 304 человека из них связаны были понятыми, находившимися при команде; все виновные по рассмотрении вины их капитаном Крюденером, обще с земским исправником и окружным начальником, строго наказаны, кроме зачинщиков и виновнейших, которые оставлены до моего решения, и тем порядок и повиновение водворены совершенно. Тогда же получил я из Цивильского уезда сведение, что неповинующиеся там крестьяне обращены к порядку и повиновению земским исправником с помощью команды, отправленной туда от отряда полковника Поля.

Между тем Козьмодемьянский земский исправник донес мне, что поселяне Топтяевской волости не только вовсе вышли из повиновения, но, собравшись толпою, жестоко избили своего волостного голову, увещевавшего их обратиться к покорности, и что пример этот распространяет беспорядок и в других волостях, что Кожваш-сигачинской волости поселяне прибили станового пристава, а в Акрамовской нанесли удары даже священнику их увещевавшему.

По получении таковых донесений я немедленно отправил полковника Поля в Козьмодемьянский уезд с 200 рядовых, поручив камер-юнкеру барону Корфу также с ним следовать, между чем счел нужным проехать на места бывшего беспорядка в Цивильском и Ядринском уездах. Сделав там нужные распоряжения к утверждению должного повиновения, я ободрил людей, не участвовавших в беспорядках, определил наказать виновных и отправил в Козьмодемьянский уезд к полковнику Полю находившиеся в Цивильском и Ядринском уездах команды на подводах.

Прибыв за сим вместе с статским советником Нефедьевым в Акрамовскую волость Козьмодемьянского уезда, я нашел, что полковник Поль пред самым приездом моим водворил порядок в сей волости, рассеял толпы поселян, там собравшиеся до 5 тысяч человек из разных волостей, взял и перевязал из них 464 человека.

Полковник Поль донес мне, что по прибытии в Акрамовскую волость он нашел там многочисленные толпы, вооруженные кольями и в продолжении 2 часов вместе с камер-юнкером бароном Корфом, убеждал их обратиться к порядку и повиновению, но тщетно, а потому сделал на них нападение, приказав солдатам бить их прикладами, а казакам — тупыми концами пик, и успел рассеять толпу лишь после немалого сопротивления. После сего, сделав разыскание, я назначил произвести формальное следствие над главными зачинщиками беспорядка и наиболее виновными для предания их военному суду, прочих же поручил полковнику Полю, по рассмотрении обще с земским исправником и окружным начальником вины каждого, строго наказать мерами полицейскими.

После сего я приказал отправить в другие три волости сего уезда, где происходили беспорядки, особые команды для приведения крестьян в совершенное повиновение.

При всех сих случаях никто из офицеров и нижних чинов, ниже поселян, не убит и не ранен, некоторые только не опасно ушиблены.

В бытность мою в Цивильском уезде 18 мая я получил донесение, что в другом конце губернии, за Камой, в Спасском уезде, также появились неустройства; для восстановления там порядка я откомандировал губернского жандармского штаб-офицера майора Лобановского с нужным наставлением, дав предписание о назначении нужной ему команды.

Сделав все сии распоряжения, я возвратился сего дни в Казань, и о всех вышеизложенных происшествиях осмеливаюсь всеподданнейше донести вашему императорскому величеству.

Генерал-адъютант Ш и п о в.

Донесение управляющего казанской палатой государственных имуществ Нефедьева казанскому военному губернатору Шипову, 24 мая 1842 г., № 116 [1]

Г. полковник Поль от 22 сего мая доносил вашему превосходительству подробно о положении, в каком находились наши дела до того времени.

Из пяти волостей Козмодемьянского округа, увлеченных в неповиновение ложными внушениями о мнимом обращении их в удел, две волости: Акрамовская и Пихтулинская еще 20 числа по утру изъявили вашему превосходительству полную готовность следовать распоряжениям правительства, цель которых была им вновь истолкована.

Затем в час пополудни, по отбытии уже вашего превосходительства, надобно было, по самой крайней необходимости, с употреблением оружия, усмирить толпу бунтовщиков, которая, собравшись из жителей остальных трех беспокойных волостей: Татаркасинской, Кожваш-Сигачинской и Большеюнгинской с преступными намерениями освободить из под караула своих сообщников, стремилась вооруженною рукою напасть на отряд и чиновников находившихся в селе Акрамове.

Последствия этого хотя должны были подействовать на умы чуваш и черемис, но, к сожалению, сведения, доходившие до нас 21 и 22 числа, показывали противное и состояли в том, что жители вышепоименованных трех волостей, исключая двух обществ Татаркасинской, остаются при своем упорстве и готовятся к продолжению явного сопротивления воинской команде. Посему я и полковник Поль истощили все средства привлечь сюда людей из означенных волостей беспре-

[1] ЦАУ Татарской АССР, ф. канц. казанского военного губ., св. I, д. № 7, 1842 г., лл. 52—53.

станными посылками к ним волостных голов, писарей и старшин, а равно обывателей двух обществ Татаркасинской волости, которые 21 числа явились с изъявлением своего повиновения. Наконец, 22 числа посланы были мною и полковником Полем, для убеждений в Татаркасинскую волость корпуса лесничих прапорщик Немицкий, а в Кожваш-Сигачинскую и Большеюнгинскую казачий сотник Черторогов. С сим последним отправил я письма к священникам, чтобы они, со своей стороны, пастырскими увещаниями склонили черемис оставить упорство и дерзкие намерения.

Вследствие сего 23 числа явились в село Акрамово с покорностью два остальные общества Татаркасинской, все пять обществ волости Кожваш-Сигачинской и два общества Большеюнгинской. После сделанных им мною обще с полковником Полем внушений, черемисы, очевидно, оставили волновавшую их мысль будто бы о обращении в удел, и с искренностью сознаваясь в своем заблуждении, жаловались на виновников оного, которые должны обнаружиться по следствию. Отпуская два общества Большеюнгинской волости, мы поручили им уговорить и другие три общества, чтобы они последовали их примеру; но по отдаленности этой волости, отстоящей отсюда за 50 верст, доселе нет еще оттоле известий и от посланного казачьего сотника с письмом моим к священнику.

Таким образом из пяти беспокойных волостей, заключавших в себе 27.110 душ, в настоящее время остается неявившихся к нам только три общества одной Большеюнгинской волости: Нижнекулаковское, Емелевское и Салмандаевское, в которых 3 750 душ; но по общему теперь духу поселян можно надеяться, что и эти общества присоединятся к изъявившим желание быть послушными.

Управляющий Нефедьев.

Доклад казанского военного губернатора ген.-ад. Шипова Николаю I, 24 мая 1842 г., № 3099 [1]

Рапортом моим от 21 сего мая за № 3038 я всеподданнейше донес вашему императорскому величеству о прекращении возникших беспорядков в уездах вверенной мне губернии — Чебоксарском, Цивильском и Ядринском,— о рассеянии толпы вооруженных кольями крестьян при селе Акрамове Козьмодемьянского уезда и о сделанных мною распоряжениях к водворению порядка и повиновения в прочих местах сего уезда.

В ночи с 21 на 22 мая получил я от полковника Поля донесение, что вскоре по отъезде моем из села Акрамова появилась толпа крестьян до 4 тыс. человек, идущих на селение и вооруженных рогатинами, косами на колья укрепленными и другими острыми оружиями и между прочим охотничьими ружьями. По извещении о сем от выставленного казачьего пикета, полковник Поль выстроил команду свою; но для отражения мятежников недостаточно уже было действовать прикладами, а потому он почел необходимым дозволить нижним чинам употребить острое и огнестрельное оружие. Вооруженная толпа, после некоторого однакож сопротивления, разбежалась по разным направлениям. При сем случае воинских чинов убитых не было, но раненых: казачий офицер, казаков 9, казанских гарнизонных батальонов нижних чинов 77, а из поселян убито 8 человек; тяжело ранено 39, легко ранено — 192. Мятежники имели намерение освободить захваченных накануне их товарищей.

[1] ЦАР, ф. III отд., IV эксп., 1842 г., д. № 155, л. 18.

Получив донесение о том событии, я поручил немедленно начальнику IV округа внутренней стражи генерал-майору Мандрыке, как человеку опытному, отправиться на место сего происшествия и, приняв под непосредственное свое начальство находящуюся там команду, действовать к водворению порядка. О чем почитаю долгом всеподданнейше вашему императорскому величеству донести.

Генерал-адъютант Шипов.

Рапорт окружного генерала 4 округа внутренней стражи ген.-майора Мандрыки казанскому военному губернатору Шипову, 24 мая 1842 г., № 113[1]

Во исполнение предписания вашего превосходительства от 21 мая, за № 3029, 23 числа по полуночи в 11 часов, прибыл в Козмодемьянский уезд, где расположен отряд г. полковника Поля в селение Акрамово и немедленно вступил в распоряжение для усмирения неповинующихся крестьян сего и других уездов. Затем, к величайшему моему удовольствию, нашел, что от некоторых волостей сего уезда прибыли в сие село крестьяне, которые были в неповиновении, с изъявлением совершенной покорности,— но, как объявили мне полковник Поль и управляющий палатою государственных имуществ, три общества, по требованию их, еще не выслали людей с изъявлением покорности; сии последние самые дальные расстоянием от села Акрамово.

Касательно Ядринского уезда, то по заверению г. управляющего, в оном водворено совершенное спокойствие и повиновение, в Цивильском же самая малая часть осталась, кои еще колеблются выполнять законный порядок, почему и командирован туда, чиновник особых поручений Зайцев с тем, чтоб он старался, совместно с исправником, благоразумными мерами привести остальных крестьян в повиновение, в противном случае, немедленно донести, для чего со стороны моей остановлена собранная команда в резерве в г. Чебоксарах с одним обер-офицером, 4 унтер-офицерами и 50 человек рядовых, которые, в случае прибытия в сей город артиллерии, служить будут оной прикрытием, а между прочим предписал цивильскому исправнику, чтобы в случае существенной надобности в команде, для приведения в повиновение остального числа того уезда крестьян, по предъявлении моего к нему предписания начальнику чебоксарской инвалидной команды командировать ту команду в Цивильский уезд.

Из сего ваше превосходительство усмотреть изволите, что нет сомнения, что в самом скором времени во всех уездах, окончательно будет водворен совершенный порядок.

Равным образом я предписал производителю следствия козмодемьянскому исправнику Мерлину, обще с уездным стряпчим Егоровым, как наиспешнее окончить оное и доносить мне ежедневно о успехах, в том внимании, что содержимых под арестом крестьян, взятых 20 мая, находятся 364 человека, кроме отправленных в Чебоксарскую окружную больницу. Я полагал бы из них, большею частью увлеченных своими товарищами, освободить на поруки, впредь до решения военного суда, ибо в противном случае, содержание оных весьма затруднительно, и могут быть упущения в полевых работах; побегу же кажется нельзя от них ожидать, как имеющих семейства и оседлости; в разрешение чего, буду иметь честь ожидать предписания.

[1] ЦАУ Татарской АССР, ф. канц. казанского военного губ., д. № 7, св. I, 1842 г., лл. 48—49.

Впрочем вашему превосходительству не благоугодно [ли] будет, по важности сего дела, имеющего поступить на высшую ревизию, назначить губернских чиновников к производству оного, которым дано будет более вероятия.

В заключение сего имею честь почтеннейше доложить, что если завтрашнего числа не явятся из вышеупомянутых беспокойных обществ, то я вслед за тем сам отправлюсь для приведения оных в повиновение.

Весь отряд, находящийся в ведении г. полковника Поля укомплектован привезенными ружьями, на место поломанных 20 числа, и боевыми патронами.

Отряд конно-этапный прибыл вслед за мною в село Акрамово.

При окончании сего донесения, получил я сведение от управляющего палатою государственных имуществ, что, по долговременному нахождению в здешней волости всего отряда и накопившегося количества арестованных, встретил он большое затруднение в продовольствии нижних чинов провиантом, а лошадей фуражем; почему нужным счел командировать майора Алексеева с отрядом 150 человек Большеюнгинской волости в село Черемышево, от которой по сие время не присланы с изъявлением повиновения, а завтрашнего числа весьма рано со всем отрядом сближусь к оной волости, арестантов же до окончания отбираемых от них допросов и до получения предписания вашего превосходительства помещу в г. Козмодемьянске в городовой острог.

Село Акрамово, Козмодемьяновского уезда

Генерал-майор Мандрыка.

Донесение управляющего казанской палатой государственных имуществ Нефедьева министру государственных имуществ гр. П. Киселеву, 26 мая 1842 г., № 131 [1]

Нелепые разглашения неблагонамеренных людей среди чуваш Чебоксарского округа насчет мнимого поступления их в удел, обнаруженные еще в декабре месяце прошлого года через командированного мною чиновника, вынудили меня тогда же отправиться в Чебоксарский округ для успокоения встревоженных умов; и хотя эти разглашения при самом начале были погашены мной посредством личного моего на месте внушения, но зная, что от полудиких чуваш трудно отвратить ложное их понятие о поступлении в удел, я предвидел, что с наступлением весеннего времени нельзя не опасаться, чтобы они не обнаружили явного сопротивления к посеву картофеля и продолжению заведенной уже у них общественной запашки, о чем 31 декабря, за № 328, донося вашему сиятельству, я тогда же, равно и палата государственных имуществ, просили г. казанского военного губернатора, по важности этих обстоятельств, принять зависящие меры к поступлению по законам с вышесказанными и прекращению дальнейших беспорядков. От 27 февраля за № 49, 30 апреля за № 77, 12 мая за № 87 я имел честь довести до сведения вашего сиятельства, что по бездействию губернского начальства и земской полиции не только в открытии и пресечении, при самом начале, возникших неприятностей, но и в преследовании подозрительных людей, явно разъезжающих по селениям, чуваши почти всех округов, соседственных с Чебоксарским при наступлении нынешней весны, начали из опасения

[1] ЦАР, ф. III отд., IV экспед., 1842 г., д. № 155, лл. 32—41. Копия. Документы, упоминаемые автором в донесении, в делах III отд. не обнаружены.

поступить в удел отказываться от платежа общественного сбора, от принятия платежных таблиц, от посева картофеля, продолжения общественной запашки[1], и вообще уклоняться от повиновения местному окружному и волостному начальству. Сильно запечатленное в умах чуваш ложное понятие, беспрестанно распространяемое новыми подстрекателями, не могло быть отвращено мерами простого внушения, предпринимаемого местными окружными начальствами и земскими полициями, согласно распоряжениям, как моим, так и г. казанского военного губернатора, генерал-адъютанта Шипова.

Вследствие поступивших донесений о буйственных поступках чуваш против местных начальников и о самовольном расхищении из магазинов хлеба, по взаимному моему соглашению с г. военным губернатором, признаны необходимыми меры решительные, и я сам отправился на место с чиновником министерства государственных имуществ, бароном Корфом, командированным г. военным губернатором, казанским полицеймейстером полковником Полем и воинской командой. Распоряжениями нашими, без употребления крайних мер, приведены были в повиновение крестьяне Чебоксарского округа, с водворением там должного порядка и спокойствия; о чем донесено мною было вашему сиятельству от 13 мая, за № 86.

Но как по последним сведениям из соседственного Ядринского округа видно было, что там в некоторой части Асакасинской волости такого же рода беспокойства еще продолжались, то я 15 мая отправился туда сам, и послал из находившейся в Липовской волости Чебоксарского округа роту команды в 50 рядовых. По прибытии моем Асакасинской волости в деревню Муньял, нашел я, что так командированным от г. казанского военного губернатора капитаном Крюденером, при содействии окружного начальника и земского исправника, непокорные крестьяне, собравшиеся большею массой в поле, захвачены в полное повиновение; затем, неявлявшиеся доселе обыватели отдельных небольших колодков пришли сами, с совершенным раскаянием в свом заблуждении.

Пункт этот в Асакасинской волости был весьма важен в том отношении, что на него, как я известился, смотрели крестьяне соседственных округов: Цивильского и Козьмодемьянского, с ожиданием, что произойдет здесь с увлекшимися в своевольство, дабы поступить потом так самим, как они поступят.

Вследствие того, на пути через Цивильск, я 15 мая обратил на это внимание оставшегося Чебоксарского округа в селе Тюрлеме полковника Поля и проездом через непослушные селения велел явиться ко мне волостным головам с несколькими крестьянами, которые и явились; выслушав же от меня должные внушения, изъявили готовность исполнять все начальственные приказания. Из полученного вслед за тем донесения цивильского окружного начальника видно, что они всюду возвратились к послушанию.

В одно время с этим, я командировал в Козьмодемьянский округ помощника ядринского окружного начальника дознать расположение умов тамошних крестьян и отнесся к земскому исправнику о всемерном старании, обще с окружным начальником, погасить искру этих беспокойств. Среди сих распоряжений, получив уведомление, что г. казанский военный губернатор отправился лично на место про-

[1] «Общественные запашки» Министерством гос. имуществ были переняты из опыта организации хозяйства в Удельном ведомстве, где они существовали с конца 20-х гг. XIX в. Удельные крестьяне, на участках земли, отрезанных у них же, должны были работать под наблюдением особых удельных смотрителей, а урожай с них поступал в удельное ведомство.

исшествия, я через чиновника особых поручений Зайцева донес его превосходительству о достигших до меня известиях, что чуваши пяти волостей Козьмодемьянского округа, вместе с совершенным уклонением от повиновения сельским и волостным правлениям, окружному начальнику и земскому исправнику, в количестве до 3 000 человек, собрались в село Акрамово, отстоящее до деревни Муньял в 50 верстах, где находится волостное правление, в намерении сопротивляться даже воинской команде. Ночью на 19 мая генерал-адъютант Шипов прибыл в деревню Муньял, и в то же время находившаяся там команда, в числе 100 человек, отправлена была в село Акрамово на соединение с посланной туда его превоходительством Чебоксарского округа из села Тюрлемы командой полковника Поля, сопровождаемого чиновником министерства государственных имуществ бароном Корфом.

В ту же ночь 19 числа дошли ко мне новые известия о разных буйственных поступках чуваш Козьмодемьянского округа, которые прибив станового пристава, священника, голов, старшин и писарей, задержали у себя ехавшего ко мне с донесениями окружного своего начальника князя Кулунчакова. По утру отправясь обще с г. военным губернатором в село Акрамово и приехав туда, мы нашли, что полковник Поль с собравшимися при нем командами, найдя сборище чуваш до 5 тыс. человек, обнаруживших дерзкие намерения и не внимавших никаким внушениям барона Корфа о долге повиновения, рассеял их натиском солдат и казаков, причем 464 человека захвачены и перевязаны. После сего жители всей Акрамовской и Пихтулинской волостей, приглашенные в село Акрамово, изъявили полную покорность и готовность исполнять законные требования. В полном ожидании этого и от прочих волостей: Кожваш-Сигачинской, Татаркасинской и Юнгинской, его превосходительство г. военный губернатор с бароном Корфом отправились обратно в Казань, оставя полковника Поля, в ожидании последствий от призыва сюда некоторого числа почетных стариков, для внушения которым назначения общественного сбора и других полезных видов правительства, во взаимном пособии погорельцам, в благодетельном, при нынешних постоянных неурожаях, разведении посева картофеля и т. п.[1].

Когда в селе Акрамове на площади внимательно слушали меня собравшиеся из двух волостей чуваши, изъявляя полное убеждение к моим словам в присутствии едва оставивших заблуждение нескольких сот понятых, взятых из Ядринского округа, и когда с другой стороны находились при них арестованными 464 человека, только-что взятых в буйной толпе 19 числа, в это время в час по полудни по одной из ведущих к сему дорог потянулась густая колонна черемис, в числе около 4 000 человек Кожваш-Сигачкинской, Татаркасинской и частью Больше-юнгинской волостей, вооруженных не только уже дубинами, но косами, пиками, ножами и долотами, привязанными к палкам железными вилами, острогами и некоторые ружьями. Дерзкий и решительный приступ их и буйный крик, обнаруживший злодейское их намерение атаковать нас и освободить арестованных, заставили полковника Поля, не теряя ни минуты, выступить им навстре-

[1] Указ «о разведении картофеля» был издан 8 августа 1840 г., коим было предписано «приступить к разведению картофеля во всех селениях, имеющих общественные запашки, отделив из оных на сей предмет некоторое пространство земли, в каждом поле,... тем волостям и селениям, где нет общественных запашек, посадку картофеля делать при волостном управлении, хотя на одной десятине, отделенной от земли, принадлежащей обществу»... («Журнал министерства государственных имуществ» 1841 г., кн. III, стр. XXIII).

Урожай же с этих участков крестьянам не давался, сохранялся в «особых ямах», образуя семенной фонд. Фактически этим урожаем распоряжались чины министерства гос. имуществ.

чу за село. Здесь, будучи встречены бунтующими, первые приблизившиеся из казаков были ранены; после сего, в крайней со всех сторон опасности, команды по переменно, то преследуя, то защищаясь от ожесточенных черемис, зверских нравами, в неизбежной крайности должны были в первый раз употребить оружие и сделать до 15 ружейных выстрелов. Одно это освободило от очевидной опасности всю весьма незначительную в сравнении с бунтующими военную команду. Во все время неприятных происшествий, хотя иногда надобно было противопоставлять буйными толпам силу, но, по счастью, до сего времени не было употреблено в действие и не последовало ни одного прискорбного случая.

В последнем же приступе к селу Акрамову вооруженной массы чуваш и черемис до 4 000 человек, которые, как можно видеть по захваченным из них, вероятно для усиления дерзости, были большею частью пьяны, осталось убитых 8, тяжело раненых 39, и легко раненых холодным оружием 192, причем ранены же два казачьи офицера и несколько рядовых[1]. Это по совершенной необходимости допущенная мера, хотя употреблена была полковником Полем собственно к защищению воинской команды при совершенно неизбежной опасности, но остановила дальнейшие покушения неистовых чуваш и черемис, и немедленно оказала благодетельное последствие к прекращению возмущения и к уничтожению заблуждения чуваш, увлеченных злонамеренными людьми насчет мнимого обращения их в удел; ибо после этого многие начали сами являться к нам с изъявлением покорности, и уже общества Больше-юнгинской волости, в количестве 3 750 душ, уклонялись еще от повиновения, но против них уже представилась возможность действовать одними только внушениями. Я через посланных к ним чиновников вразумлял их как о совершенной несправедливости такого слуха, так о долге повиновения установленным властям и особливо о том, чтобы отнюдь не осмеливались они делать самовольных сборищ; сверх сего, я относился к благочинному села Чернышева, священнику Краковскому, чтобы он, как пастырь их прихода, вразумил их в нелепости внушенных им толков и советами своими обратил к должному повиновению.

24 мая сопровождавший священника Краковского казачий сотник Черторогов привез мне уведомление благочинного Краковского и личное свидетельство, что остальные жители Больше-юнгинской волости, по сделанным им увещаниям, изъявили полную готовность к повиновению; и действительно, на другой же день, т. е. 25 числа, означенные жители прислали к нам из среды себя поверенных с изъявлением раскаяния в своем заблуждении, в которое они, по удостоверению благочинного священника, вовлечены были ложными слухами насчет поступления в удел, через неблагонамеренных людей, до такой степени, что до того дня не хотели внимать ни каким его внушениям и наставлениям.

Между тем волостные головы и писаря Татаркасинской и Кожваш-Сигачинской волостей, посыланные с приглашением к нам в село Акрамово, во время бытности там г. военного губернатора, доверенных людей от обществ для сделания им вцушения, явясь через несколько часов, по прекращении возмущения, донесли, что они, будучи задержаны сборищем народа, не могли прежде предуведомить о том, что обыватели тех волостей сами, собравшись, пошли с вышеописанным оружием в село Акрамово в намерении силой возвратить взятых нами под караул их сообщников и покуситься на жизнь всех бывших там начальников; все это подтвердилось отобранными от не-

[1] Именно: казаков 9, гарн. нижн. чинов 44, заколото казачьих лошадей 2, изломано пик и ружей 31 (Прим. в подлиннике).

которых чуваш показаниями с присовокуплением, что они намеревались, захватив всех чиновников, итти с ними в округа Ядринский и Цивильский, где также происходило в народе волнение.

Таким образом возмущение, возникшее в округах Чебоксарском, Цивильском, Ядринском и Козьмодемьянском, прекращено по-всеместно, и казенные поселяне остались, повидимому, совершенно успокоенными; впрочем я вменил в обязанность окружным начальникам, чтобы они лично и через помощников своих строго наблюдали за сохранением тишины и спокойствия, и в особенности за тем, чтобы злонамеренные люди, не покусились вновь нелепостями, подобно поступлению в удел, колебать легковерных чуваш. О чем доведя до сведения г. военного губернатора, я просил его превосходительство, чтобы то же самое поставлено было в обязанность земским полициям, с тем чтобы для удобнейшего надзора, становые пристава находились в торговые дни на месте базаров, куда обыкновенно собираются чуваши в больших скопищах из разных мест, и где всего более распространяются ложные слухи.

Сверх того впредь до особого распоряжения г. военного губернатора, остался в Козьмодемьянском округе начальник 4 округа генерал-майор Мандрыка с воинской командой, а я по водворении тишины и спокойствия, оставив там для наблюдения, кроме окружного начальника. чиновника особых поручений Зайцева, 26 сего мая, возвратился в Казань и сейчас получил донесение чиновника особых поручений Гарткевича, командированного в Спасский уезд, что возникавшее там в некоторых селениях беспокойство совершенно прекращено.

Обо всем этом имея честь донести вашему сиятельству, считаю долгом присовокупить, что при первоначальном введении нового управления государственными имуществами в Казанской губернии виды противодействия со стороны других ведомств, утративших прежнее влияние на казенных крестьян, конечно, в сих последних могли ослаблять доверенность к новому над ними управлению; но за всем тем казенные поселяне, с самого открытия палаты государственных имуществ до сего времени, не обнаруживали ни малейшего ропота на поставленные над ними власти и нисколько не уклонялись от исполнения учреждений правительства. Доказательством этому служит то, что еще весной прошедшего года крестьяне по всем округам Казанской губернии без всякого ропота произвели посев картофеля и общественной запашки посредством одного убеждения в собственной через то их пользе, без всяких мер принуждения. Даже ныне, при усмирении взбунтовавшихся чуваш, они при всей изысканности средств к своему оправданию, сознаваясь в своем заблуждении, происшедшем единственно от подстрекательства неблагонамеренных людей, никому не жаловались ни на какие неправильные и притеснительные действия со стороны окружных, волостных и сельских управлений: в чем могут свидетельствовать бывшие на месте: г. казанский военный губернатор, чиновник министерства государственных имуществ камер-юнкер барон Корф, начальник 4 округа внутренней стражи генерал-майор Мандрыка и полковник Поль. Хотя же в порывах волнения своего домогались быть обращенными попрежнему под управление земской полиции, но это единственно из внушенного им подстрекателями опасения быть в уделе, значение которого, как открылось по расспросам моим, даже вовсе чуждо их понятиям; из чего и из всех соображений видно, что неблагонамеренные люди подобными разглашениями старались возбудить голос народа к неудовольствиям на новое управление и тем в глазах правительства поколебать настоящий порядок, лишивший многих выгод прежнего влияния.

Итак повод прекращенному ныне возмущению чуваш заключается

собственно в одном подстрекательстве лицами, недоброжелательствующими новому управлению, или увлеченными видами корысти, из которых последние обличаются в сборе в свою пользу от 25 до 50 копеек с души за освобождение от мнимого поступления в удел. Вообще же примечательно, что подстрекательство могло лишь иметь влияние на одних только чуваш, как более легковерных и невежественных. Главнейшими подстрекателями были некоторые отставные нижние военные чины, мещане, разночинцы, и, между прочим, отставной титулярный советник Трескин, которого г. советник палаты Леонтьев, допустив временно и частным образом заниматься в хозяйственном отделении палаты государственных имуществ, ходатайствовал определить в штат ее. Но я Трескину по неблагонадежности его в этом отказал, и чиновник этот, назвавшись чиновником особых поручений палаты государственных имуществ, с другим неизвестным лицом, названным им секретарем своим, в отсутствие мое в Петербург, разъезжал по округам Чебоксарскому, Ядринскому и Козьмодемьянскому, в которых преимущественно чуваши оказывали буйное неповиновение.

По распоряжению г. военного губернатора чуваши, изобличенные в дерзости, подвергнуты на месте исправительному наказанию, а других главных зачинщиков возмущения, равно схваченных подстрекателях производится следствие для предания их суду, о скрывшихся подстрекателях делаются розыски. К производимому следствию депутатом мной назначен чиновник особых поручений коллежский ассесор Зайцев.

[Нефедьев].

Рапорт и. д. начальника 7 округа корпуса жандармов полк. Львова шефу жандармов Бенкендорфу, 27 мая 1842 г., № 122 [1]

На другой день после донесения моего вашему сиятельству от 21 мая, № 121 [2], получено донесение от полковника Поля из Козьмодемьянского уезда, что по отъезде г. военного губернатора, спустя 24 часа, с казацкого пикета состоящего неподалеку от деревни, где полковник Поль находился с военною командой и захваченными ослушниками,— что на эту деревню идет толпа крестьян до 4 т. человек, вооруженных косами, вилами, охотничьими ружьями и пр. с криком, что идут освободить вышеописанных захваченных крестьян. При отражении сей толпы полковник Поль, видя острые и огнестрельные оружия у крестьян, нашелся в необходимости также действовать острым и огнестрельным оружием, и после довольно долгого сопротивления крестьяне разбежались.

После сего действия оказалось из военной команды слабо раненых казацкий офицер 1, казанского внутреннего гарнизонного батальона рядовых 77 и две казацкие лошади проколотые до смерти вилами. Из крестьян же 8 человек убитых, 39 тяжело раненых и 192 человека слабо раненых.

По получении сего донесения г. военный губернатор тот же час отправил в Козьмодемьянский уезд генерал-майора Мандрыку и потребное число ружей для пополнения вместо изломанных во время сего действия. 24 же числа получено донесение полковника Поля, что до 22 числа ничего нового не происходило, что из числа раненых крестьян умерло 24 человека, прочие же им отсылаются в городовые больницы для подания нужной помощи. Но что до сведения его дошло, что во многих соседних деревнях крестьяне вооружаются, дабы

[1] ЦАР, ф. III отд., IV эксп., 1842 г., д. № 155, лл. 42—45.
[2] См. выше, стр. 106.

с большою силою и с разных сторон на него напасть. То, хотя он и распорядился для принятия мер убеждения, но на всякий случай просит поспешить прислать ему на почтовых два орудия. По получении сего последнего донесения г. военный губернатор тот же час отправил к полковнику Полю 2 орудия с принадлежностями и с нужным числом артиллеристов и полагал 25 числа сам туда отправиться, но 25 числа получены донесения от генерал-майора Мандрыки и от управляющего палатою государственных имуществ, из коих видно, что крестьяне из разных обществ являются с повинною головой, соглашаются на повиновение и умоляют о прощении, обещая во время следствия открыть зачинщиков и их возмутителей. Из сведений, полученных мною из Спасского уезда видно, что корпуса жандармов майор Лобановский, нисколько не употребляя ни воинской команды, ни насильственных мер, успел уже успокоить весь уезд и привести крестьян в надлежащее повиновение. Из многих других уездов имеются донесения о совершенном спокойствии и повиновении ослушивающихся крестьян.

Наконец, 26 числа прибыли сюда[1] полковник Поль и управляющий палатою государственных имуществ статский советник Нефедьев с донесением, что все беспокойствия кончились, почему в орудии надобности не было, каковое донесение получено и от генерал-майора Мандрыки. Донося о сем почтительнейше вашему сиятельству, я осмеливаюсь представить на уважение ваше, благоразумные распоряжения и расторопную деятельность, оказанные при сем случае корпуса жандармов майором Лобановским.

Полковник Львов

Отношение управляющего V отделением собственной его величества канцелярией шефу жандармов Бенкендорфу, 6 июня 1842 года, № 754[2]

М. г., граф Александр Христофорович,

Получив уведомление казанского военного губернатора от 26 мая и донесение управляющего казанской палатой государственных имуществ о совершенном прекращении беспорядков между государственными крестьянами Козьмодемьяновского и других уездов и об открытии виновных в возбуждении крестьян к неповиновению, я представлял о сем на высочайшее благоусмотрение государя императора, и его величество, в 4 день сего июня изволил начертать собственноручно: «Подстрекателей примерно наказать в страх другим».

О таковом высочайшем повелении, сообщив генерал-адъютанту Шипову к надлежащему исполнению, долгом поставляю уведомить и ваше сиятельство.

Гр. П. Киселев

Рапорт помощника окружного генерала 4 округа внутренней стражи полк. Броневского 3-го казанскому военному губернатру Шипову, 8 января 1843 г., № 126[3]

Во исполнение предписаний вашего превосходительства, от 4 генваря за № 16, 17 и 18[4] я прибыл в село Акрамово, Козьмодемьяновского уезда, 5 числа по полудни в 8 часов, где нашел уже воинскую коман-

[1] В Казань.
[2] ЦАР, III отд., IV экспед., д. № 155, 1842 г., л. 46.
[3] ЦАУ Татарской АССР, ф. канц. казанского воен. губ., св. 3, д. № 16, 1842 г., лл. 117—118.
[4] В делах не сохранились.

ду командированную от обоих казанских гарнизонных батальонов — обер-офицеров 3, унтер офицеров — 16, барабанщиков — 8, рядовых — 120 человек. Содержащихся в цивильском тюремном замке 10 человек подсудимых казенных крестьян я взял с собой в село Акрамово, а за содержащимися в козмодемьянском тюремном замке 28 человеками отправили офицера с унтер-офицером и 9 рядовыми, которых привезли в село Акрамово 7 числа генваря по полудни в 5 часов; и потому экзекуция по конфирмации вашего превосходительства была исполнена 8 числа поутру в 12 часов именно: прогнано шпицрутенами чрез пятьсот человек по два удара 5 человек, чрез пятьсот по одному удару 25 человек, наказан розгами ста ударами один, без наказания пять человек. Все сии 38 арестантов отправлены мною в г. Чебоксары для содержания в тюремном замке 6 человек, а 32 человека сданы в тамошнюю градскую больницу с тем, чтобы и они, по выздоровлении, передавались также в тот тюремный замок впредь до распоряжения казанского губернского правления.

Экзекуциальные листы о выполнении наказания, равно и предписания вашего превосходительства за № 16, 17 и 18, конфирмации с моею надписью при сем имею честь представить. Причем почтеннейше имею честь присовокупить, что по требованию козмодемьянского исправника для поспешнейшего произведения экзекуции определенной вашею же конфирмациею при волостных правлениях командированы мною два унтер-офицера и 12 рядовых.

Акрамово.

Полковник Броневский.

Донесение казанского военного губернатора Шипова министру внутренних дел А. А. Перовскому, 13 января 1843 года, № 153[1]

По случаю беспорядков и смятений, возникших в мае месяце истекшего 1842 года в Козмодемьянском уезде, наряжена была мною над найденными по следствию виновными военно-судная комиссия. Из представленного оною приговора видно следующее:

Становой пристав Козмодемьянского округа Люминарский 4 апреля минувшего 1842 г., прибыв в деревню Тяптяево для отобрания нужных по следствию показаний, собрал обывателей Тяптяевского общества, но они оказали ему неповиновение, не объяснив своих имян и не дав показания, говоря, что это требование они считают предлогом вынудить от них согласие на перечисление в удельное ведомство на разведение картофеля, присем они не дали рассыльному взять по приказанию Люминарского стоявшего впереди толпы человека и с буйством кричали: «Никогда и никакому чиновнику не дадут никакого показания».

В то же почти время обыватели Кожваш-Сигачинской волости оказали неповиновение чиновнику казанской палаты государственных имуществ Зайцеву и подлесничему Немицкому при внушении о необходимости сбора общественной суммы, определенной на 1842 г.; прибывший после сего, по распоряжению моему, в деревню Тяптяеву земский исправник встретил то же непослушание от собравшихся поселян, между тем когда пристав Люминарский прибыл с 4 казаками в деревню Юванову для взятия унтер-офицера Григорьева за возбуждение крестьян к неповиновению, то собравшиеся той деревни поселяне нанесли им побои, отняли у пристава Григорьева, а у казаков сабли и нагайки. После сего они отправились партиями в деревню Тяптяеву, вооруженные дубинами и палками, толпами приступили к исправнику

[1] ЦАУ Татарской АССР, ф. канц. казанского воен. губ., св. 3, д. № 16, 1842 г., лл. 118—119.— Копия.

и помощнику окружного начальника с криком: «Для чего хотели взять Григорьева и его бумаги?» — причем производили свое вольное буйство, Чермышевскому волостному голове Матвееву нанесли жестокие побои. В то же почти время обыватели Акрамовской волости [нанесли] таковое же священнику Эминентову убеждавшему их в пользе запашки, и с буйством кричали: «Хотим жить по старому».

Для пресечения таковых беспорядков и водворения между буйствовавшими крестьянами повиновения командирован был бывший казанский полицеймейстер полковник Поль, с воинскою командою, который, усмиряя неповинующихся, 19 мая встретил сопротивление от собравшихся туда из многих селений крестьян, 20 мая собравшаяся толпа крестьян, около 4000 человек, вооруженных различными оружиями, подступили к селу Акрамову, месту расположения воинской команды и делали на нее нападение с криком, что решились сами умереть или уничтожить воинскую команду. При приступе команды к толпе бунтовщиков последние убили 2 казачьих лошадей, причинили 2 казачьим офицерам, казакам и нижним чинам казанских гарнизонных батальонов ушибы и раны, почему казаки и солдаты были вынуждены употребить, первые пики, а последние штыки, с несколькими ружейными выстрелами и чрез то обратили бунтующих в бегство и постепенно привели в должное повиновение.

По произведении о сем исследования и военного суда, в числе прочих оказался виновным: упомянутый отставной унтер-офицер Василий Григорьев 1) в вызове на ходатайство в С.-Петербурге об отмене нового порядка относительно управления государственными крестьянами: 2) в неостановлении буйствовавших чуваш от нанесения казакам побоев и отнятия у них сабель и нагаек; 3) в побеге от преследования станового пристава; 4) в сокрытии имевшихся у него подозрительных бумаг и 5) в знании и необъявлении правительству о заговоре поселян об уничтожении сказанного порядка и сборе на это денег по 50 коп. ассигнациями с души. В сих преступлениях он, Григорьев был уличен и сам сознался, оправдываясь тем, что участником преступлений он сделался по принуждению чуваш околодка Орбаш [в коем Григорьев имеет проживание] Якова Степанова, Ивана Данилова, Андрея Саватька и деревни Ювановой,— Гаврилы и Василия Захаровых и других, которые будто бы решительно объявили ему Григорьеву, что если он не поедет в С.-Петербург для ходатайства, то лишат участка земли, выгонят из селения и впоследствии отыщут случай лишить его жизни; помянутые чуваши не только в таком вынуждении не сознались, но уличили его в вызове быть ходатаем в С.-Петербург и объявили, что непременно бы уехал туда, если бы не был захвачен. Это подтвердили и другие обыватели, и, сверх того, Григорьев обвиняется показаниями значительного числа обывателей в возмущении их к неповиновению начальству.

В указе об отставке Григорьева показано: от роду 50 лет, в службу поступил 1812 года сентября 27, в отставке с 1838 г. генваря 1, был в походах и сражениях против французов, имеет знак отличия св. Анны, за выслугу беспорочно 20 лет под № 328706, серебряную медаль за взятие Парижа, а на левом рукаве мундира из желтой тесьмы три нашивки, женат и имеет детей, в штрафах не был.

Комиссия военного суда унтер-офицера Григорьева за описанные преступления приговорила: лишив знаков отличия, нашивок на рукаве и всех прав состояния, наказать шпицрутенами три раза через тысячу человек и потом сослать на каторжные работы. Соображая вины отставного унтер-офицера Григорьева с 69, 98, 100, 101, 118, 141, 190, 197, 198, 339 статьями книги 1 XII тома свода военных постановлений и с 97 и 98 статьями XV тома свода законов уголовных, я признаю его

достойным строго наказания, ибо он вызвался быть ходатаем пред правительством о избавлении обывателей от введения нового порядка по управлению ими, вероятно, из видов корысти, для чего и предположен был сбор денег по 50 коп. с души, и подстрекаемые им чуваши оказали вышеизложенные буйства, неповиновения и, наконец, сопротивление военной силе. Как высочайшею волею, объявленною в отношении вашего высокопревосходительства от 30 июля 1842 г. за № 3809, предоставлено мне право утвердить окончательно военно-судные приговоры только над государственными крестьянами, оказавшими весною 1842 года неповиновение законным властям, то посему я о испрошении высочайшего соизволения о снятии с Григорьева из упомянутых знаков св. Анны, представляя к вашему высокопревосходительству, долгом поставляю присовокупить, что, принимая во внимание прежнюю беспорочную службу Григорьева, я заключаю: лишив его унтер-офицерского звания, знака отличия св. Анны, серебряной медали, трех нашивок, наказать шпицрутенами чрез пятьсот человек один раз, в таком однако случае, если, по освидетельствованию, окажется он могущим перенести такое наказание, и, как негодного по летам к крепостной работе, отослать в Сибирь на поселение.

Ген.-ад. Шипов.

Рапорт начальника 7 округа корпуса жандармов генерал-майора Львова шефу жандармов Бенкендорфу, 26 января 1843 г.[1]

Губернский штаб-офицер, находящийся в Казанской губернии, г.-майор Лобановский рапортом от 14 января № 1, доносит мне[2], что по распоряжению г. казанского военного губернатора для исполнения экзекуции, по конфирмации его г. военного губернатора, над казенными крестьянами Чебоксарского, Ядринского и Козьмодемьянского округов, причинивших весною прошлого 1842 года беспорядки, командирован был между прочими и состоявший при нем за адъютанта корпуса жандармов капитан Фойхт, который, по исполнении данного ему поручения, доносит, что экзекуция по вышеописанной конфирмации состояла следующая:

По Чебоксарскому округу.

Двое, кои наказаны шпицрутенами через пятьсот человек два раза и как они по летам негодны к военной службе и один и к крепостной работе, то сего сослать в Сибирь на поселение для употребления два года на работу, а другого в г. Бобруйск в крепостную работу на четыре года.

По Ядринскому округу.

Восемь человек, из числа их наказаны шпицрутенами один через 500 человек два раза, а прочих по одному разу, кроме отставного рядового Симонова, о снятии с которого знаков отличия и меры наказания представлено будет на благоусмотрение государя императора.

По Козмодемьянскому округу

425 человек, из числа их наказаны шпицрутенами 23 человека, двое через 500 человек два раза, а прочие по одному разу с отдачею годных в рекруты, а негодных в крепостную работу, одного на 4 года, прочих же на два года; неспособных же к сей работе в Сибирь на поселение наказаны розгами 100 ударами с отсылкой в Сибирь же на поселе-

[1] ЦАР, ф. III, отд. IV эксп., 1842 г., д. № 155, лл. 53—54.
[2] Донесения в делах не обнаружено.

ние 2, без наказания 2, оставить в подозрении и освободить от суда 12, представить рассмотрению палате государственных имуществ 2, оставить без заключения за смертью о 2-х же, а прочие подвергнуты строгому полицейскому наказанию, смотря по прикосновенности и летам их от 20 до 100 ударов розгами с оставлением на месте жительстве; о отставном же унтер-офицере Григорьеве, принадлежащем к числу главных возмутителей, последует, равно как об отставном рядовом Ядринского округа Симонове, особое распоряжение.

При сем капитан Фойхт присовокупляет, что наказание, произведенное при собрании понятых со всех означенных округов и прочего народа не произвела, повидимому, никакого особенного впечатления, тем паче ропота, что произошло, вероятно, от ожидания над некоторыми смертной казни.

Генерал-майор Львов.

Донесение казанского военного губернатора Шипова министру внутренних дел А. А. Перовскому, январь 1843 г., № 149 [1]

Ваше превосходительство от 30 минувшего июля за № 3809 изволили объявить мне, что государь император высочайше повелеть изволил военно-судные приговоры над государственными крестьянами Казанской губернии, оказавшими во время введения общественной запашки неповиновение законным властям и сопротивление военной силе, предоставить мне утвердить окончательно, несмотря на число людей, которые будут подлежать наказанию, с тем, чтобы я об окончании сего дела и о последствиях уведомил подробно ваше превосходительство, для доведения через комитет г.г. министров до высочайшего сведения.

Для произведения суда над крестьянами, оказавшимися по произведенным об упомянутых беспорядках следствиям виновными, учреждены были три военно-судных комиссии, которые по окончании военно-судных дел над 433 человеками, представили мне окончательно свои приговоры 2 декабря истекшего 1842 года. По рассмотрении сих дел и сведений, в виду моем имеющихся, оказывается следующее.

Казанская палата государственных имуществ частью в прошлом еще в 1841 году ввела в селениях всех округов общественную запашку, с целью обеспечить народное продовольствие, частью же предположила ввести таковую окончательно в 1842 году. К такому введению общественной запашки палата приступила, как из донесений ее значится, с согласия на то мирских обществ.

В течение лета 1841 г. крестьяне обрабатывали запашку беспрекословно, и никаких жалоб на сие не поступало; но с ноября месяца того же года явились между ними неблагонамеренные люди, возбуждавшие их домогаться об отмене введенной уже запашки, посева картофеля и вновь определенных общественных сборов и даже порядка нового управления, причем во многих местах делались самовольно сходы и даже сборы на ходатайство о сем с души по 10, 20, а в некоторых местах даже и до 50 копеек.

Все сии обстоятельства в свое время исследованы не были, подстрекатели не были схвачены местными властями, ни хозяйственными, ни полицейскими, а самовольные сходы и даже сборы денег не прекращены.

По вступлении моем в должность военного губернатора я чрез некоторое время, а именно в конце марта месяца, узнал о выше упомянутых обстоятельствах; и усмотрев, что не было сделано должного распоряжения к преследованию подстрекателей, предписал земской поли-

[1] ЦАУ Татарской АССР, ф. канц. казанского военн. губ., св. 3, д. № 16, 1842 г., лл. 174—183.— Отпуск.

ции тех уездов об арестовании всех лиц, обвиняемых в возбуждении крестьян к вышеупомянутым неправильным действиям и об исследовании их поступков.

По дошедшим ко мне жалобам имея причины полагать, что распоряжения окружных начальников по введению общественной запашки не благоразумны или притеснительны, я от 4 апреля предложил палате командировать в округи благонадежных чиновников, чтобы проверить на месте действия окружных и других начальств и успокоить встревоженные умы крестьян.

Вследствие такого распоряжения во многих местах крестьяне успокоились и убедились, что запашка и сажание картофеля предприняты для их собственной пользы, но в некоторых местах обнаружились следующие беспорядки.

По Ядринскому округу.

При производстве становым приставом Михайловым следствия о самовольном сборе подстрекателями по 15, 20, 25 и 30 копеек с души на ходатайство об отмене запашки, обыватели разных волостей не давали показаний, не объявляли своих имен, а некоторые отказались от рукоприкладства. После сего командированный от палаты государственных имуществ чиновник особых поручений Гарткевич, находясь в Ядринском округе для убеждения крестьян в пользе общественной запашки, при исполнении сего поручения встретил большое сопротивление со стороны крестьян Асакасинской волости, которые, не выслушав его внушений, с шумом и угрозами сбили с ног казака Ноготкова и цивильского рассыльного Волкова, причем нанесен был удар волостному писарю.

На другой после сего день для водворения тишины и порядка явился туда ядринский земский исправник вместе с окружным начальником, но и они встретили явное со стороны поселян сопротивление. Собравшись в числе 600 человек, они с шумом и беспокойством изъявляли свое несогласие на введение общественной запашки, а когда священники начали их увещевать, то они с буйством кричали: не хотим иметь у себя запашки и скорее согласимся быть сосланными, чем подчинимся этому распоряжению.

К прекращению в сем уезде беспорядков был командирован мною гвардии капитан Крюденер с воинскою командою; прибыв в Асакасинскую волость, он узнал, что крестьяне оной в числе более 2 т. душ вышли из повиновения, ходили из деревни в деревню толпами, вооруженные кольями, кричали по-русски и чувашски: «не хотим расправ, не хотим запашки и картофеля, хотим жить по-старому». Скорыми и благоразумными мерами капитан Крюденер прекратил беспорядки, заставил собравшихся крестьян смириться, 304 человека захваченных при сопротивлении он строго наказал по мере вины каждого, а 8 зачинщиков, по моему распоряжению, преданы были военному суду.

В Чебоксарском округе.

При введении в Чебоксарском округе общественной запашки в 1841 году бывший окружной начальник Лебедев, как жаловались крестьяне того округа, производил с них сборы, обещая за то освободить от введения сей запашки, но не успел в том и был удален от должности. Обстоятельство это подало повод возбужденным другими подстрекателями поселянам отказываться от мер, предпринятых их начальством. В мае месяце истекшего 1842 года крестьяне Липовской волости, не давши согласия по введению общественной запашки, отказались и от посадки картофеля, от платежа общественных сборов, равно как и от

приема платежных таблиц, при чем произвели буйство и самовольно разобрали хлеб, собранный в магазины. Для приведения их в должное повиновение командирован был с воинскою командою бывший казанский полицеймейстер полковник Поль, действиями коего возникшие беспорядки были прекращены и восстановлено повиновение как в Чебоксарском, так и в Цивильском округе, где также начали возникать беспокойствия.

В Козмодемьянском округе произошли следующие происшествия. Становой пристав Люминарский 4 апреля 1842 г., прибыв в деревню Тептяеву для произведения спросов по следствию о членовредительстве крестьянского сына Филиппа Никитина, приказал сделать сход обывателям Тептяевского общества. Обыватели некоторых деревень сего общества, хотя и собрались, но не объявили на спросы пристава своих имен, говоря, что это требование они считают предлогом вынудить от них согласие на перечисление в удельное ведомство и на разведение картофеля, не допустили рассыльного взять по приказанию Люминарского человека стоявшего впереди и с буйством кричали: «никогда и никакому чиновнику не дадим никакого показания».

Вскоре после сего многие обыватели Кожваш-Сигачинской волости оказали неповиновение чиновнику казанской палаты государственных имуществ Зайцеву и подлесничему Немицкому при внушении и необходимости сбора общественной суммы, определенной на 1842 г.

При таковых событиях земский суд не принял своевременно деятельных мер к прекращению вышеупомянутых беспорядков и, хотя командировал в те места непременного заседателя Редрикова, но вскоре бывший исправник Мерлин отозвал его и назначил к осмотру лесов. Хотя за сим уездный стряпчий и настаивал о командировании вновь для исследования беспорядков наличного члена земского суда, но исправник Мерлин по сему не сделал никакого распоряжения и поместил в резолюции укоризненное к стряпчему выражение.

Когда же 8 и 9 мая, за №№ 2754 и 2764, предписано было от меня исправнику Мерлину произвести по вышепрописанным обстоятельствам скорейшее разыскание, то он, прибывши для того в деревню Тептяеву, встретил то же непослушание от собравшихся поселян, о чем представив мне от 14 мая, просил о присылке военной команды для скорейшего приведения жителей к повиновению, причем присовокупил, что возмущение Тептяевского общества распространилось на многие волости.

В то же время произведены подобное неповиновение и буйство того же уезда деревни Ювановой приставу Люминарскому, который с 4 казаками был там для произведения обыска и взятия отставного унтерофицера Василия Григорьева, который вызвался крестьянам утруждать государя императора об отмене нового порядка в управлении казенными крестьянами и собирал для сего по 50 коп. ассигнациями с души; буйство крестьян простерлось до того, что они отняли у пристава означенного Григорьева и найденные у него бумаги, а у казаков сабли и нагайки и причинили приставу и казакам побои. После сего они отправились партиями в деревню Тептяево, вооруженные дубинами и палками, толпами приступали к исправнику с вопросом: для чего пристав хотел взять Григорьева и принадлежащие ему бумаги, при чем производили своевольное буйство, и Черымшевскому волостному голове Николаю Матвееву нанесли жестокие побои.

В это же почти время обыватели Акрамовской волости при объявлении им предписаний с истолкованием о пользе введения общественной запашки и посадке картофеля убеждавшему их священнику Еминентову нанесли побои, буйствовали в комнатах волостного правления, а 17 того же мая оказали неповиновение помощнику Ядринского ок-

ружного начальника Орлову, бывшему там для успокоения их, и с буйством кричали: «хотим жить по-старому».

Для пресечения вышеизъясненных беспорядков и водворения повиновения командирован был в Козмодемьяновский уезд полковник Поль с воинскою командою. По прибытии в село Акрамово 19 мая он встретил сопротивление от собравшихся из многих селений крестьян. Захватив из них 464 человека, он принудил прочих разбежаться. 20 числа, по распоряжению моему, лично в бытность мою тогда в селе Акрамове сделанному, полковник Поль с козмодемьянским земским исправником и окружным начальником делал разбирательство о буйствовавших 19 мая крестьянах и когда, подвергнув захваченных поселян полицейскому наказанию по мере вины каждого, он хотел распустить их по домам, тогда собравшаяся толпа крестьян, около 4 000 человек, вооруженных различными орудиями подошла к месту расположению команды г. Поля и делала на нее нападение с криком, что пришли выручить крестьян, взятых накануне того дня под караул, и что решились или сами умереть или уничтожить воинскую команду. При приступе команды к толпе крестьян, последние оказав упорное сопротивление, убили 2 казачьих лошадей причинили 2 казачьим офицерам, казакам, нижним чинам Казанского гарнизонного батальона ушибы и раны, почему казаки и солдаты были вынуждены употребить: первые — пики, а последние штыки с несколькими ружейными выстрелами и тем обратили буйствовавших в бегство. При сем случае убито крестьян на месте 8, тяжело ранено 39, легко ранено 192, захвачено кроме раненых 186 человек.

Немедленно после прекращения всех вышеизложенных беспорядков и водворения повсюду надлежащей тишины и повиновения, я учредил следственную комиссию по Козмодемьяновскому уезду, а по прочим нарядил следователей, коим предписал: употребить все законные меры, дабы открыть главных зачинщиков и виновных в вышеизложенных беспорядках и неповиновениях.

После окончания следствий, наряжены были мною в июне и июле месяцах три военно-судных комиссии.

По окончании суда, комиссии, найденных виновными, приговорили соразмерно вине каждого к следующим наказаниям.[1]

1. 2 человек Чебоксарского, 8 Ядринского и 400 Козмодемьяновского уезда, а всего 410 человек к наказанию шпицрутенами, и к обращению из них после наказания 23 человека — в каторжную работу, 5 в крепостную и 382 человека — отдаче в рекруты, с тем что, если кто из них к таковой не способен, то обращен был бы в крепостную работу на определенное число лет.

2. 10 человек — к наказанию розгами с оставлением их на месте жительства.

3. Сверх сего сентенциею определено о 2 предоставить усмотрению палаты государственных имуществ, а 11 — к освобождению от суда и следствия и к оставлению в подозрении.

Принимая во уважение простоту, легковерность и полудикое состояние чуваш и черемис, по сим делам виновных, равно и то, что возводимые на некоторых тяжкие преступления не имели неоспоримых и законоприемлемых доказательств я признал справедливым и полезным во многом смягчить приговоры военно-судных комиссий и, на основании 1871 ст. XV т. свод. законов уголовных и за силою предоставленной мне высочайшею волей власти, определил:

---

[1] По сравнению с данными, приведенными на стр. 123, наблюдаются некоторые, сравнительно незначительные расхождения в указании количества лиц, подвергнутых тем или другим наказаниям.

1. Наказать шпицрутенами: Чебоксарского уезда — 2 человек, Ядринского — 7 и Козмодемьянского — 23, а всего 32 человека, и по наказании отдать их в рекруты, а в случае негодности обратить в крепостную работу на срок от 2 до 4 лет, а если к оной окажутся негодными, то сослать в Сибирь на поселение.

2. Сослать туда же двух по наказании розгами и двух неуличенных в преступлении, но опороченных в поведении и вредных в обществе без наказания.

3. Одного отдать в рекруты без наказания во уважение добровольного сознания и уличения других в преступлениях.

4. 12 человек — освободить от суда и следствия и оставить в подозрении.

5. Прочих 382 человека — к строгому полицейскому наказанию розгами, с оставлением на месте жительства.

Для произведения шпицрутенного наказания на месте преступления, я от 4 сего генваря поручил окружному генералу 4 округа внутренней стражи командировать приличную воинскую команду, под начальством помощника его полковника Броневского. Наказание же произведено в селе Акрамове 7 сего числа генваря. Наказание прочих 382 человек розгами сельским обществом поручено было мною козмодемьянскому земскому исправнику, вместе с командированным от палаты государственных имуществ чиновником 9 и 10 числа сего месяца.

Наказание вообще, как удостоверяют чиновники, производившие оное, принято виновниками с покорностью и, повидимому с чистосердечным раскаянием в их преступлениях.

Имея честь довести о сем до сведения вашего превосходительства, я долгом считаю присовокупить следующее:

1. Об оказавшихся виновными: одном унтер-офицере и одном рядовом, имеющим знаки отличия, я вхожу с особым к вашему высокопревосходительству представлением.

2. Бывшего Козмодемьянского земского исправника, удаленного уже от должности и оказавшегося виновным в бездействии по преследованию подстрекателей, я предал суду уголовной палаты с тем, чтобы оная сделала заключение и о бывшем козмодемьянском окружном начальнике князе Кулунчакове.

3. Об удаленном от должности наиболее виновном Чебоксарском окружном начальнике произведено уже особое следствие и представлено на законное рассмотрение.

4. Действия тамошнего исправника предоставлены мною заключению губернского правления

[Ген.-ад. Шипов].

Из истории Казахстана XVIII в.

Материалы по истории Казахстана хранятся в Государственном архиве феодально-крепостнической эпохи в фонде «киргиз-кайсацкие дела», б. архива коллегии иностранных дел.

Древнейшие документы фонда «киргиз-кайсацких дел» относятся к XVI в.,— ко времени, когда в 1594 г. киргиз-кайсацкий царевич Ураз Магомет в письме к царю Федору Ивановичу принес благодарность за присылку ему дворянином Петром Новосильцевым денег 100 рублей [1]. Этот царевич Ураз Магомет при столкновении с войсками русского царизма в Сибири был взят в плен и поселен около Москвы.

В следующем 1595 году в Москву приехал от киргиз-казахского царя Тевкеля посол Куль-Мамет с просьбой принять Тевкеля в подданство России и отпустить на свои кочевья Ураза Магомета. Царь Федор Иванович для приведения к присяге Тевкеля и его подданных послал к нему переводчика Вельямина Степанова.

Донесения Степанова говорят о местах киргиз казахских кочевий за рекой Уралом. При возвращении в Москву Степанов привез с собой, в качестве аманата (заложника), сына царя Тевкеля.

Далее в киргиз кайсацких делах имеется перерыв до 1716 года, когда в Тобольск к сибирскому губернатору князю Матвею Гагарину приезжает посольство из киргиз кайсацкой орды с просьбой примириться для борьбы против Джунгарского контайши, а также резрешить им — киргиз казахам — строить города.

Перерывы в киргиз кайсацких делах могут быть заполнены сведениями из материалов сибирского приказа и «ногайских дел», мало использованных в литературе по истории Казахстана, содержащих данные о постоянных столкновениях между кочевыми народами. Иногда эти столкновения принимали значительные размеры: собирались войска, количественно доходившие до десяти тысяч, производились разгромы улусов противника и захват ясыря (пленных). В то же время постоянно происходили стычки между киргиз казахами и войсками русского царизма.

В этих же архивных материалах имеются весьма ценные сведения, касающиеся внутриордынского экономического быта и правового положения аристократической верхушки и киргиз казахских народных масс. Из этих же материалов мы узнаем, что киргиз казахи имели каменный городок на реке Белой.

Киргиз казахи были известны как народ сильный и воинственный, часто делавший набеги на Ташкент, воюющий с ногаями и сибирскими татарами. В конце XVI столетия они занимали среднюю часть Киргизской степи.

К востоку от киргиз казахов кочевали джунгарские племена, на севере сибирские татары, а на западе ногаи и башкиры. Позднее ногаев вытеснили отделившиеся от джунгаров калмыки. Около 1630 года киргиз казахи завладели Туркестаном, где с этого времени киргиз казахские ханы утвердили свое постоянное местопребывание с резиденцией в г. Ташкенте. Могущество киргиз казахов непрерывно возрастало. Самым блестящим периодом их могущества был

[1] ГАФКЭ, киргиз-кайсацкие дела, к. I, д. № 1.

конец XVII и начало XVIII столетий, когда хан Тявка подчинил своей власти все три орды киргиз казахов: Большую, Среднюю и Меньшую, каждая из которых с древних времен имела своих ханов.

По смерти хана Тявки, джунгарские владельцы, пользуясь начавшимися раздорами между его преемниками, нанесли киргиз казахам сильный урон. Столица киргиз казахских ханов и ряд других городов по реке Сыру попали в руки джунгаров.

Изнуренные войной с джунгарами киргиз казахи, под натиском джунгаров, двинулись частью на запад, частью на север. Меньшая орда, переходя на правый берег Эмбы, напала на кочевья калмыков и, оттеснив их, проникла до Урала, встретив здесь уральских казахов. Средняя орда двинулась на север до Ори и Уя, оттесняя на запад кочевавших здесь башкиров. Теснимые Меньшей и Средней ордами киргиз казахов калмыки, башкиры и уральские казахи платили ответным натиском на надвигавшиеся на них киргиз казахские орды.

Хан Абулхаир, возглавлявший большую часть Меньшей и некоторые роды Средней орды, искал выхода из создавшегося, гибельного для него, положения в признании себя вассалом русского царизма.

В 1730 году между киргиз казахскими ханами и русским царизмом происходят оживленные сношения при участии чиновников: Кириллова, Тевкелева, Рычкова и Неплюева, много способствовавших подчинению русскому царизму всех трех киргиз казахских орд: Большой, Средней и Меньшей и их соседей — каракалпаков.

Целеустремленность этих сношений и борьба киргиз казахских народных масс против политики своих ханов и русского царизма отражены в архивных материалах фонда «киргиз кайсацкие дела», обрисовывающих исторический процесс борьбы киргиз казахов за свою самостоятельность. Но окруженные и теснимые со всех сторон более сильными народами киргиз казахи не были в состоянии отстоять свою независимость. Принятие русского подданства давало единственную возможность получить поддержку в борьбе с воинственными соседями, сжимавшими казахов с юга и востока и угрожавшими не только самостоятельности, но и самому существованию киргиз казахского народа.

Летом 1730 года хан Абдулхаир отправил к уфимскому воеводе Бутурлину своих послов с письмом, предлагая себя и свою орду в вечное подданство России и обещая помогать русскому царизму в усмирении его неприятелей. Посланцы Абдулхаира были приняты с радостью и, одаренные ценными подарками, отправлены обратно в орду вместе с переводчиком коллегии иностранных дел мурзой Тевкелевым (впоследствии возведенным в чин генерал-майора), получившим задание привести новых подданных к присяге на верность царизму.

Из доношения Тевкелева от 5 января 1732 года мы узнаем о причинах, толкавших Абулхаира в подданство России: «напредь сего предки его и он, Абулхаир хан, владел городами Ташкентом, Туркестаном и Сайрамом с принадлежащими к ним деревнями и киргиз кайсаками, которые зенгорский (джунгарский) владелец у них, киргиз касак, отнял, а их отбил в степь, а как вольские калмыки и башкирцы будучи здешними подданными и когда не могут управиться с неприятелями, то со здешней стороны охранены бывают, то и он, Абулхаир хан уповает, что когда их, киргис касак, калмыки и башкиры, яко здешних подданных оставят в покое, он и над зенгорцами реванш получить возможет» [1].

Русский царизм, принимая в подданство орды Абулхаира, надеялся на облегчение продвижения своих торговых караванов в Среднюю Азию: «через их земли ходят караваны российские в Хиву и в Бухарию», и на обеспечение спокойствия своим границам, потому что: «поныне они (киргиз казахи) были неприятели и непрестанно российским, казанским, яицким, волским, уфимским, сибирским граничным жителям воровские малыми партиями нападении чинили

[1] См. ниже стр. 134.

и ежегодно, как скот, пленников, отгоняли и продавали в работу в Бухарию и в Хиву, купецкие караваны разбивали и многие пакости делали, о чем хотя публично не ведомо и не видно, но токмо одно разсудить надлежит, что в Хиву и в Бухары таких русских пленницков натаскано и обретается там в работах многие тысячи, опричь иных владений, куда также де развозятца, а как будут оные киргис кайсаки в российском подданстве, которые во всех ордах больши ста тысяч человек есть, тогда гораздо покойнее в российских помянутых владениях будет...» [1].

Предполагалось также использование подчинившихся русскому царизму киргиз касахских ханов и для усмирения постоянно вспыхивающих башкирских и калмыцких восстаний: «понеже калмыки давно подданные ее императорскому величеству также и башкирцы, а к тому ныне прибыл третий народ киргис кайсацкой, а один з другим весьма несогласные, да и впредь всегда их в том содержать надобно и, ежели калмыки какую противность покажут, то мочно на них киргисцов обратить..., а напротив того, буде киргис кайсаки что сделают, то на них калмык и башкирцов послать и тако друг друга смирять и к лучшему послушанию приводить без движения российских войск» [2],— писал Кириллов свои соображения императрице Анне. Эти соображения получили утверждение императрицы.

Киргиз казахи были удобны и для ослабления джунгарских тайшей, предводитель которых Галдан-Церен «и так уже несколько городов завладел, а как все в свое владение подберет, тогда России с таким соседом труднея управлятца» [3].

Успехи Галдан-Церена были явным препятствием и для дальнейшего продвижения русского царизма в Среднюю Азию: «еще ж обносился слух, что тот Галдан-Церен добирается во владение к себе взять самые богатые места Водокшанские, где довольно золота родитца и камень лал, лапись, лазори, кои по тамошнему называются лежеверт, что легко б мог получить, ежели б его не остановила война с хинцами, а России до того допускать не надлежит, дабы и напаче в силу не пришел и большим неприятелем не заделался. Ныне же, когда киргиз кайсаки подданными учинились, что оному зенгорскому владельцу мочно или киргисцами или башкирцами, ежели от него какие противности произойдут иль иной какой штатцкой резон потребует, всякую шкоду учинить без российских войск...» [4].

Киргиз казахские народные массы, несшие на своих плечах всю тяжесть разорения от воинственных походов своих ханов и платы им алмана, узнав о намерениях Абулхаир хана и о причине появления послов русского царизма, пришли в волнение и чуть было не убили Тевкелева и его товарищей, грозя смертью и самому Абулхаиру. Ясык, определенный в пользу русского царизма, ложился новым гнетом на народные массы: «повсягодно Абулхаир хан 4 000 лисиц, Шемяки хан — 2 000 лисиц и 1 000 корсаков, зять Абулхаир хана Батырь — 1 000 лисиц, а Магомет салтан — 1 000 корсаков, сын Абулхаир хана Нурали салтан — 1 000 лисиц» [5].

Тевкелеву обещаниями разных благ народу удалось несколько успокоить волнения, и Абулхаир хан со своей ордой и ханом Средней орды Шемякой принесли присягу в верности.

Традиционно ханское престолонаследие у киргиз казахов было выборным из числа оставшихся наследников умершего хана, причем внутриордынское управление фактически оставалось в руках аристократической верхушки. Кириллов в своем «представлении» императрице Анне Иоановне писал: «в тех ордах не столько ханы власти имеют, сколько их старшина, и для того они ни людьми, ни богатством своих ханов усиливатца не допускают и грамотных в ханы не

[1] ГАФКЭ. киргиз-кайсацкие дела, к. 5, д. № 4.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] См. ниже, стр. 135.

выбирают, однако ж ведут наследственных ханов, а детей ханских называют солтанами» [1].

После подчинения орд России, такой порядок сделался номинальным. Были изменены даже внешние формы замещения ханского престола. Оренбургский губернатор Неплюев ввел особый церемониал утверждения хана во власти. Ханы получали от русского царизма ежегодное жалованье. Старшины, отличившиеся на службе царизму, награждались подарками и медалями.

В 1734 году Абулхаир хан отправил с Тевкелевым ко двору императрицы Анны Иоанновны новое посольство во главе со своим сыном Эрали, обязавшимся от имени отца своего охранять безопасность русских границ, смежных с землями его орды, защищать русские купеческие караваны при проходе их через киргизские степи, давать, подобно башкирам и калмыкам, в случае нужды вспомогательное войско и платить ясак звериными шкурками. В награду за это Абулхаир хан просил утвердить в его роде ханское престолонаследие на вечные времена и построить на реке Оре город с крепостью, где бы он мог находить себе убежище в случае опасности. Это желание хана совпадало со стратегической системой колонизаторских действий русского царизма, который был заинтересован в устройстве крепостей, как опорных пунктов своего владычества. Таким путем возникла Орская крепость и подготовлялась постройка крепости на Аральском море у устья реки Сыр-Дарьи, и на устье реки Эмбы.

Сведения о состоянии киргиз казахского народа и попытках борьбы его за свою самостоятельность можно почерпнуть в архивных документах также из донесений тех лиц, которые царским правительством направлялись в орду.

Большой научный интерес представляют донесения и журналы Тевкелева, продолжительное время жившего среди киргиз казахов и ведшего дневник, послуживший ему материалом для обширных донесений в коллегию иностранных дел [2].

Обширные сведения о киргиз казахах дал Тевкелев в 1748 г. в своем доношении в коллегию иностранных дел из Оренбурга с приложением родословия казахских ханов и журнала о происходивших по его комиссии делах [3].

В 1736 году к киргиз казахам совершил путешествие живописец при Оренбургской новой колонии Иоган Кассель, оставивший описание своего путешествия на немецком языке [4]. Донесения поручика Гладышева и геодезиста Муравина, ездивших в 1741 году в орду для определения удобного места для постройки крепости, дают сведения географического и этнографического характера [5]. В 1774 году служивший в Оренбургской канцелярии Рычков П. И., по предложению графа Панина, снял копии с документов, хранящихся в архиве Оренбургской канцелярии, составивших 11 небольших книг, отражающих сношения киргиз казахов с Россией за 1734—1762 гг. [6].

Кроме перечисленных обширных источников со сведениями о состоянии киргиз казахов, о местах их кочевий, о событиях их жизни имеется материал в виде «выписок» и докладов по отдельным вопросам их жизни и быта [7].

Печатаемый документ-экстракт о «киргиз кайсаках», хранящийся в неопубликованных делах Азиатского департамента, небольшой, сравнительно, по объему, вкратце освещает процесс подчинения царизмом киргиз казахского народа. Из него мы видим, что киргиз казахи, ведя в основном кочевой образ жизни, сохраняли еще большие пережитки родового быта.

Правящая верхушка киргиз казахов полагала, что власть их упрочится, и они смогут добиться независимости от более сильных соседей при условии постройки русским царизмом крепостей.

---

[1] Киргиз кайсацкие дела, к. 5, д. № 4.
[2] Донесения Тевкелева частично опубликованы в журнале «Красный архив», № 5 (75), 1936 г. В. И. Лебедевым.
[3] Киргиз кайсацкие дела, к. 16, д. № 4.
[4] Там же, к. 6, д. № 3.
[5] Там же, к. 7, д. № 4.
[6] Там же, к. 52, д. № 2.
[7] Там же, к. 38, д. № 1.

Однако, царизм, заинтересованный в ослаблении единства киргиз казахских орд, всячески поддерживая вражду между ними, в то же время подкупами привлекал на свою сторону правящую верхушку; строящиеся крепости царское правительство заселяло своим гарнизоном и неуклонно проводило политику, направленную на стеснение свободы кочевий.

На попытки киргиз казахов расширить свои кочевья царские чиновники организовали самый зверский отпор: «некоторые киргиз кайсацкие Меньшей орды улусы намерены тогда были вниз по Яику кочевать и ежели б оные и на продерзость поползнулись, то и отомстить свободнее, ибо возможно одними яицкими казаками один или два улуса вырубить до самого младенца и тем их в страх привести»[1],— писал в коллегию иностранных дел оренбургский губернатор Неплюев в 1747 году.

Таковы были методы царской колонизации в XVIII столетии среди киргиз казахов «...земли, которых служили до последнего времени объектом колонизации со стороны русских переселенцев, успевших уже перехватить у них лучшие пахотные участки и систематически вытесняющих их в бесплодные пустыни. Политика царизма, политика помещиков и буржуазии состояла в том, чтобы насадить в этих районах побольше кулацких элементов из русских крестьян и казаков, превратив этих последних в надежную опору великодержавных стремлений. Результаты этой политики — постепенное вымирание вытесняемых в дебри туземцев (киргизы, башкиры)»[2].

Лишь Великая Октябрьская социалистическая революция положила конец всякому угнетению казахского и других народов России и обеспечила им возможность возрождения в условиях строительства социалистического общества, в содружестве со всеми народами великого Союза Советских Социалистических республик.

А. Б.

О киргис касаках[3]

(л. 75) В 1730 году были здесь в приезде с башкирцами киргис-касацкой орды от Абулхаир хана посланцы Кутлумбеть Коштаев с товарищи 8 человек с прошением о принятии его со всеми киргис-касацким войском в здешнее подданство.

1731 года марта 14 дня блаженные памяти государыне императрице Анне Иоанновне от министров представлено: что киргис-касаки желают здешней протекции, а чрез их земли ходят караваны Российские в Хиву и Бухарию. От них же яицкие казаки и калмыки часто обеспокоены (л. 75 об.) бывают, они же и с башкирцами времянем в ссорах живут и что в протчем о состоянии тех земель, где они, такожде и башкирцы, живут и о расстоянии между ими подлинного известия нет, и потому с одной стороны, рассуждается, что ежели их в подданство принять, то б оные иногда с башкирцами не соединились.

Однако ж с другой стороны можно и то разсуждать, что ежели они такое злое намерение имеют, то скорее опое в действо произвести могут, будучи неприятельми, нежели когда в подданстве будут и ежели башкирцы бунтовать и с ними соединиться похотят, то к тому всегда случай найдут.

(л. 76). А ежели их в подданство принять, то может быть:

1. Они в верности себя содержать будут и тамошние подданные в покое от них останутся, а хотя б того и не учинили, то иного из того не видно, окроме, что по старому будут неприятельми.

---

[1] См. ниже, стр. 151.

[2] И. Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос. Партиздат ЦК ВКП(б), 1934 г., стр. 71.

[3] Книга Азиатского департамента № 21.

2. Что они караваны Российские не токмо чрез свои земли безопасно пропускать, но еще и провожать могут.

3. Присланные обещали дань платить и аманатов дать против башкирцов, однако ж на сие много полагаться невозможно.

4. Множественное число российских подданных у них (л. 76 об.) в плену обретающихся чрез то свободу себе получить может.

5. Слава ее императорскому величеству быть имеет, что целой такой народ к ее величеству в подданство придет, но хотя б все то по их непостоянству и не возпоследовало, то однако ж видится надобно рассудить:

а. Что ежели оным в принятии их отказать, то тем еще наипаче озлоблены быть могут.

б. Не подастся ли башкирцам от того вящее сумнение, понеже чрез них сие дело больше шло, и они их от большой части к подданству склонили.

(л. 77) И для сих двух причин и чтоб как оным киргис касакам, так и башкирцам к таким противным мыслям и сумнению поводу не подать, наиглавнейше разсуждено, что лучше в их требовании им не отказывать и отправить с тем нарочного человека, от которого отправления, хотя великой пользы не будет, однако ж и великого убытку не видно, но паче еще сия польза от того будет, что он чрез внутренние башкирские земли поедет, и о состоянии оной, так же и о той, где те киргис касаки живут, и о расстоянии между ими, о реках и обо всем протчем при возвращении своем подлинное известие привезет, а такое (л. 77 об.) известие одно может потребные на его отправление малые иждивении наградить, понеже потом с вящим основанием о тех народах разсуждать и потребные меры взять возможно будет, что все ее императорское величество и опробовать соизволила.

Вследствие того, с оными киргис касацкими посланцами, в том 1731 году отправлен был в киргис касацкую орду с грамотою ее императорского величества к Абулхаир хану для принятия его в подданство и приведения к присяге коллегии иностранных дел переводчик (что потом был генерал-майором) Тевкелев (л. 78) и притом велено было ему о киргис касацком состоянии и обстоятельствах и по какой причине хан их здешной протекции желает разведать.

1732 года генваря от 5 дня, переводчик Тевкелев из киргис касацкой орды от Аральского озера доносил о причине объявленной ему от Абулхаир хана, по которой он здешняго подданства искать вознамерился, состоящей в том, что напред сего предки его и он Абулхаир хан владели городами Ташкентом, Туркестантом и Сайрамом с принадлежащими к ним деревнями и киргис (л. 78 об.) касаками, которые Зенгорской владелец у них киргис касак отнял, а их отбил в степь, а как волские калмыки и башкирцы, будучи здешними подданными и когда не могут управиться с неприятельми, то со здешней стороны охранены бывают, то и он Абулхаир хан уповает, что когда их, киргис касак, калмыки и башкирцы, яко здешних подданных оставят в покое, он и над зенгорцами реванш получить возможет.

При том же он, Тевкелев, доносил, что киргис касацкая (л. 79) орда из древних лет разделена на три части, а имянно: на Большую, Среднюю и Меньшую, и Большая орда кочует за Бухарами, в дальном расстоянии, и с Средпею и Меньшею ордами не сообщается, у них же и хан особливой; Средняя орда кочует около Тобольска, в которой Шемяки да Кочек ханы, и двое салтанов Барак и Абулмаметь, а в Малой орде один Абулхаир хан и два солтана — Батырь и Магомед, да сын его ханской Нурали солтан. Городов у них никаких нет и вся орда киргис касацкая кочевная, а довольствуется (л. 79 об.) скотом и ловят лисиц и корсаков, а хлеба не пашут и что оная киргис касацкая орда

будет числом с 40 000 кибиток, причем он мнение свое представил о зделании на устье реки Орь фортеции, как для содержания киргис-касацких аманатов, так и для способности в проходе караванов, в Бухары, в Хиву, в Ташкент и в Туркестан, объявляя притом, что от устья Орского до Хивы 600, а до Бухар 800 верст, и дорога способная и воды довольные.

Между тем по вступлении киргис касак в здешнее (л. 80) подданство, еще в бытность оного Тевкелева в их орде, приезжали сюда в 1732 году посланцы Меньшей орды от Абулхаир хана и сына его Нурали солтана и зятя его Батырь солтана, тако ж и Средней орды от Шемяки хана; оные ханы и солтаны присланными с теми их посланцами листами доносили, что они с старшиною в здешнюю протекцию переводчиком Тевкелевым приняты и в верном подданстве к присяге приведены и обещались платить в ясак повсягодно Абулхаир хан — 4 000 лисиц, Шемяки хан — 2 000 лисиц и 1 000 корсаков (л. 80 об.), зять Абулхаир хана Батырь — 1 000 лисиц, а Магомед солтан — 1 000 корсаков, сын Абулхаир хана Нурали солтан — 1 000 лисиц.

В бытность же оных посланцев здесь, а переводчика Тевкелева в киргис касацкой орде, в том же 1732 году киргис касаки отправленного по имянному указу чрез Астрахань в Хиву и Бухарию с караваном артиллерии полковника Гарбера[1], улуча его на безводном месте и чрез несколько дней держа в осаде, почему он уже и сдаться принужденным был, разграбили, а самого с некоторыми (л. 81) небольшим остатком из того каравана отпустили назад, а при разделе оного каравана был и лучшую из того часть получил, якобы за примирение, и киргис касацкой Меньшей орды Батырь солтан, в здешнее подданство с Абулхаир ханом вступивший, который пред тем и сам был в Хиве ханом, за что оным киргис касацким посланцам учинен был здесь выговор, который дан им и на письме, и с тем оные в том же 1732 году отпущены в киргис касацкую орду.

(л. 81 об.) В 1733 году переводчик Тевкелев из киргис касацкой орды возвратился с присягами киргис касацкими и с ним был в приезде от Абулхаир хана сын его Эрали солтан, отданной от него в здешнюю сторону в аманаты с старшинами, а во оных присягах постановлено:

1. О подданстве ее императорскому величеству и о верной их службе.

2. Когда по указу будет киргис касацкому войску наряд куда на службу с другими подданными российскими с башкирцы и калмыки, и тогда им во определенные места ходить охотно.

(л. 82) 3. Войску касацкому на яицких казаков, на башкирцов и на калмык и на других подданных российских никаких нападений и набегов и обид ни в чем не чинить, а жить со оными мирно и бессорно.

4. Тако ж де купцам российским подданным и приезжающим из Астрахани и из других мест караваном и особливо к ним касакам и чрез их жилища и кочевья в другие места едущим никакого препятствия и обид не делать, но наипаче оных от всяких опасных в пути случаев охранять и в потребном случае провожать.

5. Взятых их войском касацким в плен российских подданных всех отдать и впредь отнюдь не брать, а напротив того, взятых башкирцами их касацких пленников имеющихся у россиян и башкирцов кроме тех, которые в христианском законе находятся, всех возвратить, причем обещали они.

6. Для наивящшей верности повсягодно в ясак, против подданных башкирцов, лисиц и корсаков присылать.

[1] О нападении на полковника Гарбера см. полное собрание законов российской империи, т. IX, № 6567.

В поданном же тогда в коллегию иностранных дел от оного Тевкелева журнале, между другим, (л. 83) означено, что присягу в вышеописанной силе 10 октября 1731 года Абулхаир хан, тако ж знатные старшины учинили, а многие киргис касацкие старшины в здешнем подданстве и быть не хотели для того, что Абулхаир хан без ведома их и согласия с ними о том просил; к тому ж в то время присланы были от калмыцкого владельца Доржи Назарова и сына его Лубжи посланцы, которые их киргис касаков возмущали и отвращали от здешнего подданства и подзывали их по тогдашнему у оного владельца с бывшим калмыцким (л. 83 об.) ханом Черен Дондуком несогласию, чтоб шли на оного хана Черен Дондука при отвращении чего, а притом и в приведении их киргис касак в здешнее подданство видел он Тевкелев смертельные страхи, и что и Средней киргис касацкой орды Шемяки хан склонился быть в здешнем подданстве, по посылке к нему Абулхаир хана, притом же он Тевкелев уведомился, что с киргис касак ханам никакой подати не сбирается, разве кто даст что добровольно. А сами про себя объявляют, что их с восемьдесят тысяч быть имеет, а ружья (л. 84) киргис касаки сами не делают, а получают из Хивы и из Бухары, меняя на бараны и лошадей, но порох и селитру делает из них всяк про себя и ружье употребляют фитильное, а притом немногие имеют и луки, и что ему Тевкелеву Абулхаир хан объявил, якобы он знает золотую гору, а где не сказал, токмо требовал, чтоб он здесь о том донес.

В 1733 году тако ж и в начале 1734 года киргис касацкой Средней орды Шемяки хан в 2 000 человеках приходил в Уфинской уезд (л. 84 об.) на башкирцов, но башкирцы, по уведомлению Абулхаир хана, за благовремянно сами собравшись в 3 000 человеках, против их выходили и, разбив их, знамя ханское взяли, также и сам он хан был осажен, но потом с башкирцами помирился.

В 1734 году были здесь в приезде киргис касацкие ж посланцы Меньшей орды от Абулхаир хана и Большей орды от тамошних беков, и Абулхаир хан чрез оных посланцов представлял о построении при устье Орь реки крепости, а Большой орды посланцы просили о принятии оной Большой орды так, как и Абулхаир (л. 85) хана, в здешнее подданство.

Того ж 1734 года июня 10 дня при отправлении отсюда статского советник Кирилова[1] и полковника Тевкелева в Оренбургскую экспедицию, отправлен с ними и бывшей здесь в приезде сын Абулхаир хана Эрали солтан для содержания оного до перемены другим ханским сыном в тамошней стороне; с ними же, Кириловым и Тевкелевым, отправлены и грамоты к киргис касацким ханам.

1. Малой орды к Абулхаир хану, которою дано ему знать о определенном строении (л. 85 об.), по его прошению, при устье Орь реки города и о поручении тамошних дел статскому советнику Кирилову и полковнику Тевкелеву.

2. Средней орды к Шемяки хану с выговором за противные его поступки, учиненные в двоекратные его с киргисцами приходы под башкирцов, и притом велено было ему Шемяки хану самому с старшиною для подтверждения учиненной его пред тем присяги приехать к Кирилову и Тевкелеву.

[1] Кириллов Иван Кириллович — обер-секретарь сената. Географ и статистик. Умер 14 апреля 1787 г. В 1734 г. Кириллов подал в кабинет составленное им «Изъяснение о киргиз-кайсацкой и каракалпацкой ордах», где предлагал построить на реке Оре город, который, по его мнению, был «весьма нужен не только для одного содержания в подданстве киргизов», и «для закрытия за собой Башкирии», но и «для отворения свободного с товарами пути в Бухары, в Водокшан, в Балх, и в Индию». Проект Кириллова был утвержден 1 мая 1734 года и исполнение его поручено ему же вместе с Тевкелевым.

3. Большой орды к бегом и ко всей орде, что ее императорское величество (л. 86) соизволяет по их прошению в здешнее подданство их принять и на таких же кондициях, на каких Абулхаир хан принят, и чтоб они для учинения присяги приезжали на устье Орь реки, к статскому советнику Кирилову и полковнику Тевкелеву, где определено построить город.

В 1738 году две киргис касацкие партии, состоящие, по скаскам пойманных из них, первая в 2 000, а другая в 20 800 человеках,— а бывшей калмыцкой хан Дондук Омбо писал, что сия (л. 86 об.) последняя партия состояла в 30 000,— приходили зимою на нагорную сторону реки Волги для поисков над калмыками и первая партия нападала на калмык, в небольшом числе тогда кочевавших при мачагах или заливах, от реки Волги по дороге от Астрахани к Кизляру имеющихся, а другая учинила нападение и на самого хана Дондук Омбу тогда на степи между Астрахани ж и Кизляра при реке Куме кочевавшего, причем взята ими и его ханская кибитка, так же их калмыцкие идолы и книги, и калмык с 2 000 кибиток. При возвращении же оных киргис касак из за Волги, высланной из Астрахани (л. 87) с командою манор Эгбрехт, перехватя некоторых из них, побил с 50 человек, да три человека взяты живые, из которых один был их и командир.

Во отмщение оного киргис касацкого под калмык прихода, намерен был калмыцкой хан Дондук Омбо итти с войски для раззорения оных, но за приключившеюся ему хану болезнию сам не ходил, а посылал во оной поход от Волги калмыцкие войска в 20 000 человек под командою сына своего Галдан Норбы, но и сей поход остался без действия, потому что оной сын его (л. 87 об.), будучи в том походе, от послушания отца своего откладывался, отчего тому предприятию препятствие учинилось, а киргис касаки и после того в последующих годах небольшими партиями под калмыцкие улусы подбегали, яко же напротиву того и калмыки под них киргис касак равномерные подбеги чинили.

Того ж 1738 года августа 3 дня Абулхаир хан во 150 человеках, а на другой день сын его Нурали солтан во 100 человеках и с старшинами приезжали в Оренбург, где ныне Орская крепость, к тайному советнику Татищеву [1], определенному к Оренбургской экспедиции после статского советника Кирилова, и в верной службе присягу учинили, причем и содержавшейся (л. 88) до того времяни в аманатах его ханской сын Эрали солтан из аманатства отпущен, а на место его принят от него другой его ханской сын Козь Ахмет солтан.

А в то ж время к нему, тайному советнику Татищеву, присланы были и Большой киргис касацкой орды от Юлбарс хана посланцы с листом на имя ее императорского величества о желании его и с народом быть в подданстве ее императорского величества, почему он тайной советник Татищев его Юлбарс хана через тех посланцев призывал для учинения в том присяги к Оренбургу ж.

(л. 88 об.) В том же 1738 году отправленной из Оренбурга под киргис касацким конвоем в Ташкент караван при порутчике Миллере в Большой киргис касацкой орде разграблен, а оной порутчик с прочими в том караване бывшими возвратился в Оренбург уже из Ташкента.

В 1740 году к бывшему тогда при Оренбургской экспедиции командиром генерал-лейтенанту князю Урусову [2] калмыцкой хан Дондук Омбо писал, аки бы киргисцы случая ищут, чтоб возможно было им с ордами Кубани достигнуть, (л. 89) почему тогда надлежащая предосторожность и принимана была.

В том же 1740 году в бытность оного князя Урусова при Оренбурге

[1] Татищев, Василий Никитич (1686—1750) — историк. В 1737 году назначен в Оренбургскую экспедицию, отправленную для подавления башкирского восстания.

[2] Урусов — начальник Оренбургской экспедиции в 1739 году.

приезжали к нему Средней киргис касацкой орды Абулмаметь хан и Аблай солтан и в верности присягою утверждены, а в то же время, как тогда слышно было, оной же Средней орды Барак солтан, еще у присяги не бывшей, взяв с собой беглого в киргис касацкую орду башкирца Карасакала[1] (который при тогдашнем башкирском бунте был предводителем (л. 89 об.) и сперва называл себя кубанским солтаном, а потом тогда бывшего зенгорского владельца Галдан Череня братом Шуною, ушедшим от него в здешние волские калмыки, и тамо умершим) ходил на зенгорских калмык в отмщение причиненных им киргис касакам в прошедших годах великих от них разорений. После чего генерал-лейтенант князь Урусов в 1741 году сюда доносил, по полученным им тогда известиям, и о зенгорских, напротиву того, на киргис касак предприятиях и что зенгорское войско в 30 000 (л. 90) человек на киргис касак наступление чинило и четырежды их разбивало, причем Средней орды Аблай солтана в 200 человеках и в полон взяли, а от того оной же орды Абулмаметь хан с своим улусом чрез реку Орь переправился и приближился к Оренбургу, которого хана, по указу, посланному тогда к генерал-лейтенанту князю Урусову из бывшего кабинета, велено было для охранения в крепость с несколькими из знатных при нем людей впустить, а войско его не токмо в крепость, но и в Российские (л. 90 об.) границы далее не пропускать.

В том же 1741 году Меньшей киргис касацкой орды Абул хаир хан в Хиве учинился было ханом, а по нем чрез некоторое время было тамо ханом и сын его Нурали, нынешней киргис касацкой хан, но по тогдашней опасности от бывшего персидского шаха Надыра, оттуда бежали, а между тем Абулхаир хан и сам о том генералу-лейтенанту князю Урусову письменно сообщил с таким прибавлением, (л. 91) что они киргис касаки, как от персиян, так и от зенгорцов обеспокоены, и притом он хан просил, чтоб для воздержания и киргис касак от противностей и получения от них здешних полоненников построить город на показываемом от него месте, почему оное место чрез нарочно посыланных от генерала-лейтенанта князя Урусова порутчика Гладышева и геодезиста Муравина, тогда ж и описано и самое то есть, где напредь сего был город Янкент, на острову между Аральского озера и вышедшей из оного (л. 91 об.) протоки Карасара, против устья реки Сырь Дарьи, в каракалпацком владении.

После чего в том же 1741 году Абулхаир хан присылал и сюда нарочных посланцев, с тем же прошением о построении для него города. Оные посланцы, будучи в Санкт Петербурге, в ноябре 1741 ж года ходили в квартиру бывшего тогда здесь турецкого посла, и подали кегае его написанное письмо о желании их со всею ордою быть в подданстве солтана турецкого и чтоб отведено и показано было им место, за что им от коллегии учинен выговор, а хану их отправленною (л. 92) с ними грамотою ответствовано, что потребно прежде основаться настоящим Оренбургом (которой тогда на нынешнем месте строением начат был)[2].

---

[1] Кара-Сакал (Мендегул) — крестьянин, башкир Юрматинской волости, Ногайской дороги. В 1735—1740 гг. возглавил крестьянское восстание в Башкирии. Кара-Сакал, назвавшись Шуно, выдавал себя за брата джунгарского контайши Голдан-Церена. Под предводительством Кара-Сакала восставшие башкиры смело шли в бой против регулярных войск русского царизма. Восстание было подавлено. За поимку Кара-Сакала царским правительством была назначена крупная награда. Пользуясь, однако, сочувствием народных масс, Кара-Сакал бежал к киргиз-казахам. Киргиз-казахский хан, опасаясь народного возмущения, не посмел выдать царскому правительству Кара-Сакала.

[2] Первоначально в 1735 году Оренбург был основан на устье реки Ори при впадении в реку Урал. В 1739 году Оренбург был перенесен ниже на новое место — на Красную гору, сохранив прежнее название. Старый город получил название Орской крепости. В 1743 году Оренбург был заложен в третий раз Неплюевым на месте ранее бывшей Бердянской крепости, в 70-ти верстах от Красногорского урочища. Город

а потом по прошению его и о строении для него хана города разсмотрено будет.

А между тем в том же 1741 году ноября 30 бывший при Оренбургской экспедиции генерал-лейтенант Соймонов сюда в коллегию иностранных дел доносил о желании тогда киргис касак кибиток в тысяче кочевать близ Яицкого городка, и что он, генерал-лейтенант, ведая коим образом и в 1740 году от таких близ Яика (л. 92 об.) кочующих касак происходили немалые затруднения и на калмык учинены нападении, их касак до такого приближения допускать не велел. Почему 1742 года февраля от 19 и указом из коллегии иностранных [дел] к действительному тайному советнику Неплюеву [1], к помянутой Оренбургской экспедиции тогда определенному, предписано, их, киргис касак, к приближению для кочевья к Яицкому казачьему городку и ниже оного к реке Яику и впредь без особливого из той коллегии иностранных дел указа отнюдь не допускать, дабы от такого их приближения между их и калмык всегдашних ссор происходить не могло.

1742 года был здесь в приезде киргис касацкой Средней орды Абулмаметь хана посланцы с поздравлением возшествия ее императорского величества блаженные и вечнодостойные памяти государыни императрицы Елисаветы Петровны на всероссийский престол, причем и он просил о построении для него города ж, в чем и ему так, как и Абулхаир хану, некоторая надежда подана.

В том же 1742 году уведомлено, что киргис касацкой Средней орды Абулмаметь хан, Барак и Батырь солтаны предаются в подданство зенгорского владельца Галдан Череня, которому несколько и аманатов от себя дали и дань платить обязались, и что, сверх того, оной зенгорской владелец требует, дабы Абулмаметь хан, Барак солтан и Джанбек Батырь, знатнейшей Средней орды старшина и к здешней орде доброжелательной, (л. 93) так же и Меньшей орды Абулхаир хан детей своих с знатными старшинами к нему в аманаты прислали и платили дань и кочевали на том месте, где от него показано будет, зачем от зенгорского владельца и нарочной посланец ко оному Абулхаир хану тогда прислан был, который посыланному тогда ж из Оренбурга к Абулхаир хану для удержания его от дачи в зенгорскую сторону аманатов порутчику Гладышеву объявил, что пред тем оной Абулхаир хан присылал к зенгорскому владельцу посланцов с прошением об отдаче ему (л. 93 об.) городов Туркестанта и Ташкента во владение, которыми они киргис касаки и напредь сего владели, обещая за то быть зенгорским подданным и сына своего дать в аманаты, почему оной зенгорской посланец затем к нему Абулхаир хану и прислан. По поводу чего и что напредь сего от киргис касацких Абулхаира и Абулмаметя ханов и здесь прошении были о построении для них городов правительствующему сенату от коллегии иностранных дел 8 августа 1742 года представлено было о построении, ежели бы близ Оренбурга за рекою Яиком пристойные места к тому нашлись, (л. 94) для Абулхаир и Абулмаметь хана от азиатских народов безопасных крепосцей и об отдаче оных в их ханские руки, чтоб чрез такой способ тех ханов удобнее было в подданстве утвердить и в их касацких народах усилить, ибо из того, когда дети их будут в

же, выстроенный на Красной горе получил название Красногорской крепости (см. Полное собрание законов российской империи, т. IX, №№ 6571, 6576, 6584).

[1] Неплюев, Иван Иванович (1693—1773) — наместник Оренбургского края. Активный проводник колонизаторской политики царизма; во время его управления Оренбургским краем было построено около 70 крепостей по рекам Сакмаре, Уралу, Ую, Увелке, Миясу и Тоболу. С большой жестокостью подавил башкирское восстание 1755—1757 гг.

От Неплюева остались «Записки», доведенные им до последнего года его жизни, в основу которых положен его «повседневный журнал». Впервые они были изданы в «Отечественных записках» в 1823—1826 гг.

аманатах предосуждения не предусматривается, к томуж когда те крепосцы построены будут не в дальном разстоянии то во время прихода на них зенгорских войск, способно будет со здешней стороны действительное (л. 94 об.) оным охранение учинить; а в противном от них случае, можно к тем крепосцам российские войска привесть и оные разорить, что тогда правительствующим сенатом в разсуждение и принято было. Но потом по представлению Оренбургского губернатора Неплюева в разсуждении того, что киргис касацкие ханы в случае нужды и в построенных уже в тамошней стороне крепостях убежище иметь могут и что киргис касаки в городах и на одном месте жить не в состоянии, отменено и за неудобно признано. А напоследок, как указом из правительствующего (л. 95) сената в коллегию иностранных дел от 11 июля 1743 года знать дано, по другому его ж оренбургского губернатора Неплюева представлению, что к содержанию киргис касацкого народа наиглавнейшим средством быть может, дабы их помалу приобучать жить юртами, такое строение небольших крепостей правительствующим сенатом паки признано не за излишное, и для того оному оренбургскому губернатору и велено было изыскать к тому удобные места близь Оренбурга и, описав, учинить планы и прислать в правительствующий сенат, но что потому (л. 95 об.) воспоследовало, уже в коллегии иностранных дел неизвестно.

А между тем в том же 1742 году Абулхаир хан для свидания с оренбургским губернатором Неплюевым приезжал к Орской крепости, имея при себе посланцов зенгорского владельца, за аманатами к нему присланных, и притом просил, чтоб его, Абулхаир хана, со всем домом для лучшей безопасности от зенгорцов впустить в Орскую крепость, а Абулмаметь хана, Барак и Батырь солтанов, которых оренбургский губернатор Неплюев (л. 96) по получении известия, что оные в подданство зенгорское ж преклоняются, в отвращение того звал, для свидания к себе в Оренбург и прочих знатных старшин под образом аманатства в городе удержать, с которыми и он, Абулхаир, в том городе живучи, удобнее может киргис касацкой народ в послушании и страхе содержать, а ежели он Абулхаир хан в Орскую крепость впущен не будет, а зенгорцы будут на него нападение чинить, то он для спасения своего принужден будет бежать на Кубань.

(л. 96 об.) Почему и указом, отсюда из коллегии иностранных дел к оренбургскому губернатору Неплюеву 8 августа 1742 года отправленным, велено Абулхаир хана со всем домом для лучшей от зенгорцев безопасности в Орскую крепость впустить, а Абулмаметь хана и прочих в городе не удерживать, но разве их к тому склонять, примером Абулхаир хана изъясняя в том их же собственную пользу и безопасность, и притом стараться получить от них из детей их аманатов и склонять их, чтоб они, ханы, для лучшей от зенгорцов безопасности с своими (л. 97) ордами от зенгорских жилищ поудалились и приближились к Оренбургу и к каракалпацким жилищам и от своей стороны на зенгорские улусы нападения не чинили.

Но потому оренбургского губернатора призыву, сверх Меньшей орды Абулхаир хана и сына его Эрали солтана, приезжали к Орской крепости и виделись с ним из Средней орды Беть солтан родной брат Аблай солтанов и Джанбек Тархан и еще другие знатные старшины, которые, то есть Абулхаир хан и прочие, в верности присягали и от преклонности (л. 97 об.) к зенгорской стороне довольно увещеваемы были, в чем тогда толь вящшая нужда была, понеже в то время, с одной стороны, персидской шах Бухарами и Хивою и другими тамошними местами завладел и приближался в соседство к киргис касакам, а с другой — помянутой зенгорской владелец в такое усильство приходил, что пред тем всею Малою Бухариею, Ташкентом, Туркестаном и другими, в великой

Татарии лежащими городами, завладел и Большую киргис-касацкую орду в подданство свое привлек и аманатов взял.

(л. 98) Что же касается Средней орды до Абулмаметь хана, которого такожде оренбургской губернатор, как и выше написано, призывал к себе, то, хотя он к нему для учинения присяги и ехал, но по интригам и несогласиям Абулхаировым, не доехав до Орска, с дороги возвратился, ибо оной (л. 98 об.) Абулхаир хан разгласил в орде, акиб его, Абулмаметя, хотели в городе задержать; чего ради оренбургский губернатор Неплюев принужден был затем к нему, Абулмаметь хану, в Среднюю киргис касацкую орду посылать нарочного переводчика, при котором оной хан, а притом и Барак салтан, у присяги еще до того не бывшей, присягу и учинили. Со всем тем Абулмаметь хан с бывшими у него тогда ж зенгорскими посланцами отправил и к зенгорскому владельцу меньшего сына своего Абулфейза, в таком намерении, как он и сам помянутому переводчику (л. 99) сказывал, дабы чрез тот способ от зенгорского владельца Туркестанскую провинцию в свое владение получить.

При отъезде из Орска Меньшей киргис касацкой орды Абулхаир хана с зенгорскими посланцами, которым он, по наставлению оренбургского губернатора Неплюева, такой ответ дал, что он без соизволения ее императорского величества аманатов дать не может, отправлен был в том же 1742 году от оренбургского губернатора Неплюева, по указу отсюда, со оным зенгорским (л. 99 об.) посланцом к зенгорскому владельцу Галдан Череню майор Миллер, напредь сего в Ташкенте бывшей, и к зенгорскому владельцу писал он с ним, Миллером, объявляя, что Средняя и Меньшая киргис касацкие орды в подданстве ее императорского величества и для того бы с зенгорской стороны оставлены были в покое, а содержащейся в зенгорских улусах из Средней киргис касацкой орды Аблай солтан и прочие киргис касаки были освобождены.

Оной майор Миллер в границе Зенгорского владельца (л. 100), где от стороны киргис касаков зенгорское войско содержалось, 1742 года ноября 16 от командира того войска зайсанга остановлен, а потом адресован ко владельцу Манджe, над всем тем краем главную команду имевшему; посланное ж с ним письмо присланной от того владельца Манджи зайсанг, выпрося посмотреть, нахально удержал у себя, объявя после майору Миллеру, что оное означенному владельцу Манджe отдано и что от него отправлен о том со известием к главному зенгорскому владельцу Галдан (л. 100 об.) Черену нарочной; но после того, спустя месяца с два, помянутый владелец Манджи майору Миллеру объявил, что его к зенгорскому владельцу, за имеющеюся в их крайних улусах оспою, пропустить не можно, к тому ж он майор отправлен не от двора, но от генерала, с киргиской стороны командующего, а он Манджи с стороны от зенгорского владения такой же командир и может его с надлежащим ответом отправить. И потому майор Миллер и принужден был с ответным его Манджи к оренбургскому губернатору Неплюеву письмом возвратиться в Оренбург в начале 1743 года, а по примечанию его Миллера не токмо он с ведома зенгорского настоящего владельца возвращен, но и отправленное с ним письмо к нему посылано было, также и ответ на оное под имянем владельца Манджи там же сочинен.

А в том ответном письме к оренбургскому губернатору Неплюеву от зенгорского пограничного командира владельца Манджи между прочим писано следующее, что касацких владельцев производитель был (л.101 об.) Тюке хан, а его внук Ша-Саит хан, имел у себя половину Меньшей орды и половины ж Средней орды и со всею Большею ордою именуются их зенгорскими, а нижние касаки, будучи не российские и не зенгорские, учинили на улусы зенгорские нападение, и за то указом повелено учинить над ними поиски; и когда они, по силе оного указа, производили над ними поиски и тогда оные нижние касаки, убоясь,

прислали к ним посланцов с представлением своих аманатов, что их владелец Галдан Черень принял за благо и для принятия аманатов отправил (л. 102) своих посланцов; и по тому вышеписанного касацкого Тюке хана — внук Абулмаметь хан — дал в аманаты своего сына. А Барак солтан обещал впредь оного аманата переменить своим сыном и с тем прислал своего посланца. Но к Абулхаир хану отправленного посланца он, оренбурский губернатор, велел привесть к себе, и ко отдаче Абулхаирова намерение остановил, а между тем прислал он с таким представлением, которое следует к ссоре, и затем он (л. 102 об.) Манджи, оного его оренбурского губернатора посланца и письма ко владельцу их Галдан Череню не допустил и о том ему не доносил, а отправил возвратно.

По отъезде же майора Миллера от зенгорских улусов содержавшейся у зенгорского владельца в плене Средней киргис касацкой орды Аблай солтан с прочими пленниками освобождены, а притом слышно было что и сын оной же Средней орды Абулмаметь хана, в зенгорскую сторону в аманаты отданной и без перемены, тако ж де отпущен, причем тогда же (л. 103) один из зенгорских владельцев Средней киргис касацкой орды к знатному старшине Джанбеку писал, что от них киргис зенгорский настоящий владелец ничего более не требует, как по одной только лисице со ста кибиток, в образ дани. И хотя помянутой Аблай солтан отзывался, что ему свобода из зенгорского плена воспоследовала по посылке майора Миллера, однако же при всем том примечалось, что такой отпуск Аблай солтана зенгорской владелец не для того ль учинил, чтобы тем показать, с какою (л. 103 об.) умеренностью и льготою хочет киргис касаков в своей протекции содержать.

По каковым обстоятельствам здесь тогда в коллегии иностранных дел разсуждаемо было, что понеже зенгорской владелец Галдан Черень пред недавным временем взял в свое подданство Большую киргис касацкую орду, а ныне разными способами старается привлечь к себе ж Среднюю, так же и Меньшую касацкие орды, и, может быть, он сие чинит и предваряет, дабы те Меньшая и Средняя орды в Российском подданстве не утвердились, не меньше (л. 104) того и с стороны ее императорского величества потребно старание иметь, дабы он, будучи в ближнем к российским границам соседстве, всеми теми киргис касацкими ордами действительно не овладел; но ежели для того киргис касацких ханов, а имянно Меньшей орды Абулхаир хана, которой давно в подданстве ее императорского величества числяется, также и вновь в подданство пришедшего Средней орды Абулмаметь хана побудить к супротивлению тому зенгорскому владельцу (л. 140 об.) Галдан Череню, обещая им во время нужды помощь, а он о том уведает и не взирая на нынешнюю протестацию, учиненную ему оренбургским губернатором Неплюевым, пошлет на те киргис касацкие орды свои войски, то оные орды в степных местах от зенгорского нападения российскими войски охранить крайняя невозможность, а буде оные при таком случае оставить без охранения, то в тамошних пограничных народех весь кредит потеряется, а зенгорской владелец Галдан Черень от того больше (л. 105) усилится; того ради, по предварительному о том правительствующему сенату от коллегии иностранных дел представлению, учиненному 22 и полученному на то из сената от 26 августа 1743 года указу, определено было бывшим здесь зенгорским посланцам учинить объявление в такой силе, чтоб Меньшой киргис касацкой орды Абулхаир хан, которой в 1730 году принят в здешнее подданство, с стороны зенгорского владельца, со всеми его улусами оставлен был в покое; а что касается Средней киргис касацкой орды, до Абулмаметь хана и тамошних (л. 105, об.) солтанов, которые в 1740 году такожде в здешнее подданство приняты, то когда от оных к зенгорским улусам нападении

происходят, для удержания оных от того зенгорскому владельцу аманатов от них содержать для доброго и покойного с зенгорским народом соседства не запрещается, причем за благо разсуждено было по такому поводу, что, как и выше показано, зенгорской владелец Манджи в письме его к тайному советнику Неплюеву написал, что Большая киргис касацкая орда в их зенгорском подданстве, оным зенгорским (л. 106) посланцам дать знать и о произшедшем в 1738 году в той Большой орде россииском каравану, в Ташкент отправленному, разграблении, требуя с зенгорской стороны удовольствия.

Но такого объявления оным зенгорским посланцам не учинено для того, что при отправлении их отсюда определено было к зенгорскому владельцу отправить со здешной стороны посланника, а и та посылка посланника, по причине смерти зенгорского владельца Галдан (л. 106 об.) Череня, между того приключившейся, потом отменена. Между тем здесь признано было за средство к содержанию Средней орды в здешнем подданстве, чтоб и от оной иметь аманатов. А при первом случае получить такого оной Средней орды от Абулмаметь хана только от той Средней орды, хотя некоторое старание и было, аманата не получено, а на противу того в том же 1743 году туркестанский сент Махомед хан листом своим, на имя ее императорского величества присланным к (л. 107) оренбургскому губернатору Неплюеву чрез киргис касацкого Средней орды Джанбек Тархана, просил, дабы ему, так как брат его Абулмаметь хан, с киргис касаками быть в подданстве ее императорского величества; токмо на то его письмо ничего не ответствовано в таком разсуждении, понеже город Туркестант в Большой киргис касацкой орде стоит, и следовательно зенгорской подданный, при всем же том слышно было тогда и сие, якобы зенгорский владелец Галдан (л. 107 об.) Черень старание имел о привлечении Меньшей киргис касацкой орды Абулхаир хана на свою сторону, установлением между собою свойства, взаимною детей своих женитьбою, только того в самом деле не воспоследовало, либо по причине смерти ж зенгорского владельца, или сей слух был вымышленной.

В том же 1743 году Меньшой киргис касацкой орды Абулхаир хан домогался, чтоб сын его Козь Ахмет солтан, до того времяни в здешней стороне в аманатах содержавшийся, переменен (л. 108) был другим его сыном, только не от настоящей жены рожденным, но побочным; но когда тайный советник Неплюев требовал, чтобы он хан такую перемену учинил настоящим сыном, то он, хан, подсыланною прежде тайным образом Оренбургского ведомства к Сорочинской крепости, в которой помянутой его сын тогда содержался, партиею хотел того своего сына скрасть, а как в том не удалось, то потом за такую его неотдачу, (л. 108 об.) а притом и за то, что он пред тем представлял, яко народ его не слушает с требованием, дабы от каждого роду по два человека их старшин в аманаты в Орску захватить, но того не учинено,— возымел неудовольствие интригами своими некоторую часть киргис касак возбудил на противности, которые, разделясь на разные партии, как злоден поступать дерзнули и между строющихся тогда по Оренбургской линии крепостей, также и при форпостах яицких казаков людей ранили, до смерти побили, (л. 109) в плен побрали и разные грабежи причинили, а имянно: ранили русских — 24, иноверцев — 2; до смерти побили русских — 14, иноверцев — 2; в плен побрали русских — 96, иноверцев — 4; и немалое число лошадей и скота отогнали и пограбили, а наконец и один редут, имянуемый Честного креста, атаковать дерзнули было, причем Абулхаир хан с великою неумеренностию и с угрозами и к тайному советнику Неплюеву писал, (л. 109 об.) объявляя, что от неперемены сына его и народ в замешание приходит и без того успокоен быть не может.

А пред тем и наместник ханства калмыцкого Дондук Даши здесь представлял и приносил жалобу на киргис касак, что оные, наруша постановленной с калмыцкими владельцами мир, зимою, шестерократно, подбегая под их калмыцкие улусы, чинили нападение и взяли от оных в добычу себе людей более 300 душ, а пожитков и скота и весьма много, (л. 110) и просил о позволении, чтоб и калмыкам взаимной над ними поиск учинить.

По каковым происшедшим тогда от киргис касак явным противностям оренбургский губернатор Неплюев за благо разсуждал, чтоб над оными чрез яицких казаков учинить поиск в тот вид, понеже пленение людей от киргис касак произошло более в ведомстве яицких казаков, и потому казалось бы, что оные казаки собою на такое отмщение поступили, (л. 110 об.) дабы он при том непричастным и посредственником между киргис касаками и казаками остаться мог, а яицким казакам приказать, чтоб они старались из лучших киргис касак захватить, дабы чрез оных российских пленников из их рук освободить было можно и к тому нарядить из казаков до 500 человек; но из того ничего не воспоследовало за представлением от яицкого войска, (л. 111) что и без того от них учреждены крепкие форпосты, коими киргис касак на перелазах ловить удобнее.

Наместнику ж ханства калмыцкого Дондук Даше, по вышеозначенной его жалобе на киргис касак, посланною к нему 31 октября 1743 года грамотою, хотя позволение и дано было калмыцкие войски и легкие партии на них посылать, но на то тайный советник Неплюев учинил представление, что по тогдашнему времени и состоянию ко установлению киргис касацкого (л. 111 об.) народа и к приведению в прежнее состояние — полезнее стараться поправить легкими способы, пока вся линия и Оренбург в лучшее состояние приведены будут, ибо вдруг, не сообразя окрестностей, военные действа против того народа предпринимать не полезно, а особливо тогда, не основавшись Оренбургом и линиею, почему наместнику ханства об отправлении на киргис касак войска паки заказ и учинен.

Вследствие чего действительный тайный (л. 112 об.) советник Неплюев такие меры и употреблял и к Абулхаир хану писал со увещанием, чтоб он народ свой по всеподданнейшей должности старался воздерживать и российских пленников свободить.

А он, хан, увидя, что ему сына своего, в аманатах содержащагося,— который, между тем, по такой опасности, чтоб не ушел или увезен не был, взят был сюда,— наглым образом свободить не удалось, (л. 112 об.) и, может быть, возымел уже и опасность, все те от киргис касак оказанные злодейства сложил на народ свой непослушной и в засвидетельствование верности своей из пленных россиян 21 человек в Оренбург прислал, а и о выручении прочих такожде стараться обещал.

А меж тем прислал сюда посланцов своих с листом на высочайшее ее императорского величества имя, которым просил об отпуске вышеписанного сына своего, представляя при том, яко тем его некоторые малоразсудные касаки (л. 113) порицают, и он от них имеет зазрение,—на что ему грамотою с обнадеживанием высочайшей ее императорского величества милости ответствовано, что сын его, когда он на место его даст другого от настоящей же жены рожденного, отпущен к нему будет, а чтоб он в том ни перед кем зазрения иметь не мог, для того впредь оной содержан быть имеет в резиденции ее императорского величества, чрез которых он, хан, удобность возымеет и о делах своих здесь представлять.

(л. 113 об.) С оною грамотою отправлены были к хану из посланцов его половина, а прочие на некоторое время оставляемы были здесь, чтоб хан толь ревностнее и о выручении оставших в киргис касацкой

орде здешних пленных стараться мог; однако же и оные потом отпущены, а хан чтоб более вышеписанного числа пленников выручил, о том по коллегии иностранных дел неизвестно. Но что касается до сына его, то уже выше сего показано, что оной меж тем взят был сюда, но, как он здешним житьем (л. 114) скучился, и по варварскому его состоянию опасность возымелась, чтоб он с отчаяния чего-либо над собою не сделал, к тому же получено было и такое известие, что хан, отец его, и с здешним оного сына своего содержанием недоволен и негодование свое продолжает, отправлен он был на житье в Казань, для того, чтоб там, обращаясь между татар, не столько скучать мог, и чтоб и отец его об нем, яко в ближайшем месте, нежели здесь, находящемся, уведомляться мог.

(л. 114 об.) 1744 года оренбургской губернатор Неплюев и генерал-майор Штокман по случаю происшедших от киргис касак продерзостей сообщали их рассуждения в запас для предосторожности; постановили на мере план, каким образом во время их киргис касацкого замешания им сопротивление чинить, которой при доношении от 14 генваря того 1744 года и правительствующему сенату на рассмотрение от них представлен был.

А в оном плане между другим означено.

(л. 115) 1. Киргис касацкой из давних лет на Заяицкой или Бухарской степи с одну сторону близь яицких казаков и Оренбургской линии, а с другую в степи ж от Сибири близь рек Тоболу и Иртыша и в вершинах Ишима кочующей народ на три орды разделяется, из которых Меньшая и Средняя здешними подданными считаются; обе оные орды никаких городов и постоянных жилищ нигде не имеют, но с места на место с их скотом перекочевывают, а обыкновенно кочуют (л. 115 об.) они — Меньшая орда летом от Орска на низ неподалеку от Яика реки, следовательно и от Оренбургской линии, а больше по рекам Илеку и Иргизу и по другим местам к стороне Каспийского моря, а зимою к тому ж Каспийскому морю по озерам и речкам, а более внутрь Бухарской степи по реке Сыр-Дарье и Аральского моря, где нижние каракалпаки. А Средняя орда летнею порою кочует по Яику ж реке вверх не в дальности от оной и по впадающим в нее речкам, так же и за рекою Уем, где Уйская линия, а наибольше в вершинах рек Тоболу, Ишима и Иртыша (л. 116) и по речкам Тургаям, где они (кроме Яика и Уя) часто и зимуют, а особливо к Сыр-Дарье при урочище, называемом Каракум, от Орска днях в 10 или 15, а иногда откочевывают и к помянутому Аральскому морю и близь города Туркестана, прежде сей орды ханам принадлежавшего, которым яко же и Ташкентом и другими тамошними местами зенгорский владелец овладел. А Большая орда обыкновенно около тех дву городов кочует и находится в подданстве (л. 116 об.) зенгорского владельца.

2. Какое людство во обоих предупомянутых ордах о том подлинных известей нет; однако кажется, что при случае генерального их к войне предвосприятия или замешания легко может собраться во обоих тех ордах, то-есть Средней и Меньшей, до 30 тысяч человек и более, дельных людей, со огненным ружьем. Оные киргис касаки во время нужды, избирая крепкие места, соединенными силами обороняются, а иногда, как слышно, окапываются и кош (л. 117) свой, також и лошадей, собрав внутрь, сильно обороняются; наибольшее ж их воинское искусство состоит в тайных подбегах и воровстве и как подбегают, так и ретируются они с поспешением, яко никаких тягостей не имеют, только зимою и к весне как они сами, так и лошадей их за недовольством корму, бывают безсильны и в худшем состоянии.

3. От сих степных народов, прежде вступления их в российское (л. 117 об.) подданство, многие вредительные впадении происходили не

только на башкирские, им смежные, и на российские пограничные жилища в Казанской и Сибирской губерниях, особливо же с стороны, Сибирской губернии, как то и Абулхаир хан в прошлом 1715 году во многолюдстве на Черемшан к Новошемшинску [1] приходил и оной пригород выжег, а и во время башкирского замешания [2], будучи уже в подданстве, он же в Башкирию входил под видом, акибы на воров башкирцов, а в самом деле искал того, чтоб одного (л. 118) из детей своих в Башкирии ханом учинить, не упоминая древних от сих же и им смежных народов, бывших не только на российские города и места, но и далее чиненных великих разорений, когда нагайский народ под одними, а не под разными владетельми был, подобно тому, как ныне зенгорский владелец время от времяни силится и не только разные города и народы под протекцию свою уже покорил, но, недовольствуясь одною кайсацкою Большою (л. 118 об.) ордою, и прочие две то-есть Среднюю и Меньшую, под свою ж власть подобрать покушался. С того времени, как оные киргиские две орды в подданство ее императорского величества приняты, до прошлого 1743 году, кроме обыкновенного их воровства, а особливо взаимного с волскими калмыками и башкирцами, никаких дальних злодейств и разбоев явно от них не происходило; но в том 1743 году от прежде бывшего их воровства весьма отменное злодейство оказалось, на которое (л. 119) по большей части из Меньшей, однако ж несколько и из Средней и Большой орд, всех человек тысячи с полторы или с 2 отважились и, хотя причины того более от Абулхаир хана произошли, однако и Средней и Большой орд кайсаки к тому легко могли уже пристать, яко народ ни к чему так, как к воровству склонной; к тому ж и владельцы Средней орды от притиснения и угрозов, а наконец и от разных обнадеживаний, чиненных им от зенгорского владельца, (л. 119 об.) не меньше, но еще и больше Абулхаир хана в верности своей поколебались [3], почему и из Средней орды, и сверх вышеписанного, разные партии в Зауральскую Башкирь и в учрежденные с Сибирской стороны форпосты воровски вбегали.

4. И хотя ко успокоению того народа в прошлом 1743 году всевозможные средства и способы без оружия употреблены, и они по тогдашнему зимнему и в Оренбурге едва проходному пути успокоились, но надолго ли в покое пробудут, о том по их (л. 120) непостоянству неизвестно, и для того надобно в запас всегда такие иметь меры, дабы в нужном случае надлежащее отмщение им учинить, чтоб не возмнили, аки бы ко отмщению им способов сыскать невозможно.

А понеже по состоянию киргис касацкого народа против их с лучшим успехом и пользою могут употребляться, всегда легкие нерегулярные люди, а регулярные к сему токмо потребны, чтоб команду в добром порядке (л. 120 об.) и лагерь с обозом в безопасности содержать, так же и для всякой ретирады, командируемым легким партиям да и действовать не одним корпусом разсуждается, но разными и с разных сторон, то есть: 1-е — от Яицкого казачья города, 2-е от Оренбурга, 3-е от Орска, 4-е от Уиской линии, 5-е от новоназначенной Сибирской линии, то они действительный тайный советник Неплюев и генерал-майор Штокман во оном общем их плане за нужно признавали, чтоб следующие к тому наряды определить, а имянно:

(л. 121) В 1 от Яицкого казачья города тамошних казаков доброкон-

[1] Так в подлиннике.

[2] Восстание башкир, продолжавшееся с перерывами с 1735 по 1741 год, началось в связи с заложением Оренбурга и захватом колонизаторами башкирских земель; оно было подавлено с чрезвычайной жестокостью русским царизмом.

[3] Не получив поддержки царского правительства в своих притязаниях на главенство над всеми тремя ордами — Большой, Средней и Меньшей,— Абулхаир хан стал действовать против России, возбуждая против нее всеобщее недовольство среди киргиз-казахов.

ных 1 000 человек. (а другая 1 000 возмется к Оренбургу и Орску), да с стороны Астраханской губернии нарядить волских калмык до 5 000, а буде возможно и более.

2. От Оренбурга весьма полезно для такого нужного и быть могущего действа нарядить донских казаков 1 000 человек, да к ним башкирцов из Уфинской провинции 3 000, мещеряков 500, ясашных татар 300, крещеных калмык, при Ставрополе живущих, от 300 до 500; да ис Казанской (л. 121 об.) губернии против прежних примеров вольниц и приписных к адмиралтейству татар и других тамошних инородцев до 3 или 4 тысяч человек, что все сочинить имеет нерегулярных людей около 9 300 человек, из которого числа худоконных оставить при крепостях, во осторожность. А как сей с стороны Оренбурга будущей корпус между всеми прочими имеет быть в средине и главным следовательно и командиру должно быть над всеми прочими партиями тут главному, того ради необходимо нужно, чтоб при нем регулярной команды полка три иметь, (л. 122) в том числе один конный, а два пехотные. Из вышеписанных команд регулярным и казакам производить провиант из Оренбурга, башкирцам же, мещерякам и вольнице, когда они собственным своим провиантом оскудеют, подмогать против указных дачь. вполы; им же всем, кои в партиях будут, позволить добычь, а о некрещенных калмыках притом представлено,— какое им награждение учинить, оное имеет зависеть от рассмотрения коллегии иностранных дел, (л. 122 об.)

3. От Орска яицких казаков 500, уфинских башкирцев 2 000, мещеряков 500, в содержании же их провиантом поступать по предписанному.

4. От Уйской линии в команду тамошнего пограничного командира разсуждается нарядить яицких казаков от 2 000, остальные 500 человек да ведомства Исецкой провинции зауральских башкирцов, мещеряков и тамошних служилых (л. 123) татар — 1 000, красноуфинских, нагайбацких и елдятских казаков до 300; из тамошних же новопостроенных крепостей 500, из крестьян ведомства Екатеринбургского обыкновенных к воинскому делу 500, да Исецкой провинции 500 же; и того учинить тамо нерегулярных 2 500 человек [1]; а при том корпусе из тамошней команды командировать регулярных, сколько возможно и безопасно отлучить с форпостов, и для того на форпосты туды прибавить из обретающихся на Уфе уфимского гарнизонного драгунского полку 5 рот и 3 роты польные.

5. С стороны Сибирской губернии под командою Сибирского полку полковника к таким поискам командировать регулярных, сколько возможно будет из той губернии отлучить; равномерно же и казаков, команду нарядить Сибирского ведомства из крестьян 1 000 человек или более да ис татар ведомства Сибирской же губернии можно употребить 500 человек; когда же таковые наряды продолжатся, а употребляемые к тому люди те, которые ясак в казну платят, без добычи останутся, то б на то (л. 124) время половину или и весь ясак из высочайшего ее императорского величества милосердия упустить, то ж представлено и о башкирцах, так же и о крестьянах, кои к тому употреблены будут, чтобы им от подушного платежа на то время льготу учинить; и притом при всем в запас и пока еще нужды не дойдет до вышеозначенного плана представлено о наряде к весне того 1744 года башкирцов — 2 000, мещеряков — 500, крещеных калмык — до 300, да некрещеных — 1 000 человек, яицких казаков — от 800 до 1 000 человек (л. 124 об.) и о командировании к Кичюйскому фельтшанцу 3 полков полевых.

Оной план, как указом из правительствующего сената в коллегию иностранных дел от 9 марта того ж 1744 года присланным дано знать,

[1] Так в подлиннике.

хотя от правительствующего сената и апробован, однако же пока о злых намерениях киргиз касак подлинно уведомленость будет, представленных нарядов чинить не велено, а определено было волских калмык к весне для предосторожности нарядить 1 000 человек (л. 125) и привесть к Яицкому казачьему городку, почему толикое число калмыцкого войска под командою наместника ханства калмыцкого Дондук Даши брата Доржи Раши к Яику и привожено было, токмо оной калмыцкой владелец, не дождався отпуска, 30 августа того ж 1744 года со всеми от Яика самовольно ушел в калмыцкие улусы.

Того ж 1744 года февраля 24 дня, по представлению коллегии иностранных дел в правительствующий сенат и по указу оного (л. 125 об.) от 5 марта велено киргис касаков тех, кои явятся хотя в смертном убивстве и воровстве и в подбегах под российские жилища по розыскам, всех из Оренбурга ссылать в ссылку в работу в Рогорвик, а из Сибири — на Нерчинские серебреные заводы, однако ж из них, кто смертные убивства учинят и в ссылку посланы будут, о таких, не чиня им смертной казни, к разсмотрению в правительствующий сенат присылать выписки с прописанием указов и приложением мнения.

Того ж 1744 года марта 12, по представлению ж (л. 125) коллегии иностранных дел, правительствующему сенату учиненному и по указу из оной от 13 июля, киргис касак с их купечеством к российским городам и калмыцким улусам по такому сумнительству, что от них в проездах воровство и другие продерзости происходить могут, далее реки Яика пропускать не велено, а для торгу их с калмыками и россианами определено учредить место (л. 126 об.) при Гурьеве городке и для того уже и россиан и калмык с купечеством чрез реку Яик в киргис касацкие жилища не пропускать.

1746 года в феврале месяце киргис касаки, собрався двумя сильными партиями и обошед яицкие форпосты ниже Гурьева городка морем, по льду перешли на Волскую сторону и, нечаянно подошед к городу Красному Яру, учинили нападение на калмыцкой улус и оной разбили, так же конские и скотские красноярских жителей и калмыцкие табуны в великом (л. 127) числе состоящие, отогнали и рыболовных русских людей станы ограбили, и притом увезли с собою русских и калмык 638 человек, да калмык же мужеского и женского пола побито ими до смерти 55 человек, напротиву чего из тех киргис касак под Красным Яром побито до смерти до 20 человек да живых поймано 4 человека. А между тем оренбургской губернатор Неплюев отправил к (л. 127 об.) Абулхаир хану киргис касацкому для старания о перемене сына его Козь Ахмет солтана другим его сыном переводчика Араслана Бекметева, которому приказано было иметь старание и о возвращении захваченных киргис касаками от Красного Яра людей и скота. Сперва оной переводчик Араслан Бекметев Абулхаир ханом принят был пристойным образом и притом хан присылал к оренбургскому губернатору нарочных посланцов, чрез которых, представляя известное киргис касацкого народа своевольство, требовал, (л. 128) чтоб для лучшаго к возвращению взятого из-под Красного Яру способа задержать из приезжающих к Оренбургу для торгу киргис касак 30 человек, в том числе от Меньшей, Средней и Большей орд по 10 человек, а притом и посланцов Средней орды Джанбек Тархана, тогда от него в Оренбург присыланных, и содержать бы их при сыне его Козь Ахмет солтане, о чем и дети его ханские письменно просили, только б того, яко оное по их требованию учинено будет, (л. 128 об.) киргис касакам не объявлять. Но губернатор оренбургский, разсуждая, что он хан писал о задержании в Оренбурге киргис касак, приезжающих для торгу, ни для чего иного, как токмо по недовольствию его в требуемой от него сыну его перемене к развращению народа, дабы чрез то их к Оренбургской стороне в озлобление

привести и тем бы ко всяким своим вымыслам лучшей способ возыметь и ежели бы то учинить, то б весь народ в такой страх притти мог, что не токмо б вдаль откочевали, но и самого (л. 129) отчаяния от тамошней стороны ожидать бы надобно или и на явные бы противности возбудились. И для того он, Неплюев, к хану ответствовал, дабы в произшедшей от их плутов продерзости сами для своего покоя и благополучия поправление учинили, и тем бы взятых людей и скот возвратили, а что он хан требовал о задержании киргисцов, и оное учинить не сходно с справедливостью. Но хан по получении такого ответа от губернатора Неплюева, оным весьма (л. 129 об.) огорчился и переводчика Араслана Бекметева взял под караул, ограбил и бил плетью и выбранных 15 человек пленных и 50 лошадей роздал старшинам, а к Неплюеву от себя писал в весьма непристойных и грубых терминах, причем чинил и угрозы и чтоб он губернатор на таком великом расстоянии, то-есть по Тоболу и до устья реки Яика, караулил сам, а он, хан, плутов больше унимать не может. А в прочем и весь народ он хан склонял и развращал на противности, и чтоб они от Оренбургской (л. 130) стороны удалились. Вследствие чего и в 1747 году в генваре месяце немалая киргис касацкая партия, в 500 человеках состоящая, обойдя учрежденные по реке Яику форпосты и миновав Яицкий городок Гурьев, переправились при устье Яика реки морем по льду и, прошед степью к реке Волге, грабительство и отгон скота учинили. Но понеже о сей последней партии от киргис касацких старшин Чабая, Алтая и Кирилбая в Оренбург дано было знать, то яицкие казаки, (л. 130 об.) собравшись с фарпостов во 180 человеках в урочище, имянуемое Зеленой колок, тех киргис касак возвращения ожидали, а 13 февраля в вечеру, когда те киргис касаки и тому урочищу Зеленому колку приближились и хотели чрез реку Яик перебраться возвратно, и тогда вышеписанные яицкие казаки, в команде старшины их Петра Кочурова, на тех киргисцов нападение учинили, и притом из оных до 50 человек на месте побито, и предводитель их киргизец Жултай Сапулатов пойман живой, и у них же киргисцов отбито 102 лошади.

(л. 131) При таковых показанных от киргис касак продерзостях коллегия иностранных дел имела в рассуждении, что, понеже оной коллегии неизвестно от киргис касацкого подданства, так же и Российскому купечеству от торгу с ними киргис касаками какая бы польза была, то не лучше ли бы было, чтоб дать волю, как и напредь сего бывало, волским калмыкам, яицким казакам, башкирцам и другим с стороны Сибирской губернии иноверцам и русским чинить над ними поиски, и самим с ними управляться, чтоб их далее (л. 131 об.) отбить, а между тем от набегов их в Башкирию и к Волге иметь предосторожность в построенных по Яику реке крепостях, о чем о всем оренбургскому губернатору Неплюеву велено было во оную коллегию прислать обстоятельное мнение.

Почему он, Неплюев, от 15 мая того ж 1747 года в коллегию иностранных дел представлял, что содержание киргис касацкой Средней и Меньшей орд в здешнем подданстве нужно в разсуждении зенгорского владельца, который от времени до времени в вящшее (л. 131) усильство приходит и как Большею киргис касацкою ордою, так и принадлежащими киргиским ханам городами Ташкентом и Туркестантом и другими некоторыми со всею Малою Бухариею овладел, а когда к тому и Среднюю и Меньшую орды под свои руки подберет, о чем он всяким образом домогается, то уже толь опаснейшим соседом здешним границам быть может. Сверх того оные же обе орды в здешнем подданстве иметь еще нужно и в разсуждении бывших от киргис касак (л. 132 об.) до вступления их в подданство великих разореней и опустошеней и пленения людей на здешних границах, что все потом

как они подданными учинились, некоторым образом миновалось, ибо, хотя в 1743, 1746 и 1747 годах от них продерзости и происходили, но оные были по интригам Абулхаир хана за держание сына его, к чему хотя он киргис касак яко к воровству склонных разными коварными внушениями развратить мог, однако же прочие владельцы к тому же пристали, следовательно и вся нация в противности не уклонилась (л. 133). Что же касается до торгу с киргис касаками и прочими в Оренбург приезжающими, азиатскими купцами, то хотя оной еще не в таком состоянии, как в предь чаемо, однако же происходит уже с немалою казенною и партикулярною прибылью, так что купцы процент на процент прибыли получают, почему кажется, что ныне уже и никакой нужды нет, дабы в татарские города как то в Хиву, в Бухары и в Ташкент чрез толь дальное и опасное расстояние Российским купцам ездить и караваны свои отпущать (л. 133 об.). А чтоб всем дозволение дать над киргиз касаками поиски чинить и таким образом отбить вдаль, то он, губернатор оренбургский, признавает сие за неполезно, потому что когда за одних бездельников и по причинам, от одной Меньшей орды заданным, позволить на всех поиски, то опасно генерального развращения, к прекращению чего означенного позволения нерегулярным людям будет недовольно, а чтоб оные поиски дозволять на одну Меньшую орду, то со всех сторон быть не могут, ибо она кочует к Оренбургской стороне; да и калмыки (л. 134) и яицкие казаки одни управиться с ними так же не в состоянии, а и крепости тамошние к содержанию безопасности, чтоб были довольны, того обнадежить весьма не можно, яко ограждены одними заплотами и снабдены токмо такими гарнизонами, чтоб, те крепости охраняя, башкирцов обуздать, а киргис касак от обыкновенного воровства удерживать и перенимать. И тако, когда не видно еще генерального в киргис касацких ордах замешания, то кажется лучше их в верности утверждать, (л. 134 об.) хотя отчасти и страхом, но больше добрыми распорядками и пленных отыскивать от них время от времяни, тем наипаче, чтоб хотя б киргис касак от здешних границ и отбить было можно, но в таком случае по их состоянию более от них набегами воровства от них быть может, и нежели, когда они в близости здешних границ кочуют, а притом опасно, чтобы не предались и в другое подданство.

Между тем Абулхаир хан в 1747 году, собравшись, ходил на каракалпак, дабы (л. 135) овладеть их местами, но тамо, не получа удачи, нападал на Аральской народ, где несколько и добылся взятьем многого числа пленников и пожитков; но по задержании в Хиве киргис касак до 150 человек, бывших тамо для купечества, оные пленные отданы обратно, причем слышно было, якобы он проискивал и сего, чтоб ему передаться к персидскому шаху, которой тогда около Бухар имел свои войски для завоевания тамошних малых владений, и будто он хан посылал (л. 135 об.) к шаху посланца, чтоб для произвождения торгу при местечке Куня Ургачь приказал построить город, но было ль в самом деле неизвестно. Совсем тем он Абулхаир хан, отпустя в 1747 году задержанного им переводчика Араслана Бекметева, присылал сюда нарочного посланца с листом на всевысочайшее ее императорского величества имя, которым просил об отпуске сына его Козь Ахмет солтана, в аманатах содержащегося, а притом на оренбургского губернатора Неплюева приносил (л. 136) жалобу, между прочим и в том, что он по его требованию для выручения пленных киргис касак в Оренбурге не задержал, представляя, что сие по известному киргис касацкому своевольству было нужно и у них в обыкновении.

А понеже еще по происшедшей от киргис касак в 1746 году продерзости правительствующему сенату от коллегии иностранных дел 26 генваря 1747 года представлено было о посылке (л. 136 об.) с грамотою

к киргис касацкому Абулхаир хану нарочного для отвращения оного от противностей и приведения его в согласие и дружбу с оренбургским губернатором Неплюевым, а правительствующий сенат потому, как в присланном тогда ж из оного от 31 генваря указе означено, определил в ту посылку употребить бригадира Тевкелева, причем сенат и такого был разсуждения, что ежели Абулхаир хан от своей злобы и противности (л. 137) не отстанет, то б он, Тевкелев, возымел старание его Абулхаир хана от ханства отставить, а вместо его, выбрав в ханы, произвесть из доброжелательных старшин. Но на то коллегия иностранных дел 10 апреля того ж 1747 года сенату учинила представление, что у киргис касак ханы бывают по народному избранию, и потому с российской стороны в то вступать неудобно, тем наипаче, что (л. 137 об.) Абулхаир хан в киргис касацком народе силу имеет не по ханскому уряду, но по его хитрости и великой фамилии, то потому что уже бригадира Тевкелева определено было к Абулхаир хану послать для усмирения оного и соглашения с оренбургским губернатором Неплюевым и он меж тем действительно уже отправлен был, на присланной от Абулхаир хана чрез нарочного (л. 138) посланца лист с жалобою на губернатора оренбургского письмом от канцлера[1] ответствовано было, что оной лист его таким худым письмом писан, что переводчики всего разобрать и перевесть не могли, а усмотрено из оного только прошение об отпуске сына (л. 138 об.) его и что о том высочайшее ее императорского величества соизволение по прежним его прошениям и по ходатайству оренбургского губернатора Неплюева воспоследовало, о чем о всем даст ему знать отправленный к нему и ко всему киргис касацкому народу бригадир Тевкелев; с чем оной его посланец напредь к нему хану и отправлен был.

(л. 139) 1747 года августа от 10 оренбургский губернатор Неплюев в коллегию иностранных дел представлял, что некоторые киргис касацкие Меньшей орды улусы намерены тогда были вниз по Яику кочевать и ежели б оные и на продерзость поползнулись, то и отомстить свободнее, ибо возможно одними яицкими казаками один или два улуса вырубить до самого младенца и тем их в страх привести, и хотя в таком случае право с виноватым разобрать невозможно, но иных средств свободиться (л. 139 об.) от их беспокойств нет, токмо б при том между Царицына и Астрахани надлежащая осторожность принята была.

И на то в указе из коллегии к нему от 31 декабря того ж года между прочим писано, что представление его о усмирении за воровство киргис касак одними яицкими казаками, хотя и здесь в разсуждение приемлется, но ныне за посылкою к киргис касакам бригадира Тевкелева, на то резолюции отсюда дано быть не может, а по свидании бригадира Тевкелева с Абулхаир ханом и по усмотрении того, каким образом порученные ему дела (л. 140) окончаются, возиметь ему губернатору с ним бригадиром Тевкелевым и с войсковым яицким атаманом совет и постановить на мере, дабы впредь, ежели от киргиз касак какая явная продерзость где учинена будет, то, не мешая всех их, а некоторых бы из них на страх другим легчайшим образом, то есть калмыками или башкирцами смирить было возможно, а ему бы губернатору притом осталось хану, старшине и всему каргис касацкому народу истолковать, что хотя калмыком (л. 140 об.) или башкирцам такие поиски чинить указом и запрещено, но они, не стерпя чинимых им от киргис касаков нападений, собою на то мщение поступили, к чему и натуральное право имеют или иначе, как по тогдашнему усмотрению за благо разсудится.

[1] Бестужев-Рюмин, Алексей Петрович (1693—1766) — государственный канцлер с 1744 года.

Что же до бригадира Тевкелева касается, то при отправлении его к Абулхаир хану по данной ему того ж 1747 года июля 4 дня из коллегии иностранных дел инструкции поручено было старание возыметь о нижеследующем:

1. Чтоб Абулхаир хана, старшину и киргис касак (л. 141) от противных намерений и подбегов отвратить и в верности к ее императорскому величеству утвердить и взятых киргис касаками русских людей всех, а калмык и отогнатой ими скот, по крайней мере сколько возможно будет, от них отобрать.

2. Абулхаир ханского сына Козь Ахмет солтана переменить другим его ханским уже и побочным сыном Чингизом, а еще лучше, ежели б притом возможно было взять детей старшин знатных.

3. Абулхаир хана к оренбургскому губернатору (л. 141 об.) Неплюеву приласкать и привести с ним в согласие и дружбу.

(л. 142) По отправлении бригадира Тевкелева к киргис касацкой комиссии 1748 года апреля от 4 дня присланным из правительствующего сената в коллегию иностранных дел указом по доношениям оренбургского губернатора Неплюева дано знать о бежавших 23 сентября 1747 года в киргис касацкую орду, из переведенных от Астрахани и поселенных в Оренбургской губернии живших по Сакмаре реке верстах в одиннадцати от Озерной крепости (л. 142 об.), Кундровских татар, с женами и с детьми лучших и пожиточных 25 семей, в которых мужеска пола 188 душ, в том числе возрастных мужеска пола 150 человек с немалым числом лошадей, и что оные в той киргис касацкой орде в Беряшском роду живут и как Абулхаир хан, так и Сет Тархан и прочие старшины отозвались, что они тех беглецов без совету не отдадут и притом он оренбургский губернатор представлял, чтоб о возвращении оных требование приобщить к комиссии бригадира Тевкелева и по посланном из правительствующего сената к оренбургскому губернатору Неплюеву указу велено, ежели бригадир Тевкелев в киргис касаки отправился, то писать к нему, чтоб он чрез старшин его всевозможными способы тех беглецов возвращения требовал.

(л. 143) И потому бригадир Тевкелев при свидании в Орской крепости у Абулхаир хана и старшин о возвращении реченных беглых Кундровцов старался и только от них получил обнадеживание, что они их держать и за них стоять не будут, а живут они во владении у Нурали солтана в Беряшском роду и чтоб их от него солтана и требовать. И хотя он бригадир потом оных Кундровцов и от Нурали солтана требовал, токмо он оттовариваясь своевольностию киргис касацкого народа, что оного, за неимением у них (л. 143 об.) строгости, к такому исполнению силою привести не может, разве из тех родов, на кого они покажут, или и правые в Оренбурге в баранту задержаны будут, а без того оных принудить нельзя, ибо уже киргисцы на их Кундровских татар дочерях поженились, да и сами они Кундровцы, опасаясь наказания, возвратно на прежние жилища не пойдут, разве прощение получат, чем реченный бригадир Тевкелев его Нурали солтана хотя и обнадежил, токмо оных Кундровцов ему Тевкелеву не возвращено.

В прочем помянутой бригадир Тевкелев в июле месяце 1748 года и с Абулхаир ханом при Орской крепости виделся, куда Абулхаир хан по призыву его, бригадира, со всеми его детьми и Меньшей орды, а притом некоторые из Средней орды старшины приезжали, и притом хан и старшина письмянно обязались впредь никаких продерзостей не делать и русских пленников, так же скот и пожитки их собрав немедленно привести в Оренбург, а о калмыках (л. 144) впредь до указу дано им сроку и принято от них на имя ее императорского величества доношение, которым представили, что и у них калмыками взято много, причем хан и сына своего Козь Ахмет солтана, до того времени в ама-

натах содержащегося, другим своим сыном Айчувак солтаном, рожденным от настоящей его жены, переменил, а с ним же Айчуваком взято в аманаты и старшинских детей четыре человека.

Между тем в 1747 году [1] из Оренбурга (л. 144 об.) получено было известие, что Средней киргис касацкой орды к Барак солтану того 1747 года весною присыланы были от нового зенгорского владельца Цебек Доржи 2 кашкарца с требованием, чтоб он, Барак, прислал к нему в аманаты сына своего и, вместо дани, 60 иноходцев, угрожая ежели того не исполнит, войною, но Барак, по представлению случившегося тогда при нем посыланного к нему из Оренбурга казака Арапова и по совету старшинскому, при том случае по требованию зенгорского владельца не исполнил.

(л. 145) В том же 1747 году мая от 11 дня отправленным из коллегии иностранных дел к оренбургскому губернатору Неплюеву указом определено, чтоб за киргис касак из Башкирии и из казанских и оренбургских татар в замужество невест не отпускать, так же башкирцам и татарам на киргис касачках жениться не дозволять, а другим, отправленным к нему ж губернатору от 31 декабря того ж года, указом велено было ему разсмотреть для лучшей (л. 145 об.) от набегов киргис касацких безопасности, не возможно ли обе стороны реки Яика в пристойных местах в осеннее время степь выжигать. На что он сюда доносил, что он по представлению ему войска яицкого усмотрел, коим образом по здешнюю сторону Яика степь выжигать не полезно и для того он помянутое войско определил, чтоб только по ту сторону реки Яика в осеннее время степь до самого Каспийского моря выжигать, что и здесь тогда ж апробовано.

(л. 146) И понеже при тогдашних с киргис касаками делах потребно стало, как о состоянии их, так и о кочевании несколько обстоятельно знать, того ради бригадир Тевкелев по указу, из коллегии иностранных дел к нему посланному, в том же 1747 году сочинил и в коллегию прислал о имеющихся в киргис касацких ордах родах описание, а к тому и из Оренбурга от тайного советника Неплюева получено здесь известие и о кочевании киргис касацком.

В том от бригадира Тевкелева о родах киргис касацких сочиненном описании означено следующее. (л. 146 об.) в Меньшей орде:

Сильной род Алчин, а Алчин розделяется на двое, то-есть Каракисяк и Байулы.

Каракисяк всех сильнее, и счисляется шесть родов, а именно:

Чекли Каракисяк Чюмекей Дюрткара Каракете Карасакал	В сих шести родах владельцем был Абулхаир хан.

Байулы против Каракисяк посредственны, а счисляется 12 родов, а именно:

Адай Джабас Алача Байбакты Берчь Маскар Тазлар Исентемир Алтин	В сих двенадцати родах Нурали салтан.

[1] В подлиннике хронологическая непоследовательность рассказа.

Шихлар
Черкес
Тана
} В сих двенадцати родах Нурали салтан.

Чедтиру, то-есть семь родов, в Меньшей орде самые безсильные роды, а имянно:

(147 об.) Табын
Тама
Кердары
Кереит
Джагалбаклы
Тиляу
Рамадан

И вышеупомянутой Чедтиру, то есть семь родов, соединены вместе при Тевке хане, по такой причине оные семь родов были по одиночке, а Алчинцы, которые разделяются на двое — Каракисяк и Байулы — и их родов множество, и были пред ними сильны и Алчинцы тех (л. 148) семь родов по-одиночку всегда обижали, а те по-одиночке у Алчинцов по их киргис касацкому обычаю, для возвращения своей обиды от них брать баранту были не в состоянии, и всегда они от Алчинцов раззорены бывали, и для того вышепомянутые роды просили одного Тевке хана (который Тевке хан тогда жил в Туркестанте), чтоб их от Алчинцов каким ни есть способом оборонить, и он Тевке хан был человек умный и у киргисцов в великом почтении, однако, хотя и почитали (л. 148 об.), а никакого от него по их обычаю страху не имели и его никакой власти не было, и по своему уму тем мелким и одинаким родам оного способу их освободить от Алчинцов от раззорения сыскать не мог, но те все вышеописанные одинакие роды соединил в одно место, и назвал Чедтиру, то-есть семь разных родов соединены в одно место, и егда от Алчинцов из них хотя одному роду учинена будет обида, чтоб они все семь родов, соединясь вместе, от Алчинцов брать баранту были в состоянии, и от того времяни и звание они (л. 149) имеют Чедтиру и баранту берут, соединясь, у Алчинцов все вместе, однако хотя и семь родов в одно место соединены, перед Алчинцами весьма безсильны.

А у киргисцов настоящих никаких прав нет, и письмянного ничего не производится, ежели что и случится, то третейским судом на словах по натуральным правам разводятся и в тот третейский суд выбирают из обеих стран кого пожелают, токмо тот суд того и пилнует, от кого неправильная обида зачнется, (л. 149 об.) того виннным и делают, а неволею никто никого, ниже хан в суд привести не может, и в таком случае, ежели кто кого обидел, а добровольно разделаться не хочет, тогда за обидимого его род весь вступится и станут брать баранту, а ежели кто обижен, и его род смелее и больше баранту берут от того, кто обидел, и тою силою привлекают скорее к прекращению ту ссору, и потом того, кто обидел, принужден будет со всем своим родом искать третейского суда кого из обеих сторон изберут прекратить ту ссору и обидимое возвратят, (л. 150) а иногда за наглость и штраф наложат и того суда уже из них никто опровергать не может, а больше у них никаких других прав нет, только разводятся третейским судом, и то на словах, а ежели тот обидчик третейским судом добровольно разделаться не захочет, тогда, кто обижен, его род весь возстанет, обидимое возвратить барантою принудят.

А Меньшая орда кочует на вершинах реки Орь (л. 150 об.) и реки Илек и по реке Эмбе и ниже Яицкого городка на впадающих речках в реку Яик и даже до Гурьева городка и до Каспийского моря.

В Средней орде.

1.

Сильный род Аргин, счисляется 16 родов, а имянно:

Каракисяк Аргин Сарчетем Чакчак Аргин Каравол Кисяк Аргин Атагай Аргин Тобоклы Аргин Басантиен Аргин Канджигали Караул Аргин Джанджар Аргин Тюрчт Увол Аргин Алтай Аргин Тебеч Аргин Борчи Аргин Картак Аргин Агиш Калкаман Аргин Козуган Аргин Кокшал Аргин	В сих родах владельцами Барак солтан и Аблай солтан.

2.

Найман, счисляется 11 родов, против Аргинского роду средственной, а имянно:

Ак Найман Бура Найман Булатчи Найман Карагирей Найман Терс Тамгалы Найман Дюрт Уол Найман Кук Джарлы Найман Иргенякли Найман Семиз Найман Баганалы Найман Садыр Найман	В сих родах владельцом Карачакал, токмо имя его ныне время от времени меньшится.

В Средней же орде Кипчак счисляется 9 родов, и пред Найманским родом безсильнее, а имянно:

Торы Аигыр Кипчак Кук Борон Кипчак Туючка Кипчак Вытабак Кипчак Бултун Кипчак Карабалык Кипчак Танабога Кипчак Кундялян Кипчак Узун Кипчак	В сих родах владельца нет.

3.

Увак Гирей, в трех родах, так же соединены от Тевке хана, как и в Меньшей орде 4 рода, токмо сии три рода, хотя в Средней орде всех родов безсильнее да всех богатее, а имянно:

Увак Гирей Тараклы	В сих трех родах владельцом Абулхаир хана сын Нурали солтан, который во-первых был взят в аманаты; к сим вышепомянутым трем родам, сами собою пристали один род называемый Тялянгут, а Тялянгут значит ханского двора служитель.

И оная Средняя орда кочует по реке Тоболу и по реке Ишим и на вершине реки Иртыш и на урочище Куктав.

В Большей орде

10 родов все генерально называются Оуйсюн, а от оного звание разделилося и имянуются, а именно:

Ботбой Оуйсюн Черм Оуйсюн Джанес Оуйсюн Сикам Оуйсюн Адбансуван Оуйсюн Сары Оуйсюн Слы Оуйсюн Чанечклы Оуйсюн Канлы Оуйсюн Чалаер	А владеет ими Ташкентский хан

Во оной же Большей орде один весьма сильный род Конград, и оной род принадлежит к Средней орде, ибо из давных лет (л. 153) от Средней орды отстал и кочует с Большою ордою вместе и оной род Конград разделяется на 9 родов, а имянно:

Байлар Джанджар Конград
Оразгелди Конград
Кулджегачь Конград
Бочман Конград
Ток Булат Конград
Яманбай Конград
Каракуся Конград
Етимляр Конград
Куюш Кансыз Конград

А в Большой орде ханов выбирают из киргис касацких салтанов, а хан у них жительство имеет в Ташкенте. (л. 153 об.) А ныне у них хана нет, и ханы у них не наследные, но выборные, потому и прежних ханов никто не знает, понеже у них письменных историй не имеется.

А в ведомости, учиненной по скаске употребляющихся в посылки в киргис касацкие орды оренбургских казачьего урядника Федора Найденова да казака Ивана Лапина, о кочевании Меньшой и Средней киргис касацких орд показано следующее.

Меньшая орда кочевье имеет зимою:

По Камышлы Иргизу и Тайлы Иргизу речкам, которые (л. 154) вышли с северной стороны из Могалярских гор из Заорских вершин и пали в реку Улу Иргиз, так же и по Улу Иргизу, которая вышла со степи с северной же стороны и пала в озеро Аксакал, вершины же всех оных от Орска скорою ездою дней около трех.

По озеру Аксакалу на правой стороне от Орска, до которого разстояния от оной Орской крепости езды дней с семь, а пало то озеро, розбившись на разные протоки в Сырь-Дарью реку.

При урочище Каракуме, лежащем по сю сторону Сырь-Дарьи реки, разстоянием (л. 154 об.) до оного от Аксакалу езды один день, а от Орска дней с восемь, отколь по самую уже Сырь-Дарью реку пошли все пески, и киргисцы водою тут довольствуются из выкопанных колодезев и из текучих ключей.

Еще при Турнаке, Турнак же называется большей камень, который лежит на устье самой Сырь-Дарьи реки на берегу, разстоянием от Оренбурга езды дней с 15.

Да в другую сторону по реке Эмбе, которая вышла из лежащих гор за рекою Илеком и пала в Горькое (то есть Каспийское) море, и по впадающим в нее по обоим (л. 155) сторонам речкам, до которой разстояния от Оренбурга езды дней с восемь.

По речкам Калдыгайты и Бултурты, а по казацки Утвы, которые вышли с полуденной стороны и пали одним устьем в Яик реку разстоянием от Илецкого городка вниз езды дни полтора.

По двум же речкам Уиле и Кииле, которые от Оренбургской стороны текут на запад и пали в озеро Каракул, разстоянием до тех мест, где кочуют, езды от Оренбурга дней 6 и 7.

(л. 155 об.) При озере Каракуле, которое лежит ниже Яицкого городка между Эмбы и Яика, разстоянием от Яицкого Антонова форпоста езды дни 3.

По ту сторону реки Эмбы от Оренбурга прямо в полдни, при урочищах Малом да Большом Бурсуках, то-есть песках, до которых разстояния от Эмбы езды дни с 4, а от Оренбурга дней с 12, и тут водою довольствуются снежною, а пока снег не выпадет, то из колодезев.

Летом по реке Кобде, лежащей за Илеком рекою в полуднях, (л. 156) и по впадающим в нее со обоих сторон речкам, коих есть немало, разстояния до оной от Оренбурга езды полтора дни, а пала она в Илек реку недалеко от устья.

Еще по Илеку реке, которая от Оренбурга разстоянием один день езды, и по впадающим в нее речкам со обоих сторон, которых есть такожде немало, а пала она в Яик реку пониже Илецкого городка.

По двум рекам Бердам, которые пали в Яик повыше Оренбурга (л. 156 об.) одна верстах в 15, другая — немного пониже Красногорской крепости, состоящей от Оренбурга в 70 верстах, и по впадающим в них речкам.

По реке Ибейте, коя пала в Яик против Ильинской крепости, до которой от Оренбурга вверх по Яику 154 версты, и по впадающим в нее речкам.

По реке Мурзабулаку, коя пала в Яик ниже Орска, верстах в 15 и по впадающим в нее речкам.

По Оре реке, коя пала в Яик пониже Орска верстах (л. 157) в 4, и по впадающим в нее речкам, а имянно: по левую сторону — Минлибаю, от устья Орского вверх разстоянием верстах в 25, по правую сторону — по Камышле разстоянием от устья Орского вверх езды полдни и по прочим, коих есть немало.

По рекам Ярлыке и Кумаке, кои сошлись в одно устье и пали в Яик выше Орска верстах в 25 и по впадающим в них речкам, коих есть немало.

По реке Сундуке, коя пала в Яик против (л. 157 об.) Кизылской крепости, разстоянием от Оренбурга вверх по Яику в 454 верстах, и по впадающим в нее речкам.

Из оных рек и речек на Оре, Минлибае, Камышле и по прочим впадающим в Орь, по Ярлыке, Кумаке и по Сундуке и по впадающим в них, хотя больше улусы Меньшой орды кочевье имеют, однако часто бывает, что и Средней орды некоторые кочуют.

Средняя ж орда Чаргитим Чакчатской и Кипчатской, в которых (л. 158) старшиною Джанбек Тархан, так же несколько улусов и Гирейского родов, с вершин Тоболу реки, до устья Уя реки, при которой Усть Уйская крепость, состоящая от Оренбурга в 916 верстах.

И по Чортанлыку и Гилкувару рекам, кои впали в Тобол же реку по сю сторону недалеко от вершин оной и по впадающим в те две реки мелким речкам, разстоянием до оных от верхояицкой крепости, состоящей от Оренбурга в 582-х верстах, езды дни полтретья.

(л. 158 об.) По реке Каят, коя пала по сю ж сторону в Тобол, ниже оных двух Чортанлыка и Гилкувара рек, и по впадающим в нее мелким же речкам, разстоянием до оной от Усть Уйской крепости езды дни 2.

На оных местах, кроме Турнаку, на всех Найденов сам был, а и Лапин, кроме лежащих вниз к морю мест, был же, одного ж, хотя где и не был, только довольно слыхал, что все те места о киргис касацком кочевье написаны правильно.

(л. 159) Сверх того единственно Лапин показал, что прочие Средней орды, так же частью и Джанбекова ведомства улусы, обыкновенно как зимою, так и летом, переходя с места на место кочуют.

По озеру Чалкару, лежащему при горе Карачатау, разстоянием, едучи от Орска, вверх по Оре, и оставя оную вправо вверх по Камышле до вершины, и с оной на помянутое озеро 3 дни езды, и так оное озеро будет от Орска в левой стороне.

(л. 159 об.) По трем рекам Улкуякам, которые вышли от вершин Тоболу реки, по ту сторону, и пали в Тургай реку в полу дни, разстоянием до вершин их от Чалкару 2, а от Орска влево 5 дней езды.

По Текетурмасу речке, которая вышла из гор же от стороны Тобольной вершины и пала в Саратургай, разстоянием от Улкуяков день, а от Орска влево 7 дней езды.

По Саратургаю реке, которая вышла с Сибирской стороны, от вершин (л. 160) Ишимских и пала в Тургай реку, которая называется Большой Тургай, разстоянием до оной от Текетурмасу полдни, а от Орска влево езды 7 дней с половиною.

Да по озерам Карсакбашам, которые имеются между вышеписанных Тобольных и Сартугайских вершин и оных есть немало.

По реке Большому Тургаю, которая вышла из Сибирской стороны, из гор, недалеко от Ишимских вершин, и пала в Аксакал (л. 160 об.) озеро, разстоянием до оной от Саратургая полдни, а от Орска влево 8 дней езды.

По Аксакалу озеру с левой стороны от Орска ж, при котором по правой стороне, как выше значит, и Меньшая орда кочует, чем оные орды между собою и разделяются, то есть что по правой Меньшая а по левой Средняя орды кочевье свое имеют.

По реке Жилану, которая вышла от Зенгорской стороны, из Улутау, то-есть из Большой горы в полдни и пала в землю разстоянием (л. 161) до оной от Большого Тургая день, а от Орска влево 9 дней скорой езды.

По Усь Узюке, то-есть по трем истокам, которые вышли от Бухарской стороны с полуден и пали в Аксакал озеро, по ту сторону оного.

На всех тех местах он Лапин сам бывал.

Да как слыхал, по вершинам реки Ишима от Жилану реки в левую сторону, разстоянием от оной Жилану езды дней с 6, а от Орска дней с 15.

А дальние улусы, как слыхал же, кочуют (л. 161 об.) по реке Сарасуве, которая вышла из Зенгорской стороны и прошла к стороне Сыр-Дарьи реки близ Туркестанта, разстоянием до нее от Жилану дней с 6, а от Орска, на пример, езды дней с 15.

Между тем Абулхаир хан в 1748 году по свидании его в Орской крепости с бригадиром Тевкелевым и по отдаче сына своего Айчувак солтана, возвращаясь в свою орду, уведомился, что из нижних каракалпак тысячи с две кибиток, от нападков его ханских отделясь от прочих, шли сами в киргис-касацкую орду, к которым как он хан, так и Средней орды Барак солтан выехали к ним навстречу, (л. 162) но Барак, упредя его хана, их каракалпак к себе захватил, а ему хану другие сказали, что он Барак их разобрал, разграбя, почему он хан к нему Барак солтану посылал с выговором, присвояя их каракалпак себе и изъявляя чрез то их разграбление от него, Барака, себе обиду, и требовал их от него к себе отдачи и персонального свидания. А как скоро Барак оное от него хана услышал, то под видом той его хана к себе досады, севши с бывшими при нем (л. 162 об.) киргисцами на лошадей, не сказав ничего, вдруг на него хана учинил нападение, и притом хан по нескольку драке с стороны Бараковой одним киргисцом так жестоко ударен копьем, что и с лошади упал, а Барак солтан, сверх того слезши с своей лошади, его хана уже лежачего раза с три в живот ножем приколол и тако он хан того ж часа и умер. И Барак с своими людьми отъехал, но у киргисцов (л. 163) как с его ханской, так и с Бараковой стороны драки притом не было. О убийстве ж Абулхаир хана Барак солтаном и ханша его Пупаи к оренбургскому губернатору советнику Неплюеву писала с тем, что он после себя приказывал быть ханом сыну своему Нурали солтану. Но что касается до убийцы его хана Барак солтана, то он после сего случая в небольшом числе кибиток ушел в Зенгорскую сторону, и, как слышно было, и известного башкирца Карасакала, который называл себя (л. 163 об.) братом Зенгорского владельца Галдан Череня, в угодность зенгорцов, отравил и сам держался около городов Ташкента и Туркестанта, но после того в таком состоянии умер, и едва ль с стороны нынешнего киргис касацкого Нурали хана сына Абулхаирова не отравлен.

По смерти же Абалхаир хана на место его киргис касацким народом выбран в ханы сын его Нурали солтан, но притом же от некоторых немногих киргис касак выбран в ханы же и еще киргис касацкой (л. 164) Меньшей орды Батырь солтан.

А понеже для высочайшего ее императорского величества интереса нужно было, чтоб киргис касаки при избрании ими нового хана о подтверждении того просили ее императорское величество, то они по приложенному тогда о том старанию и доведены были до того, что в 1748 году присылан был от них (л. 164 об.) сюда новоизбранного Нурали хана зять Джанбек солтан со всеподданнейшим прошением о подтверждении их избрания, почему он вначале 1749 года допущен был пред ее императорского величества и притом говорил речь, прося о всемилостивейшем оного их избрания подтверждении, на что ему высочайшим ее императорского величества имянем чрез канцлера ответствовано, что ее императорское величество всемилостивейше (л. 165) то подтверждать изволит. Потом оной Джанбек солтан с тем отсюда отпущен и с ним отправлена грамота ко всем киргис касацким солтанам, беям, старшине и народу, которым дано им знать, что избрание их всемилостивейше конфирмовано, а к оренбургскому губернатору Неплюеву послан был указ, чтоб он нового хана привел к присяге в должной к ее императорскому величеству верности, что 10 июля того ж (л. 165 об.) 1749 года и действительно учинено следующим образом.

Нурали хан приезжал для того к Оренбургу и недалеко от оного города в поставленном за рекою Яиком лагере при собрании киргис касак стоя на коленях присягал, и притом получил от оренбургского губернатора Неплюева всемилостивейшей ее императорского величества на ханство его диплом, который читан был публично сперва на россий-

ском. а потом перевод с него на татарском (л. 166) их языке, а напоследок надета была на него шуба, покрытая богатою золотною парчею, и шапка и дана ему сабля с приличною надписью на российском и татарском языках, при оном же отсюда отправлении Джанбек солтана послана с ним к новому киргис касацкому Нурали хану и другая грамота, в которой к нему писано, что понеже за смертию отца его Абулхаир хана, по учиненному (л. 166 об.) от него обещанию, российских пленников еще не отдано, и того б ради уже он по тому исполнение учинил, так же и калмыцких пленников по возможности собирал, ибо хотя отцу его в сих последних и посрочено было, по такой причине, что он хан имел здесь представлять коим образом и калмыками у них взято много скота и лошадей, но что когда у них калмыками взято, того ничего в прошении его изъяснено не было.

(л. 167) В прочем оной Нурали хан, в бытность его при Оренбурге, брата своего Айчувак солтана, в аманатах содержащегося, переменил другим своим братом Адиль солтаном, но притом он и братья его просили о даче им войска для отмщения Барак солтану за убийство отца их, однако ж он от того пристойными резонами отведен; но что принадлежит до соперника его Батырь солтана, некоторыми немногими киргис касаками (л. 167 об.) в ханы же избранного, то он со здешней стороны оставлен в пренебрежении, да и в киргис касацкой орде никакой силы не имеет.

Между тем, бригадир Тевкелев в том же 1749-м году коллегии иностранных дел представление учинил, каким (л. 168) образом по его разсуждению киргис касак в подданстве ее императорского величества утверждать и с ними поступать надлежит. А оное его представление состояло в том, чтоб киргис касацкому хану определить годовое жалованье, управляться с ними барантою, а для отлучения Средней киргис касацкой орды от зенгорской стороны учредить для них в Орской крепости другой торг, на что оренбургский губернатор Неплюев с своей стороны делал возражении, (л. 168 об.) представляя особливо о баранте, что через то киргис касацкой хан усилиться может, что все довольно в коллегии иностранных дел разсуждаемо было. И потом 9 ноября того ж 1749 года такая резолюция учинена, что хотя киргис касацкому хану довольного жалования определять и не для чего, однако же для приохочивания оного хана и старшин к свободному в Оренбург чрез киргис касацкую орду пропуску бухарских, хивинских и других азиатских купцов с товарами и чтоб он о противных (л. 169) намерениях киргис касак, ежели когда сам удержать не может, заблаговременно знать давал, за благо разсуждено: определить ему в год жалованья по четыреста рублев, да под имянем тамошних командиров по двести рублев, в таком случае, когда он находящихся у них в полону россиян и калмык выберет, а баранта тем коллегии иностранных дел определением — в случае чинимых от некоторых киргис касак к здешней (л. 169 об.) стороне обид, а не во время общей от всего народа противности, для получения потому от них удовольствия и яко обыкновенное у них дело, и от оной коллегии признана за нужно в таком рассуждении, что усиливание чрез тот способ хана, когда его и старшинские дети в российской стороне в аманатах содержатся, предосудительным интересу ее императорского величества быть не может, ибо, ежели хана и до малого над киргисцами (л. 170) усилия не допускать, то уже и звание его будет пустое и иждивение, употребленное при конфирмации его, пропадет напрасно, потому что он киргисцов от обыкновенного их воровства унимать будет не в состоянии и тако того и взыскивать будет не на ком. А учреждение в Орской крепости другого для киргис касак торгу и от коллегии иностранных дел признано за неудобно.

Нурали же хан, учинясь вышеписанным образом (л. 170 об.) в киргис касацкой орде ханом, посылал от себя к зенгорскому владельцу нарочного посланца со объявлением о своем ханстве и притом сватать за него Абулхаир ханову дочь, рожденную от калмычки. Почему и от зенгорского владельца к нему, Нурали хану, присыланы были нарочные посланцы, которым оный хан ту свою сестру чрез их киргиской обычай и показывал и для того отправил с ними к зенгорскому владельцу родственника своего (л. 171) Карабаш солтана и при том писал о сем их сватовстве, упоминая, что оное между ими началось еще и при отце его Абулхаир хане и для того б оное ныне окончать, а в киргис касацкой орде тогда разглашалось, что зенгорской владелец ту его сестру за себя взять и за нее вместо калыму город Туркестант им дать хочет и притом Нурали хан по отъезде своем в орду писал к оренбургскому губернатору (л. 171 об.) Неплюеву обще с братьями и с матерью своею, что на том месте, где отец их Абулхаир хан погребен, намерились они построить знатное строение и просят, чтоб для того прислать к ним людей две тысячи или тысячю человек, а то строение может окончено быть чрез 15 дней, разстояния от Орской крепости до того места не далее пяти дней, объявляя при том, что ежели сего учинено не будет, то мать их и прочий народ намерены ханское тело (л. 172) выкопать и отвезти в Туркестант и ежели так сделается, то мнят и опасаются, чтоб за телом отца и народ их к отъезду, то-есть к откочеванию, совершенного намерения не возымел и, чтоб сие их мнение признавать за непоследнее.

Почему отправленным тогда при первом случае из коллегии иностранных дел к губернатору оренбургскому Неплюеву от 2 ноября 1749 года указом рекомендовано оного (л. 172 об.) Нурали хана до тесной дружбы, а до сватовства с зенгорским владельцом удобвозможным образом не допускать, толкованием ему чрез нарочно посланного, что из того для самих их опасность быть может.

А что касается до прошения его о строении над телом отца его гробницы, то здесь оное принято было за явку, которою он намерение свое к отдаче сестры своей за зенгорского владельца и к получению (л. 173) от него города Туркестанта прикрыть и при случае от здешней стороны за то выговора тое явкою себя защитить надеется; того ради в отвращение желания их к получению Туркестанта оным же указом оренбургскому губернатору Неплюеву предписано было, по разсуждению с тамошними татарами, сочинить план гробнице, какова имела быть над могилою Абулхаир хана, с некоторым для житья их строением и послать (л. 173 об.) оной с нарочным офицером к Нурали хану и письмом его к нему показывать к вышепомянутому строению склонность, объявя, что весною им место осмотрено будет, есть-ли там к тому строению камень и для делания кирпичей глина и дрова и тем продолжить время, а и в самом деле, ежели к строению найдется тамо удобное место, то коллегия иностранных дел тогда разсуждала, что неизлишно бы было построить тамо по их желанию гробницу и некоторое каменное (л. 174) строение, чтоб впредь киргис касацкие ханы и солтаны имели тамо кладбище и того места яко от российских городов не в дальности находящегося, придерживались и что требуемое Нурали ханом строение можно в летнее время построить и пятьдесят человеки, взяв за них от киргис касак в заклад человек пять знатнейших старшин детей.

А потом в том же 1749 году для разорвания того происходящего (л. 174 об.) у Нурали хана с зенгорским владельцом сватовства и тесной дружбы и в упреждение того, чтоб и с ним новым киргис касацким Нурали ханом в разсуждении аманатов такого же затруднительства не произошло, какое напоследи с отцом его Абулхаир ханом было,

потому что и он при свидании его с оренбургским губернатором Неплюевым, последнего брата своего Адиль солтана, тогда в аманатах содержащегося, сыном своим за малолетством детей своих, переменить отрекся, а напротив того представлял (л. 175) того ж брата своего, не от настоящей ханши рожденного Чингис солтана, который и от отца его принят не был, по определению коллегии иностранных дел отправлен в Оренбург паки бригадир Тевкелев, причем в указе к оренбургскому губернатору Неплюеву писано было, что ежели по прошению его от ее императорского величества всемилостивейшее соизволение воспоследует о бытии ему сюда, то б он в отсутствии своем и все киргис касацкие дела по оренбургской (л. 175 об.) губернии поручил ему ж бригадиру Тевкелеву.

А между тем, по силе оного из коллегии иностранных дел к оренбургскому губернатору Неплюеву отправленного указа, посылан был от него к Нурали хану киргис касацкому переводчик (л. 176) Гуляев, которому, как он губернатор 1750 года февраля от 1-го дня в коллегию доносил, Нурали хан изъявляя радость свою, о полученном позволении о строении над могилою отца своего и о предъявленной от губернатора склонности на баранту, объявил, что он, хотя по высочайшему ее императорского величества повелению в киргис касацкой орде ханом и определен, токмо за неимением над киргис касаками власти, ни в чем по силе указов исполнение чинить против наместника ханства калмыцкого Дондук Даши не в состоянии, чего для намерен он просить о построении ему с матерью и со всею его фамилиею (л. 176 об.) по Илеке реке при урочище Биштамак городка, где б он с матерью безвыездно зимою и летом пребывание свое имел, а братьев своих по разным улусам управителями бы распределил и чрез то б в орде лучшие порядки и исполнение по указам производил. Но помянутой переводчик Гуляев, с своей стороны, притом усмотрел, что киргис касацкие около хана кочующие знатные старшины весьма опасными себя от России показывают, а иные из старшин и подлых говорят, что на низу их в тех (л. 177) местах, где они зимой кочуют, россияне строить крепости начинают, а и наверху на летнем их кочевье под видом яко над могилою Абулхаир хана построится хотят, и тем их кочевья затеснить и их киргисцов так, как башкирцов, окружить желают, токмо они тому, как башкирцы, стерпеть не могут и откочуют на другие дальние места.

Потом он же оренбургский губернатор Неплюев (л. 177 об.) обще с бригадиром Тевкелевым от 10 марта и 9 мая 1750 года в коллегию доносил, что на том месте, где Абулхаир хан погребен, к строению гробницы никаких способов не найдется, ибо не только лесу и извести, но и воды поблиску нет, и для того советовали они хану, чтоб кости отца его взрыть и перенесть к реке Эмбе на то место, где один знатный поп погребен, а там не токмо над могилою гробница, но буде похочет, (л. 178) то для зимнего его пребывания и крепостца с покоями да и мечеть построена быть может, что и от коллегии иностранных дел посланным из оной к ним от 23-го августа указом апробовано, кроме того одного, чтоб впредь хана строением мечети не обнадеживать, ибо оной казенным коштом, а особливо христианскими руками строить непристойно (л. 178 об). И хотя потому от губернатора оренбургского Неплюева обще с бригадиром Тевкелевым к Нурали хану по делу о строении над телом отца его гробницы несколько нарочных посылок было, только до осмотру того места не дошло, и хан напоследи и сам к тому строению великого желания не предъявлял, а слагался в том больше на мать свою, причем оное дело неисполненным и осталось.

(л. 179) В том же 1750 году Нурали хан с братьями и старшинами был в приезде в Оренбург и до того времени содержащегося в амана-

тах брата своего Адиль Солтана переменил (л. 179 об.) родным своим сыном Перали солтаном, а что до бывшего его сватовства с зенгорским владельцом касается, то оное за умерщвлением тогдашнего зенгорского владельца само собою рушилось.

Причем губернатор оренбургский Неплюев и бригадир Тевкелев коллегии иностранных дел от 23 августа представляли, что и в разсуждении его ханского с фамилиею откочевания по отдаче им ханом в аманаты родного (л. 180) своего сына никакого сумнения нет, да и некуда, ибо к кочеванию их толь способных и пространных мест, каковы нынешние, по тамошнему сведению, нигде не находится, а об отдаче находящихся в киргис касацкой орде здешних пленников ему, хану, в бытность его в Оренбурге губернатора Неплюева и бригадира Тевкелева надлежащим образом напоминаемо было с представлением поступить и на баранту, им напредь сего требованную, и хотя он в разговорах несколько и от оной уже отрицался, однако же наконец остался притом, что он, будучи в орде, будет с лучшими и надежными ему старшинами советовать и, ежель добровольно сбирать и отдавать не станут, то они будут другие к тому способы примышлять.

(л. 181) В том же 1750-м году оренбургский губернатор Неплюев по общему с бригадиром Тевкелевым разсуждению для воздержания киргис касацкой орды от противностей и продерзостей и для способности ко взятью дозволенной по разсуждению коллегии иностранных дел, баранты и для разпространения комерции и усильного Средней орды Аблай солтана и Джанбек Тархана прошения и способности к приезду азиатским купцам, за необходимо признали учредить на Уйской линии в Троицкой крепости (л. 181 об.) другой торг и ярмонку и для того с вешнего времени для той Средней орды и азиатских купцов торг и мену тамо позволили всеми товарами и во всем на таком же основании, как оной и в Оренбурге производится.

В прочем в том же 1750 году июня 14 дня из коллегии иностранных дел в камор-коллегию послана промемория, которою требовано, чтоб по Каспийскому морю до реки Эмбы рыбы ловить никого не допускать, на что коллегия иностранных дел (л. 182) поступить такую возымела причину: понеже в том месте отданы были рыбные ловли из оброку астраханскому купцу Алексею Курочкину, но киргис касаки, те места называя своими, не допускали рыбы ловить и морской рыбный стан и работных людей осадом осадили, почему оренбургский губернатор Неплюев сюда представлял, что киргис касаки, видя за форпостами и к себе в близости тот рыбный стан, (л. 182 об.) набегом и нападением, а особливо к увозу имеющихся тамо людей соблазниться причину имеют, а охранять оной с яицких форпостов или взятых ими в плен людей отыскивать — невозможно, а притом о том рыбном стане разглашалось в киргис касацком народе, яко бы тут от стороны Каспийского моря ко вреду их строится российская крепость.

(л. 183) В 1751-м году оренбургский губернатор Неплюев и бригадир Тевкелев правительствующему сенату и в коллегию иностранных дел представляли, что оренбургская комерция время от времени приходит в возращение, и еще с 1747 году приезд народов из Великой Татарии и Бухарии умножился, но 1747 и 1748 годов и привозе были их бумажные товары, а в 1749 серебра более 1 000 пуд, в 1750 же году не только серебра со излишком против 1749 году, но и золота в бухарской, персидской и индейской монетах (л. 183 об.) по запискам в Оренбурге и в Троицкой крепости близ 6, а с дробно входящим надежно чаятельно близ 10 пуд вышло; и потому для толь вящшего распространения оренбургской коммерции признавали они за нужно стараться: 1. Чтоб тамошним народам от киргис касаков свободный проезд был. 2. С хивинским ханом и с тамошним обществом добрую корреспонден-

цию оренбургскому командиру иметь, яко дальнейшим народам путь в Оренбург лежит всем чрез хивинское владение. 3. Посылкою малых караванов из Оренбурга (л. 184) простираться ознаемить купечество в Балх, в Водакшан и в Кабул, первый город Индии, принадлежащий, и с тамошними владельцами оренбургскому командиру корреспонденцию свести. И вследствие того киргис касацкому хану письмом от канцлера рекомендовать о безопасном азиатских купцов препровождении, а при том и старшин надежных к тому приводить, дабы они летом на степи так располагались, чтоб караваны либо его ханскими свойственниками (л. 184 об.) или знатных старшин детьми препровождаемы были, толкуя им из того собственную их пользу, яко они за то от караванов получают плату, а к хивинскому хану отправить нарочного способного человека, дабы чрез него с ханом и с знатными тамошними людьми оренбургскому командиру доброе согласие основать и их намерения и мнения о здешнем купечестве узнать и потребное им внушать, а в прочем для сего учредить компанию, к чему, по их мнению, способными находились торгующие в Оренбурге московские купцы: (л. 185) 1. Гаврила Журавлев, 2. из армян Василей Макаров, 3. из греков Иван Михайлов сын Мавроди, 4. синбирской купец и ведомства Оренбургского медный заводчик Иван Твердышев. 5. оренбургской торговый татарин Абдул Хаялин. 6. ростовец Алексей Кекин, потому, что они, хотя б и убыток какой иногда произошел, они, яко зажиточные люди, снести могут. А им, отпуская караваны свои так далеко, как токмо возможно будет, с безопасностию, когда куда проехать и чрез такой способ стараясь (л. 185 об.) и до самой Индии путь отворить, в Бухарии, яко в безопасном месте, всегда людей своих иметь, яко оттуда дальнейшие отпуски быть имеют, также и в Хиве человека или двух содержать же, чтоб они с ними и в Оренбург чрез хивинцов корреспонденцию содержали, а сколько далеко та компания торги свои произведет, потому и оренбургскому командиру с тамошними народами корреспонденцию сводить.

А в приложенном при том оренбургского губернатора Неплюева и бригадира Тевкелева представлении показано, что ведомости в нижеписанных (л. 186) годах оренбургских градских и акцизных сборов, тако ж и других новоприбылых в Оренбургской губернии доходов, кроме положенного на тептерей и бобылей ясака, и на новой от Оренбурга к Москве дороге подушного оклада в сборе было:

	Руб.	Коп.
В 1738	1375	64½
» 1739	2543	63½
» 1740	4313	19
» 1741	4524	73
» 1742	4799	51¼
» 1743	6411	3¼
» 1744	6835	94
» 1745	10712	13½
» 1746	13645	63¾
» 1747	21458	33
» 1748	33000	15½
» 1749	60264	98
» 1750	72404	97

Что же касается до бывшего в прочих годах по Оренбургской губернии пошлинного сбора, то в 1751 году октября по 1 число было оного в Оренбурге и в Троицкой крепости — 73667 рублей 13½ коп.

В 1752 году в обоих же местах сначала того 1752 года сентября по 16 число — 53 764 рубля 98½ коп., в 1753 году — 42 172 рубля 51¾ коп., в 1754 году — 48 632 рубля 31½ коп., в 1755 году — 29 053 рубля 51¾ коп.

(л. 186 об.) Оное губернатора оренбургского Неплюева и бригадира Тевкелева представление, посланным к нему Неплюеву из коллегии иностранных дел рескриптом от 28 апреля 1752 года апробовано и при том, между другим, писано, что по здешнему разсуждению к пресечению происходимых азиатским караванам в киргис касацкой орде грабительств кажется еще лучшим способом быть может — склонить Нурали хана и каракалпацкой народ, (л. 187) чтоб оный хан с некоторою частию из киргисцов жил в городе, который для прочности впредь и основания комерции здешними людьми и коштом построить можно, да и место к тому при Аральском озере на острову есть, гораздо способное тем наипаче, что из оренбургских ландкарт усматривается, яко и путь в Хиву купецким караваном лежит чрез то место и к житью человеческому оное изобильное и тако проезжающим купцам в том городе отдохновение иметь. (л. 187 об.) И оттуда до Оренбурга и возвратно, для проважания их туда, киргисцов отправлять будет способно, а каракалпацкой народ весьма спокойный, и нечаятельно, чтоб сие им было противно, ибо из обращений их видно, что они нередко ищут протекции у киргис касацкого хана и салтанов.

Ежели ж Нурали хан не похочет в той крепости сам жить, или и из братьев своих кого тамо содержать, в таком случае не за лишнее видится, в той крепости и российских людей поселить, и оную осужденными (л. 188) в Оренбургской губернии к смертной казни и политической смерти людьми умножить, ибо оная по крепкому местоположению и от неприятелей может быть безопасною, да и та польза из сей крепости со времянем быть может, что и пленные российские подданные из варварских народов выбегать и по способности тут прибежище возыметь могут; однако ж в строении той крепости, из которой хотя и азиатскому купечеству будет польза, прежде (л. 188 об.) вступить невозможно, пока о том не будет соглашеность с ханами, киргис касацким и хивинским и с их, также и с каракалпацкою, старшиною, дабы оные того не почли к своей опасности.

Притом же за необходимо признавается с Нурали ханом, солтанами и с знатною киргис касацкою старшиною о безопасном купечеству чрез киргис касацкой народ проезде постановление учинить и взять от них на письме за их печатьми, (л. 189) а напротиву того, хану солтанам и старшине позволить за препровождение брать некоторую известную плату, в чем они с хивинским и бухарским ханом сами согласиться могут; и притом его хана, когда он письменно обещается о безопасном караванов препровождении, обнадежить и годовым жалованьем, однако же с таким при том ему изъявлением, что ежели когда киргисцы учинят какую явную противность, пришед великим собранием хотя б (л. 189 об.) и без его ханского позволения, а он о том не сообщит или во время чрез киргизской народ проезда купеческой караван разграбят, а он хан и старшина того не возвратят,— и тогда то жалованье удерживано будет.

А для основания с хивинским и бухарским обществом комерции и коллегия иностранных дел признала тогда отправить к тамошним ханам нарочного и к тому употребить Оренбургской губернии советника Рычкова, который бы имел впредь для прочности согласиться постановить и разменяться на письме, (л. 190) включа во оное с хивинцами в запас ежели впредь за потребно признано будет и о построении при Аральском озере крепосцы небольшей так же и о содержании в Хиве российского, а в Оренбурге хивинского консулей или комиссаров, а с ним для

помочи и по кредиту в тамошних народах бригадира Тевкелева отправить и сына его поручика Осипа Тевкелева.

О чем о всем тогда ж и правительствующему сенату от коллегии (л. 190 об.) иностранных дел представлено было с таким прибавлением, что для полезного с киргис касаками и с другими азиатами российскому купечеству торгу при Оренбурге, а особливо при Троицкой крепости, за нужное признавается, о отворении между Сибирию и Оренбургской губернии, окроме Верхотурской, другой дороги ее императорскому величеству от правительствующего сената всеподданнейшей доклад учинить, для того наипаче, что Троицкая (л. 191) крепость к Сибире весьма близкая, а чрез Верхотурье во оную, так же и в Оренбург, из Сибири ездить весьма далеко и убыточно, торг же при оной Троицкой крепости для Российского купечества, так же как и в Оренбурге, полезной зачинается еще вновь и тем надежда подается к привлечению и Средней киргис касацкой орды от зенгорцов к здешней стороне.

Но правительствующий сенат, как (л. 191 об.) в присланном из оного в коллегию иностранных дел указе, от 27 мая 1752 года знать дано, не разсудил за благо оного советника Рычкова, яко с начала Оренбургской губернии о всех по оной происходимых делах и обстоятельствах сведующаго и по определению его высочайшим ее императорского величества указом у дел в той губернии при губернаторе товарищем одного находящагося в вышеписанную посылку туда посылать, ибо в случае губернаторской (л. 192) болезни или какой отлучки, от такого его отлучения в делах произойти может остановка и упущения, а притом и по довольному его тамошних дел и о востановлении с азиатскими народы комерции сведению в бытность его при губернаторе таковым посланным наилучшие наставлении с пользою происходить могут и для того послать туда другого к такому делу знающего и надежного человека.

(л. 192 об.) И чтоб и о крепости при Аральском озере киргис касацкому и хивинскому ханам и каракалпацкой старшине не объявлять и в том с ними не соглашаться, и то намерение оставить для того: 1. Чтоб тамошние народы не почли того к своей опасности, и от востановления комерции удаляться могут. 2. Когда же оная крепость токмо для одних киргис касак пребывания оставлена будет, то в случае их (л. 193) замешания или каких замыслов и от воровства против здешней стороны к их убежищу и защищению служить может. 3. Буде же оную крепость поселить российскими людьми, то, по дальнему той крепости от Оренбурга степью разстоянию, с здешней стороны охранять и оборонять и провиант завозить не можно, следственно и употребленные туда российские люди по их случающему замешанию, наивсегда в опасности (л. 193 об.) пребывать или пропадать могут, и что в отворении между Сибири и Оренбургской губернии, окроме Верхотурья, дороги, о чем от правительствующего Сената ее императорскому величеству генваря 12 дня того 1752 года доклад подан, но по оному указу еще не воспоследовало вторично ее императорскому величеству представлено быть имеет и притом оным же указом позволено на тамошние оренбургские заграничные расходы (л. 194), в разсуждении того, что определенной напредь сего на киргис касацкие расходы и на содержание их аманатов 1500 рублев в год недостаточно было, употреблять и без указу из правительствующего сената до 3000 тысяч рублев в год.

В том же 1752 году, в небытность губернатора оренбургского Неплюева, яко в то время он по всемилостивейшему ее императорского величества (л. 194 об.) позволению был здесь, Нурали хан без зову и нечаянно приезжал в Оренбург к бригадиру Тевкелеву с матерью его Пупай ханшею, тако ж и с братьями своими Чингизом и Айчуваком и притом содержащагося до того времени в аманатах сына своего Пирали солтана переменил другим своим сыном Магомед Али солтаном.

В прочем оренбургский губернатор Неплюев в бытность его здесь в коллегию иностранных дел (л. 195) доносил, что от приема выбегающих из киргис касацкого полону персиян, хивинцов и трухменцов, что далее, то более, от киргис касак затруднения и роптания происходит, и притом представил свое мнение, чтоб хивинцов, трухменцов и прочих им подобных народов, из киргиского плена выбегающих в Оренбургскую губернию, не водя к тамошнему командиру ни в губернскую канцелярию, прямо от форпостов отсылать, разведав кто (л. 195 об.) креститься пожелал, что и указом к нему тайному советнику Неплюеву из коллегии иностранных дел от 26 февраля 1752 года апробован, и притом во изъяснение дополнено, что ежели из таковых персиян, также из крымских и кубанских мурз случится выбежать кому знатному и свобождение оного турецкому или персидскому двору добрым знаком дружбы быть может, то таковых киргисцам под пристойными претексты возвратно (л. 196) не отдавать, а отпускать оных в их отечества чрез Астрахань, но россиян, калмык, башкирцов, ногайцев и других наций подданных российских не токмо самих к ним не возвращать, но и лошадей, на которых оные будут выбегать, киргисам не отдавать; тож чинить и с выбегающими от них грузинцами и армянами, токмо лошадей, на которых выбегут, возвращать; да и таковых людей, которые (л. 196 об.) прибегать будут для восприятия святого крещения, какой бы оные нации не были, возвратно не отдавать, а возвращать лошадей, на которых они будут прибегать и сверх того и еще что с собою увезут.

В том же 1752 году во время проезда бухарских купцов, возвращающихся степью из Троицкой крепости, которые были из Малой (л. 197) Бухарии и, следовательно подданные зенгорские, киргис касаки Средней орды учинили нападение, почему оные бухарцы принуждены были Ишимской линии к редуту называемому при Дуброве у озера Пресного, прибежище возыметь, но киргис касаки уже и на тот редут нападали, требуя выдачи оных бухарцов и похваляясь оной редут разбросать и не прежде отошли, как по умножении в том редуте из ближних крепостей людей.

(л. 197 об.) В 1753 году в разсуждении киргис касак знатного ничего не происходило, токмо в присланных в коллегию иностранных дел по тот 1753 год из Оренбурга ведомостях показано, что из киргис касацкой орды пленных россиян, калмык и прочих собою вышло и самими киргисцами добровольно без требования и по требованиям, тако ж и чрез баранту, с 1742 года по 10 марта высвобождено, а имянно:

По ведомости от 12 октября 1748 года
(л. 198) выбежало . . . . . — 355
высвобождено . . . . . — 97
Итого— 452

... от 13 октября 1749 года:
выбежало . . . . . — 102
высвобождено 5
Итого— 107

... от 29 генваря 1751:
выбежало . . . . . — 135
в том числе чюжестранных 24
высвобождено . . . . . — 8
Итого— 143

... от 20 генваря 1752 года:

выбежало . . . . . — 86
в том числе чюжестранных 18
высвобождено . . . . . — 3

Итого— 89

(л. 198 об.) от 20 мая 1753 года:

выбежало и выкуплено . . . . . — 184
в том числе чюжестранных—4
высвобождено . . . . . — 75
через баранту получено . . . . . — 22

281

Всего выбежало . . . . . — 862
в том числе чюжестранных—49
высвобождено . . . . . — 188
через баранту получено . . . . . — 22

А всего—1042

В 1754 году действительный тайный советник Неплюев и бригадир Тевкелев в коллегию иностранных дел (л. 199) представляли, что на тамошние ярмонки из азиатских городовых купцов как в Оренбург из хивинцов, бухарцов и кочующих трухменцов, так и к имеющейся с Сибирской стороны Троицкой крепости из кашкарцов, зенгорцам подданных, которые яко в Малой Бухарии счисляющиеся и бухарцами ж слывут, а к тому и из ташкенцов приезд бывает, (л. 199 об.) но как им, едучи прямо степью, киргис касацкого кочевья миновать не можно, то они, а особливо по отдаленности помянутые кашкарцы, редко когда целы проехать и чтоб для того оным кашкарцам позволить пропуск от Троицкой до Ямышевской и Семипалатной крепости новою Ишимскою линиею, в каковом случае, яко вверх Иртышския крепости к жилищам их близко подошли, они киргис касацкое кочевье миновать (л. 200) могут, почему правительствующему сенату от коллегии иностранных дел 18 апреля 1754 года представлено, что и оная коллегия такой пропуск признавает за нужное, но как таким позволением имеет из Сибири, кроме Верхотурской, другая дорога отворена быть, и для того оное передано в разсмотрение правительствующему сенату.

В том же 1754 году оренбургский (л. 200 об.) губернатор действительный тайный советник Неплюев и бригадир Тевкелев в коллегию иностранных дел представляли, что киргис касацкий народ почитает себе за великую обиду, что выбегающие из оного пленники, хотя бы оные и не поданные здешние, однако же предъявляющие желание к принятию святого крещения, им не возвращаются, ибо все таковые, которые только от них выбежать могут, во убеханне киргис касацкого тиранства и мучительного содержания, объявляют (л. 201) желание к принятию святого крещения, что киргис касаки весьма чувствуют и для того кочевьем своим отдаляться стали и притом представляли, чтоб определить киргис касакам за каждого человека в награждение давать от 25 до 30 рублев. Но сие от коллегии иностранных дел посланным из оной указом в Оренбургскую канцелярию от 27-го октября 1754 года не апробовано, в разсуждении того, чтоб к такому же требованию и (л. 201 об.) и прочим здешним подданным иноверным народам повод подан бы быть мог, причем запрещение учинено, чтоб выходящих киргис касак на житье в башкир не отпускать, как то до того времени чинено было.

В том же 1754 году Нурали хан, едучи к Оренбургу по призыву действительного тайного советника Неплюева и остановясь при реке Илеке,

писал к губернатору Неплюеву и бригадиру Тевкелеву с нареканием в том, что у Илецкой соли крепость заводится (л. 202) и разумея под оным имением ту защиту, которая того 1754 лета, по силе указа из правительствующего сената действительному тайному советнику Неплюеву данного на Илецкой соли для ломки и добычи оной зделана, предъявляя, что киргис касацкой народ признавает из того себе опасность. Почему помянутые действительный тайный советник Неплюев и бригадир Тевкелев принуждены были к нему ответствовать, что оная защита, (л. 202 об.) заплотами обнесенная, не в тот вид заведена, чтоб формальною крепостью для особливого какого предприятия служить могла, но только, как и выше показано, для прикрытия работных людей. После чего он хан и в Оренбург приехал и содержащегося до того времени в аманатах сына своего Магомед Али солтана переменил сыном же своим Яналием, причем поданным на всевысочайшее ее императорского величества имя прошением просил о определении ему (л. 203) годового жалованья, предъявляя в том свое неимущество и что он, обращаясь в службе ее императорского величества, киргис касак без того ни до какого исполнения доводить не может, в чем действительный тайный советник Неплюев и бригадир Тевкелев тогда ж его несколько и обнадежили и притом сюда представляли и о действительном вследствие того хану жалованья определении, (л. 203 об.) засвидетельствуя его ханские добрые поступки.

В том же 1754 году зимою многие из киргис касак Средней орды и с табунами переходили на здешнюю сторону реки Иртыша и с посыланными для сгону оных табунов командами чинили драки, о чем от действительного тайного советника Неплюева по указу отсюда оной Средней орды к Аблай солтану писано было с требованием, чтоб он впредь (л. 204) то чинить запретил.

Каким же образом посыланные из Оренбурга в Хиву переводчики с караваном тамо чрез долгое время задержаны были и потом в 1754 году отпущены и возвратились, о том о всем в Хивинской выписке обстоятельно показано, к чему здесь примечается, что и оные переводчики в проезд их чрех киргис касацкую орду слышали от киргис касак роптание о заведенном при Илецкой соли городке, а между тем (л. 204 об.) как здесь намерение принято было о учинении хивинскому Каип хану за удержание оных переводчиков отмщения чрез Нурали хана киргис касацкого и брата его Эрали солтана, то для лучшаго его к тому поощрения, и чтоб он и в прочем к службе ее императорского величества толь ревностнее простираться мог, отправленным из коллегии иностранных дел к действительному тайному советнику Неплюеву 25 августа 1755 года рескриптом ему, Нурали хану, определено жалованья из положенной на тамошние (л. 205) заграничные расходы суммы 400 рублев, которые выдавать ему явно, да еще по 200 рублев для собственного его употребления, и о первых отправлена к нему грамота ее императорского величества, а о последних письмо от канцлера.

Потом действительный тайный советник Неплюев в коллегию иностранных дел доносил, что хотя Нурали хан киргис кайсакций и сам весьма бы тому рад был, ежели б над хивинским ханом (л. 205 об.) низвержение учинить и в народе о том стараться обещал, токмо на свой народ не может надеяться, потому что они непостоянные, а к тому же ныне по лакомству их ко взяткам и больше от него по отставать и в Батырь солтанову партию уклоняться стали, ибо он из получаемого из Хивы от сына своего на богащения и поныне дачами своими их обольщает да из детей своих, а хивинского хана братьев в такие улусы вмещает, которые прежде сего (л. 206) Нурали хана и братьев его придерживались, как то одного Худай Мендея семиродского народу в Табынский род точно уже и приняли, а за другого Карабай солтана сама его

Нурали хана мать хотя, он ее не мало отвращал, но несмотря на то дочь свою против его воли отдает и он в Алчинском роде находится, которого от него Батыря сами того роду бии взяли[1], токмо он в том роде еще не утвержден, да и его (л. 206 об.) хана брат Айчювак на дочери Батырь солтановой женат. При всем том сам он хан не скрывает, что каков бы город Хива худ ни был, но едва их киргис касак столько и станет ли, чтоб оной осилить, ибо они городу никакому ничего учинить не в состоянии, а в пребывании на одном месте ни малого терпения иметь да и до места порядочно дойти не могут, но кому бы что где на дороге или в стороне ни попалось, тот несмотря на то, (л. 207) виноваты ли, нет ли те, кои кому трафятся, и не послушав никакого запрещения, тем и довольствуются, и паки возвращаются, как то и ездившие минувшей зимы с Эрали солтаном человек ста с 4, лишь только на бывших в кочевье крайных к Хиве аральцов наехали, то напав на них без всякой причины, их раззорили и, захватя жен их и детей, так его солтана и оставили.

(л. 207 об.) При всем том Нурали хан имел о сем предприятии с старшинами своими совет, но на оном, по разсуждению их учителя или святоши, к коему сам Нурали хан ездил, отложено, о походе на Хиву войною, ибо тот учитель обещал к хивинскому хану нарочно из своих детей для соглашения его с Нурали ханом послать, буде же того он хан хивинской не учинит, то он ходжа уже и своих детей на Хиву послать обещал.

(л. 208) Между тем в коллегию иностранных дел бывшей в Сибире при воинской команде бригадир Крафт представлял, что по новозаведенной в Сибире линии от Омской крепости до урочища Звериной головы в принадлежащих местах крепости и редуты уже построены и команды определены, и что для содержания оной линии находятся тамо два полевые драгунские полка и до 200 человек казаков, но понеже оная в самом (л. 208 об.) степном месте и от жила не в ближнем разстоянии, почему военнослужащие люди, на той линии находящиеся, во удовольствии своем терпят немалую нужду, ибо, хотя часто близ той линии немалое кочевье имеют киргис касаки, а более Средней орды и для мены пригоняют скот, и просят о торгу, токмо оного доныне, яко на то указа нет, не производится и потому правительствующему сенату от коллегии иностранных дел 20-го марта 1755 года представлено (л. 209) было о позволении по средине вышеозначенной новой линии в крепости святого Петра с киргис касаками на их собственные вещи тамошним военным людям мелочную мену иметь.

В том же 1755 году получено было в Сибири известие, чрез вышедших из киргис касацкого плена подданных зенгорских кашкарца и одной женки о походе оного Аблай солтана в 10.000 киргисцах на зенгорцов и о намерении их на российские (л. 209 об.) жилища, тако ж крепости и форпосты нападение чинить. Почему, как еще по причине бывшего оной Средней орды от киргис касак зимою 1754 года за реку Иртыш перехода из коллегии иностранных дел к бригадиру Крафту посланным указом от 6 марта предписано было, чтоб он, для неподачи им и впредь в том повода, ежели время не прошло, старался вверх Иртышских крепостях военных людей умножить, так о том же ему (л. 210) и по полученному здесь известию, якобы киргис касаки намерены на здешние крепости нападать и другим указом от 21 августа ему подтверждено.

В том же 1755 году в мае месяце в Башкирии произошло замешание и как при первом случае башкирцы злодеи побежали в киргис касацкую орду, то действительный тайный советник Неплюев послал о том

[1] Так в подлиннике.

с известием нарочных (л. 210 об.) в Меньшую киргис касацкую орду к Нурали хану, а в Среднюю к Аблай солтану, уведомляя их о сем происшествии, и требуя, чтоб они разграблены были; а потому при умножающемся оных злодеев башкирцов побеге от хана требовал, чтоб оные выданы были, а чтоб их киргис касак толь лучше к тому наклонить, то он требовал о выдаче токмо одних возрастных, а жен и малолетных их детей оставил им, о чем у хана с прилучившимися старшинами (л. 211) происходили советы, и произведение оного в действо. положено на брата его Эрали солтана, который потом затем и нарочно в Оренбург приезжал для советывания и принятия по тому пристойных мер; причем действительный тайный советник обещал киргис касакам за всякого возрастного башкирца, которого приведут, давать по кафтану, что все и отсюда апробовано, и притом к Нурали хану послана (л. 211 об.) грамота ее императорского величества, которою так же о выдаче оных злодеев высочайшее ее императорского величества повеление ему объявлено, а о том же к нему писано было и от канцлера. Между тем при умножающемся из Башкирии в киргис касацкую Меньшую орду побеге многие из оных башкирцов Нурали ханом и братом его Эрали солтаном разграблены; совсем тем многие из оных башкирцов, (л. 212) иногда обще с киргис касаками, а иногда киргис касаки и одни, имея только некоторых башкирцов для предводительства, на воровство, в Башкирь чрез линии до самой зимы выезжали.

И понеже здесь, каким бы то способом ни было, еще в продолжение из Башкирии побега за нужно признано действительной выдачи ушедших в киргис касацкую орду башкирцов домогаться, дабы киргис касакам когда оные (л. 212 об.) у них останутся, и впредь повода не было здешних беглецов принимать,— то для сего тогда же отправлен был в Оренбург бригадир Тевкелев, который пред тем, по прошению его, а по определению коллегии иностранных дел, отпущен был в дом его, а при сей вновь порученной ему комиссии от ее императорского величества всемилостивейше пожалован в генерал-майоры. Оному генералу-майору Тевкелеву, по данной (л. 213) ему из коллегии иностранных дел инструкции, велено было с киргис касацким Нурали ханом видеться и склонять его к добровольной тех беглецов отдаче, о чем с ним к хану и еще грамота послана притом и от канцлера писано, а инако ежели бы, паче чаяния, никакое его старание в том не предуспело, обще с действительным тайным советником Неплюевым сочинить план, каким (л. 213 об.) образом киргис касакам за такой прием со здешней стороны отмщение учинить.

Помянутый генерал-майор в исходе 1755 года с киргис касацким ханом виделся и, сколько ни старался разными сочиненными ему хану внушениями и увещаниями к тому склонять, токмо хан, представляя противу того свое безсилие, при первом случае более учинить не мог, кроме того, что с генералом (л. 214) майором Тевкелевым согласился быть у них будущею весною при которой либо из лежащих по реке Яику ниже Оренбурга крепостей генеральному при нем генерале-майоре всем знатным Меньшой киргис касацкой орды старшинам собранию, и в то время он хан крайнее старание употреблять обещал, к склонению старшин своих, дабы они помянутых беглецов башкирцов добровольно отдали, (214 об.) не обнадеживая однако же, чтоб они на то без принуждения поступили.

Между того, как действительный тайный советник в коллегию иностранных дел доносил, из оных беглых башкирцов по публикованному от правительствующего сената манифесту, те, по которому беглые в киргис касацкую орду башкирцы добровольно возвращающиеся отпущением вин обнадежены, тысячи с полторы назад возвратилось.

(л. 215) Но что касается до Аблай Солтана и Средней киргис касацкой

орды, то хотя действительный тайный советник Неплюев, как писал и к нему однако же оное письмо по наставлению его, данному посланному от него с тем письмом нарочному, Аблай солтану не отдано для того что тот нарочный проведать не мог, дабы во оной Средней киргис касацкой орде некоторые из беглых башкирцов находились (л. 215 об.), однако же Албай со всем тем такой ответ [дал], что, хотя сколько у них в Средней орде таких беглецов башкирцов ни было, он их не отдаст.

Но притом оный нарочный о той Средней киргис касацкой орде привез и такое известие, что той орды киргис касаки по причине полученных ими авантажей над смежным им зенгорским народом, в котором происходит замешание при каковых обстоятельствах (л. 216) и киргис касакам удобно было из за того народа многих пленников получить, пред прежним гораздо взмерились, причем некоторые и угрозы делали.

Почему правительствующему сенату от коллегии иностранных дел 20 октября 1755 года представлено было в разсуждении показанных в том доношении обстоятельств, по которым надобно было думать, что едва ль (л. 116 об.) не было какого-либо у бунтовщиков башкирцов с киргис касаками Средней орды соглашения, о свидании генералу майору Теквелеву и оной Средней орды с Аблай солтаном и с тамошнею старшиною, чтоб их в верности утвердить, а и при том и о выдаче находящихся у них беглых башкирцов стараться.

При том же представлено было в разсуждение правительствующего сената, не будет ли за благо признано Уйскую (л. 217) и Ишимскую линию, потому что оные простираются по открытой степи, и от рек защиты не имеют и при случае нынешнего башкирского замешания, надобно было туда к находящимся на оных войску 1000 человек яицких казаков посылать и другие мещерятские и башкирские партии наряжать для подкрепления оных и для предудержания происходящих на оных от киргис касак и беглых башкирцов пакостей сделать земляным валом и со рвами.

(л. 117 об.) По оному представлению и правительствующий сенат свидание генерала-майора Тевкелева с Аблай солтаном и Средней киргис касацкой орды с старшиною, как в присланном из оного в коллегию иностранных дел указе от 11 генваря 1756-го года писано, признал за нужно с таким прибавлением, токмо с посылаемом из оной коллегии к нему, Тевкелеву, указе предписать, дабы он, будучи с ним, Аблай солтаном, и старшинами секретно присматривал, (л. 218) не найдется ль какого удобства, чтоб возможно было з здешней стороны ту орду в несостояние привесть и сколько против их для того войска употребить и в какое способное время оное в действо произвесть, дабы впредь от оной орды к Сибирскому краю вся опасность отнята быть могла.

А о сделании учрежденных в Оренбургской и Сибирской губерниях линей, то-есть Уйской и Новой Ишимской, земляным валом (л. 218 об.) и со рвами, представление коллегии иностранных дел отложить, ибо о том и прежде бывшим в самом том месте генералитетом довольное разсуждение было, и не только строением на последок той Ишимской линии земляной за многотрудное, но и за потребно не признано; о выбранных же в Сибире из крестьян казаков, которые по такому сумнительству от киргис касацкой Средней орды на Иртышскую линию расположены быть имели, а коллегия иностранных дел (л. 219) по такому случаю разсуждала, чтоб их содержать и на жалованье. В том же указе написано, что те казаки ко всегдашнему при той линии содержанию нимало не принадлежат, ибо оные учреждены во внутренних Сибирской губернии дистриктах с десяти душ по человеку, сами те крестьяне между собою таковых из них выбранных знали и они в случае необходимой нужды к охранению границ из своих жилищ высланы быть могли.

(л. 219 об.) Почему в коллегии иностранных дел надлежащее определение о свидании генерал-майору Тевкелеву и заготовлялось, но понеже между тем во оной коллегии получены были от него доношении от 23 декабря 1755 года, что он в тогдашнее зимнее время и нарочного в Среднюю киргис касацкую орду, за отдаленностию оной, послать не мог и притом он представлял о позволении быть ему и в некоторое время сюда для донесения по полученной ему комиссии о нужном деле, о чем правительствующему сенату от коллегии иностранных дел 23 генваря сего 1756 года и представлено.

(л. 220) При всем том из журнала оного генерал-майора Тевкелева усмотрено, что по предъявлению ему от киргис касак Меньшей орды в Средней киргис касацкой орде из беглых башкирцов тысяч до двух или до трех оружием владеющих находится и что они и не разграблены, доношения действительного советника Неплюева от 1756 года означено, что известный башкирский возмутитель Батырша, якобы, во оной же орде находится.

Между тем ныне правительствующему сенату действительный (л. 220 об.) тайный советник Неплюев представлял, чтоб при умноженном в Оренбургской губернии войске за киргис касаками, для вкоренения им страха, в случае подъездов их воровских партей, чинить за ними погоню до самых улусов; но правительствующий сенат такую до самых улусов погоню чинить, как о том присланным из оного в коллегию иностранных дел указом от 9 марта знать дано, за благо не разсудил, дабы тамошние народы наиболее к беспокойствам подвигнуты быть не могли.

Из записной книжки архивиста

К 50-летию смерти В. М. Гаршина

(Из материалов цензурного комитета)

5 апреля с. г. исполняется пятьдесят лет со дня смерти одного из крупнейших русских писателей — Всеволода Михайловича Гаршина.

Он родился 2/14 февраля 1855 г. В раннем детстве, когда мальчику было 7—8 лет, он читал Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Гюго и даже печатавшийся в ту пору в «Современнике» знаменитый революционный роман «Что делать» Чернышевского.

В 1876 г. в «Молве» (№ 15) за подписью Р. Л. появился очерк Гаршина «Подлинная история Энского земского собрания».

В апреле 1877 г. В. М. отправляется вольноопределяющимся на русско-турецкую войну. В сентябре, раненый, в госпитале, он пишет «Четыре дня», опубликованные в октябре в «Отечественных Записках». Рассказ принес В. М. шумный успех, о нем много говорили и писали, видели в нем яркое изображение кровавых событий русско-турецкой войны 1877—1878 гг. С тех пор Гаршин целиком отдался литературе, ставши одним из видных и популярных русских писателей конца 70—80-х годов.

Вслед за рассказом «Четыре дня» Гаршин пишет и публикует в печати новые произведения: «Происшествие», «Трус», «Художники», «Attalea Princeps», «Из воспоминаний рядового Иванова», «Красный цветок» и др., неизменно привлекавшие к себе пристальное внимание читателей и литературных кругов.

Однако литературные занятия осложнялись, а иногда и прерывались тяжело мучившими писателя приступами наследственной, но несомненно усугубленной социальными условиями, душевной болезни.

В марте 1888 г. В. М. собирался ехать на Кавказ. Но накануне назначенного дня отъезда 19 марта В. М. после тяжело проведенной ночи, на рассвете, бросился в пролет лестницы и 24-го (т. е. 5 апреля по нов. ст.) в больнице умер. Его похоронили на Волковом кладбище.

Писательский путь Гаршина очень недолог — 10-11 лет, в которые и были созданы все произведения, составившие славу Гаршина.

Он творил в один из самых мрачных периодов развития русской литературы и общественности, в период глухой реакции 80-х годов. Известно, что эта эпоха отмечена интенсивным развитием капитализма в России, жесточайшей реакционной политикой русского самодержавия, упадком революционного движения, зверским подавлением революционных стремлений в народе, идейным разбродом в среде интеллигенции, полным позорным либеральным перерождением народничества. В эту-то мрачную эпоху создал все свои произведения В. М. Гаршин. На них — скорбная печать российского «лихолетья» 80-х годов. И хотя Гаршин писатель не был революционером — бойцом, его произведения, отражавшие правду жизни, несли в себе непримиримое отрицание действительности, в которой он жил и от которой страдал. Таков прежде всего превосходный цикл его «антивоенных» рассказов: «Четыре дня», «Трус», «Из воспоминаний рядового Иванова».

Гаршинское изображение событий русско-турецкой войны 1877—1878 гг. резко контрастировало с официальным казенно-правительственным и либеральным, пошло-патриотическим восхвалением этой войны. Своей глубокой художественной правдой произведения Гаршина показывали захватническую войну 1877—1878 гг. глубоко враждебной народным массам, обращались против казенно-патриотической лжи, буквально затопившей тогда официальную и народническую прессу.

Гаршинский протест против ужасов войны не обладал однако силой революционного протеста.

Писатель не видел и не знал действительно революционных путей к уничтожению войны.

Другой цикл произведений Гаршина («Происшествие», «Надежда Николаевна», «Художники», «Встреча» и др.) замечателен горячим обличением противоречий капиталистического строя, присущего этому строю развращения человеческой личности, ее угнетения, рабства, духа стяжательства и наживы. И, наконец, третью группу произведений Гаршина составляют аллегорические рассказы — «Attalea princeps», «Красный цветок» и др., в которых замечательно страстное стремление к свободе, к уничтожению рабства, всякого общественного зла и угнетения.

Гаршин — писатель в своих воззрениях испытывал несомненные влияния то народничества, то толстовства, бесконечно чуждых нам. Но сила реалистического изображения

жизни в творчестве Гаршина оказывалась неизмеримо сильней ложных теорий. Сила Гаршина — художника — в пронизывающем его творчество гуманизме, в подлинной любви к своему народу и своей родине, в великой любви к человеку, угнетенному в буржуазном обществе, к демократическим слоям этого общества, в яростном обличении несправедливости, зла, лжи и лицемерия, угнетения и рабства, царствующих в этом обществе.

Удивительно ли, что в силу этих своих основных особенностей, творчество Гаршина привлекало к себе настороженное внимание царской цензуры.

Великая классическая русская литература XIX века всегда находилась под особым жестоким надзором царской цензуры, тупой, невежественной, злобно-преследовавшей литературу и всякую новую мысль, новое живое слово.

Не избежали преследований и репрессий со стороны царско-полицейской цензуры и произведения Гаршина.

Публикуемые ниже документы свидетельствуют об этом очень ярко, выразительно, красноречиво.

Царская цензура боялась проникновения произведений Гаршина в народ. Так, как явствует из публикуемых документов, СПБ цензурный комитет относительно рассказа Гаршина «Сказание о гордом Аггее» определял: «К печатанию не дозволять». Комитет боялся, что рассказ, попав к читателю из народа, нанесет «ущерб значению как царской власти, так и церковной иерархии» и будет «питать мысли, клонящиеся к унижению их достоинства». Также в 1886 г. начальником управления по делам печати было запрещено переиздание рассказа «Четыре дня».

Как видно из доклада чиновника особых поручений при Главном управлении по делам печати, так и из циркуляров Главного управления по делам печати, произведения Гаршина, посвященные войне 1877 г., представлялись охранителям царского строя «неудобными к обращению в народных массах», ибо шли вразрез с лживым официально-правительственным толкованием войны, а военное начальство изображалось у Гаршина «не в пользу» начальства. И произведения Гаршина запрещались, изгонялись из публичных библиотек и народных читален, воспрещалась продажа гаршинских книг. Об этом сообщил в особом циркуляре своим агентам начальник Главного управления по делам печати «по поручению г. министра внутренних дел».

Среди публикуемых ниже документов особо интересно «представление СПБ цензурного комитета в Главное управление по делам печати» о таком произведении Гаршина как «Attalea princeps».

Это — аллегорическое произведение, воспевающее гордую пальму, разбившую стеклянную крышу теплицы и вырвавшуюся на волю. Но не на радость себе вырвалась она на свободу; она очутилась под дождем и холодным небом, закрытым тучами, она должна была замерзнуть, и ее сникшую, спилили и бросили в грязь. Эта красивая сказка о свободолюбивой пальме, вызвала подозрение цензора. СПБ цензурный комитет счел возможным «дозволить» ее к печати, но это решение обжаловал один из членов совета Главного управления по делам печати. «Замечателен» единственный мотив, по которому петербургский цензурный комитет счел возможным разрешить «Attalea princeps» к печати. Комитет полагал, что «тенденция», т. е. смысл и скрытое содержание этой сказки «останется для народа непонятной» и потому счел возможным разрешить к печати.

Какой откровенный цинизм!

Замечательные произведения Гаршина, гонимые, преследуемые цензурой в царской России, широко доступны народу у нас, в Советском Союзе; они издаются большими тиражами, пользуются заслуженной популярностью.

В. М. Гаршин умер молодым — 33 лет. Он творил недолго, не успел сказать многого, что мог бы сказать своему народу в ярких образах художественной литературы. Но и то, что он за свою короткую жизнь успел создать, принадлежит к лучшим образцам нашей литературы, ибо в произведениях Гаршина, писавшихся в тяжелую для России эпоху свирепейшей реакции, были живы великие гуманистические и свободолюбивые традиции классической русской литературы.

И. Нович

Из доклада цензора Сватковского СПБ цензурному комитету о рассказе В. М. Гаршина «Сказание о гордом Аггее», 30 апреля 1886 г.[1]

...Брошюра «Сказание о гордом Аггее» (из журнала «Русская мысль») представляет пересказ старинной повести Всеволода Гаршина.

Здесь проводится мысль, что ни богатство, ни верховная власть — не прочны, что за гордость, порождаемую этими благами, разгневается наконец бог, лишит гордеца всего. Властелин может остаться без рубашки, нагой, и, может быть, какой-нибудь бедняк пастух в лаптях и худом зипунишке подаст ему помощь.

Когда же после испытаний бог захочет его простить, призванный снова к власти, прежний гордец не возьмет уже ее, сознав всю ее тщету, а предпочтет вместе с народом и убогою братьею работать мужицким трудом на пользу бедных, слабых и угнетенных.

Цензор полагает неудобным дозволить такой тенденциозный рассказ отдельным изданием.

Заключение СПБ цензурного комитета: Так как оба рассказа и Лескова[2] и Гаршина — в отдельном издании составят едва несколько страниц, то ясно, что, как по содержанию, так и по объему своему, они назначены для обращения между простым народом. В этой малообразованной среде содержание их может быть, без всякого сомнения, понято и истолковано превратно — в ущерб значению, как царской власти, так и церковной иерархии и питать мысли, клонящиеся к унижению их достоинства.

---

[1] СПБ цензурный комитет, 1886 г., д. № 28, лл. 39—41. Документы подготовлены к печати Л. Полянской.

[2] Часть доклада цензора, относящаяся к рассказу Н. Лескова «Повесть о богоугодном дровосеке»,— опущена.

В виду этого комитет, признавая доводы цензора справедливыми, определил: согласно его мнению оба рассказа к напечатанию не дозволять.

Из отзыва члена особого отдела ученого комитета министерства народного просвещения Кочетова о рассказе В. М. Гаршина «Четыре дня на поле сражения» [1].

«Посредник». М. 1886. Издание книжного склада 30 сентября 1886 г.

Рассказ ведется от лица рядового из вольноопределяющихся — Иванова. Заколов штыком огромного турка, он был в то же время сам ранен двумя пулями, упал невдалеке от убитого и пролежал в этом соседстве четверо суток. Впечатления этих-то суток и переданы в брошюре.

Если бы не обязанность дать отзыв о рассказе г. Гаршина, я не имел бы силы дочитать его до конца, до того противны в нем описания постепенного разложения трупа убитого и тенденциозны рассуждения г. вольноопределяющегося. Приведу выдержки:

Стр. 28: «Ветер постоянно переменялся и то дул на меня свежим и чистым воздухом, то снова обдавал меня вонью. Сосед в этот день сделался страшнее всякого описания. Раз, когда я открыл глаза, чтобы взглянуть на него, я ужаснулся. Лица у него не было. Оно сползло совсем с костей. Страшная костяная улыбка, вечная улыбка, показалась мне такой отвратительной, такой ужасной, как никогда, хотя мне случалось не раз держать черепа в руках и препарировать целые головы. Этот скелет в мундире с светлыми пуговицами привел меня в содрогание. «Это война, подумал я. Вот ее изображение».

Все это, может быть, и очень верно описано, но тем не менее само по себе отвратительно и надо удивляться идее поместить такие ужасающие подробности в рассказе, предназначенном для народа. Чем руководились при этом автор и издатель, напечатавшие рассказ? Представить народу ужасы войны. Но что война ужасна — знает всякий и нет нужды это пояснять, давать же столь реальные и потрясающие душу иллюстрации к этому, и без того тяжелому сознанию,— излишне, безжалостно и даже преступно по тому тяжкому впечатлению, которое произведет чтение этих мест рассказа на юных воинов и их родителей. Автор с странной развязностью говорит: «Это — война, подумал я.— Вот ее изображение». Слова эти сами по себе нелепы. Как ни велики ужасы войны, но народ считает священным долгом каждого встать, по слову царя, на защиту родины; он имеет более высокое понятие о войне, чем определяет ее автор, и крайне странно называть описание разложения трупа «изображением войны». До такой реальности не доходил и Верещагин в своих картинах. На все есть мера. Не менее удивительны и бестактны и прочие размышления вольноопределяющегося. Стр. 12: «Мысли, воспоминания так и лезут в голову. Впрочем, все это не надолго, скоро конец. Только пропечатают, что, мол, потери наши незначительны: ранено столько то; убит рядовой из вольноопределяющихся Иванов. Нет, и не напишут кто; просто скажут: убит один. Один рядовой, как та одна собаченка». Рассказано далее о беленькой собачке, которую переехал вагон конножелезной дороги: какой-то дворник взял собачку за шиворот и унес. «Унесет ли меня кто-нибудь. Нет, лежи и умирай. А как хороша жизнь...» (стр. 14).

Стр. 14 и 15: «Передо мной лежит убитый мною человек. За что я его убил? Он лежит здесь мертвый, окровавленный. Зачем попал он сюда? Кто он? И у него, как у меня, есть старая мать. Долго она будет по вечерам сидеть у дверей своей убогой мазанки да поглядывать на далекий север — не идет ли ее ненаглядный сын, ее работник и кормилец... Вот на мундире большая черная дыра, вокруг нее кровь. Это сделал я. Я не хотел этого. Я не хотел зла никому, когда шел драться. Мне не думалось (наивно!) что и мне придется убивать людей. Я больше думал только о том, как я буду подставлять свою грудь под пули. И я пошел и подставил. Ну, и что же? Глупец, глупец... А этот несчастный феллях (на нем египетский мундир) — он виноват еще меньше. Прежде чем их посадили, как сельдей в бочку, на пароход и повезли в Константинополь, он и не слышал ни о России, ни о Болгарии. Ему велели итти, он не раздумывал и пошел. А может быть, и побоялся: если бы он не пошел, его стали бы бить палками, а то, быть может, какой-нибудь паша всадил бы в него пулю из револьвера. Он шел длинным, трудным походом от Стамбула до Рущука. Мы напали, он защищался... Чем же он виноват? И за что я убил его?..»

Стр. 21: «Сосед лежит такой же огромный и неподвижный. Я не могу не думать о нем. Неужели я бросил все милое, дорогое, всех близких мне людей, шел сюда тысячу верст, голодал, холодал, мучился от зноя; неужели, наконец, я лежу теперь в этих муках только ради того, чтобы убить этого несчастного турка. А ведь разве я сделал что-нибудь другое, кроме этого убийства... Убийство, убийца... И кто же? Я».— «Когда я затеял итти драться, мать и Маша (невеста) не отговаривали меня, хотя и плакали надо мною. Мне было жалко их, но ослепленный я отвлекал себя от их слез... А какое странное отношение к моему поступку явилось у многих знакомых. «Ну, юродивый. Лезет сам, не зная чего». Как могли они говорить это, когда сами же восхваляли геройство и любовь к родине и прочие такие вещи. Ведь они видели, что я добивался всех этих восхваляемых ими доблестей, и все-таки говорили, что я — юродивый. И вот я еду в Кишенев... и я иду вместе с тысячами, из которых разве несколько наберется, подобно мне идущих охотно». Стр. 30: «Мать моя, дорогая моя. Вырвешь ты свои седые волосы, ударишься головою об стену, будешь плакать обо мне и о той злобе людской, которая выдумала войну на страдание людям... Но вы с Машей, должно быть, и не услышите о моих муках. Прощай, мать, прощай, моя невеста, все люди. Ах, как тяж-

[1] Департамент народного просвещения, разряд общих дел, 1886 г., д. № 173 768, ч. II, карт. 4699, лл. 276—278.

ко, горько... Опять эта беленькая собаченка. И зачем пошел я на все это? Она мучилась еще целый день и околела. А я несчастнее ее, потому что мучаюсь целые три дня. Завтра — четвертый, потом пятый, шестой... Смерть, где ты? Иди, иди. Возьми меня... Но смерть не приходит и не берет меня. Я должен жить, должен терпеть. И я лежу под этим страшным солнцем и нет у меня глотка воды, чтоб освежить воспаленное горло, и труп заражает меня».

Все такие философствования, наряду с отвратительным описанием трупа, не могут, конечно, содействовать подъему духа, развитию чувства долга и чести, а напротив произведут растлевающее, деморализующее действие на читателей и слушателей. Этот тенденциозный и бредный рассказ не должен иметь доступа не только в школы, но и в руки народа, и, по моему мнению, нельзя не пожелать изъятия его из обращения и уничтожения.

А. Кочетов.

Письмо министра народного просвещения Делянова начальнику Главного управления по делам печати Феоктистову, 7 октября 1886 г.[1]

Милостивый государь Евгений Михайлович!

Имею честь препроводить при сем к вашему превосходительству по экземпляру двух, изданных книжным складом «Посредник», брошюр под заглавием «Четыре дня на поле сражения» и «Царь Крез и другие рассказы»[2], вместе с рецензиями о сих изданиях члена Ученого комитета министерства народного просвещения статского советника Кочетова, в том предположении, не признаете ли вы, милостивый государь, за благо воспретить следующие издания означенных двух брошюр, которые по содержанию своему только и годятся на то, чтобы сбивать с толку умы простяков.

Примите и проч.

И. Делянов.

Циркуляр Главного управления по делам печати цензурным комитетам и отдельным цензорам по внутренней цензуре о запрещении переиздания рассказа В. М. Гаршина «Четыре дня на поле сражения», 15 октября 1886 г., № 3331[3]

Главное Управление по делам печати, признав необходимым запретить перепечатку разрешенной С. Петербургским цензурным комитетом 3 апреля 1886 г. брошюры В. М. Гаршина, под заглавием «Четыре дня на поле сражения» Рассказ солдата с отрезанной ногой. Москва. Типография И. Д. Сытина и К° 1886», предлагает об этом цензурным комитетам и г. г. отдельным цензорам по внутренней цензуре к надлежащему исполнению[4].

Начальник Главного Управления по делам печати Е. Феоктистов.

Из журнала заседания особого отдела ученого комитета Министерства народного просвещения. 3 февраля 1895 г.[5]

Рассмотрение отзыва члена Комитета Шемякина о четырех брошюрах В. М. Гаршина. 1. «Гордая пальма» и «Сказание о гордом Аггее». Сказки. 2. «То, чего не было» и «Лягушка путешественница». Сказки. 3. «Аясларское дело». Рассказ. 4. «Трус». Рассказ. Издания СПБ Комитета грамотности. 1894.

Все эти сказки и рассказы написаны весьма талантливо, языком живым и образным. Но мировоззрение автора, его психический анализ[6], обычное обилие в нашей беллетристике иностранных слов и проглядывающая резко тенденциозность — делают эти брошюры отчасти недоступными пониманию простых и малоразвитых читателей, отчасти вредными для развития их, в тех случаях, где тенденция автора резко и определенно выступает наружу.

«Гордая пальма» — это апология бунта, восстания. Вот что говорит она (пальма) другим растениям, запертым вместе с нею в теплице: «Послушайте меня, растите выше и шире, раскидывайте ветви, напирайте на рамы и стекла; наша оранжерея рассыплется в куски и мы выйдем на свободу. Если одна какая нибудь ветка упрется в стекла, то, конечно, ее отрежут, но что сделают с сотней сильных и смелых стволов? Нужно только работать дружнее и победа за нами» (стр. 9). И пальма растет все выше и выше, пока не продавливает стеклянную крышу теплицы, но обвеянная холодным осенним ветром, засыпанная снегом, она умирает. Ствол ее спиливают и выбрасывают на двор в грязь и холод.

«Сказание о гордом Аггее» составляет подражание нашим церковным легендам и повестям. Наказанный богом за гордость правитель становится поводырем слепцов, служит им с любовью и раскаянием своим заслуживает себе прощение. Не будь эта сказка в связи с «Гордой пальмой», ее можно бы было допустить в школьные библиотеки,— хотя и в ней встречаются такие сопоставления, что

---

[1] Главное управление по делам печати, III отделение, 1886 г., д. № 4, л. 357.

[2] Речь идет о сборнике рассказов Л. Н. Толстого.

[3] Главное управление по делам печати, III отделение, 1886 г., д. № 4, л. 360.

[4] Рассказ «Четыре дня» был признан «неудобным» и во время империалистической войны 1914 г. За помещение в приложении к № 34 выходившей в г. Вендене латышской газеты «Zehsu apskats» перевода рассказа «Четыре дня» лифляндский губернатор 2 августа 1914 г. наложил на редактора газеты штраф в 100 руб. При этом указывалось, что «статья тенденциозного содержания и помещена с целью возбуждения в населении враждебных чувств к войне и вместе с тем и к правительству» (Главное управление по делам печати, I отделение, 1913 г., д. № 433, л.8).

[5] Ученый к-т министерства народ. просвещения. Журналы заседаний особого отдела 1895 г., стр. 121—127.

[6] Так в подлиннике.

правитель стоит высоко, да одиноко, как будто это всегда так бывает.

В сказке «То, чего не было» идет тенденциозно разговор между животными. Муравей, отвечая навозному жуку, восхваляющему свой труд, говорит: «И я ведь тружусь, и побольше твоего. Но ты работаешь для себя, или все равно, для своих жученят, не все так счастливы... попробовал бы ты потаскать бревна для казны (?) вот как я. Я и сам не знаю, что заставляет меня работать, выбиваясь из сил, даже и в такую жару. Никто за это и спасибо не скажет. Мы несчастные рабочие муравьи, все трудимся, а чем красна наша жизнь? Судьба!..» (стр. 6). Довольно прозрачный намек слышится в словах кузнечика о гусенице, который называет ее практической натурой, только и заботящейся о том, как бы набить себе живот.

«Ах, нет! оставьте меня, прошу вас оставьте, не троньте меня — жалобно воскликнула гусеница; я делаю, это для будущей жизни, только для будущей жизни.

— Для какой там еще будущей жизни? спросил гнедой.

— Разве вы не знаете, что я после смерти сделаюсь бабочкой с разноцветными крыльями?» (стр. 8).

Сказка «Лягушка путешественница» могла бы быть допущена в школьные библиотеки, но соседство только что разобранной сказки «То чего не было» заставляет отказать в этом.

Брошюры «Аясларское дело» и «Трус», предметом коих служит война и ее трудности, никоим образом не могут быть допущены ни в школьные библиотеки, ни в народные читальни. Автор, рисующий себя в рассказе «Трус», конечно, не сторонник войны. Ему не хочется оставить семью, свои занятия, своих друзей и ехать куда-то, где людей убивают безцельно и случайно... Автор не патриот.— На первом месте стоит его более размышляющее «Я», его немного расстроенное воображение. Война для автора только кровавая возмутительная бойня.

На странице 24 рассказа «Трус» описаны впечатления новобранца, начавшего изучать военное дело и затем помещение для новобранцев. Все это производит тяжелое отталкивающее впечатление и несомненно преувеличено.

На странице 27 того же рассказа приводится поучительный рассказ об одном юном докторе. Речь идет о грязной дороге, по которой с великими трудами приходилось двигаться отряду. «На втором переходе дорога ужасная: на семнадцати верстах двенадцать гор, а между ними все топь. Въехали и стали. Дождь хлещет, на теле ни нитки сухой, проголодались, измучились, а тащить нужно. Ну, конечно, тянет-тянет человек, и упадет лицом в грязь без памяти. Наконец, добрались до такой трясины, что двинуться вперед было невозможно, а все-таки продолжали надрываться; и что тут было, офицер мой говорит, вспомнить страшно. Доктор молодой был у них последнего выпуска, нервный человек. Плачет «не могу я, говорит, вынести этого зрелища, уеду вперед». Уехал. Нарубили солдаты веток, сделали чуть не целую плотину и, наконец, сдвинулись с места. Вывезли батарею на гору; смотрят, а на дереве доктор висит... Вот вам пример. Не мог человек вида мучений вынести...».

Полагаю, что все четыре вышеименованные брошюры г. Гаршина не могут быть допущены ни в школьные библиотеки, ни в народные читальни.

По выслушивании доклада члена Шемякина — особый отдел ученого комитета признал все четыре брошюры по содержанию своему не заслуживающими одобрения, при чем не мог однако согласиться с мнением докладчика, будто в рассказе «Гордая пальма» содержится «апология бунта, восстания». Что касается брошюры «Трус», то, по мнению особого отдела, на этот тенденциозный, антипатриотический рассказ Гаршина должно быть обращено внимание Министерства внутренних дел. Несколько лет тому назад, кажется, фирмой «Посредник» был издан другой рассказ того же автора «Четыре дня на поле сражения», в котором передаются впечатления раненого в сражении, пролежавшего затем четверо суток в поле рядом с трупом убитого турецкого солдата; описание постепенно разлагающегося трупа отвратительно. Министерство народного просвещения сообщало тогда Министерству внутренних дел свои опасения относительно впечатления, которое должно произвести чтение этой брошюры на лиц, поступающих в военную службу, и на их домашних, и предлагало изъять ее из обращения. То же следует сказать и о рассказе «Трус», так как и он написан с целью сделать войну ненавистной для читателя, о чем можно судить и по вышеприведенным выпискам из него. Если же Министерство внутренних дел не признает почему-либо возможным препятствовать изданию для народного чтения таких рассказов, то следовало бы ходатайствовать, чтобы брошюра «Трус» была, по крайней мере, включена в список книг, не дозволенных к обращению в библиотеках, в который уже внесен упомянутый рассказ «Четыре дня на поле сражения».

Определено: представить о сем на благоусмотрение его сиятельства г. министра народного просвещения.

Председатель ученого комитета А. Георгиевский.

Отношение Департамента народного просвещения Главному управлению по делам печати об изъятии из обращения рассказа В. М. Гаршина «Трус», 28 апреля 1895 г.[1]

С. Петербургским комитетом грамотности была представлена в ученый комитет Министерства народного просвещения брошюра В. М. Гаршина под заглавием: «Трус». Рассказ 1894 г. Цена 3 коп.». Названный комитет, подвергнув сию брошюру рассмотрению и признав таковую по содержанию своему незаслуживающею одобрения, определением, утвержденным его сиятельством г. товарищем министра, постановил обратить на этот тенденциозный, антипатриотический рассказ Гар-

[1] Главное управление по делам печати, III отделение, 1895 г., д. № 51, лл. 63—64.

шина внимание Главного управления по делам печати на предмет изъятия оного из обращения. Если же почему либо не будет признано возможным препятствовать распространению сего издания, то ученый комитет ходатайствует, чтобы брошюра «Трус» была, по крайней мере, включена в список книг, не дозволенных к обращению в библиотеках.

Сообщая о вышеизложенном, Департамент народного просвещения имеет честь покорнейше просить Главное управление по делам печати о последующем своем распоряжении не оставить Департамент уведомлением.

За вице-директора Л. Скоробогатый.

Из доклада чиновника особых поручений при Главном управлении по делам печати Воронича о рассказе В. М. Гаршина «Из записок рядового Иванова», 10 мая 1895 г.[1]

Из числа всех доселе изданных литературных произведений Всеволода Гаршина, рассмотренных мною в императорской Публичной библиотеке, кроме признанных уже неудобными двух рассказов его: «Четыре дня на поле сражения» и «Трус», представляется еще столь же неудобным к обращению в народных массах рассказ, носящий заголовок «Из записок рядового Иванова».

В этом последнем, как и предыдущих двух рассказах, автор рисует отталкивающие картины войны, нигде не внушая от себя читателю ни осмысленной ее цели, ни пользы. В одном только месте, упоминая о присяге вольноопределяющихся под знаменем, он как бы сознает долг свой — жертвовать жизнью за отечество, но место это не может служить достаточным противовесом общему противоположному впечатлению.

О своем начальстве Гаршин отзывается большей частью не в его пользу. Вино, карты, жестокое обращение с солдатами, рельефно подчеркиваются автором. Даже бригадный генерал Гаршина отмечен им ненужным и глупым приказанием следовать колонне через затопленную долину, где могли утонуть люди, между тем, ее можно было обойти без всякого изменения маршрута. И автор и солдаты объясняют эти действия генерала его слабостью «опохмеляться» (стр. 29 и 30).

Чиновник особых поручений К. Воронич.

Из циркуляра Главного управления по делам печати цензурным комитетам и отдельным цензорам по внутренней цензуре о запрещении переиздания рассказов В. М. Гаршина «Трус», «Четыре дня на поле сражения» и «Из записок рядового Иванова», 15 мая 1895 г., № 3013[2].

Главное Управление по делам печати предлагает цензурным Комитетам и г.г. отдельным цензорам по внутренней цензуре на будущее время не разрешать к печати новым изданием, как в виде сборников, так и отдельными брошюрами, рассказы В. Гаршина: «Трус», «Четыре дня на поле сражения» и «Из записок рядового Иванова».

Начальник Главного управления по делам печати Е. Феоктистов.

Из циркуляра Главного управления по делам печати губернаторам о недопущении к обращению в публичных библиотеках и запрещении розничной продажи рассказов В. М. Гаршина «Трус», «Четыре дня на поле сражения» и «Из записок рядового Иванова», 15 мая 1895 г., № 3014[1]

В последнее время некоторые книгопродавческие фирмы и общества, занимающиеся изданием народных книг, печатают в очень значительном количестве экземпляров такие произведения, распространение коих среди публики, неподготовленной к серьезному чтению, представляется совершенно неудобным. К числу таких произведений следует отнести три рассказа Всеволода Гаршина: «Трус», «Четыре дня на поле сражения» и «Из записок рядового Иванова».

Вследствие сего, и на основании п. 3 примечания к статье 175 и статье 178 Устава о цензуре и печати, изд. 1890 г., г. министр внутренних дел изволил признать необходимым — не допускать к обращению в публичных библиотеках все поименованные сочинения как в отдельном их издании, так и в виде сборников, а равно воспретить розничную продажу этих сочинений на улицах, площадях и других публичных местах, а также чрез ходебщиков и офеней.

Об этом, по поручению г. министра внутренних дел, имею честь сообщить вам, милостивый государь, для зависящего с вашей стороны распоряжения[2].

Начальник Главного управления по делам печати Е. Феоктистов.

Отзыв состоящего при Министерстве внутренних дел Щеглова о рассказе В. М. Гаршина «Медведи». 11 октября 1896 г.[3]

Эта книжка есть литературное «Хождение в народ». Написана она Вс. Гаршиным первоначально, очевидно, не для народа. Но впо-

[1] Главное управление по делам печати, III отделение, 1895 г., № 51, л. 74.

[2] В связи с этими циркулярами отдельные издания рассказа «Четыре дня на поле сражения» подвергались неоднократному запрещению, напр. в 1899 г. (см. дело СПБ Цензурного комитета № 161—1899 г.). В 1903 г. не был разрешен к печати перевод этого рассказа на еврейский разговорный язык по тем соображениям, что «жаргонные произведения печати вообще распространяются обыкновенно в большом количестве среди простого народа, между тем, как этот рассказ запрещен к обращению в публичных библиотеках и читальнях». (СПБ. Цензурный комитет, собрание рукописей, № 134).

Рассказ «Из воспоминаний рядового Иванова» был запрещен к выходу отдельным изданием в 1904 г. (там же, рукопись № 1313).

[3] Главное управление по делам печати, III отделение, 1895 г., д. № 51, лл. 236—237.

Д. Ф. Щеглов, бывший директор 2 Одесской гимназии, в 1888 г. был причислен к Мини-

[1] Главное управление по делам печати, III отделение, 1895 г., д. № 51, л. 78.

[2] Там же, 1895 г., д. № 51, л. 70.

следствии кем то было найдено, что она годится для обращения в народе [1].

Дело в том: в ней рассказывается об истреблении ручных медведей в гор. Бельске, т. е. медведей, которых в том краю цыгане водили по деревням для увеселения жителей.

Из рассказа видно, что дело задумано было и исполнено весьма непрактично, чтоб не употреблять слова более резкого. И все было сделано по распоряжению высшей, очевидно, центральной власти. Медведи были истреблены повсеместно.

И рассказ очень хороший, производящий на читателя сильное впечатление, возбуждающий в нем чувства сожаления, сострадания к медведям и к цыганам, которые в медведях теряли свой кусок хлеба, для которых медведи были кормильцами, которых цыгане должны были своими руками убить из ружей.

Но с другой стороны, после прочтения рассказа в читателе не должно усилиться чувство уважения к предержащей власти. Действия ее и распоряжения представляются пред читателем неразумными и несимпатичными. И неудовольствие читателя усиливается вследствие сострадания, возбужденного в нем к цыганам и медведям.

Это обыкновенная тактика нашей периодической и непериодической печати беспардонно-либерального направления. Правительство и его органы, высшие и низшие, почти без исключения, всегда представляются бестолковыми, бессердечными и пошлыми, а земство и интеллигенция и даже народ в самом симпатичном виде. И это повторяется в течение целого ряда лет. Капля по капле много лет долбила камень, наконец продолбила. В среде «интеллигенции» на правительство уже установлен взгляд, как на что-то весьма худое, но очень сильное. «Чудовище обло, озорно, стозевно и лаяй».

Теперь дошла очередь до народа, до массы: вот ее начинают шпиговать, начинять либеральными идеями; это своего рода гипнотизм. Массе внушают те воззрения, которые стали господствующими в среде интеллигенции и между ними главное и начальное — это презрительное отношение к правительству, а затем и к государству вообще.

Наше законодательство о печати, кажется, не вполне предвидело эту тактику. Но во Франции законы о печати преследуют прежде всего и больше всего это возбуждение ненависти и презрения к правительству.

У нас это возбуждение ненависти и презрения к правительству проглядывает в каждой статье либеральных органов печати, не исключая даже и более умеренных и в большинстве популярных книг таких, которые предполагаются для широкого распространения в публике [1].

Нельзя сомневаться, что рассказ Гаршина об истреблении ручных медведей в отдельном издании имеет в виду уже не «публику», а народную массу. Напечатан он в числе 12 000 экз. и содержит всего 16 страниц малого формата (в 16-ю д.). Вероятно продается по пятаку, если не дешевле.

Д. Щеглов.

Циркуляр главного управления по делам печати цензурным комитетам и отдельным цензорам по внутренней цензуре о запрещении переиздания рассказа В. М. Гаршина «Медведи, 31 июля 1937 г., № 5900 [2].

Главное управление по делам печати предлагает цензурным комитетам и г.г. отдельным цензорам по внутренней цензуре на будущее время не разрешать к перепечатанию брошюры «Медведи», Вс. Гаршина.

в. и. о. начальника Главного управления по делам печати М. Соловьев.

Представление СПБ цензурного комитета в главное управление по делам печати о рукописи В. М. Гаршина «Пленница», «Attalea princeps» 21 декабря 1904 г. [3]

В С. Петербургский цензурный комитет поступила рукопись под заглавием В. М. Гаршин I. «Пленница». II. «Attalea princeps».

Цензор граф Головин, рассматривавший эту рукопись, доложил комитету, что она состоит из двух сочинений Гаршина: стихотворения «Пленница» и рассказа «Attalea princeps». Характер обоих произведений одинаков: в аллегорической форме изображается порывание к свободе, уничтожаемое гнетом насилия. Нежные отпрыски пальм растут все выше и выше и пробивают стекла оранжереи, но садовник обрезывает побеги безжалостной рукой, и растения гибнут.

Принимая во внимание: 1) что издание предполагаемой брошюры, в которой заключаются вышеназванные произведения Гаршина, несомненно предназначается для народного чтения (как по объему, так и по цене — 3 коп.), 2) что если аллегория произведений и не будет достаточно уяснена читателями-простолюдинами самостоятельно, в настоящее время весьма возможно, что найдутся толкователи, которые объяснят ее народу в нежелательном смысле, и 3) что несколько рассказов Гаршина уже признаны со стороны Главного управления по делам печати неудобными для народного чтения, цензор, руководствуясь циркулярным предписанием Главного управления от 8 мая 1895 г. за № 2799, не признает возможным дозволить к печати представленную рукопись.

стерству внутренних дел, с откомандированием в Главное управление по делам печати. В 1896 г. ему было поручено рассмотрение книг, предназначенных для народного чтения. (См. Главное управление по делам печати, III отделение 1888 г., д. № 58.)

[1] На ней стоит № 46. Стало быть она есть часть целого ряда сочинений, кем-то издаваемых. Напечатана в типографии товарищества Сытина. (Примечание Щеглова.)

[1] Даже для переводов с иностранных языков избираются всего более книги того же направления. (Примечание Щеглова.)

[2] Главное управление по делам печати. II отделение, 1895 г., д. № 51, л. 270.

[3] Там же, 1904 г., д. № 39, л. 99.

С. Петербургский цензурный комитет, находя, что тенденциозность сочинений Гаршина: «Пленница» и «Attalea princeps», останется для народа непонятной, определил: рукопись, заключающую в себе эти произведения, дозволить к печати.

Не соглашаясь, с своей стороны, с определением большинства членов комитета, и признавая стихотворение и рассказ Гаршина заключающими в себе ясную аллегорию на угнетение властью свободы личности, считаю долгом представить рукопись, на основании статьи 56 устава о цензуре и печати, на благоусмотрение Главного управления по делам печати [1].

Председательствующий
А. Катенин.

Отзыв члена ученого комитета Министерства народного просвещения П. Мироносицкого о рассказе В. М. Гаршина «Четыре дня на поле сражения», 14 января 1905 г. [2]

Раненый солдат-волонтер проводит четыре дня на поле битвы в соседстве с трупом им же убитого турка. Он спасается от смерти только благодаря фляжке с водкой, которую он нашел у трупа своей жертвы. Ужасные по своей реальности подробности постепенного разложения трупа убитого турка могут вызвать дрожь в нервном читателе. Война великое зло; воюют люди из под неволи; все бы бросили войну, если бы не заставляли воевать — вот идея рассказа. Мне казалось бы неудобным пускать эту идею в оборот в народных аудиториях и читальнях.

Заключение ученого комитета [3]:

Отдел ученого комитета по начальному образованию, рассмотрев означенное ходатайство [4] и соглашаясь с мнением рецензента о рассказе В. Гаршина «Четыре дня на поле сражения» находит допущение этого рассказа в бесплатные народные читальни и для чтения в народных аудиториях неудобным в настоящее время, в виду чего и полагал бы не вносить его в нормальные каталоги.

Стзыв члена отдела ученого комитета по начальному образованию Майкова о рассказе В. М. Гаршина «Красный цветок», 23 октября 1909. [1]

Сумасшедший, попавший в больницу для душевнобольных, воображает себя призванным к уничтожению зла на земле (стр. 11). Все его сотоварищи по болезни собрались для выполнения того же призвания; зло на земле олицетворяется для него в красном цветке — маке, который он увидел в больничном саду; цвет его ярче, чем цвет красного креста на больничном колпаке; поэтому зло победит, если он его не уничтожит. В этот цветок собралось все зло мира, вся желчь, все пролитые слезы, вся пролитая кровь человечества. Уничтожая красные цветы, он уничтожает зло. Сторожа, доктора, люди мешают ему выполнить свое призвание.

Как понять этот рассказ? Есть ли это аллегория, или автор просто хотел изобразить человека, помешавшегося на освободительных идеях, выросшего на той нездоровой литературе, которая развивает в современном обществе известного рода сентиментализм?

Во всяком случае рассказ непригоден для народных читален и библиотек.

Определение ученого комитета:

Признать вышеозначенный рассказ не подлежащим внесению в список сочинений, заслуживающих внимания при пополнении бесплатных народных читален и библиотек [2].

Отзыв члена отдела ученого комитета по начальному образованию Майкова о рассказе В. М. Гаршина «То, чего не было», 6 марта 1909 [3]

В издании СПБ комитета грамотности (СПБ. 1894), по отзыву члена Щемякина, [рассказ] признан незаслуживающим одобрения.

Суть рассказа заключается в том, что некоторая компания «господ» (стр. 5) — старый гнедой, гусеница, улитка, навозный жук, ящерица сидели на полянке и рассуждали, как велик свет и что такое жизнь; каждый судил с доступной ему точки зрения, пока не пришел конюх Антон за гнедым и, наступив на компанию своим тяжелым сапогом не раздавил ее. Как ни печально, но этот рассказ, подписанный именем такого симпатичного писателя как Гаршин, напоминает невольно «басню Крылова», сочиненную капитаном Лебядкиным в «Бесах» Достоевского о таракане, который «попал в стакан полный мухоедства»

---

[1] Рассказы «Пленница» и «Attalea princeps» вместе с представлением СПБ цензурного комитета были переданы на заключение члена совета Главного управления по делам печати Ромейко-Гурко. Он признал, что они «без всякого сомнения изображают аллегорически угнетение элементов, поставленных в условия, не отвечающие природным их требованиям», но отказался усмотреть в них опасную тенденциозность и придавать им социальное значение. Основываясь на его отзыве, Главное управление по делам печати разрешило рассказы.

(Главное управление по делам печати, III отдел., 1904 г., д. № 39, лл. 101—103).

[2] Ученый комитет Мин-ва народн. просвещен. Журналы заседаний отдела по начальному образованию за 1905 г., стр. 189—190.

[3] На заключении ученого комитета имеется резолюция товарища министра народного просвещения Ренар: «Согласен. И. Ренар, 1 февраля 1905 г.».

[4] Рассказ «Четыре дня на поле сражения» рассматривался в ученом комитете в связи с ходатайством Смоленского губ. комитета попечительства о народной трезвости о допущении его для народных чтений.

[1] Ученый комитет мин. нар. просвещения, журналы заседаний отдела по начальному образованию за 1909 г., стр. 2227—2228.

[2] На определении ученого комитета имеется резолюция товарища министра народного просвещения Г. К. Ульянова: «Согласен. 1 ноября».

[3] Ученый комитет Мин. нар. просвещения. Журналы заседаний отдела по начальному образованию за 1915 г., стр. 533—534.

и которого «Никифор благороднейший старик» выплескивает в лохань вместе с мухами, причем «таракан не ропщет».

Книга для школ непригодна.

Н. Майков.

Определение отдела ученого Комитета по начальному образованию: Названную книжку признать, согласно с заключением рецензента, непригодной для школьных библиотек [1].

Борьба царской цензуры с произведениями А. С. Серафимовича

Публикуемые документы — отзывы царских цензоров и решения цензурных органов об уничтожении произведений А. С. Серафимовича — «Стрелочник» (1903 г.), «Бой петухов» (1903 г.), «Сцепщик» (1905 г.), «У обрыва» (1911 г.), «Похоронный марш» (1913 г.) и «Среди ночи» (1913 г.) — свидетельствуют о том, как зорко следила царская цензура за творчеством пролетарского писателя А. С. Серафимовича, разоблачавшего царизм, гнет, произвол и бесчеловечную эксплоатацию рабочих и крестьян и показывавшего пробуждение в массах угнетенного народа революционного сознания и попыток к ниспровержению царизма.

Цензура, стоявшая на страже защиты интересов реакции и царизма, из боязни распространения рассказов А. С. Серафимовича в народе, применяла самые решительные меры в борьбе с этим писателем, вплоть до уничтожения посредством «разрывания на мелкие части» отпечатанных экземпляров его произведений. Арест и задержание книг было обычной мерой в глазах цензуры и для устранения крайне опасных произведений А. С. Серафимовича она применяла крайние средства...

Чем же так беспокоил цензуру А. С. Серафимович? Во-первых идейным содержанием, пролетарской революционностью своих рассказов. Цензор, рассматривавший рассказ «У обрыва», в испуге доносил начальству, что «автор проповедует революционные идеи. Он доказывает, что революцию необходимо продолжать и что ее благополучный исход вполне обеспечен тем, что народу уже невмоготу выносить правительственный гнет. Этими словами автор призывает к ниспровержению существующего государственного строя». Вопреки мнению цензора, А. Серафимович не отдельными «словами» только, а всем содержанием своего творчества подрывал основы помещичье-монархического строя.

Рассказы А. С. Серафимовича, вызвавшие тревогу цензуры,— о которых идет речь в публикуемых материалах,— яркое тому доказательство. Правдивое и смелое обличение А. С. Серафимовичем постылой и страшной жизни деревенских бедняков и рабочих в условиях развившейся в 80—90-е годы капиталистической эксплоатации, придавали его рассказам характер горячей агитации и призыва к борьбе с палачами и угнетателями народа.

Серафимовичу была чужда слащаво-народническая идеализация отсталых форм мелкособственнического хозяйства,— он был далек и от барско-эстетского пессимизма Ив. Бунина,— он был в рядах зачинателей пролетарского, социалистического реализма. И высокое художественное мастерство творчества А. С. Серафимовича только усиливает эффект его поэтического воздействия на читателей.

С этим была связана и другая причина борьбы с ним цензуры. А. С. Серафимович был связан с массами, он обращался к широким кругам, к массам читателей. Свои рассказы он печатал в изданиях, предназначаемых для народа. Свои рассказы он писал в простой доступной всякому форме. И цензура боялась и не допускала появления рассказов А. С. Серафимовича в массовых изданиях. В первом из публикуемых здесь документов цензор указывает на специальный циркуляр Главного управления по делам печати от 1895 г., которым предписывалось пресекать доступ в народные массы произведений революционного характера. А таковыми по своей идейной направленности и были названные рассказы писателя-революционера А. С. Серафимовича.

Н. Бельчиков.

Отзыв цензора Андрияшева о рассказе А. Серафимовича «Стрелочник», 6 мая 1903 г. [2]

Рассказ Серафимовича под заглавием «Стрелочник». Издание «Донской Речи» в Ростове на Дону.

Содержание небольшого рассказа этого (24 стр.) таково. На маленькой железнодорожной станции служит стрелочником Иван. Служба у него чисто каторжная: он должен и стрелки переводить, и станцию держать в чистоте и зажигать, и исполнять все черные работы в квартирах начальника станции и его помощника. Такую работу он исполняет уже больше 20 лет. Однажды ночью, торопясь перебежать от одной стрелки к другой,

[1] На определении ученого комитета резолюция товарища министра народного просвещения В. Т. Шевякова: «Считаю книжку непригодной для школьных библиотек. 20 марта».

[2] СПБ цензурный комитет, отдел рукописей, № 1103. Документы подготовлены к печати И. Ковалевым.

он попадает под поезд и оставляет свою семью без куска хлеба, т. к. железнодорожное начальство отказывает семье даже в пособии, на том основании, что Иван погиб не по вине дороги, а по собственной неосторожности.

Имея в виду, что это издание рассказа Серафимовича имеет все признаки издания, предназначенного для народа, и руководствуясь циркуляром Главного управления о народных изданиях, я не нахожу возможным разрешить к печати отдельным изданием рассказ г. Серафимовича «Стрелочник» [1].

Цензор Андрияшев.

Отзыв цензора Энгельгардта о рассказе А. Серафимовича «Бой петухов» 21 мая 1903 г. [2]

Действие происходит в Малороссии. Между помещичьей усадьбой и крестьянством установились те отношения какие бывают между когда-то богатым, а теперь умирающим хозяйством, с одной стороны, и здоровыми, сильными, не знающими устали крестьянскими дворами. Крестьяне относились к барину свысока. И вот, барин, отставной офицер, задумал просвещать крестьян, вместо кабака научить их спорту. Выписал боевых петухов и в один прекрасный день, надев мундир, предложил крестьянам в виде развлечения петушиный бой со ставкой в 1 рубль. Сначала крестьяне отнеслись недоверчиво и боязливо к затее, но когда один из них выиграл 3 р., то желание быстро выиграть, как выиграл один Иван, охватило толпу и странно, отношение мужиков к помещику мгновенно изменилось, из сдержанно-почтительного оно разом перешло в фамильярное, как будто это был свой брат. Кончилось тем, что крестьяне, слегка подвыпившие, окружили помещика, мгновенно разнесли забор, скамейки, стали даже хватать барина кто за рукав, кто за шиворот. Тот не выдержал, ударил одного из них и — о ужас, получил сдачи. При помощи вооруженных конюхов, едва удалось разогнать бунтующую толпу.— «Нет, слишком груб наш народ,— думал помещик, прикладывая примочку к побитому глазу,— груб и темен, еще плеть нужна, ему кабак нужен; более разумные и тонкие удовольствия ему недоступны».

Весь рассказ проникнут издевательством над беднеющим ..... [1] помещиком. Отношение крестьян к нему — сначала презрительное, насмешливое, потом грубое, доходящее до оскорбления. Ввиду малого объема рассказа и общедоступности, он чисто народный. Не находя в нем не только ничего поучительного, но и много вредного, цензор полагает его запретить, на основании циркуляра Главного управления о народных изданиях [2].

Цензор Энгельгардт.

Отзыв цензора Энгельгардта о рассказе А. Серафимовича «Сцепщик», 13 июля 1905 г. [3]

Коротенький рассказ в 14 страниц. У Макара 5 чел. детей,— должность его тяжелая: сцепщика заставляют работать 24 часа подряд и 24 ч. на отдых. В часы работы он превращается в скотину от усталости, от голода, от полного бесправия и всесторонней ругани. В часы отдыха он теряет даже вид скота и пьет, пропивает все. Вот его жизнь. Наконец, утомленный Макар сделал какую-то незначительную ошибку. Его зовет начальник станции и порет, при всех бьет по морде до крови. Сначала Макар находит это в порядке вещей: на то начальство, чтобы бить бедных людей. Но на другой день, напившись и подстрекаемый товарищами, хочет подать жалобу по начальству.

За эту дерзость начальник станции велит его вытолкать в шею тотчас. Он плачет и винится — говоря, что морда бедняка и сделана, чтобы быть битой и, что это даже особая честь. Он и все семейство остаются без куска хлеба. С отчаяния Макар все пропивает и пьяный рыдает над голодными детьми.

Рассказ очень короткий, написан общедоступно, будет продаваться дешево [за] несколько копеек. И потому, как издаваемый

---

[1] 7 мая 1903 г. в заседании СПБ цензурного комитета, на котором был заслушан доклад цензора Андрияшева о рассказе Серафимовича «Стрелочник» было вынесено решение: «Вышеназванный рассказ к напечатанию отдельным изданием не дозволять на основании приведенного цензором предписания Главного управления по делам печати и ст. 113 Устава о цензуре и печати» (СПБ цензурный комитет, отдел рукописей, № 1103). Имеется в виду циркуляр Главного управления по делам печати от 8 мая 1895 года за № 2799 «о более строгом цензировании народных книг и брошюр». Этот циркуляр имел целью пресечь доступ противоправительственных и революционных идей в народные массы. Цензурным комитетам и отдельным цензорам по внутренней цензуре предписывалось: «отнюдь не допускать к печати таких произведений, которые по содержанию своему не могут быть признаны безусловно безвредными для народного чтения». (Главное управление по делам печати, III отд., № 51, 1895 г., л. 67).

[2] СПБ цензурный комитет, отдел рукописей, № 1073.

[1] В подлиннике одно слово неразобрано.

[2] В заседании СПБ цензурного комитета 21 мая 1903 г., по докладу цензора Энгельгардта о рассказе А. Серафимовича «Бой петухов», было вынесено решение: «Рассказ к печати не разрешать за силою приведенного цензором предписания Главного управления по делам печати и ст. 113 Устава о цензуре и печати» (СПБ цензурный комитет, отдел рукописей, № 1073).

[3] СПБ цензурный комитет, отдел рукописей, № 1583.

для народа, подлежит запрещению на основании циркуляра о народных изданиях [1].

Цензор Энгельгардт.

Отношение С. Петербургского комитета по делам печати прокурору С. Петербургской судебной палаты, 9 сентября 1911 г. [2]

На рассмотрение С. Петербургского комитета по делам печати поступила отпечатанная в типографии Т-ва Андерсона и Лойцянского (Вознесенский, 53) книга под заглавием: «Литературно-художественные Альманахи», Издательства «Шиповник». Книга 1, СПБ, 1911 г.

В числе рассказов, помещенных в названной книге имеется рассказ А. Серафимовича под заглавием «У обрыва». Темою этого произведения служат действия казаков, вызванных для усмирения народных волнений. Стремясь убедить читателя, что участие войск в усмирении бунтов не может быть оправдываемо как исполнение воинского долга, основанного на воинской присяге, автор этого рассказа устами одного из действующих лиц (на страницах 26 и 27) проводит мысль, что воинская присяга, обыкновенно приносимая воинскими чинами на верность службе пред священником, не действительна, так как присягать следует «пред Господом, пред святыми его звездами, перед ясным месяцем, перед темным лесом, перед чистой водой, перед зверем лесным, перед птицей полевой, перед человеком, потому что жисть она человеческая — а не перед попом волосатым, ему абы хабары. Вот она присяга истинная. Вот кому присягали мученики. Вот кому должен присягать всякий, у кого душа не в мозолях... А вы, несчастненькие, обидел вас бог, замозолилась у вас душа, тыкаетесь, как слепые щенята... Жисть, вот она кругом, ей присягать надо, а не попу, а вы ее топчете конями, да колете пиками, да рубите шашками, да бьете из ружей... ишь, пустил пулю, куда она полетела...

Травка растет, ты ее побереги, прут гонит из земли, ты его обойди, не сломи.... с плугом ходишь, сколько заботы примешь, покеда перышко выгонит, да пойдет в трубку, да в колосок, да нальется, да-а, а ты все ходишь округ нее; а человек, нешто он дешевле пшеницы, подумай-ка, живой ведь он, и вон звезды-то всем нам одинаково светят, а ты приехал тиранить, да убивать, да в тюрьму сажать... Присяга... нет больше присяги, как жисть человеческая, самая дорогая, братику, присяга».

Результатом такого рода рассуждений, по рассказу, было то, что один из казаков, признав правильность вышеприведенных доводов, вопреки своему долгу, предупредил людей, которым грозила ответственность за насилие, учиненное ими над воинским патрулем, об опасности задержания их взводом казаков.

Из изложенного видно, что рассказ А. Серафимовича «У обрыва» несомненно имеет своею целью возбуждение воинских чинов к неисполнению ими служебных обязанностей и, таким образом, заключает в себе признаки преступного деяния, предусматриваемого п. 5 ст. 129 Уг. ул. [1].

Принимая во внимание такое содержание приведенного рассказа, помещенного в рассматриваемой книге, а также имея в виду, что этот рассказ был напечатан в книге I «Литературно-художественный Альманах» издательства «Шиповник», вышедшей в 1907 г. и отпечатанной в «Вольной типографии» (Фонтанка, 94) и, кроме того, в издании т-ва «Знание» под заглавием: «А. Серафимович. Рассказы. Том. III. 1908 г.», отпечатанном в типографии «Север» (Садовая, 60), обложка — в типографии 1-й СПБ. Трудовой Артели (Лиговская, 34), С. Петербургский комитет по делам печати постановил: 1) привлечь к уголовной ответственности, по силе приведенной статьи закона, лиц, виновных в напечатании означенных изданий и 2) наложить на эти издания арест, на основании ст. 3 отд. IV Временных правил для неповременной печати 26 апреля 1906 г.

Сообщая о сем, в дополнение к отношению своему от 25 августа сего года за № 1363, комитет имеет честь покорнейше просить ваше превосходительство возбудить судебное преследование против представителей издательств «Шиповник» и товарищества «Знание», полное имя и место жительства которых комитету неизвестны, а равно и против других лиц, могущих оказаться виновными по тому же делу.

Экземпляры инкриминируемых изданий при сем препровождаются.

Член комитета Лебедев.

---

[1] В заседании СПБ цензурного комитета 13 июля 1905 г. по докладу цензора Энгельгардта о рассказе А. Серафимовича «Сцепщик» было принято постановление: «Вышеозначенный рассказ к напечатанию не разрешать на основании приведенного цензором распоряжения Главного управления по делам печати и ст. 113 Устава о цензуре и печати» (см. СПБ цензурный Комитет, отдел рукописей, № 1583).

[2] Главное управление по делам печати, 1 отд., 1911 г., № 186-а, лл. 3—4, печатается по копии.

В основу отношения С. Петербургского комитета по делам печати прокурору С. Петербургской судебной палаты положен письменный доклад члена СПБ комитета по делам печати Осипова (СПБ, Комитет по делам печати 1911 г., № 89, лл. 5—6), который был заслушан в заседании комитета 25 августа 1911 г.

[1] Вместо этого абзаца в отзыве цензора Осипова имеется следующее: «Таким образом основная мысль автора, что участие войск в усмирении народных волнений вообще и употребление при этом оружия есть дело противное истинной присяге пред господом, так как «нет больше присяги, как жизнь человеческая», заключает в себе признаки преступления предусмотренного пунктом 5 ст. 129, как возбуждающего воинские чины к неисполнению ими служебного долга» (СПБ цензурный комитет, 1911 г., д. № 89, л. 6).

Отношение Главного управления по делам печати прокурору С. Петербургского окружного суда, 30 марта 1912 г.[1]

Вследствие отношения от 31 октября 1911 г. за № 1782 Главное управление по делам печати имеет честь уведомить ваше превосходительство, что согласно сообщению СПБ градоначальника от 14 марта с. г. за №, 1251 в типографии Спб. градоначальства, в комиссии 22 февраля тек. года, уничтожены посредством разрывания на мелкие части, вырезанные из 1 090 экземпляров книги «Литературно-Художественный альманах». Изд. «Шиповник» СПБ 1911 года», страницы 1—28 и из 750 экземпляров книги «Серафимович, 3 том. Рассказы». СПБ. 1908 года. Изд. Т-ва «Знание», страницы 19, 20, 21 и 22 и обложки последней[2].

К изложенному Главное управление по делам печати считает долгом присовокупить, что относительно определений СПБ судебной палаты от 27 сентября и 17 октября 1911 года об уничтожении упомянутых вырезок из означенных брошюр, сообщено гг. губернаторам в циркулярном отношении управления от 8 ноября 1911 г. за № 12573 для зависящих с их стороны распоряжений.

За начальника Главного управления по делам печати, член совета А. Катенин.

Отношение С. Петербургского комитета по делам печати в С. Петербургскую судебную палату, 11 сентября 1913 г.[3]

От начальника Енисейского губернского жандармского управления при отношении от 3 июля 1912 г. за № 6981 поступил на рассмотрение С. Петербургского комитета по делам печати, доставленный при предложении Главного управления по делам печати от 10 мая сего года за № 6542, экземпляр книги под заглавием: «Сборник товарищества «Знание» за 1906 год. Книга девятая». Издание товарищества «Знание». Цена 1 руб. СПБ. 1906 г.

В означенном сборнике имеется, между прочим, рассказ А. Серафимовича, под заглавием «Похоронный марш», в котором описывается шествие многотысячной толпы рабочих по улицам города, с красными знаменами и пением известного революционного «похоронного марша» — «Вы жертвою пали борьбы роковой», и встреча с выступившим против нее отрядом солдат, вооруженных ружьями и пулеметами, однако отказавшихся исполнить команду офицера стрелять и «радостно» слившихся с бунтующей толпой (см. стр. 260—261). Эта революционная толпа рабочих, по словам автора, шла густыми чернеющими рядами и «красные знамена тяжело взмывали над ними, красные от крови борцов, щедро смочивших их до самого древка» (стр. 255). Толпа гордо (257 стр.) кричит: «Да здравствует свобода!.. Да здравствует рабочий народ!..» (стр. 255). Толпа неоднократно поет «могуче звучащий» похоронный марш: «Вы жертвою пали борьбы роковой»... и глаза певших эту «торжествующую песнь смерти»,— по словам автора,— «сверкали, и бледные лица светились вдохновенным призывом»... (см. стр. 256, 258, 259—260). Возвышаясь над толпою, оратор держит к товарищам речь, дышащую ненавистью и бунтовщическим возбуждением.— «Не руки наши страшны врагам,— говорит он,— страшны сердца, страшно наше презрение, страшны горячие сердца, бьющиеся неутолимой жаждой свободы. Как черная зияющая бездна, раскрылось наше сознание, и мы увидели наше глубокое рабство, и мы увидели наших поработителей. И, собравшись, мы стали на одном краю бездны, а наши поработители — на другом, и поняли мы — нет нам примирения. И поняли они — нет им примирения. И в этом ужас наших врагов...» (См стр. 257—258).

Таким образом, Серафимович, картинно описывая торжествующее шествие по городу многотысячной революционно-настроенной толпы рабочих, с красными знаменами, щедро смоченными кровью борцов, распевающих похоронный марш революционеров — «Вы жертвою пали борьбы роковой», и изображая случай отказа отряда солдат стрелять в эту бунтующую толпу, вкладывает в уста рабочего-оратора речь, дышащую глубокою ненавистью «рабов» — пролетариев к своим поработителям и говорит: «нет им примирения»... Сам автор с видимым сочувствием относится и к описанному революционному выступлению рабочих, и к бунтарским речам оратора: бледные лица певших «торжествующую песнь смерти,— по его словам,— светились вдохновенным призывом», солдаты «радостно» сливались с бунтующей толпой. При таких данных рассказ «Похоронный марш» несомненно содержит в себе возбуждение к изменническим и бунтовщическим деяниям...

...В рассказе А. Серафимовича «Среди ночи» описывается ночлег партии рабочих в казарме шоссейной дороги, где-то в горах, причем излагаются речи рабочих, с жалобами на свою горькую долю, которой резко противопоставляется счастливая судьба богачей-хозяев, бар-дворян и духовенства... В отрывочных речах этих говорится о «голой эксплоатации» капиталистами «голодных пролетариев» — рабочих, о «гуляющих господах» (стр. 238), о хозяине, «который на готовых хлебах спит себе с женой или брандахлыстает по театрам да по трактирам» и о рабочем человеке, который никогда почти не отдыхает, мало бывает в своей семье, не видит радостей жизни... (стр. 243). «Была прежде барщина, теперь барщины нету», ну что-ж, легче стало народу? Как не так, все одно гни спину по четырнадцати часов в сутки, да виляй хвостом перед хозяином». «Хозяе-

---

[1] Главное управление по делам печати, 1 отд., 1911 г., № 186-а, л. 20.

[2] 21 декабря 1912 г. С. Петербургская судебная палата постановила: все арестованные вырезки рассказа Серафимовича «У обрыва» — уничтожить вместе со стереотипами и другими принадлежностями тиснения, заготовленными для ее напечатания». (Главное управление по делам печати, 1 отд. 1911 г., № 186-а, л. 24).

[3] Главное управление по делам печати, 1 отд., 1913 г. № 237, лл. 3—5.

ва да подрядчики жмут... нас, аж сок из нас бегить» (стр. 345). «В могилу закопают, вот и спокой... тогда все хозяева добрые станут». «Все одно и с землею сожрет барин да начальство»... (стр. 26 и 248). «Ну попы, может, помогут. Тоже... им что отзвонил да с колокольни долой... Ему хабаров набрать, больше ему ничего не надоть»... (стр. 245).

Таким образом, резко противопоставляя в рассказе «Среди ночи», с одной стороны,— сытых и веселящихся хозяев-капиталистов, эксплоатирующих «голодных пролетариев» — рабочих, барина-дворянина, готового «сожрать» мужика и «с землею» и «попов», которым «ничего не надоть», только бы «хабаров набрать», и с другой стороны,— неимущих рабочих, которых так «жмут» хозяева, что из них «сок бегить», и крестьян, вечно работающих, страдающих и только в могиле находящих «спокой», Серафимович тем самым возбуждает вражду между хозяевами и рабочими, а также между сословиями — дворянским, духовным и крестьянским.

Имея в виду, что в вышеозначенных рассказах, напечатанных в IX книге «Сборника товарищества «Знание» за 1906 год», заключаются признаки преступлений, предусмотренных 1, 5 и 6 пунктами 1 части 129 ст. и принимая во внимание, что за силою 4 пункта 16 ст. уст. уголовного судопроизводства и 5 ст. XVIII раздела высочайшего указа правительствующему сенату от 21 февраля 1913 г. уголовное преследование не может быть возбуждено и виновные по распоряжению судебной власти подлежат освобождению от суда и наказания, С.-Петербургский комитет по делам печати постановил: на основании 1213 [11] ст. Устава уголовного судопроизводства наложить арест на все экземпляры вышеозначенного издания и, не входя в обсуждение вопроса об уголовной ответственности виновных, согласно 1213[16] ст. Устава уголовного судопроизводства, сообщить прокурору С.-Петербургской судебной палаты [1].

Экземпляр книги прилагается.

Председательствующий, член Совета Главного управления по делам печати С. Висс а р и о н о в.

Из отношения помощника С. Петербургского градоначальника в Главное управление по делам печати 12 февраля 1914 г. [2]

Вследствие отношений от 22 ноября и 19 декабря 1913 г. за №№ 17160 и 18712, имею честь уведомить Главное управление по делам печати, что 1 февраля сего года в типографии С. Петербургского градоначальства, в комиссии, уничтожены, посредством разрывания на мелкие части, вырезки из арестованных экземпляров: 1) 9-й книги Сборника Товарищества «Знание» за 1906 год (страницы 235—252, 255—261 и 265—315)...

За градоначальника, помощник его, камергер двора Лысогорский.

Из журнала заседаний Петроградского комитета по делам печати, 23 октября 1915 г. [1]

На рассмотрение Петроградского комитета по делам печати поступила 14 октября сего года книга, под заглавием: «Литературно-художественные альманахи» издательства «Шиповник». Книга первая. СПБ. 1907 г.» [2].

В этом сборнике обращает на себя внимание рассказ А. Серафимовича, под заглавием: «У обрыва» (стр. 9—30) следующего содержания:

Ночью, на берегу реки, два мужика караулят баржу. К ним присоединяется бежавший из города революционер, которого они принимают радушно и приглашают к ужину. Революционер горько жалуется на разгром властями революции и гибель своих лучших товарищей. Один из караульщиков, старик, утешает его тем, что его работа не пропала даром, потому что посеянная пропаганда принесет со временем свои плоды, и этому не помешают никакие репрессии властей, так как народ уже не в силах выносить правительственный гнет. «Так-тось, братику,— говорил старик,— сколь ни точи траву, она все распрямляется, все тянется кверху. И народ, сколько его ни дави, сколь ни тирань, а он, братику, помаленечку распрямляется. Пущай жгут, пущай бьют, ноне город разорят, завтра деревню сожгут, а на месте того приходится громить пять городов, приходится жечь сто деревень — народ распрямляется, как притоптанная трава» (стр. 16—17).

Но, вот подъезжают два казака, разыскивающие бежавшего революционера, вяжут беглеца и собираются угнать всех в город. Мужики по безмолвному соглашению внезапно бросаются на казаков, обезоруживают их, вяжут, кладут на берегу реки и спокойно продолжают ужин.

Пришедшие в себя казаки начинают грозить мужикам жестоким наказанием по закону, но старик отвечает, что они ничего не боятся, потому что бросят казаков в воду, лошадей пустят в степь, и всякие следы преступления исчезнут. Услышав такую угрозу младший казак горько зарыдал. На это старик ему говорил: «— А-а, жидок на расправу, а людей неповинных и беззащитных убить али искалечить, это ты можешь. Ехал

---

[1] 18 сентября 1913 г. С. Петербургская судебная палата утвердила постановление СПБ комитета по делам печати о наложении ареста на IX книгу «Сборника товарищества «Знание». 27 сентября того же года С. Петербургская судебная палата постановила рассказы А. Серафимовича «Среди ночи» (стр. 235—252) и «Похоронный марш» (стр. 255—261), напечатанные в вышеозначенном сборнике «уничтожить вместе со стереотипами и другими принадлежностями тиснения, заготовленными для их напечатания» (см. Главное управление по делам печати, 1 отд., 1913 г. № 237, л. 11).

[2] Главное управление по делам печати, 1 отд. 1913 г., № 237, л. 12.

[1] Там же, 1915 г., № 276, лл. 3—4.

[2] «Литературно-художественный альманах» издательство «Шиповник». Кн. 1., СПБ. 1907 г. рассматривал цензор Трофимович, отзыв его вошел в настоящую «выписку из журнала» и находится в деле Петроградского комитета по делам печати, 1915 г., № 56, лл. 6—9.

ты убивать и калечить людей, ни об чем не думал, а теперь сам лежишь и ждешь.— Да, придет время, так-то и народ нежданно-негаданно подымется и будете удивляться, и душа у нас смертно заскорбит и возопиет: эх, кабы воротить, по иному бы жили».

На заявление старшего казака, что они поступают по долгу службы, потому что присягали престолу и отечеству, старик с азартом возражает: — Присяга. Вот она присяга перед господом, перед святыми его звездами, перед ясным месяцем, перед темным лесом, перед человеком, потому что жисть она человеческая — не перед попом волосатым, ему абы хабары. Жисть, вот она кругом — ей присягать надо, а не попу, а вы ее топчете конями, да колете пиками, да рубите шашками, да бьете из ружей. Присяга! Нет больше присяги, как жисть человеческая, самая дорогая, братику, присяга. Жисть сильнее шашки, сильнее пули, сильнее винтовки» (стр. 27).

Рассказ кончается тем, что отпущенный на свободу казак признает рассуждения старика правильными.

Таким образом в приведенном выше отрывке рассказа, помещенном на страницах 16 и 17, автор проповедует революционные идеи. Он доказывает, что революцию необходимо продолжать и что ее благополучный исход вполне обеспечен тем, что народу уже невмоготу выносить правительственный гнет. Этими словами автор призывает к ниспровержению существующего государственного строя и тем самым совершает преступление, предусмотренное 1 пунктом 1 части 129 ст. уголовного уложения.

Принимая во внимание, что в содержании помещенного в сборнике рассказа А. Серафимовича «У обрыва» имеются признаки преступлений, предусмотренных 1 и 5 пунктами 1 части 129 ст. уг. ул. и что на основании 4 пункта 16 ст. устава уголовного судопроизводства и 5 статьи XVIII раздела высочайшего указа правительствующему сенату от 21 февраля 1913 г., виновные в преступлении в печати подлежат освобождению от суда и наказания по распоряжению судебной власти, Петроградский комитет по делам печати постановил: не входя в обсуждение вопроса об уголовной ответственности виновных, наложить арест на «Литературно-художественные альманахи» издательства «Шиповник». Книга 1-я, СПБ. 1907» на основании 1213[11] статьи устава уголовного судопроизводства, о чем сообщить прокурору Петроградской судебной палаты[1].

---

[1] 4 декабря 1915 г. Петроградская судебная палата утвердила постановление Петроградского комитета по делам печати о наложении ареста на первую книгу «Литературно-художественного альманаха». 21 декабря того же года, Петроградская судебная палата постановила рассказ А. Серафимовича «У обрыва», напечатанный в означенном альманахе,— «уничтожить» (См. главное Управление по делам печати, 1 отд., 1915 г., № 276, л. 10).

Байрон в Греции

(К 150-летию со дня рождения)

Потрясенная наполеоновскими войнами Европа после Венского конгресса 1815 года вступила в полосу жестокой реакции. Изолировав «генерала Бонапарта» на острове св. Елены, европейские державы приступили к установлению в Европе «старого порядка». Вдохновитель европейской реакции, австрийский дипломат Меттерних ловко использовал брошенную впавшим в мистицизм Александром I идею о «христианском братстве» и сделался ярым поборником подписанного в Париже в 1815 г. «Священного союза».

Пытаясь утвердить всюду в Европе «законный» монархический принцип, «Священный союз» возбуждал этим глухую ненависть среди народов. На своих конгрессах в Лайбахе, Троппау и Вероне «Священный союз» сделал все, чтоб подавить революции в Испании, Португалии и Италии в 1820—1821 годах.

К этому времени деспотизм турецких султанов, на протяжении долгих столетий угнетавших народы Балканского полуострова, Архипелага и Пелопонеса, достиг своих крайних пределов.

В 1821 году греческий народ восстал, подготовленный к этому тайными обществами (гетериями), ставившими свою целью освобождение Греции от турецкого ига.

На Лайбахском и Веронском конгрессах вопрос о Греции также обсуждался. Греки были признаны мятежниками, потрясателями основ «монархической» султанской Турции.

Свободолюбивые слои европейских народов видели в борьбе греческих повстанцев осуществление своих чаяний и идеалов, грубо попираемых европейской реакцией, вдохновляемой «Священным союзом». Поэтому греческое восстание нашло горячий отклик среди лучших представителей передовых людей Европы первой четверти XIX столетия. Среди них одним из первых был знаменитый английский поэт Байрон.

Вынужденный уйти в изгнание по интригам английской аристократии, увидевшей в Байроне противника своих классовых интересов, знаменитый поэт долго скитался по Европе, живя сначала в Швейцарии, потом в Италии. Здесь Байрон принимал горячее участие в борьбе итальянских карбонариев, боровшихся против австрийского ига.

Неудачи итальянского восстания, задушен-

ного сторонниками «Священного союза», воспламенили в пылкой натуре Байрона еще большую ненависть к угнетателям порабощенных народов и побудили его отправиться в Грецию, революционные события в которой уже заставили говорить о себе всю Европу.

Еще в Генуе к Байрону прибыли из Греции представители повстанцев и просили его принять участие в судьбе греческого народа и авторитетом своего имени приостановить распри между греческими вождями.

В июле 1823 года Байрон на корабле «Геркулес» отплыл со своими немногими друзьями в Кефалонию, остров в Ионическом море. Отсюда Байрон призывал вождей греческого восстания в интересах единства борьбы против турецкого деспотизма прекратить распри. Байрон снабжал греческих повстанцев оружием, деньгами, продовольствием, получая для этого средства от Лондонского комитета помощи грекам.

Захваченный греками порт Миссолонги сделался центром и резиденцией князя Маврокордато, одного из главнейших греческих вождей. По приглашению последнего, Байрон направился в Миссолонги. На пути его судно было задержано турецким флотом, но вскоре было отпущено.

В Миссолонги Байроном был организован отряд в три тысячи человек для захвата занятого турками города Лепанто. Руководителем отряда был назначен Байрон. Но ему не удалось принять в этом деле участия. Отряд сулиотов, набранных из горного албанского племени, взбунтовался и потребовал увеличения жалованья. Бунт был ликвидирован, но поход в Лепанто пришлось отложить.

Нездоровая местность в Миссолонги, сырой и болотистый климат губительно отразились на здоровье Байрона.

19 апреля 1824 года великий поэт скончался в Миссолонги от жестоких приступов болотной лихорадки.

Печатаемые ниже архивные материалы представляют собой выдержки из официальных донесений царского поверенного в делах М. Минчиаки (M. Minciaky), имевшего свою резиденцию в Константинополе. М. Минчиаки в своих донесениях дает крайне скупые сведения о роли Байрона в греческом восстании. Царское правительство Александра I не сочувствовало помощи, оказываемой английской общественностью греческим повстанцам. Англия не входила в реакционный «Священный союз», объединивший три монархии: Россию, Пруссию и Австрию.

В донесениях М. Минчиаки греческое восстание рассматривается как помеха монархическому принципу Турции, а роль Байрона в этом восстании отражена короткими репликами протокольного характера.

Но и эти официальные, короткие замечания М. Минчиаки представляют определенный интерес для освещения роли Байрона в греческом восстании. Огромное влияние Байрона на Пушкина, Лермонтова и других писателей той эпохи усиливает этот интерес к участи великого английского поэта.

Подлинные донесения М. Минчиаки хранятся в Государственном Архиве внешней политики; написаны они на французском языке (фонд М. И. Д., канцелярия, д. № 2347).

А. Юрьев.

Выдержка из депеши поверенного в делах в Константинополе Минчиаки министру иностранных дел гр. Нессельроде 14/26 февраля 1824 г., № 18.

Граф,

...Лорд Байрон, в сопровождении Маврокордато[1], полковника Стэнгоп[2] и нескольких других английских офицеров, направился в Миссолонги[3], откуда он продолжает поддерживать сношения с греческими повстанцами, оказывая им помощь деньгами и оружием. Сопровождающие его офицеры взялись обучить на европейский лад гарнизон, занимающий этот город.

Вообще, с некоторых пор замечается, что дело греков приобретает со дня на день все большую популярность среди англичан, находящихся на Востоке или служащих на эскадре, крейсирующей в Архипелаге. Но если, с одной стороны, эта склонность англичан не может не быть в известной мере полезна грекам, то она производит тягостное впечатление на Порту, и явилась поводом для возобновления с ее стороны жалоб послу его величества британского короля, в особенности в отношении лорда Байрона, который прожил несколько месяцев в Кефалонии[4] перед тем как поехать в Миссолонги.

Судно под английским флагом, приняв на борт в Кефалонии лошадей, оружие и десять тысяч талеров, принадлежащих лорду Байрону, было задержано у Патраса[5] турецкими крейсерами. Хотя оно было снабжено документами на Триест, однако настоящим его назначением были Миссолонги. Несмотря на это последнее обстоятельство, Юсуф паша патрасский[6], считая груз английской собственностью, распорядился возвратить его лорду Байрону.

М. Минчиаки.

---

[1] Маврокордато Александр (1791—1865),— один из крупных организаторов греческого восстания в 1821 году. Президент первого греческого национального собрания; руководитель защиты Миссолонги в 1824 году.

[2] Стэнгоп — английский полковник, один из друзей Байрона, отправившихся с ним в Грецию.

[3] Миссолонги — город в Греции на северном берегу Патрасского залива, куда Байрон прибыл из Кефалонии. Здесь Байрон скончался от изнурительной болотной лихорадки 19 апреля 1824 года. В мае того же года прах великого поэта был отправлен в Англию.

[4] Кефалония — самый большой из Ионических островов, расположенный у входа в Патрасский залив. Сюда именно впервые прибыл Байрон на своем корабле «Геркулес» из Италии.

[5] Патрас — греческий город на северном берегу Пелопонеса.

[6] Юсуф-паша — турецкий губернатор Патраса.

Выдержка из депеши поверенного в делах в Константинополе Минчиаки министру иностранных дел Нессельроде, 17/5 марта 1824 г., № 25

Граф,

...В Акарнании[1] в их[2] распоряжении, помимо Миссолонги, имеется еще две крепости — Текис и св. Георгия. Маврокордато находится в первом из этих пунктов, где, по соглашению с лордом Байроном и несколькими английскими офицерами, он формирует военные отряды, обучая их по европейскому образцу. Каждый солдат получает жалованье по двадцать пиастров в месяц. Недавно несколько английских судов грузили там некоторое количество боеприпасов и двести солдат; там также устроили литейный завод для отливки пушек и ядер...»

...Английское общество помощи грекам начинает проявлять свое влияние в Морее[3], но они хотят, кажется, действовать осторожнее, чем действовали до сих пор немецкие общества. Отмечают, что лорд Байрон привез с собой средства, не соответствующие средствам частного лица, что он сам следит за всеми расходами и оказывает помощь только тогда, когда она оправдана и неотложна.

Говорят, что несколько англичан хотят организовать в Афинах госпиталь, где всех больных будут принимать, лечить и кормить бесплатно. Полковник Стэнгоп должен был отправиться в Триполицу[4], чтобы договориться об организации регулярного почтового сообщения. Наконец указывают, что несколько других англичан объезжают Морею, но ограничиваются лишь наблюдением за положением вещей...

М. Минчиаки.

Выдержка из депеши поверенного в делах в Константинополе Минчиаки министру иностранных дел Нессельроде 11 апреля/30 марта 1824 г., № 35.

Граф,

...Утверждают, что лорд Байрон покинул Миссолонги с отрядом, доходящим до шести тысяч человек, и направился в Арту[5], но это сообщение нуждается в подтверждении. Он одет в албанский костюм и, повидимому, старается держаться соответственно греческим нравам и обычаям, чтобы приобрести популярность. Он получает от Ионических островов[6] помощь людьми и боеприпасами всякого рода.

М. Минчиаки.

---

[1] Акарнания — западная окраина северной Греции.

[2] Т. е. греков.

[3] Морея или Пелопонес, южная часть Греции, отделенная от центральной ее части Коринфским перешейком.

[4] Триполица — греческий город в центральной части Мореи.

[5] Арта — греческий город в Эпире.

[6] Ионические острова — группа островов на западе от Греции в Ионическом море. В 1815 году на Венском конгрессе были переданы Англии, которая установила над островами протекторат.

Выдержка из депеши поверенного в делах в Константинополе Минчиаки министру иностранных дел гр. Нессельроде, 27/15 апреля 1824 г., № 44.

Граф,

...По сведениям из Архипелага, раздоры и междуусобицы в Морее продолжаются. Колокотрони[1] и его приверженцы, хозяева Навплии[2] и Триполицы, не хотят признавать иного закона, как закон своей шпаги и находятся в состоянии открытой войны с законодательным корпусом, который, опираясь на три островные армии, осаждает первую из этих крепостей. Говорили о взятии Лепанто[3] лордом Байроном и Маврокордато, но это известие кажется преждевременно.

М. Минчиаки.

Выдержка из депеши поверенного в делах в Константинополе Минчиаки министру иностранных дел Нессельроде, 27/15 мая 1824 г., № 51.

Граф,

...Колокотрони сдался правительству, войска которого заняли 1 мая Навплию. Триполица и Коринф[4] сдались еще раньше. Но едва Греция почувствовала себя успокоившейся после столь долго раздиравших ее кровавых смут, как новые предательства готовились потрясти ее. Беспрестанные раздоры сулиотов[5] в Миссолонги вызвали, некоторое время тому назад, суровые меры против них. Сейчас один из главарей вступил в сношения с Омер-пашей[6], чтобы сдать ему крепость. Однако правительство, подозревая об этом, захватило бумаги некоего Константина Вульпиоли и нашло в них неопровержимые доказательства замыслов заговорщиков. Когда Маврокордато

---

[1] Колокотрони Федор (1770—1843), один из крупнейших вождей греческого восстания. Главнокомандующий всеми вооруженными силами Мореи в 1823 г. Вице-президент временного правительства Мореи.

[2] Навплия (романская) — город в Морее на берегу Арголидского залива, важнейший порт Греции. Навплия — первая столица освобожденной Греции.

[3] Лепанто — город у Коринфского залива, стоянка турецкого флота во время греческого восстания.

[4] Коринф — город на юге Коринфского залива.

[5] Сулиоты — греко-албанское горное племя, принимавшее участие в борьбе против турок. Из сулиотов Байрон организовал трехтысячный отряд для похода на Лепанто. Недовольные бытовыми условиями сулиоты предъявляли требование об увеличении жалованья, выражали протесты, вследствие чего поход на Лепанто не состоялся.

[6] Омер-паша — Михаил Латош, сын австро-хорватского офицера, перешедший на службу турецкой армии, принявший ислам под именем Омер-паша. Был адъютантом Хозрева-паши — преобразователя турецкой армии.

и Боцарис[1] решили схватить главарей, сулиоты напали на Миссолонги.

В течение нескольких часов на улицах шел бой. В конце концов правительство одержало верх. Сулиоты были отброшены, а турецкий корпус, находившийся уже на пути (к Миссолонги) был полностью разбит греками под командой капитана Зангара. Во время этих смут лорд Байрон, который был тяжело болен, должен был вместе с англичанами забаррикадироваться в своем доме. Скорбь, причиненная ему видом того, как мешают успеху его дела те, ради которых он пожертвовал своим состоянием и рисковал жизнью, ускорила после этого его кончину. Говорят, что Маврокордато бежал в Занте [1] и решил уехать в Италию...»

М. Минчиаки.

Выдержка из депеши поверенного в делах в Константинополе Минчиаки министру иностранных дел Нессельроде, 19 июня (1 июля) 1824 г., № 67.

Граф,

...Нет никаких точных сведений о греческом флоте. Говорят, что он готов; но он еще не появлялся в Архипелаге. Говорят, что главной причиной этой неактивности является недостаток в денежных средствах. Греки возлагали все свои надежды на займ в Англии, но со смертью лорда Байрона они будут лишены этого источника».

М. Минчиаки.

[1] Боцарис Марк — один из главных вождей греческого восстания. Мужественный защитник Миссолонги. Погиб при Карпенице в 1823 году. Его брат Константин Боцарис продолжал героическую защиту Миссолонги.

[1] Занте (Закинф) — остров с одноименным городом на нем. Принадлежит к группе Ионических островов.